

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ

*Т. И. Братченко,
кандидат исторических наук,
Московский государственный открытый университет (г. Москва)*

РОССИЙСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Сегодня, когда российская экономика никак не может выйти из системного кризиса, когда страна вторично переживает этап первоначального накопления капитала и «дикого капитализма», самое время вспомнить, что Россия к 1917 г. накопила богатый опыт предпринимательства. Именно благодаря ему, а также эффективно проводимым реформам, экономика России в конце XIX — начале XX в. переживала небывалый подъем. Этот богатейший и во многом поучительный и сегодня опыт развития российской экономики и предпринимательства было бы полезно учесть при строительстве нынешней обновляемой России.

Российские предприниматели были людьми разных национальностей, происходили из разных сословий и социальных слоев — дворянства, купечества, крестьянства, мещанства и духовенства, из среды казачества. Среди них было, и немало, выходцев из бедных слоев общества. Почти все они прошли непростой, тернистый, длительный путь, на котором их поджидали успехи и поражения. Однако российские предприниматели не только много и упорно трудились, стремясь нажить богатство, но и самоутверждались как личности. Они занимались благотворительностью, меценатством, работали на общественных началах в органах местного самоуправления, земствах, профессиональных предпринимательских органах.

Российские предприниматели к началу XX в. имели 150 своих профессиональных организаций, вступавших в те или иные контакты с государством, участвовали в деятельности разнообразных комиссий, советов, способствуя разработке долгосрочной экономической стратегии российского государства.

Нельзя не отметить также, что они были подлинными патриотами России, своими деяниями способствуя процветанию Отечества. Многие из них думали и поступали, как купец П.М. Третьяков, основатель Третьяковской галереи: «Моя идея, — писал он своей дочери, — была с самых юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо специальных учреждениях; мысль эта не покидала меня никогда во всю жизнь»¹.

В 30-х гг. XX в. в России начался промышленный переворот, особенно усилившийся после отмены крепостного права в стране, тормозившего развитие капитализма вглубь и шире. Развиваясь промышленность требовала больше сырья, рабочих рук на рынке рабочей силы, новых капиталов. Отсюда и заинтересованность городов в росте товарности сельского хозяйства. Да и сам процесс первоначального накопления капиталов в немалой степени зависел от этого. Так, росли торговые прибыли, например, за счет вывоза хлеба за границу. Благодаря аграрной реформе П.А. Столыпина — великого реформатора России — в 1909 г. был собран рекордный урожай зерновых в России, страна вышла на 1-е место в мире по этому показателю, и на экспорт шло 25 — 30 % зерна. В 1913 г. заграничный сбыт пшеницы достиг 647,8 млн. пудов (против 548,4 млн пудов в 1912 г.)². О путях развития российской экономики много спорили и в XIX в. Наиболее дальновидные предприниматели понимали, что надо развивать в России не только промышленность, но и сельское хозяйство. Купец С.Т. Морозов на Нижегородской ярмарке 1896 г. резонно заметил: «У нас много заботятся о хлебе, но мало о железе, а государство надо строить на железных балках».

Немаловажным источником средств для модернизации промышленности России и экономики в целом было развитие финансово-кредитной системы (включая кредитную кооперацию на селе, например, на производственные цели, а это вело к общему снижению цен не только на селе, но и в городах, что положительно сказывалось на уровне развития экономики в целом)³. Именно в пореформенную эпоху наблюдается усиленное развитие банковского дела в стране. У истоков «Общества взаимного кредита» в Петербурге стояли известные российские предприниматели и купцы В.И. Ламанский, Г.В. Елисеев, И.А. Смирнов и др.

При участии Государственного банка России создается Петербургский частный коммерческий банк со складочным капиталом 10 млн, а к 1914 г. — в 40 млн руб.; его акционерами состояли и ряд западноевропейских банкирских домов⁴. Это обстоятельство свидетельствовало об устойчивой экономической ситуации в России. Частный капитал в России хлынул в банковскую сферу с воцарением на престоле Александра II. Уже на рубеже 1860 — 70-х гг. в стране сложилась сеть акционерных кредитных учреждений из 35 коммерческих и 10 ипотечных земельных банков. Последние предоставляли кредиты под землю и недвижимость по 6 — 6,5 % годовых (в отличие от нынешних 15 — 25 % в валюте (!)). Положение о них было подписано еще в 1862 г., и их капитал не мог быть ниже 10 тыс. рублей. Создавались и городские банки, специализировавшиеся на выдаче ссуд под городскую недвижимость. Их было создано 317, и число таких банков росло. К началу Первой мировой войны банковская система России благодаря бурному экономическому подъему 1909 — 1913 гг. превратилась в наиболее динамичный сектор экономики. Так, 50 акционерных коммерческих банков с почти 800 отделениями и филиалами в 1914 г. по сумме активов превосходили главный казенный банк страны — Государственный — втрое⁵.

Были достигнуты оздоровление финансовой системы и реорганизация Госбанка, благодаря денежной реформе, подготовленной предыдущими министрами финансов России — Н. Бунге, А. Вышнеградским, успешно и эффективно проведенной новым министром С.Ю. Витте, в 1897 г. российский золотой рубль стал конвертируемой валютой. Эта реформа, как и другие, проведенные С.Ю. Витте, отвечала потребностям капиталистического развития страны, которая имела теперь устойчивую денежную единицу в отличие от обесценивавшихся бумажных денег. В России к началу Первой мировой войны, когда она вышла на 5-е место в мире по объему промышленного производства, а по годовым темпам роста промышленной продукции на душу населения (3,0 %) и прироста его численности (1,8 %) уступала только США, имелись такие крупнейшие банки (по сумме балансов), как Русско-Азиатский — 834,9 млн руб., Русский для внешней торговли — 628,4, Петербургский международный — 617,5, Азовско-Донской — 543,5. Русский торгово-промышленный — 496,2, Волжско-Камский — 424,7, Соеди-

ненный – 333,8; Сибирский торговый – 279,5; Московский купеческий – 279,5; Коммерческий – 217,4 млн. руб.⁶

У великого реформатора России Витте были противники – консерваторы С.Ф. Шаропов, А.Г. Щербатов, П.А. Палов, защищавшие бумажно-денежную систему с присущей ей инфляцией, что было выгодно помещикам-экспортерам, получавшим вывозные премии. Как известно, многие помещичьи хозяйства были отягощены долгами банкам, а расчеты по ним помещикам выгодно было вести в падающей валюте (при этом уменьшалось реальное содержание долговой суммы). С.Ю. Витте, будучи министром финансов, свои взгляды патриота-государственника, в том числе в вопросах развития экономики, изложил в труде «Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве» (1912 г.). Он всегда выступал как сторонник технического и экономического прогресса, писал о преимуществах свободного труда наемных работников перед несвободным трудом раба и крепостного крестьянина, об огромной значимости машин для производства, о технических и экономических преимуществах крупного хозяйства перед мелким. В отличие от консервативной части дворян, рассматривавших рост капиталистической промышленности и капиталистических монополий как конкурентов дворянским привилегиям, Витте проявил себя как сторонник развития крупной промышленности России, ее всесторонней модернизации, особенно машиностроения. В ее интересах он и провел финансовую реформу, не носившую, кстати, конфискационного характера, как все советские денежные реформы после революции. Наблюдается и рост монополий, усиление концентрации производства и капитала, а рост и объединение уже существующих капиталов Витте оценивал как дальнейший шаг в области концентрации капиталов, способствовавших лучшему их использованию. Витте писал: «Создание своей собственной промышленности это и есть коренная не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольный камень нашей протекционистской системы»⁷. Подъему способствовало и увеличение объема операций коммерческих банков с частными ценными бумагами, и широко распространившееся ипотечное кредитование, а также привлечение иностранного капитала в Россию на взаимовыгодных условиях. Российские власти всячески способствовали достижению великой цели, образно сформулированной П.А. Столыпиным: «Нам нужна великая Россия!» Столыпин следовал за Витте, который писал о том же самом⁸.

Набирал силу процесс сращения промышленного и финансового капиталов, то есть российские банки финансировали отечественную экономику, а не вывозили капиталы за рубеж, что в сегодняшней России наблюдается «сплошь и рядом»: в 1990-е гг. из страны вывозилось от 30 до 60 млрд дол. в год!⁹ При поощрении государства российскими промышленниками, финансистами в начале XX в. создаются крупные финансово-промышленные группы. Так, примером такой успешной деятельности может служить Русско-Азиатский банк, один из крупнейших в тогдашней России, во главе с председателем правления А.И. Путиловым, имевший складочный капитал 45 млн руб. и представлявший настоящую империю из контролируемых им заводов (их было 8) и ряда трестов. К 1917 г. А.И. Путилов был членом правления в 40 успешно функционировавших подконтрольных компаниях. Финансово-промышленная группа Петербургского международного банка во главе с С.С. Хрулевым (складочный капитал составлял 60 млн руб.) контролировала работу машиностроительных заводов в Московской, Нижегородской губерниях, судостроительного предприятия в Н. Новгороде, Николаеве, а также ряд страховых, текстильных, золотодобывающих компаний и нефтедобычу¹⁰. Третий крупнейший банк России – Азовско-Донской – имел тесные связи с угольно-металлургической промышленностью Юга России, с известным нефтяным картелем «Нобель-Магут» и т.д. Он даже приобрел контрольный пакет Парижского банка Северных стран¹¹.

В то время российские банки не гнались за быстрыми сверхприбылями – в отличие от сегодняшних, а работали на длительную перспективу. Известный ученый-экономист И.К. Вабст, управлявший долгое время Московским купеческим банком, неоднократно указывал: «Банки – это прежде всего учреждения, содействующие торговле и промыш-

ленности, назначение их доставлять самые удобные и самые дешевые средства промышленности и облегчать торговые и кредитные сделки»¹². Эти взгляды, надо отметить, разделялись многими банкирами.

Однако проведенная в 1917 г. большевиками национализация банковской системы – фактически грабёж – полностью лишила капиталов не только предпринимателей, но и простых граждан бывшей Российской империи. И никакой компенсации никому не полагалось. Очевидна параллель с Россией 90–х гг. XX в. А конфисковывать было что: к 1917 г. в России было 5 000 т золотого запаса в слитках; 0,5 млрд золотых рублей граждане хранили в «чулках» накануне войны 1914 г. К тому же к лету 1919 г. в рамках проведения большевистской политики «экспроприации экспроприаторов» были экспропрированы и сейфы иностранных посольств в Петрограде и консульств в других российских городах на 13 млн золотых рублей. Плюс к тому ценности разграбленных дворцов, поместий, усадеб потянули еще на 2,83 млн золотых рублей»¹³. К вышеперечисленному надо присовокупить и конфискованные церковные ценности по декрету Совнаркома от 26 февраля 1922 г. на 2,5 млрд руб. золотом под предлогом борьбы с голодом, спровоцированным к тому же самими большевиками. Собственно, голодающим из этой суммы было направлено лишь 1 млн руб. (!)¹⁴. Промышленный переворот в России завершился в 80–е гг. XIX в. К этому времени уже произошло техническое перевооружение основных отраслей промышленности, ручной труд успешно вытеснялся машинным. В конце XIX в. в 3 раза увеличился объем продукции машиностроительной промышленности. Ускорение темпов экономического развития России после 1861 г. и последовавших буржуазно-либеральных реформ выразилось и в создании в 80–е гг. XIX в. монополий. Это свидетельствовало о том, что концентрация производства и капиталов в нашей стране шла параллельно со сходными процессами в странах Запада. Первая монополия «Союз рельсовых фабрикантов» была создана в 1882 г., всего через 10 лет после африканской монополии, положившей начало этому процессу. Союз объединил 5 заводов и контролировал выпуск 75 % всех рельсов в России. Эти монополии стали объединяться в союзы-синдикаты. Позже возникает синдикат «Врянск-Варшава», объединивший ряд металлургических заводов. В 1887 г. был создан синдикат российских сахарозаводчиков. В 90–е гг. создается ряд картелей, в том числе углепромышленников, в начале XX в. наблюдается их быстрый рост. Возникают крупнейшее в России и Европе «Продамет» – «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов» – с основным капиталом 900 тыс. руб., созданный в 1902 г. после одобрения и утверждения властями Устава Общества. В него входило 30 компаний, что составляло 90 % всех подобных заводов и более 85 % продажи черных металлов в России. «Продамет» успешно вытеснил многих конкурентов с российского рынка. При поддержке правительства также возникает и ряд других синдикатов в тяжелой промышленности – основе экономики, прежде всего – «Гвоздь», «Трубопродажа», «Продвагон», «Продпаровоз», «Медь», «Продутоль» и т.д. «Продвагон», «Гвоздь», например, держали под своим контролем от 90 до 97 % соответствующей продукции, производимой в России, картель «Нобель-Мазут» безраздельно господствовал в нефтяной промышленности, потеснив американских конкурентов – Рокфеллеров с их «Стандарт-Ойл».

Неудивительно, что успехи российской экономики констатировал уже в 1900 г. С.Ю. Вигте в своей Докладной записке Николаю II¹⁵. Об этом же говорилось в «Докладной записке Совета съездов представителей промышленности и торговли о мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса» (Петроград, 1914 г.)¹⁶. Внутреннее производство промышленного оборудования равнялось импорту. В 1913 г. прибыль фабричной промышленности составила 510 млн руб., мелких предпринимателей – 142 млн руб., торговая прибыль – 788 млн рублей, внешнеторговый оборот – 2,6 млрд рублей. Среднегодовые темпы роста промышленной продукции составляли в 1909 – 1913 гг. 9 %, в машиностроении – 13 %; добыча нефти с 1894 по 1914 г. увеличилась на 65 %, производство чугуна – на 50 %, железа и стали – на

224 ⁸⁷. В этом состояла огромная заслуга российских промышленников и предпринимателей. Доля иностранного капитала в российской экономике не превышала 36 %, внешний долг – 5 млрд руб. На Западе, впечатленном нашими успехами, заговорили о «русском чуде». Французский экономист Эдмон Тери в своей книге «Россия в 1914 году» писал: «...Ни один из европейских народов не достигал подобных результатов... К середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовых отношениях». Так, несомненно, и случилось бы, если бы не большевистский октябрьский переворот 1917 г.

Нельзя не упомянуть и о своеобразной конкуренции российских предпринимателей в борьбе за качество своей продукции. Государство всемерно поощряло их в этом, даруя привилегию носить высокое звание поставщика двора Его императорского величества. Некоторым жаловалось дворянство. Носитель титула «поставщик двора» имел в результате рекламу своих товаров, своей фирмы, налоговые льготы, приоритетное право на исполнение заказов государства. Так, известная фирма «Треугольник», снабжавшая всю Россию резиновой обувью, заключила контракт на поставку автомобильных шин для российской армии. Хлеб другого поставщика двора, московского булочника Ивана Филиппова, поставлялся из Москвы прямо в Зимний дворец (в Петербурге, кстати, его выпекать не получалось: «вода невсякая не годится», – открывал Филиппов секрет, когда его звали в столицу, и уезжал в Москву). И репутацией своей, как и другие поставщики двора, он очень дорожил. Для получения этого высокого звания предприниматель должен был в течение 8 лет производить продукцию самого высокого качества. А оно контролировалось весьма тщательно Министерством торговли и промышленности Российской империи. Поэтому в неписаной иерархии купеческой стоял на вершине уважения именно промышленник, фабрикант, потом шел купец, торговец, а внизу стоял человек, который давал деньги в рост⁸⁸.

Однако деятельность российских предпринимателей, финансистов не ограничивалась только их профессиональными интересами. Большое место в их жизни отводилось общественной благотворительной деятельности, меценатству. Так, «миллионщик» В.А. Кокорев финансировал открытие женской гимназии для славянских детей в Москве, открыл публичную картинную галерею – настоящий культурный комплекс, основал приют для русских живописцев в Тверской губернии. Другого русского купца, К.Т. Солдатенкова, долгие годы собиравшего картины русских художников – А.И. Иванова, К. Брюллова, Н.Е. Ге, В. Тропинина, И. Айвазовского (он собрал около 230 картин), называли «другом и ревнителем просвещения». Его дача в Кунцево стала приютом многих художников. А после смерти по завещанию 100 тыс. рублей было передано бедным, 100 тыс. – Рогожской богадельне, 1,3 млн – на устройство бесплатного ремесленного училища для бедных и больницы (нынешняя Боткинская в Москве). Фабрикант и банкир П.М. Рябушинский устроил богадельню и столовую, а его сыновья активно создавали организации российских предпринимателей, издавали газету «Утро России», организовали научную экспедицию на Камчатку на свои средства, собрали коллекцию русских икон. Известный производитель стекла и хрусталя И.С. Мальцев учреждал школы, гимназии для своих мастеровых; 500 тыс. руб. завещал создаваемому во Владимире ремесленному училищу. Его сын С.И. Мальцев за свои заслуги в предпринимательской и общественной деятельности был избран почетным членом Общества содействия российской промышленности и торговле. Современники его называли создателем «Америки в России»: на основе накопленных в легкой промышленности (где быстрее оборот капиталов) он создавал современное машиностроение. Так, в Людинове на базе старого чугунолитейного производства Демидовых в 1841 г. построил первый в России рельсопрокатный завод. Машиностроительные заводы Мальцева стали выпускать первые российские паровые машины – в Туле и Петербурге, первые винтовые двигатели для русского флота, первые русские пароходы, ходившие по Волге, Днепру, Десне. Именно С.И. Мальцев выстроил и первую газовую печь мартеновской системы.

Кстати, на заводах Мальцева на трудных работах был установлен 8- часовой рабочий день (ранее, чем об этом заговорили в Западной Европе). Их родственник, Ю.С. Нечавев-Мальцев, был избран вице-президентом Императорского общества поощрения художников. Именно он стал главным спонсором (только первый его взнос составил 300 тыс. руб.) строящегося художественного музея им. Александра III (нынешнего музея им. А.С. Пушкина), на приобретение коллекций для него он пожертвовал 2,5 млн. руб.¹⁹ Купцов Бахрушиных называли «профессиональными благотворителями»: за их счет были построены и содержались больница, приют и колония для беспризорных, ремесленное училище, дом престарелых артистов, музей народных промыслов и т.д.²⁰ За 1865–1904 гг. Московская городская дума получила пожертвования от благотворителей на сумму 30 млн руб. от русских предпринимателей и финансистов²¹. Известный железнодорожный фабрикант, банкир Л.С.Поляков на свои средства содержал ремесленные училища в Орле, Москве, был почитаемым приюта, учредил ряд стипендий для московских студентов, более 20 тыс. руб. он выделил И.В. Цветаеву для греческого зала в создаваемом им музее²², а его брат Я.С. Поляков в годы Русско-турецкой войны открыл лазарет для воинов в Таганроге. И подобные примеры можно продолжать²³.

Государство ценило заслуги российских предпринимателей, возводя многих из них в дворянское достоинство. Так, в XIX в. был возведен в дворянское звание известный строитель железных дорог П.И. Губонин, в 1912 г., например, владелец получившей всемирную известность Трехгорной мануфактуры Н.И. Прохоров и его потомки. Некоторые получали генеральские чины и иные почетные звания, жертвуя свои коллекции обществу (П.И. Шукин, А.А. Титов, А.А. Бахрушин)²⁴. Таким образом, отметим, что политика протекционизма, государственной поддержки российского предпринимательства, государственного вмешательства в экономику в разумных пределах до 1917 г. давала очевидные положительные результаты. Интересы промышленников, банкиров, предпринимателей России и государства совпадали в их стремлении создавать «Великую Россию». Страна шла по пути общеевропейского, общечивилизованного развития. Перед российской экономикой, находившейся на подъеме в начале XX в., перед деловыми кругами с их профессиональной, благотворительной, меценатской деятельностью на пользу Отечеству открывались блестящие перспективы, которые были прерваны в октябре 1917 г.

Примечания

- ¹ Цит. по: **Болкина А.П.** Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1951. С. 236.
- ² См.: **Данилов А.А.** История России XX века. Справочные материалы. М., 1996. С. 36.
- ³ См.: **Чаянов А.** Краткий курс кооперации. Барнаул, 1989. С 29 – 30.
- ⁴ См.: Акционерно-паевые предприятия в России. М., 1914. С. 545.
- ⁵ См.: Аргументы и факты. 1998. № 37. С. 9.
- ⁶ См.: **Данилов А.А.** Указ. соч. С. 37.
- ⁷ **Витте С.Ю.** Воспоминания. М., 1966. Т. I. С. 22.
- ⁸ См.: **Витте С.Ю.** Указ. соч. Там же.
- ⁹ См.: Известия, 2001. 13 июня.
- ¹⁰ См.: **Барышников М.Н.** История делового мира России. М., 1994. С. 186 – 188.
- ¹¹ Там же. С. 189.
- ¹² Цит. по: **Барышников М.Н.** Указ. соч. С. 169 – 170.
- ¹³ Известия. 1999. 15 мая.
- ¹⁴ **Данилов А.А.** Указ. соч. С. 197.
- ¹⁵ См.: Политическая история XX века. Сборник документов и материалов. М., 1991. Вып. 1. С. 63.
- ¹⁶ См.: **Данилов А.А.** Указ. соч. С. 33 – 34.
- ¹⁷ См.: **Иванов В.Ф.** Русская интеллигенция и мASONство. М., 1997. С. 37 – 38.
- ¹⁸ См.: **Платонов О.А.** 1000 лет русского предпринимательства. М., 1995. С. 72.
- ¹⁹ См.: **Гавлин М.** Российские Медици М., 1996. С. 46 – 48, 75, 80 – 81, 189 – 190.
- ²⁰ См.: **Бурдэкин П.А.** Москва купеческая. М., 1991. С. 136 – 137.
- ²¹ См.: **Барышников М.Н.** Указ. соч. С. 113.
- ²² См.: **Божанов А.Н.** Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С. 34.
- ²³ Там же. С. 17.
- ²⁴ См.: История России. Ч. II. Расцвет и закат Российской империи (XIX – начало XX в.) / Ред. В.П. Дятченко. М., 1994. С. 133.

Н. В. Заварюхин,

доктор исторических наук,

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск)

ИЗ ИСТОРИИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПРИМОКШАНЯ

Русская промышленность в XVIII в., при поддержке императорской власти, развивалась в интересах армии и флота. Она базировалась в основном на крепостном труде. Исключением не являлись и металлургическая промышленность.

В лесостепной полосе, куда относилась и мордовская земля, имелись все необходимые условия для открытия металлургического производства. В бассейнах рек Мокши и Суры находятся богатые месторождения болотной и дерновой руды. Кроме того, были и залежи руд. В достаточном количестве здесь имелись леса, где заготавливалось необходимое количество древесного угля. Развитая речная сеть и сухопутные тракты соединяли этот регион с Москвой, Прибалтикой, южными районами. Этот фактор играл немаловажную роль в становлении здесь разнообразной промышленности, в том числе и металлургической. В этой отрасли появились вотчинные и посессионные заводы, использовавшие труд крепостных крестьян и наёмных работников¹.

В бассейне Мокши в XVIII в. быстро развивалась черная металлургия. В 1768 г. в Воронежской губернии насчитывалось 15 железоделательных заводов. На 10 доменных фабриках имелось 15 домен мощностью 251 287 пудов чугуна в год. Действовало 16 небольших молотовых фабрик. Они были оснащены 41 молотом и 80 горнами и потребляли в год 142 693 пуда железа, получаемого из чугуна здесь же. Наиболее крупными являлись Виндреевский завод Петра и Прокофия Баташевых, Унженский — Андрея и Ивана Баташевых, Авгорский и Сивиньский — Андрея Милякова, Инсарский — братьев Никоновых². Основной рабочей силой на них были приписные крестьяне. По сведениям 1766 г., на Авгорском и Сивиньском заводах их насчитывалось 342 души муж. пола, на Виндреевском — 142³. На промышленных предприятиях использовался труд и вольнонаемных рабочих. Так, в 1768 г. крепостной помещика Н.А. Микулина Яков Лаврентьев из с. Дубровки Темниковского уезда работал по найму кузнецом на Виндреевском заводе Баташевых⁴.

В период Крестьянской войны 1773 — 1775 гг. железоделательные заводы понесли огромные убытки. На Виндреевском заводе, например, ущерб составил 19 560 руб.⁵ Он не работал с 11 августа по 2 ноября 1774 г. По показаниям приказчика Михаила Никифорова, за этот период убытки равнялись 5 600 руб. «Вольным людям по контрактам» было роздано 4 065 руб. За эти деньги они были обязаны доставлять на завод руду, уголь «от домов своих». В Алатырском уезде в 1774 г. повстанцы разгромили заводы промышленника И.Ф. Красильникова. Убытки составили 35 266 руб.⁶ В итоге путчаевское восстание обошлось заводчикам более чем в 90 тыс. руб.⁷

На Рябкинском железоделательном заводе М.И. Шапкиной в 1774 г. встречались наемные работники из других городов. Так, «кузнешного цеху крестьянин» Иван Мизгирев был из Вологды⁸.

Кроме руды и леса, для металлургического производства требовались сотни пудов коровьей шерсти, пакли, дегтя. 15 сентября 1777 г. на Виндреевском заводе Баташевых произошел пожар. Сгорели, «знатно по зажегу», как пишет приказчик Семен Никитин, конюшня, сарай, 2 хлебных амбара, 21 лошадь, телеги, 200 ведер «дехтю, который приготовлен был к употреблению для заводских машин, 100 пудов пакли, 500 пудов коровьей шерсти». Убытки составили 4 465 руб.⁹

Строительство железоделательных заводов встречало отпор со стороны землевладельцев. Например, в ноябре 1754 г. Петр Баташев получил разрешение Берг-коллегии на сооружение такого завода в Темниковском уезде, где им была обнаружена железная руда. Эти места Баташевы взяли в аренду у крестьян разных селений. Но строитель-

ство завода откладывалось из-за противодействия помещика Ершова, который захватил эти земли и построил на них мельницу¹⁰.

Кроме купцов, в Примокшанье строили заводы и помещики. Так, коллежский асессор Е. В. Разнатовский в 1774 г. добивался разрешения открыть в своих дачах – с. Коврес Кадомского уезда на реке Илеве «железный вододействующий завод с двумя домнами и шестью действующими молотами». Место для завода осмотрел и одобрил посланный от Берг-коллегии унтер-шхтмейстер Хилковский. Пробы руды, взятые на 10 приисках, показали, что в ней содержится 47,0 % железа. Кроме того, здесь были значительные лесные ресурсы. Согласно запланированной мощности завода для его работы требовалось примерно 1 520 чел. У Разнатовского же во Владимирском, Кадомском и Касимовском уездах было лишь 614 душ муж. пола. Недостающее количество работников он намеревался купить у других помещиков и нанять в соседних селениях. Планы Разнатовского об открытии завода встретили отпор со стороны оберштаммейстера генерал-аншефа действительного камергера и кавалера разных орденов П. И. Репнина. Его Еремшанский завод находился в с. Аносове Шацкого уезда всего в 67 км от места, где планировалось построить новый завод. В многочисленных челобитных он высказывал опасения о том, хватит ли руды и леса для функционирования заводов. Берг-коллегия еще раз исследовала территорию вокруг мордовских деревень Вертяново, Коломасово, Новоселки, Дудниково, Череватово и сошла опасения Репнина излишними. В результате Разнатовскому было дано разрешение на возведение завода¹¹. В это же время Вискунскому и Велетминскому заводам Андрея и Ивана Баташевых были отмежеваны значительные площади лесов арзамасской мордвы¹².

Глухое брожение, неподчинение режиму были повсеместными. Поэтому, когда осенью 1773 г. донской казак Емельян Пугачев выступил на реке Яик под именем Петра III против официальной власти, появились самые разноречивые толкования происходящего. Работные люди заводов и крестьяне не доверяли информации, исходящей от служителей канцелярий. Они сами пытались получить достоверные сведения. Так, крестьяне одного из крупных селений Кадомского уезда – с. Каврес, принадлежавшего помещице Н. А. Измайловой, и работные люди железодельного завода А. Р. Баташева на своих сходах зимой 1774 г. решили направить в зону военных действий на Среднюю Волгу наблюдателей. Выбор пал на Козьму Сокова, купленного А. Р. Баташевым у Н. А. Измайловой, и крестьянина с. Каврес Сергея Саньгина. На поездку им было собрано 18 руб. и даны лошади. В путь двинулись без письменного разрешения «за отречение от написания того села священника». Добыв в Саратове первые сведения, Сергей Саньгин вернулся в свое село, а Козьма Соков остался для сбора новой информации. 22 марта в с. Воскресенском «у состоящей рогатки» он был пойман солдатами. Его допрашивали в Сызранской воеводской канцелярии, затем препроводили в Казань, а оттуда в с. Каврес. В село его везли 2 солдата. Согласно инструкции, его должны были наказать плетью «при собрании всех жителей»¹³.

В ходе войны территории Присурья и Примокшанья был нанесен огромный урон. Физически уничтожены не менее 1,5 тыс. помещиков и членов их семей, много чиновников канцелярий, воевод. Погибло в боях и репрессировано значительное количество крестьян и горожан. В ходе войны было уничтожено много материальных и культурных ценностей.

Одновременно в Примокшанье действовало несколько повстанческих отрядов. Одним из них командовал литейщик инсарского железодельного завода Савелий Мартинов. Со своими пешими и конными крестьянами он был в Краснослободске, некоторых помещичьих селениях, а также на железодельных заводах Баташева, Милякова, Шапкина, Троицкоострожском казенном винокуренном заводе. Вольшой отряд возглавил житель Инсара Василий Рубцов. В ходе действий отряд разделился на ряд мелких формирований, которые стали подчиняться атаману Михаилу Листратьеву и Спиридону Давыдову¹⁴.

В 70-х гг. промышленники Андрей и Иван Баташевы выполняли подряды для флота. На их заводах отливали пушки (некоторые весили до 300 пудов), снаряды разных калибров. В эти годы было изготовлено 360 волконей, 154 больших и 7 пробных пушек разных калибров для испытания. В 1775 г. они получили новый заказ — изготовить 800 пушек. В связи с этим Баташевы требовали приписать к заводам 1 200 крепостных, но правительство не торопилось удовлетворять их требование¹⁵.

В конце XVIII в. металлургия продолжала оставаться в тисках крепостничества. Несмотря на это мощность заводов была значительной. В Тамбовской губернии, например, в 1796 г. имелось 7 чугуноплавильных и железоделательных заводов мощностью 162 005 пудов, к ним было приписано 1 284 души муж. пола; в Нижегородской губернии работало 4 завода с 8 домнами и 40 молотами. В 1796 г. было получено 380 808 пудов чугуна. В мордовском крае в конце XVIII в. выплавлялась 1/10 часть чугуна, получаемого в России. Всего в 1796 г. насчитывались 171 партикулярный завод со 123 домнами и 203 молотами, к ним было приписано 71 686 крестьян; чугуна выплавлено 6 030 326 пудов, меди — 72 596 пудов¹⁶. Чугун и железо в XVIII в. являлись предметом экспорта. Английский купец Голден в 1731 г. купил в России 100 тыс. пудов железа¹⁷.

Примечания

¹ Заварюхин Н. В. Очерки по истории мордовского края периода феодализма. Саранск, 1993. С. 13, 88 — 90.

² ИГАДА, ф. 19, оп. 1, л. 105, л. 3 — 3 об.

³ Там же, ф. 453, оп. 1, д. 2095, л. 66 об.

⁴ Там же, ф. 585, оп. 4, д. 149, л. 31.

⁵ Там же, оп. 2, д. 593, л. 10.

⁶ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 511, л. 62.

⁷ Там же, ф. 585, оп. 2, д. 593, л. 148.

⁸ Там же, ф. 515, оп. 1, д. 575, л. 1 — 3.

⁹ Там же, ф. 585, оп. 4, д. 174, л. 40.

¹⁰ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 91, л. 1.

¹¹ Там же, ф. 495, оп. 1, д. 186, л. 1 — 4.

¹² Там же, л. 7.

¹³ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 467, л. 328 — 332.

¹⁴ Там же, ф. 515, оп. 1, д. 575, л. 1 — 3.

¹⁵ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 117, л. 1 — 2.

¹⁶ Там же, д. 103, л. 13 — 14.

¹⁷ Там же, д. 225, л. 130.

Н. М. Арсентьев,

доктор исторических наук,

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск);

С. В. Кузьмина,

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск)

ВЛИЯНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ НА РАЗВИТИЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Изучение российского предпринимательства в контексте индустриального наследия приводит нас к заключению, что сама фигура отечественного предпринимателя имела гораздо более широкие функции, чем это могло показаться сначала. Ведь он являлся и промышленником, организующим предприятия в реальном секторе экономики и купцом, реализующим свою продукцию на внутреннем и внешнем рынках. Эти два основных направления предпринимательской деятельности типичны для металлургической промышленности, поэтому они будут рассмотрены в нашей статье.

На рубеже XVII и XVIII в. назрели коренные изменения в экономике России. Решение важнейших задач, стоявших перед страной, требовало создания крупной отечественной металлургии, способной поставлять для нужд армии и флота вооружение и снаряжение. Так как отечественное предпринимательство на этом этапе истории находилось еще в зачаточном состоянии, главным предпринимателем российской металлургии становится само государство.

С начала XVIII в. Петр стал строить за казенный счет промышленные предприятия. По своей численности казенные мануфактуры составляли значительную группу — 43 % общего числа мануфактур, возникших при Петре. Таким образом, в развитие мануфактур при Петре I были вложены большие государственные средства. Ежегодные ассигнования на промышленное строительство составляли 8–10 % государственного бюджета, достигая в отдельные годы 20 %¹. Если учесть, что военные расходы поглощали от 60 до 80 % годового бюджета, можно признать, что ассигнования на строительство мануфактур были очень значительны для того времени. Следует отметить, что в большинстве случаев крупные мануфактуры создавались именно благодаря усилиям самого царя, а не русских предпринимателей.

Создавая казенные предприятия, государство затем очень часто передавало их в частные руки на различных условиях. Например, в 1702 г. Невьянский металлургический завод был отдан во владение Демидову в обмен на обязательства поставки в казну черного металла и изделий из него. Передача казенных предприятий в частные руки сыграла очень большую роль в привлечении частного капитала в промышленность. Получая готовые предприятия с постройками, оборудованием, рабочей силой и мастерами, частные предприниматели более уверенно вкладывали свои средства в эти мануфактуры, расширяли и укрепляли их. Таким образом, передача казенных мануфактур в частные руки как метод привлечения россиян к предпринимательской деятельности вполне оправдал себя. Но задача государства заключалась не только в этом. Широкая программа развития отечественной промышленности, намеченная Петром I, требовала более активного участия предприимчивых людей в строительстве новых заводов.

Желая достигнуть поставленной цели, правительство Петра I применяло целую систему мер поощрения. Были выписаны из-за границы за казенный счет материалы и оборудование для частных заводов. Широко использовались методы материального стимулирования предпринимателей. Им щедро предоставляли кредиты, иногда беспроцентные и даже фактически безвозвратные. Наряду с денежными ссудами правительство наделяло промышленников землями, богатыми недрами, лесами, где они становились полноправными хозяевами: «В XVIII в. происходит закрепление за заводовладельцами колоссальных земельных владений и установление фактической монополии горнозаводчиков на леса и недра в горнозаводском районе. На протяжении всего столетия это право не только сохранялось, но и расширялось»².

Государство даже пошло на ограничение прав землевладельцев. Если на их территории было обнаружено рудное месторождение, то они были обязаны предоставить эту территорию предпринимателю под строительство завода при соблюдении условия выплаты определенной компенсации из доходов производства.

Начиная с государственных субсидий и кончая заботой о снабжении сырьем и рабочей силой отечественных заводов, государство оберегало интересы своих предпринимателей. В результате поощрительных мероприятий удельный вес частных предприятий возрастал. К 1725 г. из 200 мануфактур 114 были частновладельческими.

Стремясь развить предпринимчивость, свободу промышленной инициативы, государство в то же время подчиняет их своей личной и самой широкой опеке. Ни одно решение, ни одно переустройство, даже самое мелочное, не могло быть совершено без соответствующего донесения в государственный орган: «Предприниматели находились под жестким контролем коллегии, которая выдавала разрешение строить заводы, устанавливала цены на продукцию, контролировала производство и сбыт, осуществляла

судебную и административную власть и над рабочими, и над заводоладельцами»³. От предпринимателей требовалось ежегодно доставлять в Мануфактур-коллегию образцы своих изделий, затем правительство устанавливало вид, форму, цены на те товары, которые поставлялись в казну и запрещались к продаже в розницу. Кроме того, предприниматель был обязан вносить в казну в качестве пошлины одну десятую часть произведенной продукции. Впоследствии эту пошлину оплачивали деньгами. Таким образом, предпринимательская инициатива в России строго регулировалась государством на основе материального стимулирования и экономического принуждения, по принципу кнута и пряника.

Экономический потенциал, созданный на этих началах, определил дальнейшее перспективное развитие России. В итоге принятых мер зависимость России от импорта или существенно сократилась, или прекратилась. Более того, Россия начала вывозить в зарубежные страны железо, высоко ценимое в Англии и Голландии: «в 1700 г., согласно данным московской таможни, в Россию из Швеции ввезли около 35 тыс. пуд. железа, а в 1726 г. только через Петербург и Ригу за границу продали более 55 тыс. пуд. русского железа»⁴.

Из приведенных данных можно сделать вывод, что возникшая мощная отечественная металлургия уже могла обеспечить полностью не только свои внутренние потребности, но и потребности других стран: «К концу царствования Петра в Екатеринбургском округе находилось 9 казенных и 12 частных заводов, железных и медных, из которых пять принадлежали Демидову. В 1718 г. на всех русских заводах, частных и казенных, выплавлено более 65 миллионов пудов чугуна и около 200 тысяч пудов меди. Такая минеральная добыча дала возможность Петру вооружить и флот, и полевую армию огнестрельным оружием из русского металла и русской выделки»⁵. Привлекая к производству государственные силы и частный капитал, была решена стратегическая задача государства по обеспечению политической и экономической безопасности России.

Сложившаяся обстановка в стране в немалой степени способствовала заметной активизации формирования зарождавшегося класса российских предпринимателей. В промышленную деятельность вовлекались представители торгового капитала, преуспевшие ремесленники, царские вельможи, дворянство. Среди первых частных предпринимателей-металлургов особенно выделяется тульский заводчик Никита Демидов, основатель многих первых уральских заводов. Стремительная карьера Никиты Демидова и его старшего сына Акинфия поражает воображение. Первый тульский демидовский завод появился в 1696 г., а ко времени кончины плавы крупнейшей в России династии горнозаводчиков заводы Демидовых давали половину чугуна и железа в империи.

Такой успех, конечно, был невозможен без покровительства самого государя-императора. Личное участие царя-реформатора в демидовском взлете несомненно: «1702-го марта в 4 день Великий Государь, сии выписки слушав и доношения тулянина Никиты Демидова, по именному своему государеву указу указал: Верхотурские железные заводы на Нейве реке... отдать во владение ему, Никите...»⁶. Кроме этого были и другие именные указы Петра I с новыми привилегиями и льготами для Демидовых, которые датируются 1703, 1704, 1705, 1707, 1709, 1711 гг.

В 1713 г. Никита Демидов стал главным поставщиком железных припасов для артиллерии, а в 1718 – для Адмиралтейства: «В 1718 года июля в 5 день Великий государь... Петр Алексеевич... будучи в Адмиралтейской военного морского флота канцелярии, указом именем своего царского величества указом тулянину Никите Демидову с Сибирских Невьянских заводов железо к Адмиралтейству ставить по образцам нынешнего 718 года с июля месяца впредь повсягодно, а с других никаких заводов железа к Адмиралтейству именованным его величества указом за невыгодностью принимать не велено...»⁷.

Демидовы оправдали доверие, возложенное на них императором. Железо, которое они поставляли для нужд русской армии, было превосходного качества. Поэтому нельзя

не признать, что демидовское железо сыграло важную роль в достижение победы России в Северной войне.

Старший сын и наследник Никиты Демидова, Акинфий, унаследовал от отца не только все его заводы, но и «деловую хватку». Большой знаток горнозаводского хозяйства, предприниматель и вельможа, получивший титул действительного статского советника, построил еще 17 новых заводов. Основывая новые заводы, он преследовал не только личные, но и государственные интересы. В итоге он имел 25 заводов с общим числом приписных крестьян 38 тыс. чел. мужского пола, выплавлявших почти 800 тыс. пудов чугуна. Сам Акинфий Никитич утверждал, что заводов «таковых великих и прибыточных во всей России, мно и в Швеции, едва обращается ли».

Он увеличил свое имущество в 1 000 раз. Именно Акинфий Никитич Демидов стал самым могущественным и богатым горнопромышленником, самым удачливым предпринимателем России. Д.Н. Мамин-Сибиряк, проследившая судьбу династии Демидовых, писал: «Знаменитый в летописях горного дела Акинфий Никитич... обладал какой-то неукротимой энергией, являясь чудо-богатырем XVIII века. Это был гордый и жестокый человек, исчерпавший вконец всю фамильную энергию. Им закончился творческий период, а дальше пошли уже наследники, люди бесхарактерные и бессильные. Громадный заводской округ, созданный кровавыми трудами Акинфия Демидовича, распался, и за фамилией Демидовых сохранились одни Тагильские заводы»⁸.

Богатство, слава и могущество Демидовых основывались на принадлежащих им крупных металлургических заводах, на экономической мощи созданного ими на Урале «горного гнезда». С конца XVII и в течение XVIII в. Демидовы построили 55 металлургических заводов, из них 40 — на Урале. Никита Демидов справедливо считал своей заслугой, что он «размножил и привел в доброе состояние» железные заводы.

Свою промышленную деятельность первые Демидовы рассматривали как трудовой подвиг, совершаемый ими для блага отечества. Об этом говорит, например, надгробная чугунная плита с надписью, на которую в свое время обратил внимание П.П. Важев. «..Человек сей переселился от сего суетного мира к господу от Р.Х. 1725 года ноября в 17 день... Никита Демидович... именовался чином до 1707 году кузнец и оружейного дела мастер, и в этом чину был 51 год, а потом за знатную службу его и за неуспынный его труд в произведении как железных и медных заводов, так и в пользу всему нашему российскому государству многих воинских и прочих припасов и кованого железа именным указом в комиссары пожалован и был в том чине даже до часу смерти его...»⁹

Его внук, Никита Акинфиевич, в письме в Берг-коллегию писал, что Демидовы «вступили в произведение и размножение заводов, употребляя в то великое свои труды и отвага на то весь свой капитал»¹⁰. Эту заслугу Демидовых официально признавало и государство. Акинфий Никитич был пожалован чином действительного статского советника с весьма примечательной формулировкой: «За тщательное произведение и размножение железных и медных заводов».

От тульских оружейников ведет свое происхождение еще одна крупная династия промышленников-металлургов — Максим Масолов с братьями Алексеем, Иваном и Иваном меньшим. В 1721 г. они владели только восемью ручными горнами. К началу 1730-х гг. они обладали уже двумя заводами, а ко второй половине 30-х гг. XVIII в. производственная мощность принадлежащих им предприятий достигала до 50 тыс. пудов чугуна в год. Впоследствии Масоловы стали крупнейшими производителями и экспортерами железа в России.

К 20-м гг. XVIII в. следует отнести начало промышленной деятельности тульского казенного кузнеца Ивана Баташева. В 1727 г. он обратился в Берг-коллегию с просьбой разрешить ему строительство нового завода в Медьском уезде. Этот завод стал базой для дальнейшего мощного развития предпринимательской деятельности рода Баташевых.

Особенного внимания заслуживает деятельность внуков Ивана Баташева, Андрея и Ивана. Обладая замечательными личностными качествами, такими, как огромная энер-

тия, «целовая хватка», целеустремленность и инициативность, Баташевы на основе накопленных предками капиталов значительно расширили и упрочили свое производство, добившись выдающегося результата. Вот как описывает Андрея Баташева Т. Толычов: «Он был человеком замечательного ума и непреклонной воли, ни перед кем не робел и не перед чем не останавливался. Для достижения цели все средства казались ему удобными, и он шел к ней неуклонно, какая бы дорога к ней не вела. Ему нужна была власть — он ее приобрел, нужны были миллионы — он их добыл. При сильных страстях, не обузданных воспитанием, он не признавал ни закона, ни правил и был из тех людей, о которых русский человек говорит, что им море по колено. С каждым днем он наживался правдой и неправдой и к первому своему заводу прибавил четырнадцать других»¹¹.

Благодаря своей блестящей предпринимательской деятельности Баташевы завоевали господствующее положение в металлургическом производстве центральной России. По-прежнему продолжали свою промышленную деятельность Меллеры. В первой половине XVIII в. они твердо удерживали второе место в производстве железа после Демидовых. Однако к середине столетия их постепенно вытесняют новые предпринимательские фамилии.

Кроме предприятий Демидовых, Баташевых и Масловых, в первой половине XVIII в. появляются еще несколько частных заводов. Так, восточнее старого промышленного района, в Шацкой провинции, в Краснослободском уезде Воронежской губернии в 20-х гг. было построено два завода. Владельцами их были купцы из крестьян — братья Тарас и Иван Мияляковы. В 1737 г. в провинции Переславля — Рязанского, в Пронском уезде, построил завод и сын гостевой сотни торгового человека А.Г. Чиряев. В 1744 г. крупный завод был построен известным купцом, ставшим затем коллежским ассессором, — Афанасием Гончаровым.

Дворянство России в первой половине XVIII в. было представлено двумя заводо-ладельцами. Первый из них — А.Л. Нарышкин — стал владельцем старых заводов в Каширском и Алексинском уездах. Вторым вотчинником, владевшим металлургическим заводом, был князь А.М. Черкасский.

Все вышеупомянутые предприниматели стали основателями металлургической промышленности России. Благодаря их деятельности произошло важнейшее событие в экономической истории нашей страны XVIII в. — превращение России в крупнейшую металлургическую державу. Предпринимательские инициативы промышленников петровской эпохи способствовали дальнейшему перспективному развитию отечественного производства.

Так, во второй половине XVIII в. целый ряд первостепенных купцов, таких, как откупщик Савва Яковлев, московские купцы Губины, Лугин, Кнауф, Турчанинов и другие, уже без всяких побуждений со стороны государства, сами извлекают свои капиталы из торговли, покупают и строят собственные доменные заводы и становятся производителями железа.

Например, в 1766 г. Прокопий Демидов продал Невьянский завод откупщику-миллионеру Савве Яковлеву. Это было первое родовое гнездо Демидовых. Именно после этой сделки Савва Яковлев становится крупнейшим «Сибирских железных заводов содержателем». Еще раньше Невьянских заводов Яковлев купил в 1764 г. Алапаевские, затем и Верх-Исетские заводы. В результате к концу своей жизни Савва Яковлев имел 22 завода, большинство которых купил, а несколько построил сам. После смерти Саввы Яковлева его наследство было также поделено, как и у Акинфия Демидова, между сыновьями. Алапаевскими заводами стал владеть его сын Сергей, Верх-Исетскими — Иван, Невьянскими — Петр совместно с детьми рано умершего Михаила.

Увеличение числа предпринимателей, выраввших своей специализацией металлургическое производство, способствовало росту производительной силы страны. Так, в период с 1751 по 1800 г. было построено уже 96 частных и только 5 казенных горных предприятий. На этих заводах происходит стремительное увеличение выплавки чугуна

и выковки железа. За 50 лет продукция чугуна выросла почти в пять раз, в том числе по казенным заводам, несмотря на раздачу большинства из них дворянам, — почти вдвое. Доля Демидовых в общем итоге выплавки чугуна частными заводчиками за этот период сократилась с 61 до 24 %. Зато доля купеческих предприятий в этой продукции возросла за тот же период почти на 37 %, в значительной части за счет заводов Демидова, проданных Яковлевым и Губиным¹². Таким образом, предпринимательская деятельность стимулировала экономический прогресс в нашей стране.

Заводы отечественных предпринимателей находились на передовом техническом уровне даже по европейским критериям. Так, например, демидовские доменные печи были крупнее, производительнее и экономичнее самых больших английских и лучших шведских домен того времени. Уже в 1734 г. одна из невянских домен могла выплавлять в сутки до 400 пудов чугуна, тогда как лучшие западно-европейские — от 72 до 183 пудов, а знаменитая шведская домна в Даннеборе — до 293 пудов. В середине XVIII в. на Невьянском заводе была построена двухметровая доменная печь (в то время во всем мире строились только однофурменные домны) высотой в 19 аршин (13,5 м) — «царь-домна», тогда самая большая в мире, способная выплавлять в сутки до 1 000 пудов чугуна.

Не обделенные талантами, российские предприниматели умели оценить и способности мастеров. Часто для повышения квалификации они отправляли своих работников на учебу в Европу. В качестве примера можно привести Ефима Черепанова, который самостоятельно соорудил паровую машину. В 1820 г. она уже приводила в движение токарные и сверлильные станки и работала весьма исправно. Об успехах природного механика Ефима Черепанова сообщили Демидову в Париж, где он принял разумное решение: природное дарование Черепанова полезно укрепить европейским опытом. Н.Н. Демидов отдал распоряжение отправить создателя паровой машины в Англию к своему комиссионеру в Гулле Э. Спенсу. Впоследствии Э. Спенс так отзовется о Черепанове: «Кажется, Черепанов обладает очень значительным природным талантом в области механики, и я не сомневаюсь, что его поездка в нашу страну будет иметь следствием улучшение выработки вашего сибирского железа, что чрезвычайно желательна...»¹³

Работа квалифицированных работников способствовала технической модернизации российского частного производства, так как «усовершенствование же выделки этих собственно предметов зависит, конечно, не от обилия или дешевизны металла, а от большей или меньшей степени искусства людей, выделкой этого занимающихся»¹⁴. Однако судьба многих крепостных механиков, которых предприниматели отправляли на учебу в Европу, оказалась трагичной. Они после возвращения на родные предприятия особенно мучительно переживали положение рабов, над которыми нередко издевались приказчики. Имелись случаи, когда часть из них кончала жизнь самоубийством, часть сгибалась, а некоторые сходили с ума.

Печальна и судьба их многих изобретений. Например, известно, что русский механик Ползунов изобрел свою паровую машину раньше Уатта, но в России того времени она оказалась просто не нужна, и о ней забыли. Очевидно, были забыты и многие другие несвоевременные изобретения. Таким образом, история с паровой машиной доказывает, что экономический прогресс возможен не только благодаря созданной цепи изобретений, а что он основывается на более глубоких, социально-экономических условиях развития общества.

Наша металлургическая промышленность, созданная благодаря государственной предпринимательской инициативе, приняв форму крепостной мануфактуры, была приспособлена к условиям феодализма, где крепостничество обеспечивало административное, принудительное внедрение мануфактур. Эта приспособленность, ставшая причиной начала депрессии металлургического производства в первой половине XIX в., в XVIII в. обеспечивала его подъем.

К сожалению, в большинстве своем наследники не унаследовали качества предпринимчивых основателей заводов. Для них заводы были лишь источником доходов. Они

редко появлялись на заводах, передавая все дела в руки управляющих. «Система управления через управляющих и приказчиков давала возможность для разного рода злоупотреблений, а вмешательство центральных органов власти порождало лишь безответственное отношение к служебным обязанностям. Заводское производство интересовало всех лишь с точки зрения личного обогащения. Многие заводовладельцы имели смутное представление о заводских делах, и их отношения с предприятиями ограничивались чаще всего получением денег из заводских касс да редкими справками о состоянии бюджета»¹⁵. Истощение промышленной инициативы стало важной причиной застоя металлургического производства в России в первой половине XIX в.

Еще одной причиной застоя являлся особый контроль и покровительство государства. Эта отрасль выполняла государственные заказы и подчинялась административному управлению. От конкуренции с иностранной продукцией государство защищало ее пошлинами, которые были вдвое выше цен самого металла. Если предприятие терпело убытки, государство поддерживало его субсидиями. Таким образом, заводчики чувствовали себя в полной безопасности и не утруждали себя заботой о модернизации своих предприятий. «Сочетание частного интереса и государственной поддержки послужило основанием быстрого расцвета металлургии в XVIII в., однако это же самое государственное регулирование в первой половине XIX в. подавило предпринимательскую инициативу»¹⁶.

Высокие таможенные пошлины, защищая русскую промышленность, не содействовали ее техническому прогрессу. Техническая отсталость металлургической промышленности обуславливала высокую себестоимость продукции: «В Англии чугунное литье продается по 60 копеек, а в Санкт-Петербурге местное изделие обходится по 150 копеек»¹⁷.

Это обстоятельство, в свою очередь, негативно сказывалось на покупательной способности россиян. Граф де Сент-Альдегонд, переживавший за состояние отечественной металлургии и знаток английского производства, высказался по поводу использования железа в России следующим образом: «В России, за исключением столиц, употребляют железо менее, нежели где-либо. Войдем к русскому крестьянину; что найдем у него? Деревянный дом, деревянную посуду; и что еще хуже, земледельческие орудия, в состав коих входит самая малейшая часть железа»¹⁸.

В этом аспекте весьма показателен ответ 30 купцов, занимающихся сбытом железа на Нижегородской ярмарке, министру финансов в 1852 г.: «Русские заводы, изобилуя рудами, лесом и водой, без сомнения могут увеличить количество выделяемого железа, но надобности в том в настоящее время нет, потому что производимого всеми русскими заводами железа до 8 миллионов или более пуд ежегодно достаточно для удовлетворения народных нужд»¹⁹. По мнению купцов середины XIX в., оказалось, что производимого в стране металла было вполне достаточно для строительства железных дорог, мостов, пароходов и просто необходимых в обиходе людей изделий, а главное для осуществления промышленного переворота в России. Однако как тогда можно объяснить то обстоятельство, что употребление железа в России нисколько не увеличилось за целое столетие, цены на него не снижались и «крестьяне, страшась высокой цены железа, не куют лошадей и повозок, употребляют лопаты и сохи деревянные, и тонятся за каждым куском железа, как за сокровищем»²⁰, а российское правительство было вынуждено отойти от меркантильной политики и разрешить ввоз дешевого английского металла.

Следует обратить внимание еще на одну деталь вышеприведенного документа: «Русские заводы, изобилуя рудами, лесом и водой...» — Это перечисление свидетельствует, что и в 1852 г. в стране широко использовался традиционный для XVIII в. метод добычи железа. Наступил XIX в., промышленная революция преобразила мир, а в России все еще продолжали употреблять в процессе производства железа древесный, а не каменный уголь.

Таким образом, господство крепостничества в металлургической промышленности тормозило ее механизацию. Крепостной труд был малопроизводителен, и широкое применение принудительного труда только задерживало рост горнозаводской промышленности России, несмотря на усиленную опеку и поддержку этой отрасли со стороны царского правительства.

Все же техника и там не стояла на месте. В первой половине XIX в. на многих заводах страны пудлингование заменило примитивное кричное производство, вошло горячее дутье, усовершенствовались прокатные станы: «В последние десять лет (1852 – 1853 гг.) почти все владельцы, за немногим исключением, деятельно занимаются улучшением заводов и усваивают полезные изобретения в металлургическом и фабрикационном отношениях, на частных заводах многое введено по примеру казенных, нанимаются иностранцы или известные опытною и искусством соотечественники, которым заводчики платят огромное жалование и жертвуют значительными капиталами на постройки, по новым методам свойственных, на приобретение машин»²¹.

Особенно усиленно прошло техническое переоснащение в центральных районах страны, где оскудение лесов вызвало недостаток топлива, приведший к необходимости модернизировать производство на английский манер: «они стимулировали техническое перевооружение производства, которое на замосковных заводах происходило более быстрыми темпами и порой выгодно отличало их от заводов Урала»²².

Однако принятие всех этих мер оказалось недостаточным для прогрессивного развития отечественного производства. Современники так отзывались о состоянии металлургической промышленности в середине XIX в.: «Железодельная промышленность в последние 25 лет подверглась столь важным преобразованиям как в Англии, так и на материке Европы вследствие многообразных изобретений в способах плавки чугуна и обжигания железа, что ничего ныне удивительного, если сим способом воспользовались отчасти и наши заводчики. Бесспорно, что многие из главнейших между ними, движимые похвальною деятельностью, сделали заметные успехи, но известно, что кроме таких частных случаев, отрасль сия, в общем ее виде находится еще в весьма неудовлетворительном состоянии»²³.

Состояние депрессии прочно охватило металлургическую промышленность. За первую половину XIX в. производство чугуна выросло лишь в два раза – с 9 до 18 млн. пудов, а в это же время Англия увеличила производство чугуна в 30 раз. Доля России в мировой металлургии сократилась с 12 % в 1830 г. до 4 % в 1850 г. По уровню развития металлургии Россия отставала в первой половине XIX в. от многих западноевропейских государств. Если в XVIII в. по металлургической промышленности Россия занимала одно из первых мест в мире, то накануне реформы 1861 г. в стране производилось чугуна в 10 раз меньше, чем в Англии. В течение первой половины XIX в. Россия отставала по производству чугуна от США и Франции, а в 50-х гг. – и от Германии.

Это был результат технической отсталости, низкой производительности труда крепостных работников и пассивной деятельности предпринимателей. Российская металлургия выживала только благодаря жесткой системе таможенных тарифов на ввоз черных металлов.

Таким образом, во вторую половину XIX в. Россия вступила с весьма печальными результатами развития металлургической промышленности. Все понимали, что эта отрасль нуждается в проведении серьезных преобразований. Однако частные промышленные и торговые инициативы, основывавшиеся на общественных отношениях, которые сложились в России, не соответствовали уровню развития современного общества, поэтому были не способны оживить металлургическое производство в стране.

Но каким противоречивым не казался бы образ российского коммерсанта, нельзя не признать огромного вклада отечественного предпринимательства в становление и раз-

витие российской металлургической промышленности. Результатом предпринимательской деятельности стало создание экономической мощи страны, которая способствовала росту престижа России на международном экономическом рынке. Благодаря таким людям, «жизнью Отечеству служить обязанным», Россия к концу XVIII в. стала мировым экспортером железа»²⁴.

Петровские реформы и последующая деятельность его преемников имели весьма долговременные последствия в государственном строе, экономике, внешнеторговых отношениях России. Существенное влияние оказали эти преобразования и на степень экономической свободы россиян, на их предпринимательскую активность. Совершенный Россией скачок в металлургическом производстве был невозможен без предпринимательской инициативы. Обладая замечательными качествами целеустремленности, предприниматели находились в постоянном, почти непрерывном движении. Их натура «жаждала» напряженной деятельности и не терпела остановок «до самого смертного часа». Они были изворотливыми, часто жестокими, но при этом предприимчивыми, умными, обладавшими всеми качествами дельца того времени. Учитывая данную специфику осуществления самореализации отечественных промышленников современному исследователю необходимо выделять основные направления предпринимательской инициативы и ее результаты.

Примечания

- ¹ Спиридонова Е.В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952. С. 86.
- ² Арсентьев Н.М., Дубодел А.М. Во славу России. Трудовая мотивация и образ отечественного предпринимателя конца XVIII – первой половины XIX века. М., 2002. С. 53 – 54.
- ³ Там же. С. 77.
- ⁴ Буланов В.И. Петр Великий и его время. М., 1989. С. 133.
- ⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории: Собр. соч. М., 1989. Т. 4. С. 111.
- ⁶ Цит. по: Шакинко И.М. Демидовы. Историческое повествование с портретами. Екатеринбург, 2000. С. 19.
- ⁷ Там же. С. 20.
- ⁸ Там же. С. 107.
- ⁹ Там же. С. 15.
- ¹⁰ РГАДА, ф. 1267, оп. 1, л. 24, л. 59.
- ¹¹ Арсентьев Н.М. Замосковский горный округ конца XVIII – первой половины XIX в. Саранск, 1998. С. 73.
- ¹² См. Остроумилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1. С. 201.
- ¹³ Шакинко И.М. Указ. раб. С. 188 – 189.
- ¹⁴ РГАДА, ф. 46, оп. 1, д. 1, л. 3.
- ¹⁵ Арсентьев Н.М. Указ. раб. С. 66.
- ¹⁶ Там же. С. 66.
- ¹⁷ Гагемейстер Ю. О торговле железом в России // Коммерческая газета. 1856. № 146.
- ¹⁸ Сент-Альдегонд. Металлургические записки об Англии и употреблении железа в том крае. СПб., 1836. С. 209.
- ¹⁹ РГАДА, ф. 46, оп. 1, д. 1, л. 8.
- ²⁰ Там же, ф. 869, оп.1, д. 181, л. 42.
- ²¹ Там же, ф. 46, оп. 1, л. 1, л. 4.
- ²² Арсентьев Н.М., Дубодел А.М. Указ. раб. С. 40.
- ²³ РГАДА, ф. 46, оп. 1, д. 1, л. 132 – 133.
- ²⁴ Арсентьев Н.М. Указ. раб. С. 37.

О. Б. Шапошникова,

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И МЕЦЕНАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАВОДОВЛАДЕЛЬЦЕВ МАЛЬЦОВЫХ

Современная Россия хранит множество памятников культурного наследия XIX в. Эпоха ранней индустриализации, благодаря умению и деловитости российских предпринимателей, инженеров, мастеров, заложила основы историко-культурных, научных и прочих достижений нынешней эпохи, которые входят в понятие «индустриальное наследие», как части культурного наследия. Предпринимательская и меценатская деятельность заводовладельцев была в числе факторов, повлиявших на процесс горообразования и на формирование общественно-культурной жизни русского города XIX в.

Среди заводовладельцев Центральной России по масштабам предпринимательской и меценатской деятельности семья Мальцовых прославилась многими принесшими славу Отечеству начинаниями. Династия Мальцовых имела долгий путь развития — от мелкопоместных дворян, купцов и мастеров оружейного дела до одной из богатейших дворянских фамилий, породнившихся с крупнейшими аристократическими родами. Ее члены были хозяевами громадных фабрично-заводских районов и входили в число крупнейших землевладельцев империи.

О древности их рода можно судить по записи в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи»: «Предок рода Мальцовых, Богдан Афанасьевич сын Мальцов, в 1635 году писан в десятке в числе дворян...» История же «стекольной империи» Мальцовых начинается с его правнука, рыльского купца постиной сотни Василия Васильевича (Большого) Мальцова. В 1724 г. Назар Дружинин из Гжатска и Сергей Аксенов из Калуги организовали под Москвой в Карачаевском и Можайском уездах стекольное дело. Василия Мальцова они приняли в «компанейщики». В 1730 г. после смерти основателей дела Василий остался единственным владельцем хрустальной фабрики в Можайском уезде. В 1746 г. сыновья Василия, орловские купцы Александр и Аким, вступив в права наследства, купили село Новое в Можайском уезде и стали строить новую фабрику. Однако возникло одно препятствие: указ Сената от 23 ноября 1747 г.: «Снести винокуренные, медные, железные и стекольные заводы в пределах г. Москвы и от Москвы в двухстах верстах». Для братьев это означало поиски новых земель для производства. В 1750 г. Александр перевел свою часть в Трубчевский уезд (ныне Брянская область). Аким же обосновался в 230 верстах от Москвы и в 90 верстах от Владимира. В Мещерском крае на речке Гусь он стал строить завод. Из-под Можайска сюда переселились мастера с семьями — «74 мужских и 82 женских души». Так было положено начало поселку и будущему городу. Позже Аким Мальцов с семейством «восстановился» в дворянском звании, которое устранило преграды для дальнейшего развития производства.

В 1785 г. Аким Мальцов умер. Его вклад в развитие мальцовского дела был чрезвычайно велик. При нем вместо небольшой сельской фабрики под Гжатском создаются новые, более крупные возле Владимира и Брянска, положившие начало обширным мальцовским владениям в этих местах. К началу XIX столетия Мальцовым принадлежало более 15 хрустально-стекольных заводов и ряд других производств.

В 1801 г. окончательно оформляются две главные ветви мальцовского рода, которые условно можно назвать по двум наиболее знаменитым стеклозаводам, находящимся во владении каждого из сыновей Акима Васильевича Мальцова, гусевской и дятковской. Обе группы заводов продолжили лучшие традиции мальцовского предпринимательства. Сергей Акимович Мальцов сосредоточил свои усилия на дальнейшем развитии стекольного производства. «Владимирские губернские ведомости» в 1817 г. с похвалой

писали о заводах гусевской группы, перешедших к нему. «Во Владимирской губернии заводов находятся хрустальные и стекольных 16. Но из самых лучших хрустальных и стекольных заводов почитается... гвардии корнета Сергея Мальцова. На нем бывает лучшая отделка различной хрустальной посуды, которая не уступает даже английской».

Иван Акимович Мальцов, получивший дятьковские заводы, начинает новые грандиозные проекты по превращению своих заводских владений в крупный промышленный район Центральной России, действующий на базе новых перспективных отраслей. Много сил уделяет он новой фабрике хрустала и посуды, открытой им в Дятькове, на Брянщине, и через несколько лет доводит ее производство до уровня, не уступающего предприятиям, принадлежащим его семье с середины века. Кроме того, в собственности Ивана Акимовича находились Людиновский железоделательный завод и экономия в Смоленской губернии, где он одним из первых в России начал производить сахар. К 1897 г. в хозяйстве Мальцовых было уже 9 сахарных заводов, на которых вырабатывалось 27 950 пудов сахара в год. Но данная отрасль не была главной статьей дохода в семье.

В 1820 г. Иван Акимович приобретает Людиновский и Сукремльский чугунолитейные заводы, расположенные рядом с его владениями, и закладывает начало мальцовскому металлургическому делу. Но предпринимательская деятельность Ивана Акимовича не ограничивается только центральными районами России: в 1828 г. он покупает в Крыму, в Симеизе, 30 десятин земли и устраивает здесь виноградники, фруктовые сады, плантации олив, строит заводы и огромный винный подвал. Тем самым было положено начало знаменитому крымскому владению – Массандровским винам.

После смерти Ивана Акимовича управление большим хозяйством берет в свои руки его сын Сергей, которому отец завещал, чтобы он, «будучи за столбом земли рудкой, внимательно зрел на машины и способы производства, изучал расчеты с работниками, заманивал в свою вотчину мастеров иностранных да ученых»¹. Последовав наказу родителя, Сергей Мальцов прославился как один из выдающихся организаторов промышленного дела в России, крупнейший землевладелец, полновластный хозяин огромного промышленного района в центральной части Европейской России, в котором он начал создавать внутри империи «свое государство» со столицей в Дятькове, «Манчестером и Ливерпулем» – в Людинове.

При Сергее Ивановиче начался расцвет машиностроения. В с. Людиново был построен и пущен рельсопрокатный завод, на котором в 1841 г. вышли первые русские рельсы, тем самым была подтверждена возможность рельсового производства в России. Мальцовским машиностроительным заводам принадлежат и другие достижения. На Людиновском производстве были сделаны первые в России паровые машины, первый винтовой двигатель для парохода, установленный на корвете «Воин», где он прослужил в полной исправности долгие годы, не говоря уже о русском пароходном деле, которое вообще зародилось на мальцовских заводах (именно там был построен первый пароход для Днепра и Десны).

В результате деятельности Сергея Ивановича производство в заводском округе не только расширилось в четыре раза, но и получило «отличительный характер самостоятельного национального производства, на которое были обращены взоры всего русского коммерческого и делового люда». Им было налажено производство кирпича, курение смолы, открыты столярные фабрики, пивоваренные и винокуренные заводы.

Одним из чудес мальцовской «империи» стала собственная железная дорога – в 1877 г. была пущена первая узкоколейка, с устройством которой в России стал известен особый, так называемый мальцовский тип железных дорог. Общий парк подвижного состава насчитывал 26 паровозов и почти 500 вагонов и платформ.

Инженер-изобретатель, автор статей о Сергее Ивановиче, Николай Петрович Мельников писал: «История почти всех производств России связана с именем Сергея Ивановича Мальцова... будь это в Париже, ему бы поставили памятник в назидание потомкам»².

По скромным подсчетам, уже тогда мальцовские заводы давали работу 25 тыс. чел. «В течение целого века служения отечественной промышленности разработка природных богатств и попечение о нуждах рабочего населения оставались в роде Мальцовых твердой семейной традицией», — говорилось во «Всеподданнейших докладах» Министерства финансов по особенной канцелярии³.

Усилиями нескольких поколений мальцовской династии, действовавших на протяжении XVIII — XIX столетий, был заложен крепкий фундамент будущей мальцовской промышленной империи, что послужило поводом к созданию довольно многочисленных «неземледельческих центров», которые, фактически выполняя экономические функции города, юридически оставались селами. Формирование промышленных селений было частью процесса городообразования. К моменту крестьянской реформы 1861 г., кроме крупных хозяйств в с. Дятково и Людиново, Мальцовым принадлежали еще 12 поселков. В районе было 25 больших заводов с ежегодным производством в 8 млн. руб., 14 мелких фабрик и заводов, 43 мельницы, 12 лесопилен, 12 кирпичных заводов с общей численностью рабочих 13 — 15 тыс. чел. Земельные угодья насчитывали до 200 тыс. десятин⁴.

Заводская деятельность оказывала большое влияние на производственную и культурную жизнь населения. Положение рабочих промышленных сел в структуре населения России XIX в. было сложным и противоречивым. По социально-экономическому складу их нельзя отнести к крестьянству. Они были мало связаны с землей, с сельскохозяйственной деятельностью. Это был особый социокультурный тип промышленного рабочего, включенный в систему сословных отношений царской России и условий жизни аграрной страны. Чем крупнее было производство, тем заметнее промышленное село приобретало черты города, начиная с архитектуры и завершая производственной общественно-культурной жизнью населения.

Даже по внешнему виду мастеровые резко отличались от крестьян окрестных сел и деревень. Для рабочих была установлена особая форма одежды, у подавляющего большинства были сапоги и часы. Вот как описывается население с. Дятково в одном из источников, датированном 1880 г.: «На улицах постоянное движение мастеровых и чернорабочих; особенную оживленность население отличается во время праздников, когда масса рабочего народа загроуживает улицы; все это пестрит всевозможными цветами; кроме рабочих, здесь много служащих и приезжих за покупкой хрустала. Мастеровые одеваются как мешане в уездных городах; женщины и девушки — в ситцевых или шерстяных платьях, с платком или косынкою на голове; мужчины — в суконных сюртуках или просто в цветных рубахах, на головах у всех картузы. Здесь вообще развита страсть к щегольству, и та же самая девушка, которую в будничные дни видели босою, работающей на фабрике, в праздник одевается в шерстяное новое или даже в шелковое платье»⁵. По сравнению с крестьянским населением у мальцовских рабочих наблюдался уже более высокий уровень потребностей: они привыкли «пить чай и заменять водку пивом»⁶.

Вообще население, проживающее на территории промышленного округа, существовало в основном на доходы, непосредственно связанные с промышленной деятельностью.

Что касается конкретных цифр по оплате труда, то в воспоминаниях современников весьма распространено мнение о высоких расценках работ на заводах округа. Так, К.К. Жерве, посетивший мальцовские владения, в своих воспоминаниях весьма благожелательно отзывался об уровне жизни рабочих с. Людиново: «На фабрике каждая вещь и каждый труд были оценены денежною стоимостью, и фабричные (рабочие), еженедельно получая заработную плату, ни о чем не заботились, так как казенные повинности, оброки и прочее помещик отбывал сам»⁷. Кроме того, рабочим предоставлялась в бесплатное пользование огородная усадебная и выгонная земля, благодаря чему проявлялась возможность заниматься опородничеством, садоводством и животноводством, что существенно повышало благосостояние семей. Топливо для своих жилищ рабочие получали бесплатно или по льготной цене.

Даже столкнувшись с многочисленными финансово-производственными трудностями, Сергей Иванович Мальцов проявлял заботу о «благополучии своих рабочих». В числе обязательств значилось следующее: «поддерживать в существующем виде больницы, аптеки и учебные заведения на заводах, а равно продолжать производившуюся прежде выдачу пенсий вдовам, сиротам и немощным рабочим.. из годового дохода, т.е. суммы, оставшейся за покрытием всех расходов, отдавать известный процент в капитал благотворительных сумм, как для содержания больниц, технического и других училищ, так и для учреждений новых подобных заведений и выдачи пенсий и пособий...»⁸.

Крупнейшим центром мальцовского промышленного района стало с. Людиново в Жиздренском уезде Калужской губернии, располагавшееся в 50 верстах от Брянска. Как заведено в России, все наиболее живописные местности принято сравнивать со Швейцарией. Не обделен был подобным сравнением и центр мальцовских владений: «Особенно красивым местоположением отличалось имение Людиново, лежащее на берегу живописного озера, по которому ходил пароход. Эта местность, окруженная заводами, мне несколько напоминала Нефшатель...» – писал в своих воспоминаниях Ф.Г. Тернер, посетив эти места⁹.

Не менее возвышенно и описание В. И. Немировича-Данченко «Далеко, далеко были видны окрестности завода.. Вон красивая Сукремень, вон серебристые извилины Болвы, яро бегущей по зеленым полям, то огибающей густые леса и словно прячущейся в их пустынную глушь и темень, то снова выбегающей на сочную понизь, чтобы разлиться по ней спокойным простором мирного плеса. А вокруг большого Людиновского озера, повитые золотистой дымкой солнечного света и сплошь ушедшие в поэтическую дрему, стоят себе зеленые рощи, точно облака к самой воде приникли и не могут от нее оторваться.. Хорошо, привольно. Привольно, хотя с низу доносится олушающая музыка труда – стук и грохот молотов, хрипение паровых машин, визг стальных пил, вьедаящихся в железо, шум воды, падающей в шлюзах...»¹⁰

Само же Людиново, напомним, по общему признанию, скорее заводские города, отличалось от села обилием каменных домов «Людиново больше другого уездного города. Оно все разбросано слободами. По берегу озера вытянулись двухэтажные дома, принадлежащие рабочим. Деревянные мешаются с каменными. Все обнаруживает доволство и зажиточность...»¹¹ В самом центре располагалась большая церковь, вмещавшая до 8 тыс. чел.

«..Озеро чисто.. Направо из заводских труб клубится дым. Там, в этой массе строений, стучит и бьется железное сердце этой громадной лаборатории труда и предпримчивости, бьются паровики-пульсы и по его бесчисленным жилам разгоняют пар в самые отдаленные закоулки...»¹²

В планировке и застройке Людинова большую роль играли водные пространства. Река, пруд были важнейшими элементами культурно-пространственной структуры заводского поселка как функционально-энергетический центр и как транспортная артерия.

Во всех генеральных планах мы наблюдаем архитектурную привязку к заводской плотине, прежде всего заводских корпусов, машины и механизмы которых действовали энергией воды, жилых зданий мастеровых, служящих, управляющих, механиков, а также господских домов. Образовывала этот пруд довольно сложная и масштабная система плотин и дамб.

Начиналось все производство в селе с двух доменных печей, купленных Мальцовым у Петра Демидова, который наладил выплавку чугуна из местных руд еще в 1769 г. и привез с Урала своих «мастеровых людей». Со временем завод стал самым крупным в мальцовских владениях – там проживало до 12 тыс. чел.

Первоначально производство ограничивалось лишь выработкой чугуна и железа, а позднее введена была и новая технология – пудлингование. В 1839 г. с одобрения отца Сергей Мальцов на базе старого чугуноного производства в Людиново основывает рельсопрокатный завод. Для этого была проделана огромная работа по реконструкции предприя-

тия. При заводе была сооружена большая плотина и образовалось водохранилище длиной 18 верст. Для заводского дела на плотине были установлены водяные колеса и турбины, построены доменные печи нового образца, построена первая прокатная мастерская.

К югу от Людинова, в Брянском уезде Орловской губернии, располагалось с. Дятьково — географический и административный центр района. Еще при Иване Акимовиче оно становится центром мальцовских владений. Деревня Дятьково и соседняя деревенька Чижовка слились с поселком, разросшимся близ хрустального завода. С завершением в 1810 г. строительства в Дятькове церкви приход был перенесен туда из с. Спасского. Дятьково стало именоваться селом. Там была построена главная контора по управлению всеми заводами, одновременно возведен двухэтажный господский дом.

Проезжавшие через мальцовские владения путешественники отмечали бросающуюся в глаза разницу «между здешними постройками и постройками крестьян соседних уездов. Особенно хороши постройки рабочих при самих заводах и фабриках: тут невозможно встретить дом с продавленной крышей или покосившийся на бок»¹³. Само Дятьково «похоже, скорее всего, на уездный городок средней России, чем на село, заброшенное в глуши и живущее только одним хрустальным производством: улицы широкие и ровные, дома или каменные двухэтажные, или же чистенькие и довольно красивые, чаще всего деревянные одноэтажные домики; в центре их каменная церковь прекрасной архитектуры. Все свидетельствует о порядке и довольстве»¹⁴. Даже в период наибольшего упадка округа Дятьково напоминало лучшую эпоху мальцовского дела. По описанию современника, в центре располагается «господский дом перед небольшим прудом. Величавая аллея вековых берез ведет к главному подъезду... Отсюда видна часть села с большою белую церквюю, стоящею на холме, и строениями гуты, из которых клубился дым, подымаясь прямо к безоблачному, ясному небу... Еще дальше виднелись каменные и деревянные дома местных крестьян, выстроенные на широкую ногу... Большие двухэтажные кирпичные здания больницы, конторы, магазина, две крестообразно пересекающиеся улицы, обставленные хорошими постройками, кучи детей на улицах, обилие воздуха и простора — производят чрезвычайно светлое впечатление после деревень, еще недавно мучивших душу своею неприглядною и безвыходною нищетою»¹⁵.

Кроме запруды, устроенной для турбин, работавших для завода и штифвен, через Дятьково бегут еще три реки: Ушланка, Жировка и Белая, «придающие летом много очарования этому пейзажу с густыми березовыми рощами посреди леса, с пышною каймою старого, кондового леса, подымающегося тут же за околицей».

Кроме дома Мальцовых, напоминавшего, по воспоминаниям очевидцев, не дом, а дворец с анфиладой комнат, зеркалами и хрусталем, в селе возвышались школа и такое же по величине здание больницы на 50 коек, где «пользовали бесплатно родственников рабочих и служащих». На площади располагалась красивая церковь с колоннадой, единственная не только в России, но, пожалуй, в мире, с хрустальным иконостасом и покрывами. Восьмым чудом света называли современники убранство церквей в Дятькове и Людинове.

Также современниками было оставлено немало свидетельств, содержащих восторженную оценку царившему на мальцовских предприятиях порядку и уровню жизни рабочих. Они отмечали, что «в Дятькове почти невозможно встретить неграмотного мужчину»¹⁶. На Людиновском заводе еще в начале 60-х гг. две трети рабочих были грамотными, и сами говорили: «На заводском деле народ всегда ученый». После 1861 г. большинство директоров, управляющих заводами и фабриками, за исключением нескольких инженеров, были бывшими крепостными Мальцова. Сергеем Ивановичем при заводах были устроены школы, которые он содержал исключительно на собственные деньги. Мальцов на деле показал, что грамотный рабочий лучше безграмотного, так как рабочие его заводов по умственному развитию стояли неизменно выше окружающей их массы безграмотного населения»¹⁷. В.И. Немирович-Данченко представлял владения С.И. Мальцова как особый район на карте русской промышленности, «...оазис

среди окружающего бездорожья и бескормиц». Говоря о сложившейся здесь системе социальных взаимоотношений, он характеризует ее как социальную гармонию: «...здесь нет роскоши и излишеств — нет нищеты, нет голодовок»¹⁸. Все рабочее население, по его мнению, жило «как у Христа за пазухой»: «Что такое другие наши заводские районы? Рассадники нищеты и центры пьянства и разврата, прежде всего. Приезжайте сюда, вы не встретите ни одного нищего, а пьяные разве в Людинове попадутся вам, да и то редко... Это не вырождающееся поколение, каким является население окрестностей, это — люди сильные и сытые»¹⁹.

Заводовладельцы, начиная строительство или реконструкцию того или иного заводского комплекса, всегда учитывали планировку поселений заводских рабочих и административно-технического персонала, расположение городской усадьбы, заводских магазинов, торговых лавок, гостиниц, общественных бань, харчевен, больниц, богаделен, церкви и т. д.

Ярким примером деятельности семьи Мальцовых в данной области является поселок Гусь-Хрустальный, с 1931 г. город, сначала районного подчинения, а с 1939 г. — областного. Первоначально поселок размещался в излучине р. Гусь, в которую впадала речка Дубровка. Гусь перекрыли плотиной, отчего с северной стороны образовалось искусственное озеро; вместе с рекой оно делило поселок на две половины: южную и северную. В южной части поселка находился хрустальный завод, бумагопрядильная и ткацкая фабрики. В самом центре этой половины поселка возвышалась Иоакиманская церковь 1816 г. Вокруг нее правильным прямоугольником располагались регулярные улицы с «мальцовскими домами», каждый на две семьи, и большими двух- и трехэтажными жилыми казармами для фабричных рабочих. В 1853 г. на перекрестке улиц Большой Акимановской и Первой Акимановской был построен фабричный «магазинный дом галантерейных, мануфактурных и съестных припасов» — торговые ряды на 20 отделений, с колоннами, галереями и балконами. Напротив стоял дом управляющего, с каменным низом и деревянным верхом. На окраине села находилась больница, которую М. П. Межецкий описывал так: «Для оказания медицинской помощи состоят три врача с достаточным числом фельдшеров и акушерок. Это большое двухэтажное здание, снабженное всем необходимым для удобного помещения больных».

По другую сторону пруда, до железнодорожного вокзала, к концу XIX в. выросла вторая, северная, половина поселка с таким же прямоугольным планом и регулярной сеткой улиц. В центре находился церковно-архитектурный ансамбль с Георгиевским собором, богадельней, домами причта, церковно-приходской школой. Георгиевский собор был похож на древнерусскую церковь с трапезной, с придельными церковками, с шатрами над колокольней и папертями, с галереями и крыльцами — все это в узорочье, наличниках, изразцах, белокаменной отделке, все сияет и переливается радужным светом, сверкает настоящей жемчужиной в довольно однообразном и будничном течении провинциальной жизни стеклодельческого села.

Говоря о социокультурных аспектах предпринимательства Мальцовых, нельзя не упомянуть еще об одной области их деятельности — меценатстве, получившем наиболее яркое выражение в делах фактически последнего представителя «гусевской» династии — Юрия Степановича Нечаева-Мальцова. За время управления промышленным хозяйством он показал себя не только как незаурядный предприниматель, но и как истинный ценитель и покровитель искусства, проявляя непосредственную заботу о нем. Своими пожертвованиями на нужды развития отечественной культуры и искусства он приобрел в общественных кругах имидж благотворителя и мецената.

В 1885 г. во Владимире им было основано техническое училище им. И. С. Мальцова — лучшее в Европе по техническому оснащению. В его постройку и оборудование было вложено 100 тыс. руб. Принцип обучения был весьма демократичен: в течение 5 лет здесь получали образование около 100 детей независимо от сословной принадлежности. Большое внимание уделялось новым специальностям, связанным с электричеством и

высокоточными технологиями. Обучавшиеся обеспечивались бесплатными обедами, форменными блузами и даже теплыми полушубками на зиму. Новая система классов — столов и досок, рекреационный зал, единственные в Европе учебные мастерские — все это позволяло отнести училище к числу самых передовых для своего времени²⁰.

Стремление Нечаева-Мальцова к созданию высокохудожественных архитектурных сооружений сказалось в его заказах на строительство церквей в Гусь-Хрустальном и с. Березовка. Храм Святого Георгия по проекту Л.Н. Венуа в Гусь-Хрустальном — здание грандиозное по замыслу и совершенное по исполнению. Сооружение храма обошлось предпринимателю в сумму около 2 млн руб.²¹ В Березовке была построена церковь в память «убиенных в Куликовской битве», о которой мечтал его отец. Церкви расписывал В. М. Васнецов, знаменитый мастер Фролов делал мозаики. Нечаева-Мальцова часто спрашивали, почему он не пожалел колоссальных средств для украшения фабричной и сельской церквей в глуши Владимирской губернии. «А отчего стоит город Орвиетто в Италии? Для посещения его собора ездят иностранцы из далека.. Будет время, когда художники и ценители русского искусства станут ездить и на наш Гусь..» — отвечал Нечаев-Мальцов.

Но все же лучшим памятником меценатской деятельности Ю.С. Нечаева-Мальцова явился Государственный Московский музей изящных искусств им. А.С. Пушкина на Волхонке, который сегодня по праву считается одним из крупных культурных центров России. И.В. Цветаев восторженно писал о Ю.С. Нечаеве-Мальцове: «Один такой покровитель Музея стоит мне целого десятка московских купцов и бар»²². Вклад мецената был колоссален: на его средства построена беломраморная (единственная в Москве) с гранитной облицовкой колоннада главного фасада; портик, украшенный фризами работы академика Гуго Залемана; сняты копии мозаичных панно собора Святого Марка в Венеции; оформление центральной парадной лестницы разноцветными породами венгерского мрамора. Поистине меценатским подвигом стала его поддержка музея после 1905 г., когда общество охладело к проекту. Он единолично взял на себя финансирование работ по его отделке. При этом затраты исчисляются в сумме свыше 2,5 млн руб. О щедрости главного покровителя музея И.В. Цветаев писал: «Юрий Степанович делал колоссальные по стоимости заказы.. далеко превысившие наши мечты и грезы.. эта щедрость русского аристократа телом и душой и этот благодушный и скромный тон широкого меценатства глубоко трогали меня.»²³

Особенности предпринимательской инициативы династии заводладельцев Мальцовых не следует рассматривать только с позиции социально-экономических отношений. Нельзя забывать также и о научно-технических и культурно-просветительских аспектах их деятельности. Только комплексный подход к этой проблематике приводит нас к расширенному пониманию феномена предпринимателей и меценатов династии Мальцовых как части культурного наследия индустриальной эпохи.

Примечания

- ¹ Кондаков Н.С., Лапшов И.А. Людиново. Калуга, 1963. С. 26.
- ² Парамонов О.В. Денежные знаки Мальцовского заводского округа в 19 веке. «Записки» Его Превосходительства С.И. Мальцова. М. 2001. С. 51.
- ³ Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861 — 1892 года). М. 1960. С. 231.
- ⁴ См.: Сахаров Н.В. Из воспоминаний о В. А. Арцимовиче // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания-характеристики. СПб., 1904. С. 484.
- ⁵ Сергей Иванович Мальцов и Мальцовское промышленно-торговое товарищество. СПб., 1880. С. 16 — 17.
- ⁶ Там же. С. 36.
- ⁷ Воспоминания Константина Карловича Жерве // Ист. вестн. 1898. № 7. С. 56.
- ⁸ Арсентьев Н.М., Макушев А.А. Хрустальные короли России: Промышленное хозяйство и предпринимательская деятельность Мальцовых в XVIII — XIX веках. М., 2002. С. 286 — 287.
- ⁹ Воспоминания жизни Ф.П. Тернера. СПб., 1911. С. 88.
- ¹⁰ Невмирович-Дачченко В.И. «Америка в России»// Рус. мысль. М., 1882. Кн. 17. С. 219.

¹¹ Там же. С. 122.

¹² Немирович-Данченко В.И. Указ соч. Кн. 4. С. 146.

¹³ Сергей Иванович Мальцов и Мальцовское промышленно-торговое товарищество. С. 34.

¹⁴ Там же. С. 15 – 16.

¹⁵ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. Кн. 2. С. 268.

¹⁶ Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1904. Кн. 2. С. 245.

¹⁷ См.: Восстановление народного хозяйства Брянской губернии (1921 – 1925): Сб. док. и материалов. Брянск, 1960. С. 614.

¹⁸ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. Кн. 12. С. 234.

¹⁹ Там же. С. 318 – 319.

²⁰ Предпринимательство и предприниматели России: от истоков до начала 20 века. М., 1997. С. 196.

²¹ Нечаев-Мальцов Ю.С. // Рус. слово. 1913. 8 окт.

²² ГМИИ им. А.С. Пушкина. Из архива ГМИИ. История создания музея в переписке профессора И.В. Цветаева с архитектором Р.И. Клейном и других документах (1896 – 1912). М., 1977. С. 256.

²³ И.В. Цветаев создает музей / Сост.: А.А. Демская, Л.М. Фирнова. М., 1995. С. 448.

Н. В. Венгер,

кандидат исторических наук,

Днепропетровский национальный университет (г. Днепропетровск)

ЭТНИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЮЖНО – УКРАИНСКИХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: МЕННОНИТСКИЙ КОМПОНЕНТ

В условиях такого масштабного государства, каковым была Российская империя, любое историческое явление, в том числе индустриализация, имело свое региональное преломление, свои особенности. Для украинских губерний Российской империи индустриализация являлась важнейшим экономическим «прорывом» в развитии региона, который позволил превратить отдаленные и сравнительно недавно приобретенные государством земли в один из движущих механизмов российской экономики. Как известно, одной из особенностей южно-российской индустриализации являлось достаточно активное участие иностранного капитала, преимущественно бельгийского, французского и немецкого. В данном исследовании речь пойдет о роли инонационального, но российского и колониального по происхождению предпринимательства в процессе модернизации и индустриализации южно-российских (Екатеринославской, Таврической и Херсонской) губерний.

Феномен этнического предпринимательства имел особое значение для развития украинских земель Российской империи, где в результате колонизации было сформировано компактное проживание отдельных религиозных и национальных групп. Колонизационная программа, инициированная правительством на рубеже XVIII – XIX столетий, предусматривала заселение территорий юга России (будущих Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерний) российскими и иностранными подданными. Для каждой из отдельных групп эмигрантов (евреев, болгар, французов, немцев) правительство разработало отдельную колонизационную стратегию. Особые надежды на освоение новых территорий власти связывали с хозяйственными навыками немецкоязычных общин меннонитов – потомков анабаптистского движения, возникшего в период реформации, переселенцев из Пруссии. В связи с этим на территории компактно расположенных групп меннонитских колоний (всего 124 поселения¹) был введен благоприятный экономический режим, который способствовал последующему интенсивному развитию предпринимательской деятельности и утверждению черт рыночной экономики на территории поселений еще до реформы отмены крепостного права². На наш взгляд, этот «предпринимательский бум» значительным образом повлиял на состояние всего региона в целом. Меннонитское предпринимательство было ак-

тивным субъектом модернизационных процессов и индустриализации юга Российской империи. Оно достаточно просто адаптировалось к новым экономическим реалиям, не только подстраиваясь, но и создавая их. Для того, чтобы понять причины успеха меннонитского предпринимательства в пореформенный период, необходимо очертить общую схему, абрис состояния данного явления в предшествующий период, во второй четверти XIX столетия.

Мы рассматриваем условия развития меннонитских колоний в первой половине XIX в. как «особую экономическую зону»³. Территориально она соответствовала местам компактного расселения меннонитов, территориям Хортицких (близ г. Екатеринослава и г. Александровска) и Молочанских (близ г. Бердянска и г. Мелитополя) колоний. Несмотря на различную территориальную локализацию, характер данной зоны в общих чертах был сходным. *Условиями появления и развития «особой зоны» являлись:* 1) таможенные и налоговые льготы начального этапа колонизации; 2) частная собственность на землю и развитие товарно-денежных отношений; 3) льготные условия для развития различных видов хозяйственной и предпринимательской деятельности, в том числе некоторые исключительные возможности кредитования⁴; 4) специальные органы надзора и управления над ограниченной территориями колоний зоной (Попечительный комитет и Опекунские конторы)⁵; 5) особое колониальное законодательство⁶. К середине XIX в. меннонитское предпринимательство было признано администрацией и населением поселений как один из легитимных (наряду с земледелием) видов хозяйственной деятельности. Для развития меннонитского предпринимательства были свойственны следующие качества:

предпринимательство на территории колоний играло определенную компенсаторную роль. Несмотря на то, что колонии изначально задумывались как аграрные, в условиях земельного кризиса значительный процент населения принимал участие либо в организации, либо имел отношение к деятельности отдельных предприятий. Напрямую с предпринимательством (по нашим подсчетам) было связано 10 % хозяйств⁷;

развитие предпринимательства было возможно лишь в условиях рыночной экономики, поэтому регион развития меннонитского предпринимательства был ограничен территориями поселений. В условиях особой зоны предпринимательство, которое имело некоторые возможности внутренней экспансии, обеспечивалось особым колониальным законодательством, было некоторое время, экономически мало зависимо от окружающих территорий;

на территории двух групп поселений выделялись крупные поселки, промышленное развитие которых в некотором случае не только приравнялось, но и порой опережало уровень промышленного развития городов. На территории Хортицких колоний это были селения Нойендорф, Хортица, Айнлаге, на территории Молочанских – селения Гальштадт, Орлово-Тиге, Руднервайде;

уже в первой половине XIX столетия выделились многочисленные, приоритетные для меннонитов направления промышленной деятельности: мукомольное производство, сельскохозяйственное машиностроение; кирпично-черепичное, пивоваренное производство, сукноделие. В контексте заявленной темы особый интерес представляет развитие мукомольного производства и сельскохозяйственного машиностроения;

кроме накопленного меннонитами практического опыта деятельности, на территории колоний формировались капиталы, которые могли быть использованы не только на развитие поселений, но и на подъем всего региона. Таким образом, в целом на территории меннонитских поселений, в некотором смысле, были заложены основы дальнейшего развития окружающих территорий.

Динамика развития меннонитского предпринимательства свидетельствовала о его успешности и эволюции. Меннонитская экономическая экспансия долгое время ограничивалась территориями колоний, но темпы развития меннонитского предпринимательства способны были обеспечить расширение региона влияния в перспективных экономических условиях второй половины столетия.

Промышленный переворот являлся своеобразной матрицей индустриализации. В условиях промышленного переворота и индустриализации меннонитское предпринимательство наиболее активно проявило себя в развитии сельскохозяйственного машиностроения. Именно на юге российской империи, в условиях близости международного рынка, товарное экспортное производство сельскохозяйственной продукции стало достаточно рано требовать применения вольнонаемного труда и техники – элементов капиталистической экономики⁸. С 1816 г. южно-украинские помещики дебатировали вопрос о выгоде машинного труда. Примерно в это же время были созданы первые российские конструкции плугов и сеялок, предпринимались попытки организации первых заводов в городах Кременчуге, Одессе, Ромны⁹. В 1840-х гг. XIX столетия на Украине появились первые машиностроительные заводы на Черниговщине, в Екатеринославе, Киеве, Херсонской губернии¹⁰. Несмотря на вышеперечисленные факторы, исследователи южно-российской экономики утверждали, что «капиталистическая техника разбилась о крепостную экономику и крепостную организацию хозяйства». В связи с этим мероприятия правительства первой половины столетия оказались малоэффективными: не хватало капиталов и свободного труда. Вторая проблема, которая также снижала темпы промышленного переворота в рассматриваемом регионе, была проблема внедрения. Как известно, процесс развития машиностроения часто останавливался на стадии изобретения, не находя рынка и производства. Меннонитам удавалось успешно преодолевать вышеперечисленные препятствия. На территории поселений органично сочетались важнейшие факторы, необходимые для развития сельскохозяйственного машиностроения: наличие крупного и мелкого землевладения фермерского типа; вольнонаемный труд; достаточное количество ремесленников, фактически кустарей, производителей и распространителей скопированной или модифицированной ими техники. В тот момент, когда в условиях крепостного права помещики делали ставку на крепостной труд, компенсируя недостаток сельскохозяйственного оборудования за счет трудоинтенсивности подневольного труда, меннониты, которые уже в первой половине столетия производили зерно на рынок, активно использовали различные приспособления и машины для земледелия. В 1840 г. на территории 43 меннонитских селений (995 хозяйств) были зарегистрированы 80 молотильных, 100 веятельных машин, а также 300 приспособлений – катков для молочения. В 1855 г. в собственности молочанских поселенцев находилось 2 110 плугов, 3 579 борон и 3 795 повозок¹¹. Журнал Министерства Государственных имуществ сообщал, что данная техника преимущественно производилась местными ремесленниками¹². Меннонитские ремесленники ремонтировали, копировали и даже модифицировали завезенную из Европы технику¹³. По сведениям на 1866 г. в колониях было изготовлено сельскохозяйственных орудий на сумму 99 227 руб.¹⁴ Характерно, что большая часть изделий (на сумму 61 862 руб.) была продана за пределы колоний (русским помещикам и крестьянам, купцам, а также ногайцам)¹⁵. Таким образом, уже в дореформенный период развития сельскохозяйственного машиностроения меннонитские колонии исполняли роль своеобразной показательной – пассионарной силы, и, как демонстрируют выше приведенные факты, оказывали прогрессивное влияние на сельскохозяйственное развитие, прежде всего, близлежащей периферии, а равно и южно-украинского региона в целом. Накопленный за названный период технический опыт способствовал тому, что в последующем меннонитские поселения стали базовыми территориями для развития отечественного машиностроения.

На начальном этапе использования техники о промышленном перевороте в регионе мы можем говорить весьма условно: несмотря на то, что он был обусловлен внутренним развитием промышленности, он осуществлялся главным образом путем переноса иностранной техники¹⁶. До 1853 г. на Украине в целом появилось около двух десятков механических заводов, которые изготавливали сельскохозяйственные орудия труда с общей стоимостью оборудования на них около 930 тыс. руб. Долгое время в Российской импе-

рии производилась преимущественно недорогая техника, поскольку ввиду недостатка сырья железное машиностроение было фактически невозможным. По этой причине правительство вынуждено было поощрять приток иностранной техники в Россию, и по таможенному тарифу 1850 г. ввоз машин иностранного производства не облагался налогом. Импорт машин непрерывно возрастал вплоть до 70-х гг. XIX в. В условиях возрастания продаж многочисленные европейские фирмы основывали на территории России склады и мастерские для обслуживания техники. После 1860 г. часть таких мастерских приступила к самостоятельному производству сельскохозяйственных машин. Таковым был наиболее распространенный путь образования отечественных фабрик сельскохозяйственного машиностроения¹⁷. В свою очередь, меннонитские предприниматели демонстрировали иной путь эволюции машиностроительного производства. Большинство меннонитских фабрик возникли на базе ранее действовавших ремесленных мастерских. Как правило, опыт, накопленный в других производствах, позволил справиться с этой непростой задачей. Так, Питер Лепп, в прошлом часовой мастер, приступивший к ремонту сельскохозяйственной техники, впервые стал известен в 1842 г. как изобретатель приспособления для рыхления грунта¹⁸. Прогрессивное развитие меннонитских предприятий данного типа проходило в направлении от ремесленного к домашнему производству и затем к фабрично-заводскому предпринятию. В этом отношении особенно показательными являются воспоминания Я. Нибура — основателя фабрики в Ольгофельде Таврической губернии: «В 1882 г. открыл мастерскую. Сначала работал с 2–3 подмастерьями, но, благодаря моим стараниям и поощрительному сбыту изделий, мастерская преобразилась в маленькую фабрику, где работало около 30-ти человек с помощью паровой машины... Устроил еще и литейное заведение»¹⁹. Фактически каждое из меннонитских предприятий прошли подобный эволюционный путь. На ранних этапах своего функционирования первые меннонитские машиностроительные предприятия являлись заведениями «домашней промышленности», или, как было определено в «Уставе о промышленности», «малыми фабриками и заводами», отличавшимися от настоящих мануфактурных заведений только меньшим размером, но при этом не имевшими ремесленного характера»²⁰.

Дальнейшим толчком для развития внутреннего производства сельскохозяйственных машин была реформа 1861 г. К этому времени страна уже была наводнена зарубежной, преимущественно английской техникой, которая не всегда соответствовала природным особенностям украинской почвы²¹. В результате этого многие машины либо простаивали, либо ломались. В этих условиях опыт меннонитских предпринимателей оказался весьма существенным.

Развитие сельскохозяйственного машиностроения в меннонитской традиции прошло самый органичный путь развития от ремесленной мастерской и предприятия домашней промышленности до крупнейшей в России фабрики. Успех данных предприятий обеспечивался преемственностью в передаче опыта, удачными экономическими условиями на территории поселений, которые выдвигали своего рода социальный заказ на развитие данной отрасли промышленности, а также настойчивым трудом нескольких поколений предпринимателей. В числе первых, заявивших о себе производством по созданию сельскохозяйственной техники на территории меннонитских колоний, следует упомянуть: завод П. Леппа на Хорлице (основан в 1850 г.), А. Копя (Хорлица, 1861 (63) г.). В 70-е гг. были основаны производства Гульдбрандта и Присса на Хорлице и Шенвизе, а также завод Нойфельда в Софиевке, заводы Янца и Классена в Сергеевке; предприятия Г.Г. Франца и П.П. Шредера (1880 г., Гальсштадт); И.Г. Нибура (1881 г., Ольгофельд); А.Я. и В.Я. Классен (1886 г., Кизляр); «Нейфельд и К» (1890 г. Вальдгайм, 1893 г., Сергеевка)²².

В результате быстрого развития машиностроения Украина в середине 80-х гг. XIX столетия производила 17 % Всероссийского выпуска машин. Здесь сформировались два района машиностроения всероссийского значения: Херсонско-Екатеринославский (8 % производства) и Киевско-Харьковский (6,5% производства). Общий анализ развития меннонитского предпринимательства на Украине во второй половине XIX в.

позволяет выделить несколько регионов меннонитского экономического влияния. В целом они соответствовали географическим рамкам расположения менонитских колоний (в том числе вновь образованных в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии Мемрикских и Нью-Йоркских поселений). Машиностроение получило распространение на территории двух основных регионов: 1) г. Екатеринослав – г. Александровск – колония Нью-Йорк; 2) Таврический регион (Молочанские менонитские колонии; города Вердянск, Орехов, Симферополь). Характеризуя роль Хортицкой волости (Екатеринославская губерния) в процессе развития сельскохозяйственного машиностроения империи В. Черняев писал: «Кто бы мог подумать, что в какой-нибудь немецкой колонии производится машин на 300 тыс. руб. Эта сумма превышает производство в Москве... Почти в каждом дворе мало-мальски зажиточного колониста можно найти трехкорпусный плуг, конные трабли, жатвенную машину и веялку, а у более зажиточного – молотилку». По данным на 1879 г. Хортица являлась третьим в России населенным пунктом по производству предприятий сельскохозяйственного машиностроения (после Варшавы (505 284 руб.) и Москвы (320 000 руб.)).

Источники позволяют подвести первые итоги развития меннонитского сельскохозяйственного машиностроения к 1900 г. В табл. 1 содержатся сведения о развитии менонитского машиностроения в Екатеринославской и Таврической губерниях²³

Таблица 1

Губерния	Всего предприятий с.-х. машиностроения (производительность)	Меннонитских (производительность)
Екатеринославская	26 (1 868 тыс. руб.)	17 (1 087 тыс. руб.) (более 58 %)
Таврическая	25 (1 819 тыс. руб.) (по сведениям 1895 г. ²⁴)	11 (около 54 %) (на 1897 г.)

Развитие машиностроительного производства в России исполняло функцию триггерного эффекта, то есть оказало влияние на процесс капиталистического становления государства. Находясь в основе этого процесса, процесса развития сельскохозяйственного машиностроения, что было особенно важно для хлебных губерний российской империи, меннонитское предпринимательство тем самым внесло неоспоримый вклад в развитие капиталистической индустриализации в России. В начале XX столетия крупнейшие машиностроительные меннонитские производства («Лепп и Вальман», «Янцен и Горохов») перешли к выпуску паровых и другого вида двигателей, а также станков для других машиностроительных предприятий. Фактически все крупные машиностроительные фабрики имели смежное металлургическое производство («Коп и Гелькер», «Лепп и Вальман»).

Другим важнейшим направлением, в котором проявили себя меннонитские предприниматели, являлось мукомольное производство. Рассматривать мукомольное производство в контексте индустриализации – непростая задача. Количество предприятий такого направления деятельности сложно поддается точному подсчету. Статистические сведения, представленные хотя бы в материалах фабрично-заводской статистики, крайне неполны и противоречивы. Большинство мукомольных предприятий даже в новых экономических условиях оставались мелкими и средними производствами. Среди владельцев по-настоящему крупных мельниц-гигантов на юге империи, чья деятельность основывалась на крупном машинном производстве, меннонитские предприниматели составляли значительную часть. Успехи развития мукомольного бизнеса «в менонитском исполнении» следует искать в начальных условиях колонизации, конфессиональных традициях жизнедеятельности конгрегаций²⁵. В дореформенный период на территории поселений накопился значительный опыт работы в мукомольном предпри-

нимательстве, сложились первые мукомольные династии: Нибуров, Диков (на территории Хортицкой группы колоний), Тиссенев, Тевсов (г. Екатеринослав), Вильмсов (Молочанск), Тиссенев (Херсон). Мукомольный бизнес был столь популярен у меннонитов, что из всех находившихся в их собственности предприятий 51,8 % составляли именно мельницы²⁶.

Взлет развития мукомольного производства на территории поселений во второй половине XIX столетия был вызван Крымской войной. Военные действия, проходившие на относительно близком расстоянии от групп меннонитских поселений, и необходимость продовольственного обеспечения российской армии привели к активизации производственного потенциала колоний. В условиях Русско-турецкой войны 1877 г. в мукомольном производстве намечаются явления промышленной «горячки» – грондерства. Выгодность помола на мельницах была столь высокой, что обеспечила скорое возвращение, в течение 3 – 4 лет, всех потраченных на организацию производства средств²⁷. Обратной стороной данного процесса явился кризис 1884 г., который привел к банкротству большого количества мельниц-«однодневок». В условиях экономических колебаний выжить смогли лишь те предприятия, которые наиболее чутко ощущали суть эпохи и были нацелены на инновации. Как и в случае с сельскохозяйственным машиностроением, меннонитские колонии становились инновационными центрами внедрения и апробации новых технологий в мукомольное производство.

Промышленный переворот привел прежде всего к повсеместному распространению паровых конструкций мельниц. Еще в 1845 г. в европейской части России было лишь три паровые мельницы, в 1856 – 1860 гг. – 11 таких предприятий, с 1861 по 1865 гг. – 20, 1866 по 1870 гг. – 25 мельниц²⁸. Меннониты были одними из первых предпринимателей, основавших данные предприятия в России. Владельцами первых паровых мельниц являлись Г. Тэвс (1867 г., кол. Розенталь); Г. Нибур (1872 г., кол. Хортица); П. Фаст (1879 г., кол. Хортица); И. Паульс (1879 г., кол. Айнлаге)²⁹. С начала 90-х гг. XIX столетия меннониты активно «осваивают» Бахмутский уезд, где было основано 13 паровых мельниц в так называемых Нью-Йоркских селениях. Не случайно последняя четверть столетия в меннонитской историографии именуется «эрой мельниц». На рубеже столетий в Хортицких поселениях насчитывалась 21 мельница, из них – 10 паровых. Если производительность ветряных мельниц составляла 25 – 80 пудов зерна в сутки, то паровой – 80 – 360 пудов³⁰. Из 9 паровых мельниц Бердянского уезда Таврической губернии 8 являлись меннонитскими (90 %), доля меннонитских мельниц в Мелитопольском уезде составляла 35 % (7 из 20)³¹.

В 1871 г. на территории Херсонского уезда Херсонской губернии была основана новая дочерняя группа меннонитских поселений. Меннонитами было основано три паровые мельницы. Вклад трех названных выше предприятий (из 164 в Херсонском уезде) в производство уезда был достаточно заметным. Общая сумма производимой продукции по трем меннонитским мельницам Херсонской губернии составляла 230 000 руб. в год. Это соответствовало 1/8 части производства по Херсонскому уезду в целом³².

Вальцы были изобретены в 1822 г. в Польше Марком Мюллером. Однако судьба вальцевого станка решалась непросто. Он с трудом внедрялся в производство, так как был сложен по конструкции, требовал квалифицированного обслуживания. В России первая вальцовая мельница появилась в 1858 г. в Казани³³. В начале 80-х гг. XIX в. вальцовая конструкция была апробирована на производстве Иогана Тиссена в Екатеринославе, а затем – Германа Нибура в Шенвизе³⁴. Строительство многоэтажных мельниц первыми начали американцы, которые являлись изобретателями элеватора³⁵. Меннонитские предприниматели, среди которых был и Герман Нибур, совершили не одно путешествие в Америку. Нибур был поражен красотой и мощью новейшей многоэтажной мельницы в Миннеаполисе. Результатом поездки явилось введение подобной системы на предприятиях на Хортице, Шенвизе, в г. Екатеринославе. Меннонитские мель-

ницы оснащались новейшим оборудованием: вальцевыми станками, рассеивателями, зерноочистительными машинами, механизмами для вертикального перемещения зерна и продуктами размола. Был сделан значительный шаг вперед по сравнению с так называемой мешковой мельницей, когда продукт помола «затаривался» в мешки и переносился вручную³⁶.

Герман Нибур являлся главой крупнейшей акционерной компании «Нибур и К^о», основанной 1895 г. В состав данного предприятия входило 11 мукомольных производств³⁷. Капитал предприятия составлял 3 000 000 руб.³⁸

В середине 80-х гг. XIX столетия, когда российская мукомольная промышленность в условиях возросшей конкуренции и перепроизводства испытывала необходимость увеличения экспорта, что было непростой политической задачей, меннониты — предприниматели данного региона — приняли участие в работе и организации Всероссийского съезда мукомолов. Иван Иванович Тиссен, купец I гильдии, комерц-советник, Потомственный почетный гражданин с 1908 г., владелец крупнейшего мукомольного предприятия в г. Екатеринославе, являлся членом Совета съездов мукомолов от южного района³⁹. 13 — 14 сентября 1910 г. в Екатеринославе был проведен съезд мукомолов, на котором присутствовало 50 делегатов⁴⁰. Таким образом, деятельность меннонитских предпринимателей в регионе носила активный характер. Это значит, что они не только использовали предоставленные им реформой и конкретно внутриэкономической ситуацией возможности, но и стремились влиять на ситуацию.

Достаточно сложной и, следует признать, на сегодняшний день малоразрешимой для добросовестных исследователей является проблема оценки информации о численности предприятий мукомольного производства в собственности меннонитов, их производительности и суммарной доле. Значительные трудности в оценке информации составляют объективные сложности недостатка и разнородности предоставленной в статистических сборниках информации. Поэтому остановимся на некоторых, наиболее проверенных статистических сведениях. С достаточно высокой степенью достоверности мы можем оценить данные о количестве мукомольных предприятий в Екатеринославской губернии (1901 г.) (табл. 2.).

Таблица 2

Губерния	Мукомольных производств (паровых)	Общая производительность (руб.)
Екатеринославская губерния (всего)	232	19 960 000
Меннонитских производств	64 (27,5 %)	7 493 000 (37,5%)

Более смелыми в своих расчетах относительно результатов развития мукомольных предприятий были меннониты. История колоний достаточно хорошо документирована самими меннонитами. Как показывает наш опыт работы с предоставляемыми ими статистическими сведениями, они, как правило, достаточно точны и достоверны. Поэтому мы приводим сведения, собранные в материалах меннонитских так называемых лесных команд — альтернативной военной службы, которая содержалась за счет налога, получаемого с отдельных поселян-собственников и владельцев предприятий. По сведениям «лесной службы», к 1908 г. на юге Украины в собственности меннонитов находилось 73 паровые и 105 меньшего масштаба мельниц. Их производительность составляла 51,8 % всего регионального производства муки (согласно сведениям лесничества — более 1,25 млн руб.)⁴¹. Представленные здесь сведения покажутся еще более существенными, если принять во внимание тот факт, что процент меннонитского населения (по сведениям Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.) в трех вышеназванных губерниях составлял около 1% (в Екатеринославской — 1,13 %; Таврической — 1,7 %; Херсонской — менее 1 %) ⁴².

Этническое предпринимательство было достаточно распространенным для России явлением. Его возникновение объясняется не только национальными и ментальными особенностями отдельных национальных групп, которые проявили себя в конкретном виде деятельности. Весьма существенное значение при этом имели органические историко-экономические и правовые условия жизнедеятельности, которые обеспечивались правительством для конкретной этнической группы. В рамках колонизационного проекта меннониты оказались в благоприятных экономических условиях, которые стали базой для дальнейшего роста династий. Поселянные один раз зерна (налоговые льготы и кредиты) давали всходы в течение всего периода существования династий. Важно также отметить личные деловые качества меннонитских предпринимателей (умение управлять капиталами и комбинировать их, готовность на риск и умение профессионально противостоять сопротивлению среды), были существенной составляющей их коллективного успеха.

Примечания

- ¹ См.: **Велидин А.А.** Немцы в России. СПб., 1893. С. 203.
- ² См.: **Венгер Н.В.** Аграрна колонізація? До питання про формування «особливої» економічної зони на території сільськогосподарських менонітських колоній Півдня України (перша половина XIX століття) // Український селянин: Збірник наукових праць. – 2004. Вип. 8. С. 63 – 68.
- ³ См.: **Венгер Н.В.** Возникновение и развитие частной предпринимательской деятельности на территории меннонитских колоний первой половины XIX в. // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 2002. С. 28 – 43.
- ⁴ Государственный архив Днепропетровской области (ГАО) (Украина), ф. 134, оп. 1, д. 167, л. 17. ПСЗЕ I. Т. 26. № 19 562, 19 873.
- ⁵ См.: **Венгер Н.В.** Формирование торгово-промышленной элиты на территории меннонитских колоний юга Украины (вторая половина XIX – 1917) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871 – 1941. Москва, 2001. С. 157 – 160.
- ⁶ См.: **Венгер Н.В.** Возникновение и развитие частной предпринимательской деятельности... С. 43.
- ⁷ См.: **Ляшенко П.И.** История народного хозяйства СССР: В 2 т. М., Т. I. С. 508.
- ⁸ Там же. С. 570.
- ⁹ См.: **Голубудский В.О.** Економічна історія Української РСР. Київ., 1970. – С. 187.
- ¹⁰ См.: **Huebert H.T.** Hierschau. Winnipeg, Canada, 1986. P. 67.
- ¹¹ См.: Хозяйственные замечания в России: Вып. Молочанских меннонитских колоний // Журнал Министрства Государственных Имуществ. 1841. Ч. I. Кн. 2. С. 554.
- ¹² См.: **Кафенгауз Л.Б.** Развитие русского сельскохозяйственного машиностроения. – Харьков, 1910. Л. 4.
- ¹³ См.: **Клаус А.** Наши колонии: Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869. С. 164.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: **Ляшенко П.И.** Указ. соч. С. 520.
- ¹⁶ См.: **Мельник Л.Г.** Технічний переворот на Україні у XIX столітті. Київ, 1972. С. 196.
- ¹⁷ Государственный архив Одесской области (ГАО) (Украина), ф. 6, оп. 5, д. 29, л. 1 – 2.
- ¹⁸ Центральный государственный архив республики Крым (Симферополь) (ЦГАРК), ф. 27, оп. 13, д. 1846, л. 1, 7.
- ¹⁹ См.: Устав о промышленности. СПб., 1893.
- ²⁰ См.: Производительные силы России. СПб., 1896.
- ²¹ См.: **Венгер Н.В.** Становление меннонитского машиностроения на юге Украины (30-е гг. XIX столетия – 1900 г.) // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 2004. С. 43 – 45.
- ²² См.: Памятная книга Екатеринославской губернии. Екатеринослав, 1900. С. 2, 22 – 76.
- ²³ См.: **Нестеренко О.О.** Розвиток промисловості на Україні. Київ, 1962. С. 91.
- ²⁴ См.: **Венгер Н.В.** История успеха // Вопросы германской истории. Днепропетровск, 2005.
- ²⁵ См.: **Krahn C.** Industry among Mennonites in Russia // The Mennonite encyclopedia: In 4. vol. Vol. 2. P. 34.
- ²⁶ См.: **Epp D.** The Emergence of German Industry in the South Russian Colonies // Mennonite Quarterly Review. 1981. № 4. P. 350.
- ²⁷ См.: **Нестеренко О.О.** Указ. соч. С. 145 – 146.
- ²⁸ См.: **Epp D.** Op. Cit. 1981. № 4. P. 318.
- ²⁹ Подсчитано по: Фабрики и заводы Екатеринославской губернии: Справочная книга. Екатеринослав, 1902.
- ³⁰ См.: Календарь и памятная книга Таврической губернии на 1898 г. Симферополь, 1899. С. 113.
- ³¹ См.: фабрично-заводская и ремесленная промышленность Одесского градоначальства, Херсонской губернии и Николаевского Военного губернаторства в 1898. Одесса, 1899. С. 31 – 37.

- ³³ См.: Шмалев П.И. Мельница на Днестре. Днепропетровск, 1997. С. 12.
- ³⁴ См.: Epp D. Op. cit. P. 300
- ³⁵ См.: Рейх В.Г. Очерк развития мукомольного дела в России. // Мукомольное дело в России. Одесса, 1909. С. 20 – 21.
- ³⁶ См.: Шмалев П.И. Указ. соч. С. 12.
- ³⁷ Государственный архив Запорожской области (ГАЗО) (Украина), ф. 32, оп. 1, д. 481, л. 1 – 21.
- ³⁸ См.: Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов // ред. В.А. Дмитриев-Мамонов. СПб., 1905. Л. СЛХ.
- ³⁹ Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО) (Украина), ф. 11, оп. 1, д. 1208, л. 1; Мукомольное дело в России. Одесса, 1909. С. 515.
- ⁴⁰ См.: Южно-русская областная сельскохозяйственная промышленная и кустарная выставка в г. Екатеринбург. Екатеринбург, 1912.
- ⁴¹ См.: Smith C.H. Story of the Mennonites. Newton, Kansas, 1981. P. 305 – 307; Friesen P.M. The Mennonite Brotherhood in Russia.. P. 866 – 869.
- ⁴² См.: Россия: Полное географо-статистическое описание нашего отечества. Т. 14. Малороссия. С. 172, 211.

С. Г. Кащенко,
доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)

ПРОМЫСЛОВЫЕ ХОЗЯЙСТВА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН ЧЕРЕПОВЕЦКОГО УЕЗДА В СЕРЕДИНЕ XIX в. И РЕФОРМА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.*

Современные методы анализа массовых источников по социально-экономической истории России второй половины XIX в., включающие применение математико-статистического аппарата и компьютерных технологий¹, позволяют во многом по-новому взглянуть на последствия реформ, происходивших в годы правления императора Александра II.

Создание баз данных, включающих тысячи уставных грамот и выкупных актов, и изучение ситуации на микро- и макроуровнях дали возможность сделать вывод о том, что результаты реформы далеко неодинаково сказались на пореформенном экономическом положении различных групп крестьян. За средними цифрами изменений в количестве земли и повинностей оказалась скрытой сложная, неоднозначная картина глубокой деформации дореформенной структуры наделов и платежей.

Интересный пример такой ситуации дает помещичья деревня Череповецкого уезда, располагавшегося в середине XIX в. на востоке Новгородской губернии². Современники относили уезд (по роду занятий жителей) к числу земледельческо-промышленных. «Так как земледелие не обеспечивает вполне существование ни по качеству почвы, ни по климату... разные промыслы приобретали здесь значительное развитие»³.

Действительно, хотя земледелием в уезде занимались повсеместно, почва здесь, как, впрочем, почти везде в губернии, не была плодородной: «Грунт большею частью хрящеватый, а в низинах же иловатый... на возвышенностях — глинисто-песчаный»⁴.

Вместе с тем даже в богатой реками и озерами Новгородской губернии уезд выделялся обилием судоходных и сплавных рек, водных путей сообщения (Тихвинская и Маринская судоходные системы), озер и болот. Наличие разветвленной водной системы во многом определило развитие специфических для уезда промыслов. Здесь занимались сплавом леса и дров, жители охотно служили лоцманами, держали большое число лошадей, требующихся для тяги судов на бечевниках. Реки и каналы обеспечивали доставку сырья и изделий крестьянских промыслов. Сюда с середины XIX в.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 03 – 01 – 0063а

переместился центр новгородского судостроения, так как новая Маринская система обладала рядом преимуществ перед старой, Вышневолоцкой.

Из полезных ископаемых в уезде добывалась железная руда, которой, однако, постоянно не хватало для местных промыслов. С конца XVIII в. в уезд стало поступать уральское железо. К середине XIX в. сюда доставлялось ежегодно более 400 000 пудов железа, которое разрезалось на специально устроенных «резальных» фабриках, поступало в деревни к кузнецам и перековывалось в основном в гвозди. В 60-е гг. XIX в. только крестьяне Уломской волости производили 350 – 400 тыс. пудов гвоздей, в Пелазской волости «переделывали» на наковальни, петли, сошники, сковороды и котлы до 35 тыс. пудов железа. Промыслы эти были настолько значительны, что жители Енюковской волости специализировались на производстве «бочонков для укутки гвоздей».

Развитие промыслов оказало значительное воздействие на предреформенное и послереформенное состояние крестьянских хозяйств в Череповецком уезде.

По данным уставных грамот, в помещичьей деревне Череповецкого уезда накануне реформы 1861 г. проживало 20 091 крестьян. Крепостная деревня была преимущественно оброчной (на оброке состояло 69,1 % крестьян, на барщине – 10,7 %, на смешанной повинности – 11,6 %; еще 8,6 % проживало в «прочих» селениях, где в разных дворах крестьяне находились на разных формах эксплуатации).

Дореформенные наделы были точно определены для 16 447 крестьян. Средний показатель дореформенного надела был равен 6,85 дес. на душу м.п. Ситуация в надельном землепользовании, сложившаяся в группах крестьян с различными формами эксплуатации, в данном уезде является весьма любопытной.

В отличие от большинства других уездов оброчные крестьяне до реформы оказались здесь наделенными хуже, чем остальные категории (средний душевой надел оброчных – 5,68 дес., на душу м.п. барщинных приходилось 6,57 дес., состоявших на смешанной повинности – 6,76 дес.), и гораздо хуже, чем оброчные крестьяне других уездов.

По нашему мнению, здесь действовал ряд причин, многие из которых не встречаются в других уездах.

Во-первых, средняя величина в данном случае плохо описывает ситуацию. Анализ распределения величин душевых дореформенных наделов (табл. 1) показывает, что значительное число оброчных крестьян имело небольшие наделы (до 2 дес. на душу – 10,7% крестьян, от 2 до 3 – 29,1%), но 11,4% душ м.п. имели наделы свыше 10 дес.

Рассмотрев отдельно уставные грамоты первой и второй группы, мы обнаружили, что наиболее типичным селением с небольшими наделами является селение с хорошо развитыми промыслами, которые, по-видимому, являлись главным источником доходов. Земельный надел здесь часто состоял только из усадьбы с сенокосом и выгоном. Данные о селениях с большими наделами, как правило, не содержат указания на промыслы, а в состав наделов входят и пашни, и сенокосы, и лес. Скорее всего, крестьяне здесь жили в основном за счет доходов с земледелия.

Рассмотрим несколько примеров. Крестьяне д. Пехтеево Любецкой волости имели в пользовании до реформы на 233 души 581 дес. удобной земли (в данном случае в этот 2,6-десятинный надел входили усадьба, пашня, сенокос, лес), причем и до реформы, и после нее они платили оброк, превышавший 9 руб. с души. Однако в уставной грамоте упоминается и наличие «отнепостоянной» глины и большой почтовой дороги, и озера. На «краю крестьянской оседлости» находятся два сарая для «кладки кулеческого железа», в постоянном пользовании крестьян после реформы остается пристань при селении, а «из числа душевого оброка относится на усадьбы по 2 руб. 50 коп., по отнесению ее вследствие промышленности крестьян, ко второму разряду»⁵.

Таким образом, деятельность пехтеевских крестьян явно не ограничивалась земледелием на весьма скудном для Новгородской губернии наделе.

В другом случае 170 крестьян д. Бор уже упоминавшейся Уломской волости пользовались до реформы удобной землей в количестве 440 дес., т.е. около 2,6 дес. на

душу, однако имели «выгоды... от существующих в селении кузнечных промышленных заведений»⁶.

Похожая картина наблюдается и в целом ряде других деревень Уломской волости: Катилове (42 дес. 1 450 кв. саж. на 22 души, «выгоды крестьян от кузнечного промысла»), Панфилове и Паршине («выгоды все вообще крестьянам от существующего в селении промыслаковки гвоздей»), Кокореве, Тиманской (ковка гвоздей, кожевенный промысел)⁷.

В селениях Семеновском и Ульянове Даргунской волости на 232 души м.п. приходилось до реформы около 600 дес. удобной земли, однако оброк устанавливался по 13 руб. 71 коп. с души, «хозяйство крестьян не ограничивается одним земледелием, а поддерживается местной значительной лесопромышленностью»⁸. Перечень подобных случаев можно было бы продолжить.

Вместе с тем следует отметить, что иногда указанные в уставной грамоте дореформенные наделы не включают лес и сенокосы, которыми крестьяне в действительности пользовались, что, конечно, несколько снижает размеры средней по уезду величины дореформенного надела. Так, в деревнях Клопузове и Анфалове Уломской волости на 30 крестьян приходилось до реформы 114 дес. 1158 кв. саж. удобной земли (под усадьбой, пашней и сенокосом), но дровами на топливо крестьяне пользовались «по указанию помещика. После реформы земля им была прирезана «из лесного пространства»⁹. Следует отметить, что и в этом селении хозяйство крестьян поддерживалось «расковом гвоздей».

Аналогичная картина наблюдалась в деревнях Акинфьево и Аннино (Уломской волости)¹⁰, Карпов Двор (Дмитриевской), Вахново (Луковской), Рудиново (Любецкой) и др., принадлежавших князю К.Ф. Голицыну. Данные имения, в котором насчитывалось 154,5 душ м.п., могли несколько снизить среднюю по уезду величину дореформенного надела.

Возвращаясь к распределениям дореформенных наделов (см. табл. 1), следует отметить, что у остальных категорий крестьян средняя величина надела лучше описывает ситуацию. Наиболее часто здесь встречались наделы в 5–7 дес., наделы свыше 11 дес. на душу практически отсутствовали.

После реформы распределение душевых наделов (см. табл. 2) изменилось. Средняя величина надела в уезде составила 5,74 дес. (сократилась на 0,33 дес., 5,4 % от дореформенной величины), наделы оброчных стали равны 5,80 дес. (увеличились на 0,12 дес., 2,1 %), барщинных – 5,76 дес. (сократились на 0,81 дес., 12,3 %), находившихся на смешанной повинности – 5,53 дес. (сократились на 1,23 дес., 18,2 %). Наиболее существенные изменения произошли в «прочих» селениях. Здесь надел после реформы стал равен 5,54 дес. и сократился на 2,3 дес., 29,3 %. Как и в других уездах, произошла нивелировка крестьянских наделов, с группировкой вокруг наивысшего для уезда размера – в 5,5 дес. В промежутке от 5 до 6 дес. оказалось 69,4 % душевых наделов оброчных, 58,7 % барщинных, 63,1 % крестьян, находившихся на смешанной повинности. В целом по уезду эта цифра составила 68,7 %.

Рассмотрим теперь изменения (отрезку и прирезку) земли в селениях разных категорий крестьян.

В оброчной деревне Череповецкого уезда наблюдается уникальный для губернии случай, когда в абсолютном выражении имеет место увеличение общему количеству крестьянской земли на 0,8 %. Процессы здесь происходят очень глубоко – отрезки составляют 31,8 %, прирезки – 32,0 %. Наделы не изменились только у 8,8 % крестьян, сократились у 24,5 %, увеличились у 66,7 %.

По-видимому, ситуация здесь складывалась следующим образом. В группе оброчных селений «промыслового типа», для того чтобы сохранить наибольшую величину оброка в размере 9 руб., помещики вынуждены были осуществлять прирезку к земельным наделам оброчных крестьян. Наделы последних до реформы были в основной своей массе невелики, «доведение наделов до высшей нормы» и привело к значительному увеличению количества земли.

Таблица 1
 Распределение наделов удобной земли на душу м.п.
 в Череповецком уезде до реформы

Величина надела (дес.)	1,1	1,2	2,1	2,2	3,1	3,2	4,1	4,2	5,1	5,2
0 – 1	45	0,4	0	0,0	28	1,9	0	0,0	73	0,4
1 – 2	1 206	10,3	0	0,0	0	0,0	99	6,4	1 305	7,9
2 – 3	3 414	29,1	90	5,4	226	15,3	0	0,0	3 730	22,7
3 – 4	1 909	16,3	238	14,3	42	2,9	0	0,0	2 189	13,3
4 – 5	1 176	10,0	198	11,9	121	8,2	97	6,3	1 592	9,7
5 – 6	671	5,7	414	24,8	425	28,7	350	22,5	1 860	11,3
6 – 7	873	7,4	387	23,2	146	9,9	164	10,6	1 570	9,5
7 – 8	510	4,3	96	5,8	100	6,8	53	3,4	759	4,6
8 – 9	446	3,8	67	4,0	131	8,9	643	41,4	1 287	7,8
9 – 10	172	1,5	58	3,5	59	4,0	0	0,0	289	1,8
10 – 11	370	3,2	0	0,0	87	5,9	22	1,4	479	2,9
11 – 12	162	1,4	0	0,0	6	0,4	0	0,0	168	1,0
12 – 13	0	0,0	0	0,0	0	0,0	21	1,4	21	0,1
13 – 14	151	1,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	151	0,9
14 – 15	72	0,6	67	4,0	0	0,0	0	0,0	139	0,8
15 – 16	32	0,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	32	0,2
16 – 17	67	0,6	0	0,0	8	0,5	8	0,5	83	0,5
17 – 18	34	0,3	0	0,0	50	3,4	42	2,7	126	0,8
18 – 19	0	0,0	15	0,9	0	0,0	0	0,0	15	0,1
19 – 20	52	0,4	0	0,0	18	1,2	16	1,0	86	0,5
20 – 21	55	0,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	55	0,3
21 – 22	80	0,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0	80	0,5
22 – 23	23	0,2	0	0,0	29	2,0	0	0,0	52	0,3
23 – 24	8	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	8	0,0
24 – 25	17	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	17	0,1
25 – 26	13	0,1	19	1,1	0	0,0	27	1,7	59	0,4
26 – 27	0	0,0	6	0,4	0	0,0	11	0,7	17	0,1
28 – 29	69	0,6	0	0,0	0	0,0	0	0,0	69	0,4
29 – 30	17	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	17	0,1
Свыше 30	107	0,9	12	0,7	0	0,0	0	0,0	119	0,7
Всего	11 751	100,0	1 667	100,0	1 476	100,0	1 553	100,0	16 447	100,0

Здесь и далее: 1,1; 2,1; 3,1; 4,1 и 5,1 – число душ в оброчных, баршинных, «на смешанной повинности», «прочих» и всех селениях соответственно; 1,2; 2,2; 3,2; 4,2 и 5,2 – процент от общего числа душ в оброчных, баршинных, «на смешанной повинности», «прочих» и всех селениях соответственно.

В то же время оброчные селения «земледельческого типа», в которых наделы были весьма значительны, при доведении их до уровня 5,5 дес. дали большую отрезку. Таких случаев было меньше, но земли здесь было отрезано почти столько же, сколько прирезано первой группе.

Общий вывод относительно изменений наделов у остальных категорий крестьян может быть таким. В ходе реформы наделы подвергались изменениям, причем изменения эти охватывали в ту и другую сторону значительное количество крестьян, т.е. шли «вширь». Но по своему абсолютному и относительному выражению как отрезки, так и прирезки удобной земли держались на невысоком уровне. Складывается впечатление, что здесь идет процесс «уточнения» наделов, отрезаются небольшие для уезда «излишки» (сверх размера высшего надела), прирезывается, также в небольших размерах, земля, которой не хватало до высшего размера надела. Но процесс отрезки для этих категорий крестьян идет более интенсивно, чем прирезка.

Таблица 2
Распределение наделов удобной земли на душу м.п.
в Череповецком уезде после реформы

Величина надела (дес.)	1,1	1,2	2,1	2,2	3,1	3,2	4,1	4,2	5,1	5,2
1 – 2	18	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	18	0,1
2 – 3	59	0,4	33	1,6	181	8,0	66	3,9	339	1,7
3 – 4	349	2,6	80	3,8	0	0,0	0	0,0	429	2,2
4 – 5	783	5,9	200	9,5	198	8,7	146	8,7	1 327	6,8
5 – 6	9 275	69,4	1 237	58,7	1 432	63,1	1 396	83,0	13 340	68,7
6 – 7	1 532	11,5	401	19,0	288	12,7	47	2,8	2 268	11,7
7 – 8	880	6,6	128	6,1	70	3,1	0	0,0	1 078	5,6
8 – 9	162	1,2	0	0,0	94	4,1	0	0,0	256	1,3
9 – 10	69	0,5	0	0,0	0	0,0	27	1,6	96	0,5
10 – 11	74	0,6	0	0,0	8	0,4	0	0,0	82	0,4
11 – 12	96	0,7	21	1,0	0	0,0	0	0,0	117	0,6
15 – 16	28	0,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	28	0,1
Свыше 20	14	0,1	6	0,3	0	0,0	0	0,0	20	0,1
Всего	13 357	100,0	2106	100,0	2 271	100,0	1 682	100,0	19 416	100,0

Таблица 3
Распределение повинностей крестьян на душу м.п.
в Череповецком уезде

Величина повинностей (дуб.)	1,1	1,2	1,3	1,4	2,1	2,2	3,1	3,2	4,1	4,2	5,1	5,2
2 – 3	157	1,2	157	1,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	157	0,0
3 – 4	306	2,3	306	2,3	10	0,5	0	0,0	0	0,0	316	1,6
4 – 5	1 012	7,5	981	7,2	8	0,4	50	2,2	9	0,5	1 048	5,3
5 – 6	1 052	7,8	1 288	9,5	0	0,0	136	6,0	0	0,0	1 424	7,3
6 – 7	2 587	19,1	1 739	12,8	27	1,3	148	6,5	78	4,6	1 992	10,2
7 – 8	2 187	16,1	3 309	24,4	198	9,4	147	6,5	55	3,3	3 709	18,9
8 – 9	1 234	9,1	1 894	14,0	206	9,8	469	20,7	403	24,0	2 972	15,2
9 – 10	1 753	13,0	3 872	28,6	1 657	78,7	1 321	58,2	1 137	67,6	7 987	40,7
10 – 11	1 126	8,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
11 – 12	1 365	10,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
12 – 13	360	2,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
13 – 14	341	2,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
15 – 16	1	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
16 – 17	20	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
17 – 18	8	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Свыше 20	21	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Всего	13 530	100,0	13 546	100,0	2106	100,0	2 271	100,0	1 682	100,0	19 605	100,0

Здесь и далее цифрами обозначены: 1,1, 1,3 – количество оброчных крестьян до и после реформы соответственно; 1,2, 1,4 – процент от общего числа оброчных крестьян до и после реформы соответственно; 2,1, 3,1, 4,1, 5,1 – количество крестьян, состоявших на барщине, «смешанной повинности, проживавших в «прочих селениях», всех крестьян после реформы соответственно; 2,2, 2,2, 3,2, 4,2, 5,2 – процент от общего числа крестьян, состоявших на барщине, «смешанной повинности», проживавших в «прочих селениях», всех крестьян после реформы соответственно.

Обратимся теперь к анализу крестьянских платежей.

До реформы 13 530 оброчных крестьян выплачивали помещикам Череповецкого уезда 109 187 руб. оброка, что составляло на душу м.п. 8,07 руб. Однако среди платежей встречались и оброки в размере 3 – 4 руб. с души (2,3 %) и превышающие 10 руб. (23,9 %) (табл. 3). Малые оброки приходились в основном на ту группу крестьян, которые имели незначительные душевые наделы и не занимались промыслами. Большие оброки, как уже говорилось, наблюдались в промысловых селениях и селениях со значительными наделами хорошей земли.

Таблица 4

Распределение повинностей крестьян на дес. удобной земли в Череповецком уезде

Величина повинностей (руб.)	1,1	1,2	1,3	1,4	2,1	2,2	3,1	3,2	4,1	4,2	5,1	5,2
0,0 – 0,2	199	1,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
0,2 – 0,4	307	2,6	14	0,1	6	0,3	0	0,0	0	0,0	20	0,1
0,4 – 0,6	476	4,1	374	2,8	0	0,0	0	0,0	0	0,0	374	1,9
0,6 – 0,8	408	3,5	918	6,9	21	1,0	194	8,5	0	0,0	1 133	5,8
0,8 – 1,0	688	5,9	1 687	12,7	0	0,0	28	1,2	36	2,1	1 751	9,0
1,0 – 1,2	757	6,4	1 909	14,3	92	4,4	180	7,9	0	0,0	2 181	11,2
1,2 – 1,4	814	6,9	2 464	18,5	326	15,5	194	8,5	42	2,5	3 026	15,6
1,4 – 1,6	579	4,9	1 651	12,4	439	20,9	537	23,7	820	48,8	3 447	17,8
1,6 – 1,8	681	5,8	3 884	29,1	1 027	48,8	942	41,5	584	34,7	6 437	33,2
1,8 – 2,0	560	4,8	162	1,2	92	4,4	15	0,7	134	8,0	403	2,1
2,0 – 2,2	208	1,8	254	1,9	80	3,8	0	0,0	0	0,0	334	1,7
2,2 – 2,4	822	7,0	4	0,0	23	1,1	0	0,0	0	0,0	27	0,1
2,4 – 2,6	858	7,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
2,6 – 2,8	441	3,8	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
2,8 – 3,0	219	1,9	18	0,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	18	0,1
Свыше 3	3 734	31,8	0	0,0	0	0,0	181	8,0	66	3,9	247	1,3
Всего	11 751	100,0	13 339	100,0	2 106	100,0	2 271	100,0	1 682	100,0	19 398	100,0

В среднем на 1 дес. удобной земли в оброчных селениях до реформы приходилось 1,45 руб. оброка. Распределение «стоимости» удобной земли до реформы в оброчных селениях показывает относительно равномерную картину на промежутке от 0,4 руб. на 1 дес. до 2,8 руб. на 1 дес. (на каждый интервал в 0,2 руб. приходится за редким исключением 4 – 6 % случаев). Однако, как и следовало ожидать, заметное отклонение дает группа «промысловых» селений (31,8 % оброчных крестьян «платили» за 1 дес. земли более 3 руб.).

После реформы платежи 13 546 бывших оброчных составили 99 563 руб., т.е. по 7,35 руб. с души. Таким образом, средний размер оброка на душу уменьшился на 0,72 руб. (8,9 %). После реформы на 1 дес. удобной земли приходилось у оброчных 1,29 руб. (уменьшение на 0,16 руб., 11 %). Сопоставление распределения душевого оброка до и после реформы дает следующую картину: отчетливо видно, что малые платежи, вплоть до 6 – 7 руб. на душу, сохраняются, а сокращение числа больших платежей (свыше 9 руб. с души) приводит к увеличению группы крестьян, плативших высший для уезда (9-рублевый оброк (28,6 % душ м.п.); происходит нивелировка платежей). Распределение послереформенных повинностей крестьян, приходившихся на дес. удобной земли (табл. 4), показывает, что 29,18 % крестьян платили теперь за 1 дес. земли 1,64 руб. (9 руб. / 5,5 дес. = 1,64), практически исчезают большие платежи (свыше 2 руб.).

Для остальных групп крестьян послереформенные платежи выглядели следующим образом: барщинные крестьяне платили 8,75 руб. с души и 1,52 руб. с десятины; крестья-

яне на смешанной повинности — 8,35 и 1,51 руб. соответственно; в прочих селениях — 8,74 и 1,58 руб.

В целом по уезду платежи с души составили после реформы 7,74 руб., а с десятины — 1,36 руб. Распределения платежей показывают группировку вокруг 9 руб. размера платежей на душу (у 78,7 % барщинных, у 55,4 % крестьян на смешанной повинности; 67,6 % в «прочих селениях»; 30,2 % по уезду в целом) и 1,64 руб. на десятину (у 48,8 % барщинных; у 41,5 % крестьян на смешанной повинности; у 34,7 % «прочих», 33,2 % в целом по уезду).

Таким образом, сравнение дореформенной и пореформенной ситуации для разных категорий череповецких крестьян позволяет сделать следующие выводы.

В ходе реформы «промысловая» оброчная деревня в Череповецком уезде не только не понесла каких-либо потерь в количестве надельной земли, но и оказалась в существенно выигрыше. Действительно, у сильных оброчных хозяйств в соответствии с законодательством были значительно увеличены наделы и сокращены платежи. Как следствие, на 11 % сократились платежи, приходившиеся на 1 дес. удобной земли.

Диаметрально противоположными были результаты реформы в слабо развитых земледельческих хозяйствах уезда, где весьма значительно были сокращены крестьянские наделы, являвшиеся основой для ведения хозяйства.

Новые условия, в целом тяжело сказавшиеся на крестьянстве уезда, вели к разорению слабых земледельческих хозяйств и еще большему усилению в пореформенный период зажиточной промысловой верхушки.

Примечания

¹ Такие исследования на протяжении последних 25 лет проводятся на кафедре источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета. Подробнее об этом см.: **Каценко С.Т.** Отмена крепостного права в Псковской губернии. СПб., 1996; **Он же.** Реформа 19 февраля 1861 г. на Северо-Западе России (Количественный анализ массовых источников). М., 1995; **Он же.** Отмена крепостного права в столичной губернии. Из истории государственных реформ в России 2-й половины XIX века. СПб., 2002 и др.

² В настоящее время эта территория входит в состав Вологодской области.

³ **Семенов П.П.** Географическо-статистический словарь Российской империи Т. V. СПб., 1885. С. 628.

⁴ Там же. С. 629.

⁵ РГАДА, ф. 577, оп. 22, д. 3753, л. 16 – 18.

⁶ Там же, д. 3771, л. 4.

⁷ Там же, д. 3772, 3789.

⁸ Там же, д. 3874, л. 22.

⁹ Там же, д. 3754, л. 7.

¹⁰ Там же, д. 3627.

Н. И. Приймак,

доктор исторических наук,

Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ НА ВАЛААМЕ В XIX ВЕКЕ В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННОКОВ *

Мемуарные свидетельства о мужском Спасо-Преображенском монастыре представлены записками, путевыми заметками и очерками о путешествии на Валаам. Среди авторов — писатели Андрей Николаевич Муравьев, Николай Семенович Лесков, Василий Иванович Немирович-Данченко, Иван Сергеевич Шмелев; поэт Константин Константинович Случевский, с 1891 г. — главный редактор газеты «Правительственный

* Работа выполнена при поддержке РГНФ грант 03-01-00063а

вестник», имевший придворное звание гофмейстера, совершивший в свите великого князя Владимира Александровича поездку на Валаам в июне 1896 г. Эти сочинения характеризуют жизнь монастыря в 70-е – 90-е гг. XIX в., исключением являются записки о путешествии А.Н. Муравьева, относящиеся к 30-м гг. XIX в.

Побывавший в начале июля 1828 г. на Валааме собиратель фольклора и составитель «Калеваль» Элиас Леннрот описал свои впечатления о богослужении в монастыре и природе острова.

Несколько журнальных очерков о поездках на Валаам относятся к 50-м годам XIX в.

Таким образом, большая часть повествований содержат воспоминания о том периоде, когда монастырь на Валааме стал крупным религиозным центром, привлекавшим как богомольцев, так и путешественников.

По очеркам писателей видно, что отношение к ним, как и к художникам, приезжавшим на Валаам, было особым. В.И. Немирович-Данченко отмечал, что им, как и благоделителям монастыря, обычно все показывали, надеясь, что с их помощью о монастыре многие узнают больше. Иным было отношение к простым богомольцам, бывавшим в монастыре от вечерни в субботу до поздней обедни в воскресенье, или проживавшим в течение недели. Их «ради праздного любопытства» в скиты не пускали¹, обычно возили в один из скитов, а оставшимся на неделю показывали ежедневно один скит. Так что, сетовал Н.С. Лесков, перед поездкой из Петербурга в монастырь в июне 1872 г. «в городе никто из бывалых на Валааме людей не мог мне рассказать о нем почти ничего»: «стоял обедню и ездил в Николаевский скит»; прожившие неделю добавляли, что «они несли „послушание“ да были не у одной обедни, а у семи обеден», посещали ежедневно один из скитов, но туда, где «самые строгие старцы живут, туда и совсем не ведут и одного туда не пускают»².

Основу очерков о монастыре составляли личные наблюдения и впечатления авторов, дополненные рассказами тех монахов, которые их сопровождали в прогулках по Валааму. Как полученное прежде благословение игумена на осмотр монастыря, так и сопровождающий монах были обязательными для посещавших Валаам. Поговорить же с другими монахами или послушниками не удавалось, так как это запрещалось монастырским уставом. Пытавшийся задавать вопросы встречавшимся монахам В.И. Немирович-Данченко убедился в этом: или кратко отвечали, принося извинения («Простите Христа ради»), или, не ответив на вопрос, «поклонился в знак своего смирения чуть не до земли и исчез в ближайшие ворота»³.

Хозяйственная деятельность монастыря (строительство храмов, жилых и производственных зданий, создание различных хозяйственных служб, искусственные посадки деревьев и кустарников, разведение садов и огородов и др.) начинает активно развиваться с конца 1830-х гг., совершенствуется и достигает своего расцвета в 1870 – 1890-е гг. Побывавший же на Валааме А.Н. Муравьев, когда жизнью обители управлял игумен Вениамин (1833 – 1839), отмечал в качестве характерной особенности «дикое уединение». Он также записал: «Домашний скот запрещен на Валааме и там нет другого зверья кроме оленей, забежавших по льду с Финского берега»⁴.

Как свидетельствуют современники, основную роль в организации и совершенствовании жизни монастыря сыграл игумен Дамаскин (в миру Демьян Кононов; Дамиан, как писал И.С. Шмелев). Он родился в 1795 г. в Тверской губернии, в крестьянской семье. В 1815 г. заболел. С двадцати лет охромевший («кособокхий», как впоследствии называли его в монашеской среде) начал странствовать по монастырям. Через четыре года оказался на Валааме, стал послушником (был конюхом, сапожником, пекарем, садовником), потом постригся в монахи, жил в скиту Всех Святых (а вначале – отшельником). 18 ноября 1838 г. был вызван в Петербург и 4 декабря посвящен в иеродиакон, а 30 января 1839 г. – в игумены (бывший перед этим игумен о. Вениамин за непригодность свою в управлении монастырем был отправлен на покой в Вологодскую епархию). В течение 42 лет игумен Дамаскин управлял монастырем⁵.

Его портрет, со слов монахов и послушников, создал И.С. Шмелев. Он записал отдельные суждения: «О. Дамаскина боялись и любили»; «строгость была в нем несокрушимая»; «Тверд был, о благочестии ревновал... Ковы бесовые расторгал». «Да и прозорливец был...» «А то ведь стихами проповеди говорил...»⁶. Увидев все, что было построено и создано при игумене Дамаскине, И.С. Шмелев написал: «Часовни, кресты, дороги, каналы, скиты, лестницы гранитные, памятники, здания, колодцы, храмы, мастерские — все это продукт его заботливого ума. Он собрал разбросанных по скалам и лесам отшельников и окружил их стенами скитов»⁷. Обобщая отзывы о игумене Дамаскине, И.С. Шмелев пришел к выводу, что он был «деспот», «твердо державший игуменский посох», «грубый, железный человек». Приведя слова из завещания игумена Дамаскина: «я был человек грубый, простой, необразованный, — естественно, что искренняя, плубокая моя любовь к вам иногда не находила себе приличных внешних выражений», И.С. Шмелев подчеркнул, что эти строки написал «крестынин, не получивший никакого образования»⁸.

Дамаскин внес дополнения в монастырский устав, сделав его особенно строгим. Прежде действовавший отличался суровыми правилами, был составлен на основе устава Саровской пустыни Тверской епархии иеромонахом Назарием, переведенным оттуда в Валаамский монастырь в 1782 г.

При игумене Дамаскине монастырский устав состоял в основном из запретов: нельзя было иметь что-либо в своей собственности, в том числе одежда выдавалась «монастырская — братская»⁹. По свидетельству В.И. Немировича-Данченко, монахи были в «грубых солдатского сукна рясах», те же, кого посылали на рыбную ловлю или рубить дрова, — в «белых холщевых»¹⁰. По уставу запрещалось принимать в кельях мирских людей. В.И. Немирович-Данченко заметил, что монах к монаху в келью не мог зайти без благословения игумена. По его же словам, во всем была дисциплина, «скорее приличествующая арестанским ротам, чем обителям»¹¹. По уставу запрещалось куда бы то ни было ходить, кроме мест работы и в церковь, нельзя было разговаривать с приезжими, а также писать и принимать письма. В одном из описаний поездки в монастырь в начале июля 1871 г., опубликованных в Московских епархиальных ведомостях, подробно изложены правила пребывания приезжих на Валааме, отличавшиеся такой же строгостью: нельзя было без «особого благословения» ходить в лес, скиты, келья, равно как и принимать у себя кого-либо; нельзя было «оказывать никому частных благодеяний, а доброхотное свое приношение полагать в общую кружку на пользу св. обители»; привозимые письма и посылки следовало отдать «монастырскому начальству для передачи по принадлежности»; среди других запретов — «не стрелять на острове, не бить зверей, птиц, не ловить рыбы, не портить лесу и не курить табаку»¹². Эти правила были вывешены в гостинице, за их соблюдением следили так называемые дозорные монахи, они же не допускали, чтобы прибывший пароход высадил пьяного богомольца, а приехавшие ранее не купили бы на пароходе чего-либо запретного, прежде всего, табак и спиртное¹³.

Строгие правила и дисциплина, определявшие повседневную монастырскую жизнь, продуманные и обоснованные представленные о перспективе развития монастыря, отлаженная система организации труда, контроль за ним и учет результатов способствовали быстрому и эффективному развитию хозяйства Валаамской обители. Современники, описывавшие хозяйственную деятельность монастыря в 80 — 90-е гг. XIX в., называли ее «промышленной», и характеризовали Валаам как «точно маленький промышленный городок, убежавший от мира и разбросавший свои постройки на скалах среди лесов и проливов, на беспокойных водах неприятной Ладоты»¹⁴. В.И. Немирович-Данченко, отмечая успехи хозяйственного развития монастыря, заметил далее: «Промышленным характером его начинает забавиться подвижничество»¹⁵.

Центральным среди хозяйственных зданий монастыря был водопроводный дом, сооруженный по проекту архитектора А.М. Горностаева в 1860 — 1864 гг. Возведенный в

три этажа на высокой гранитной скале, возвышающейся над Монастырской бухтой, он поражал приезжавших на Валаам своей масштабностью, органичной связью с ландшафтом и, особенно, технической оснащённостью: «все больше машина орудует», «везде машины и механические приспособления»¹⁶. В водопроводном доме находилась водоподъемная паровая машина, вода поднималась из колодца, соединенного трубой с проливом. По трубам вода подавалась во все монастырские помещения. Паровая машина с помощью приводов пилила лес на доски, молола муку, приводила в движение токарные станки. Водопроводный дом был своеобразным хозяйственным комплексом, включавшим, кроме паровой машины, кузницу, слесарную, столярную, литейную и другие мастерские, мельницу, прачечную, баню¹⁷. И.С. Шмелев, внимательно осмотревший водопроводный дом и хозяйственные службы при нем, писал, что среди монахов там «главными мастерами» были работавшие прежде на заводах Петербурга, а начальники мастерских выучились на питерских и финских заводах¹⁸. Отмечая, что все содержится «в отменном порядке», И.С. Шмелев описал особенности производственного процесса в мастерских и хозяйственных службах. Например, как работала сушильня для белья: для выжимки использовался гидравлический пресс, белье сушили паром, с помощью подъемного механизма поднимали грязное белье из бани в прачечную¹⁹. Выражая свое удивление увиденным, И.С. Шмелев услышал ответ: «У нас англичане бывают часто — горы копают — так тоже дивуются ... дотошные»²⁰.

В широко организованном хозяйстве послушанием определялось назначение и характер работы каждого. И.С. Шмелев перечисляет: «сапожники, портные, токари, столяры, маляры, кровельщики, резчики по дереву и металлу, медники, суконщики, золотильщики, иконописцы, переплетчики, фотографы и т.д.»²¹. Необходимо добавить: каменщики, каменотесы, кузнецы, пекари, квасовары, рыбаки, косари, хлебопашцы, садовники, рабочие на молочной ферме, конюхи, гостиничники, будильники (дежурные, подымавшие на ночные богослужения, утренние работы), писари, келейники, звонари, клиросные, пономари и др.²² Все они работали, чтобы обеспечить внутренние нужды монастыря, но не только. На рынок также работали слесарная, столярная, бочарная, ложечная, кожевенная, литейная, ткацкая, художественно-иконописная мастерские; заводы — свечной, кирпичный, лесопильный, камнерубный, где были каменотесное и каменшлифовальное отделения²³. Восхищение вызывала организация, мощь и мастерство каменерубных работ: «прекрасно рубят и шлифуют гранит и мрамор разных сортов, который также является предметом торговли»²⁴. Добываемый серый гранит был «превосходной добротой», использовался при строительстве монастырских храмов и зданий, поставлялся в Петербург, в частности на церковь, построенную в память императора Александра II (храм Воскресения Христова), и на Николаевский мост²⁵ (ныне мост Лейтенанта Шмидта).

Хозяйственные здания строились основательно, с расчетом на долговечность. В.И. Немирович-Данченко о них писал: «Можно подумать, что попал к богатому английскому землевладельцу»²⁶. Особое впечатление на него произвели двухэтажная кирпичная рита с двумя промадными печами для сушки хлеба, конюшни, строящийся коровник в три этажа²⁷. И.С. Шмелев был поражен «грандиозностью и великолепием монастырской фермы: механические приспособления, «венские погреба» для хранения молочных продуктов, все содержалось «в отменном порядке»²⁸. Было организовано рыболовство: из икры разводили мальков-рыб в «глиняных ящиках с стеклянной решеткой», в мае выпускали в садки до 40 000 молоди²⁹.

Многие хозяйственные здания были построены в 1870-е годы при игумене Дамаскине и в 1881 — 1890 гг., когда, после смерти Дамаскина в 1881 г., настоятелем монастыря стал Ионафан.

Большая часть строительных материалов добывалась и производилась на Валааме: рубили и обрабатывали гранит на каменоломнях на островах св. Сергия (в 20 верстах) и св. Германа (в 40 верстах); изготавливали кирпич на одном, а потом и на втором

заводах, по весу не менее 14 – 15 фунтов и даже 16 фунтов более трех миллионов штук, использованных при строительстве нового храма – Спасо-Преображенского собора, заложеного в июне 1887 г.; для литейного производства делали огнеупорный кирпич – «крепче английского»; копали глину (по цвету светло – синяя), на своем скудельном (гончарном) заводе изготавливали чайники, кружки; жгли известь; на смолевом заводе из сосновых пней выгоняли смолу, получали хорошо очищенный скипидар, в том числе для продажи (почти весь закупала петербургская торговая фирма «Штоль и Шмидт» для лекарств); выполнялись различные работы по дереву³⁰.

Монашья братия, помимо богослужений, исполняла трудовое послушание, соответствующее полученной в миру профессии или приобретенным в жизни до монастыря навыкам или же природным способностям. И.С. Шмелев в своих очерках привел слова брата Василия, сказанные ему в гостинице: «Монах, еромонах, послушник – у нас все равно: картошку копать – все идет... У нас по правде живут... Чиноначалия этого у нас и слыхом не слышать: – у нас обчество. Сам игумен послушание исполняет»³¹. Со слов другого монаха: у нас «братство»³². Наиболее сильное впечатление на И.С. Шмелева произвело то, как работали в монастыре. Анализируя увиденное, он попытался выяснить сущность, составляющую и определяющую назначение каждого из монастырской братии. По его мнению, она заключалась в труде во имя Бога, что позволяло сохранять и утверждать в себе аскетизм: «Идея монаха – сохранение аскетизма»³³. Наблюдения за работающими позволили И.С. Шмелеву создать обобщающий образ монаха и послушника: «Труд целиком захватил его, и когда вы войдете в мастерскую, где он трудится у станка, у печи, у машины, он уже и головы не поднимет и не глянет на Вас»³⁴. Такое впечатление производили работавшие в водопроводном доме и в мастерских: «целое царство труда, сметки, кипучей деятельности», основа которого – нравственная сила: «он работает для Бога»; учившиеся в школе живописи и уже занятые работой по росписи стен храма подростки: «смирение, дисциплина монастырская сообщилась и им»; жившие и трудившиеся в скитах: «Живет человек в глуши, роет землю, возделывает овощи, питается ими, читает псалтырь, слепо глядит во мрак обступившего его леса и вдруг незаметно подползает к могиле и его зарывают», «трандиозен аскетизм схимонахов»³⁵. Под воздействием таких отдельных впечатлений складывалось общее: «жизнь Валаама представляет из себя огромную, вечно работающую машину»; «все движется, все работает, все блюдет устав, от игумена до столетнего, заброшенного в скиту схимонаха»³⁶.

Стремясь понять во всей сложности такой образ жизни в монастыре, И.С. Шмелев должен был задавать себе вопросы, учесть многие обстоятельства. Действительно, характерной чертой монастырской жизни была, по его словам, «эксплуатация времени», чему способствовали суровые правила устава, особенно строго соблюдавшиеся при игумене Дамаскине с конца 1830-х гг. и обеспечившие успех хозяйственной деятельности затем при игуменах Ионафане и Гаврииле в 80-е – 90-е гг. XIX в.: «строгий устав монастырский, точно по инерции, без всякого нынешнего принуждения соблюдался братией, когда строгое правление игумена Дамаскина заслонило хозяйственной деятельностью Ионафана и Гавриила. Строгий устав придал каждому члену братии общие черты, уничтожил или сгладил индивидуальные склонности»; в итоге – «лишенная созерцания деятельность, постоянный урок, вечная работа, строгий устав, которому они решили добровольно подчиниться»³⁷. По мнению И.С. Шмелева, формированию такого типа монаха-труженика способствовало и то, что 95 % монахов и послушников составлял «крестьянский элемент». И.С. Шмелев полагал, что именно крестьянин привнес в монашество «своего способность к вечной работе, свое простое, но строгое мирозозерцание и отчасти, быть может, обезволение»³⁸. В этом также проявлялась и способность русского человека «стойко и упрямо служить своей идее», так что и монахи «требуют в отсечении воли своей: они служат идее своей». Уверая в этом себя и читателей, И.С. Шмелев заметил: «Иногда несколько раз приходилось видеть монахов, без надзора работавших до кровавого пота»³⁹.

Подобную оценку монастырской жизни на Валааме давал и В.И. Немирович-Данченко в очерке «Крестьянское царство (Валаам)» – «царство искреннего религиозного труда»⁴⁰. Еще ранее, в начале 1870-х гг., Н.С. Лесков писал о своеобразном порядке в монастыре, при котором «воспитываются аскетические нравы»⁴¹. Не скрывая в беседе с игуменом Гавриилом своего противоречивого отношения к такому образу жизни («человек ищет истину, человек идет по пути евангельскому, хотя очень и очень односторонне»), И.С. Шмелев с грустью заметил: «На другой картине я вижу города, кипучую жизнь в них, слышу крики о благе, о братстве, речи с кафедр церковных амвонов и не вижу людей.. Люди пропали из мира. Там на этой картине, есть еще темные контуры сел и деревень в лесах.. Там тоже не видно людей. Нужда закрыла их; темень и мрак окутали их непроницаемыми пеленами..»⁴².

Каждый день живущего и даже временно пребывающего в монастыре был четко распisan. И.С. Шмелев привел распорядок дня подростков (10 человек), обучавшихся в школе живописи, которой монастырь по праву гордился: в 6 встают и работают до 10, с 10 до 12 обедают, тогда же выполняют работы на кухне («чистка рыбы») и олдывают, с 12 до 15 рисуют, потом 1 час на чай и снова работают до 7 – 8 вечера. Занятия проходили в новом Спасо-Преображенском соборе, где еще выполнялась внутренняя отделка. Свои впечатления о школе И.С. Шмелев описал так: «Целый день работы, сидя на одном месте, в согнутом положении, в атмосфере, переполненной запахом красок и масла»; «бедные монахи с прозрачными, исхудалыми от постной пищи и работы лицами»⁴³. Вместе с тем он отметил, что мальчик 12 лет уже «бойко» расписывал стены храма, рядом со взрослым монахом, а мальчик 10 лет копировал правую, и трудно было сказать, где копия⁴⁴. Пособники-подростки прислуживали в трапезной; «мальчики корель» (среди монахов было много карелов) помогали на конюшне⁴⁵. По словам В.И. Немировича-Данченко, мальчиков в монастыре – «множество», работали «по обетам родителей более полутора года», а школа – на 30 человек. Обращались с ними «примерно»⁴⁶.

Расписан был день пребывания в монастыре и богомольца, он также должен был подчиняться и исполнять послушание. Н.С. Лесков об этом писал: «должен ходить в церковь, молиться, трапезовать, потом трудиться и, наконец, отдыхать»⁴⁷. В.И. Немирович-Данченко свидетельствовал, что после трапезы всем предложили поработать в огороде – от этого не могли отказаться и богомольцы; он же наблюдал, как «серьезно молились и отводили душу» богомольцы-крестьяне; И.С. Шмелев написал, что это были «петербуржцы, новгородцы, псковитяне, олонецкие, финны»⁴⁸.

По мнению исследователей монастыря, основную часть строительных работ выполняли наемные работники. Система найма, унаследованная игуменом Дамаскиным от предшественников, была усовершенствована при нем и действовала в последующие годы XIX в.⁴⁹ Для наемных работников был построен в 1871 г. конюшенный (рабочий) дом, к нему примыкала конюшня, которая соединялась с домом через помещения для хранения экипажей и др.; там же были колесная и тележная мастерские⁵⁰. По свидетельству В.И. Немировича-Данченко, на строительстве трехэтажного коровника работали наемные «владимирцы», возили кирпич⁵¹. Работали в монастыре артели «каменщиков-ярославцев» (10 человек), которые получали за лето 150 руб. на «монастырских кормах», «ярославцев-штукатуров» (15 человек) – на тех же условиях⁵². И.С. Шмелев писал, что каменотесные работы выполняли «монахи-трудники и финны-рабочие»⁵³. При строительстве Спасо-Преображенского собора (заложен 30 июня 1887 г., через четыре года в основном закончен, 26 июня 1892 г. освящен нижний храм, 14 июня 1893 г. – боковой предел, 19 июня 1896 г. – верхний храм) каменные работы выполнялись «исключительно» наемными работниками, а плотничьи, столярные, кровельные, кузнечные, штукатурные – частично наемными, но большей частью – монастырской братией⁵⁴. Живописные работы выполняли монастырские мастера, особое внимание им уделял игумен Гавриил; благодаря ему была создана и развилась при монастыре школа живописи⁵⁵, сам он участвовал в некоторых работах по росписи храма.

Работали в монастыре также «поденщики», например, на вырубке деревьев и др. В основном это были крестьяне из приладожских деревень, приезжавшие в субботу на воскресенье. Платили им 46 коп. в день. Для них были построены два домика, трапеза проходила под навесом⁵⁶.

Строгие правила монастырской жизни определяли и характер наказаний. И.С. Шмелев обратил внимание на то, как во время трапезы к тому или иному монаху подходил послушник и говорил, что «о. игумен благословил ложку от вас взять»; в праздник могли оставить без молока и булки, или отправить к «чухонцам» в их постыницу за версту обедать, а у них «пища трубая»; могли также заключить в келье или отлучить от церкви на какой-то срок⁵⁷. Наказанные выполняли самые тяжелые работы в каменоломнях.

Существовал обычай посылать на Валаам «на исправление», особенно пьющих. Н.С. Лесков писал о разговорах, как много людей игумен Дамаскин «отчитал от беса пьянства»⁵⁸. В.И. Немирович-Данченко выяснил во время своего пребывания на Валааме, что двое купцов на исправлении от пьянства находились там уже третий месяц; еще один молодой купец жаловался ему, как надоело работать в пекарне: «Сорок дней окромя квашни ничего не видел», «кутешила меня маменька»⁵⁹. На исправлении уже в течении 4-х лет находился иерей Николай⁶⁰.

Валаам со всех сторон был окружен островами (около 40). Удобных для поселения — не больше 5. Земли за монастырем к середине 1890 г. было всего 3100 десятин на всех островах; до 20 десятин занимали монастырские здания, сады и огороды; около 500 кв. сажень — под кладбищем; до 130 дес. — под сенокосом и посевами; на 700 дес. рос лес; остальное — скалы, несколько болотистых мест, покрытых мхом, кустарником, брусничником⁶².

Многолетним трудом монахов были разбиты сады и огороды на Валааме. По распоряжению игумена Дамаскина пригодную для этого землю баржами и лодками (в мешках) перевозили на остров, укладывали на специально подготовленные на каменных уступах террасы, укрепляли переплетенными прутьями, дополняли постепенно и из лесной подстилки; были прорыты оросительные каналы, по которым вода из внутренних озер шла на поля и в сады⁶². Уже в 1828 г. Э. Леннрот писал, что он ходил по полям и садам, за которыми был «неплохой уход: яблони, посаженные на уступах, росли хорошо»⁶³. В таких условиях хлебопашество не могло быть развитым. Поэтому В.И. Немирович-Данченко отмечал, что зерна только «полтораста кулей» снимали со своих полей, а тысячу сто для себя и богомольцев покупали, так что больше пахали, чтобы получить солому для подстилки; овса собирали до 50 кулей, а 200 — покупали. Но своего сена было достаточно; зелень и овощей хватало на год⁶⁴. Особое впечатление на посещавших Валаам производили сады: «правильными шпалерами» посажены «корнастенские, развесистые яблоньки, груши, вишни», ягодные кусты, у дорожек цветы⁶⁵. Современники отмечали, что именно при игумене Дамаскине были доведены до «совершенства» сады и огороды; до 60 сортов росло яблонь, правда, плоды редко созревали⁶⁶. В монастыре много внимания уделяли организации лесного хозяйства; в большом объеме велись лесопосадки. При игумене Дамаскине был создан питомник деревьев, саженцы из него покупали питерские любители. На острове высаживали необычные для этих мест кедр, лиственницы, пихты, дубы, липы, акации; уступы, беседки украшали, высаживая сирень, шиповник и др.⁶⁷

Овощами и плодами монастырь обеспечивал полностью себя и богомольцев, излишки раздавались крестьянам приладожских деревень, вывозились на материк. Крестьянам оказывалась помощь семенами, сеном, соломой. И.С. Шмелев писал, что «бедному окрестному люду» — карелам и финнам монастырь помогал также деньгами, лекарствами, одеждой, топливом, давал приют в странноприимном доме⁶⁸. В.И. Немирович-Данченко заметил, что нищета крестьян из прибрежных деревень побуждала их даже зимой за 150 и более верст приходить в монастырь, чтобы «денька два пожить на монастырском

хлебе»⁶⁹. Более всего бедный народ съезжался на праздник св. Петра и Павла – до 4 000⁷⁰. Обычно же летом из Петербурга на пароходе каждую неделю прибывали до 150 Богомольцев; в течение всего года из близких мест – 72 тыс., из дальних – 8 тысяч; по другим сведениям, из приладожских селений – до 7 – 8 тыс. в год⁷¹.

Таким образом, мемуарные свидетельства современников позволяют достаточно подробно воссоздать хозяйственную деятельность монастыря, его связи с населением прибрежных деревень и материком. Как никакой другой источник, записки современников отражают характерные особенности образа жизни и мышления иноков. Они же передают отношения мирян к монастырю и монахам. В этом – уникальные особенности мемуаров как источника и возможности его использования в исследованиях.

Примечания

- ¹ См.: **Немирович-Данченко В.И.** Крестьянское царство (Валаам). 2-е изд. СПб., 1889. Т. 1. С. 90 – 91. (1-е изд. СПб., 1882).
- ² **Лесков Н.С.** Монашеские острова на Ладожском озере // Очерки и рассказы. Петрозаводск, 1988. С. 99. (Впервые очерк был опубликован в 1873 г. в газете «Русский мир».)
- ³ **Немирович-Данченко В.И.** Указ. соч. С. 87.
- ⁴ [Муравьев А. Н.] Путешествие по святым местам русским: Троицкая лавра, Ростов, Новый Иерусалим, Валаам. 2-е изд. СПб., 1837. С. 137. (1-е изд. СПб., 1836).
- ⁵ См.: **Случевский К.** Поездка великого князя Владимира Александровича: I. Маринская система. II. Валаам. (с 12 по 20 июня 1896 г.). СПб., 1896. С. 80; **Резников Л.Я.** Валаам: Кризис аскетизма. Л., 1986. С. 58 – 59.
- ⁶ **Шмелев И.** На скалах Валаама. М., 1897. С. 159, 185, 226.
- ⁷ Там же. С. 225.
- ⁸ Там же. С. 226.
- ⁹ **Немирович-Данченко В.И.** Указ. соч. С. 87; **Л.Я. Резников.** Валаам: Указ. соч. С. 60.
- ¹⁰ **Немирович-Данченко В.И.** Указ. соч. С. 87.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Поездка из Москвы на Валаам в 1871 году // Моск. епарх. ведомости. 1871. 29 августа (№ 35). С. 339.
- ¹³ См.: **Шмелев И.** Указ. соч. С. 182, 184.
- ¹⁴ Там же. С. 182.
- ¹⁵ **Немирович-Данченко В.И.** Указ. соч. С. 178.
- ¹⁶ **Шмелев И.** Указ. соч. С. 163.
- ¹⁷ См.: **Рябкин В.Р.** По Валааму. Петрозаводск, 1990. С. 155 – 156.
- ¹⁸ См.: **Шмелев И.** Указ. соч. С. 165, 175.
- ¹⁹ Там же. С. 175.
- ²⁰ Там же. С. 179.
- ²¹ Там же. С. 181.
- ²² См.: **Резников Л.Я.** Указ. соч. С. 60.
- ²³ Там же. С. 64.
- ²⁴ **Шмелев И.** Указ. соч. С. 181.
- ²⁵ См.: Святыни Валаамского монастыря, места подвижничества преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев: История монастыря с древнейших времен по настоящее время / Сост. И.К. Кондратьев. М., 1896. С. 42.
- ²⁶ **Немирович-Данченко В.И.** Указ. соч. С. 117.
- ²⁷ Там же. С. 117, 139, 174.
- ²⁸ **Шмелев И.** Указ. соч. С. 250.
- ²⁹ Там же. С. 250 – 251; Святыни Валаамского монастыря.. С. 57.
- ³⁰ Там же; **Немирович-Данченко В.И.** Указ. соч. С. 144 – 145; **Шмелев И.** Указ. соч. С. 181, 218; **Случевский К.** Указ. соч. С. 74 – 75, 81; Путешествие на Валаам, во святую обитель и подробное обозрение его достопримечательностей. СПб., 1892. С. 73.
- ³¹ **Шмелев И.** Указ. соч. С. 82.
- ³² Там же. С. 205.
- ³³ Там же. С. 168.
- ³⁴ Там же. С. 96.
- ³⁵ Там же. С. 100 – 101, 166, 222, 251.
- ³⁶ Там же. С. 211.
- ³⁷ Там же. С. 96.
- ³⁸ Там же. С. 179.
- ³⁹ Там же. С. 167 – 168.
- ⁴⁰ **Немирович-Данченко В.И.** Указ. соч. С. 146.
- ⁴¹ **Лесков Н.С.** Монашеские острова на Ладожском озере. С. 82 – 83.

- ⁴² Шмелев И. Указ. соч. С. 254.
⁴³ Там же. С. 101.
⁴⁴ Там же. С. 103.
⁴⁵ Там же. С. 154; Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 83, 142.
⁴⁶ Там же. С. 142 – 143.
⁴⁷ Лесков Н.С. Павлин // Очерки и рассказы. С. 282.
⁴⁸ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 98, 157; Шмелев И. Указ. соч. С. 77.
⁴⁹ См.: Резников Л.Я. Указ. соч. С. 68 – 69; Рыбкин В.Р. Указ. соч. С. 78 – 80.
⁵⁰ См.: Рыбкин В.Р. По Валааму. С. 153; Святыни Валаамского монастыря.../ Сост. И. К. Кондратьев. С. 55.
⁵¹ См.: Немирович-Данченко В.И. Крестьянское царство. С. 174.
⁵² Там же. С. 175.
⁵³ См.: Шмелев И. Указ. соч. С. 218.
⁵⁴ См.: Случевский К. Указ. соч. С. 75.
⁵⁵ Там же. С. 7, 75 – 76; Резников Л.Я. Указ. соч. С. 80 – 81.
⁵⁶ См.: Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 181.
⁵⁷ См.: Шмелев И. Указ. соч. С. 158.
⁵⁸ Лесков Н.С. Монашеские острова на Ладожском озере. С. 133.
⁵⁹ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 94 – 95, 97.
⁶⁰ См.: Шмелев И. Указ. соч. С. 192.
⁶¹ См.: Святыни Валаамского монастыря... С. 41.
⁶² См.: Резников Л.Я. Указ. соч. С. 71, 74.
⁶³ Путешествия Элиаса Леннрота: Путевые заметки, дневники, письма: 1828 – 1842. Петрозаводск, 1985. С. 55.
⁶⁴ См.: Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 116 – 117; Святыни Валаамского монастыря... С. 44.
⁶⁵ См.: Шмелев И. Указ. соч. С. 125.
⁶⁶ См.: Случевский К. Указ. соч. С. 80 – 81.
⁶⁷ См.: Шмелев И. Указ. соч. С. 125, 226.
⁶⁸ Там же. С. 252.
⁶⁹ Немирович-Данченко В.И. Крестьянское царство. С. 107 – 109.
⁷⁰ Там же. С. 108.
⁷¹ Там же. С. 106 – 107; Святыни Валаамского монастыря... С. 79.

Е. Г. Неклюдов,

кандидат исторических наук,

Нижегородская государственная социально-педагогическая академия (г. Нижний Тагил)

РОЛЬ ВЛАДЕЛЬЦЕВ В УПРАВЛЕНИИ УРАЛЬСКИМИ ЗАВОДАМИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Применение антропоцентричного подхода к истории уральской горнозаводской промышленности обращает историков к исследованию наиболее значимых и отчетливо персонализируемых «действующих лиц» этой истории – заводовладельцев, от «экономического поведения» которых во многом зависели характер, динамика и итоги развития принадлежавших им промышленных хозяйств.

Наше исследование посвящено заводчикам первой половины XIX в., периода далеко неоднозначного и сравнительно слабо изученного в контексте истории российской и уральской экономики. В немногочисленной историографии темы владельцы уральских заводов традиционно высоко оцениваются как меценаты и благотворители; роль же их в развитии принадлежавших им горнозаводских хозяйств либо замалчивается (из-за неизученности), либо опрашивается упоминанием о том, что они уже не жили на своих заводах и потому не принимали такого же активного участия в управлении, как их деятельные предки – фундатеры уральских заводов XVIII в.¹

Реконструкция практики владения всеми уральскими заводчиками (за период с 1800 по 1861 г. выявлено 324 человека, принадлежавших к 31 разветвленному роду и 14 отдельным фамилиям) всеми (50) частными горнозаводскими округами Урала сви-

детельствует, что в новых условиях стадийного развития в первой половине XIX в. «административная» функция заводовладельцев, действительного, претерпела серьезные изменения, связанные с изменением их роли в структуре управления². Из двух предусмотренных горным законодательством форм участия владельца в управлении: лично или опосредованно, через доверенных лиц – преобладающее большинство из них действительно сделало выбор в пользу последнего.

По нашим данным, в первой половине XIX в. на своих заводах или вблизи них постоянно проживало очень небольшое число владельцев. На рубеже XVIII – XIX вв. рапорты «о получении указов» лично подписывал всего один С.Т. Красильников, владелец небольшого Коринского завода. За остальных заводчиков подписи ставили приказчики или управляющие, что свидетельствует об отсутствии владельцев на заводах. По косвенным данным можно судить, что на своем Пыжманском заводе какое-то время могли проживать Кобелевы после продажи их дома в Казани в 1807 г., Н. Маленков – на Берсудском заводе в 1810-е гг. и П.А. Глазов на Богословском заводе в 1800 – 1820-е гг. Неподалеку от последнего (на станции Кичуй) в 1850-е гг., руководя хозяйством, жил С.П. Шелашников. Известно также, что после смерти А.М. Подъячева в 1817 г. его вдова с сыном и снохой проживали на Шильвинском заводе, а вдова и дети А. С. Иноземцева – на Таишевском и Иштеряковском заводах в 1800–1810-х гг.

Из владельцев крупных горнозаводских округов можно упомянуть В.А. Всеволожского, спасавшегося на своих Пожевских заводах от наполеоновского нашествия до 1817 г. или Ф.С. и М.П. Турчаниновых (а также, вероятно, П.А. Турчанинова) постоянно проживавших на своих Сысертских заводах и в Екатеринбурге. Филанцета Степановна непосредственно управляла заводами фактически до своей смерти в 1822 г. Марк Петрович имел горный чин шихтмейстера и, по всей видимости, не бездействовал на заводах, когда стал их совладельцем в 1829 г. После выхода в отставку в середине 1830-х гг. в живописной Сысерти поселился П.Д. Соломирский, находившийся под опекой вдовы за частные долги. Приобрел в 1808 г. Ревдинско-Рождественские заводы, туда перебралась многочисленная семья А.В. Зеленцова (до этого проживавшая в Верхотурье и Екатеринбурге), а в 1815 г. и сам владелец. После его смерти в Ревде в 1817 г. вдова и дети оставались там, видимо, до возвращения заводов А.П. Демидову в 1833 г. В Ревде последние годы своей жизни жила и умерла М.Д. Демидова. В начале века на своем Верх-Исетском заводе до отъезда в Петербург (после 1807 г.) жил Ал. И. Яковлев. Почти все 1830-е гг. прожил на Холуницких заводах его брат А.И. Яковлев, хотя в то время он был отстранен от управления Комиссией кредиторов. На своих Шурминско-Залазнинских заводах на рубеже 1850 – 1860-х гг. находился Н.И. Мосолов. Ранее вблизи этих заводов в Уржуме проживала его бабушка М.И. Мосолова до своей смерти в 1824 г. В Казани в 1823 – 1827 гг. жила О.И. Мосолова, а до конца 1830-х гг. вместе с отцом и опекуном В. А. Загорским и ее племянницы – совладелицы. Там же, в Казани, обосновались владельцы Троицких, Омутнинских и Мешинского заводов Осокины и владельцы Бемшевского завода Лебедевы. В своем симбирском имении Никольское (до его уступки за карточный долг Н.В. Обрезкову) недалеко от принадлежавших ему Юрюзанских заводов подолгу проживал Н.А. Дурасов. В 1809 – 1821 гг. М.П. Гусятников жил в Оренбурге и принимал личное участие в управлении расположенным поблизости Преображенским заводом.

Остальные заводчики находились еще дальше от своих уральских владений. По данным составленного в 1813 г. «Реестра заводосодержателей», в Петербурге по месту жительства владельцев находились главные конторы А.А. Голицыной («в Галерной за Сенатом в собственном доме»), П.А. Строганова («в собственном доме у Полицейского моста»), Н.Н. Демидова («на Васильевском острове у Тучкова моста в собственном доме»), Г.А. Демидова («у Синего моста в собственном доме»), С.С. Яковлева («на Невском проспекте в собственном доме»), наследников П.С. Яковлева (в том же доме на Невском проспекте), А.В. Зеленцова («у Харламова моста в доме статского советни-

ка Посникова»), Е.Л. Лазарева («на Невском проспекте в собственном доме»), А.Г. Белосельской–Белозерской («у Аничкова моста в собственном доме»), В.А. Пашкова («в Большой Морской в собственном доме») и А.Г. Лаваль («на Английской набережной в собственном доме»). В «первопрестольной» столице располагались центральные правления В.А. Всеволожского, М.П. Губина, М.Ф. Ярцова, П.М. Гусятникова, А.П. Полторацкой, И.А. Пашкова и А.А. Кнауфа. Конторы Ал. И. Яковлева, Л.И. Расторгуева и наследников А.Ф. Турчанинова находились в Екатеринбурге; Е.А. Лебедева – в Казани. Остальные 16 владельцев (в «реестре» не включены Г.А. Строганов и В.А. Шаховская, вероятно, потому, что находились в то время за границей) имели управления на своих заводах, но, как уже упоминалось, лишь единицы из них там же и жили³.

Когда через 45 лет, в 1858 г. от заводовладельцев потребовали ответить, согласны ли они на учреждение особых комитетов для улучшения быта заводских людей, из Петербурга прислали свои отзывы С.Г. Строганов, Х.Е. Лазарев, М.В. Пашков, А.И. Ушакова, Е.Л. Зотова, А.П. Пономарева и Д.Е. Венардаки; из Москвы – С.М. Голицын, М.И. Кузьмина и О.И. Берг; из Казани – А.Е. Лебедев и А.А. Коровин; из Ярославля – А.М. Пастухов. За границей в то время находились В.П. Бутеро–Родали, Е.А. Сухозанет, М.А. Голицын (Мадрид), А.Н. Демидов (Вена), И.А. Яковлев (Париж), Е.М. Волконская (Париж), Н.М. Ивелич (Париж), А.К. Карамзина и П.П. Демидов (Париж). Но из них только В.П. Бутеро, А.Н. Демидов и М.А. Голицын можно назвать «настоящими европейцами», постоянно жившими за границей. Другие заводчики отправлялись туда либо по службе, либо лечиться или путешествовать. Некоторые владельцы прислали свои письма из имений: П.А. Демидов из Сивориз Петербургской губернии, А.А. Турчанинов из Горбатов Нижегородской губернии. Получив эти отзывы от владельцев, А.М. Княжевич распорядился об учреждении двух комитетов заводчиков (одного по Оренбургской, другого – по Пермской, Вятской, Вологодской, Казанской и Самарской губерниям), но оба должны были заседать в Петербурге. Причиной такого решения стало, по словам министра, «нахождение там значительных заводовладельцев»⁴.

То, что преобладающее большинство владельцев в первой половине XIX в. уже не жили на своих заводах, вовсе не являлось случайностью. «Пространственное» отделение владельцев от владений произошло еще во второй половине XVIII в, на наш взгляд, было вполне закономерным следствием действия двух основных факторов. Первый, «объективный», заключался в постепенном завершении процесса формирования окружной организации заводского хозяйства и, в частности, аппарата его управления⁵. Если на этапе формирования округов роль заводчика в их организации и управлении являлась первостепенной, то по мере завершения этого процесса и совершенствования административного аппарата возникала возможность отхода владельца от непосредственного в нем участия. Можно сказать, что отсутствие владельцев на заводах являлось даже своего рода индикатором степени «продвинутости» процесса формирования горнозаводских округов. Стабилизация окружной системы способствовала также быстрому обогащению заводовладельцев, капиталы которых становились материальной основой переезда и обоснования в столичных центрах. «Новые» владельцы, вошедшие в состав заводчиков путем покупки округов в первой половине XIX в. (их доля равнялась 15,1 %), получали вместе с приобретенными заводами и уже сложившуюся модель их управления. Они могли «подновлять» ее (например, назначить новых приказчиков или управляющих или перенести центральное правление по месту своего жительства), но не меняли прежней модели, а значит, и своей собственной в ней роли.

Действие первого накладывалось на влияние второго, «субъективного», фактора, связанного с «одворяниванием» заводчиков и происходившими вследствие этого изменениями в их образе жизни и менталитете. Постепенное «насыщение» заводчиков недворянского происхождения дворянской культурой (по нашим подсчетам в 1800 г. дворяне составляли 63,3 %, в 1861 г. – уже 86,7 %) во многих случаях закономерно вело к «перемене приоритетов» в их сознании от нехарактерного для «первого сословия» пред-

принимательства к гражданской или военной службе, что было несовместимо с постоянным пребыванием на заводах. Лишь выход в отставку мог подтолкнуть владельца к более детальному участию в управлении (пример владельца Нижнетагильских заводов Н.Н. Демидова), а иногда и переезду в имение (пример П.Д. Соломирского). У большинства потомственных дворян владение заводами изначально совмещалось с государственной службой и не меняло привычного образа жизни, за рамками которого оказывалось проживание на далеких уральских заводах⁶.

Не случайно именно Петербург становится наиболее привлекательным местом жительства уральских заводовладельцев. В XVIII в. этому способствовала необходимость оперативно решать постоянно возникающие проблемы хозяйствования, что легче было делать в контакте не с еще слабой местной, а с высшей горной властью. Тогда город являлся не только средоточием этой власти, но и крупнейшим центром сбыта металлов в Европу. В первой половине XIX в. большее значение приобрела роль Петербурга как политической, финансовой и культурной столицы империи, где жить было удобно и престижно⁷. Резиденциями крупных уральских заводчиков становились роскошные дворцы на центральных аристократических улицах города — Невском проспекте, Большой Морской, Галерной, Миллионной, Дворцовой и Английской набережной⁸. Там же или по соседству располагались их домовые конторы и центральные правления заводов и вотчин.

Через этих «посредников» в первой половине XIX в. заводчики и осуществляли централизованное дистантное управление своими заводами, ставшее основной формой участия владельцев в управлении. Оно могло быть более или менее сложным (в зависимости от расстояния, на котором находился владелец, структуры и величины хозяйства, наличия связанных с заводами вотчин), но в общих чертах оказывалось у всех заводчиков схожим.

Обязательными элементами структуры такого управления являлись центральное и заводское правления, а также конторы по продажам в разных торговых центрах России (а также Западной Европы и Востока, если продукция заводов шла на экспорт). Центральное правление располагалось обыкновенно рядом с резиденцией владельца и находилось под его личным контролем. Поэтому оно являлось более надежным органом управления, обладавшим такой важной функцией, как распределение финансов, концентрировавшихся здесь из разных районов сбыта металлов. Через центральное правление владелец (вместе с наемным управляющим или консультантами) осуществлял общее наблюдение за всеми частями сложного хозяйства; оно же являлось главным органом исполнения принятых им решений. В случае долгой отлучки владельца (например, отъезд за границу), он «отрывался» от центрального правления, но, чтобы поддержать его авторитет, находил себе «адекватную» замену в лице доверенного и, как правило, высокопоставленного лица (так, в 1801 — 1803 гг. вместо путешествовавшего Н.Н. Демидова его именами в России управлял светлейший князь П.В. Логунин, а в 1820-е гг. — Н.Д. Дурново). Переезд на постоянное жительство в Западную Европу мог привести к усложнению системы дистантного управления за счет «удлинения» почтовой связи и организации при заводчике своего рода «домовой конторы» во главе с секретарем, ведущим переписку владельца. Но случалось, что постоянно пребывающий за границей владелец пытался организовать там подобие центрального правления (пример Высшего совета по Нижнетагильским заводам, созданного А.Н. Демидовым в 1839 г. в Париже).

Особого внимания требовала организация эффективного аппарата многоуровневого заводского управления на далеком Урале. Действуя в условиях большей самостоятельности, оно являлось наиболее «слабым», но не менее важным звеном в структуре дистантного управления. От него непосредственно зависела деятельность заводов, производивших основную товарную продукцию. Относительную надежность и устойчивость этому правлению придавал созданный самим заводчиком преданный штат обученных крепостных служащих, постепенно принявший вид узкой привилегированной касты, в которой служительские должности могли передаваться по наследству. Привлечение крепостных к управлению часто оказывалось более эффективным вариантом по сравнению с наймом

управляющих «со стороны» не только потому, что они находились в личной зависимости от владельца. По своему жизненному опыту крепостные служащие лучше представляли особенности функционирования сложного горнозаводского хозяйства, чем образованные (как правило, в технической области) наемные специалисты.

Проблема заключалась в подборе подготовленных кадров крепостных служащих и организации жесткого контроля над ними с целью добиться беспрекословного подчинения. Для этого заводчиком использовались самые разнообразные средства: составлялись детальные инструкции, велась личная переписка с доверенными приказчиками, осуществлялась ротация кадров высших служащих, которым предоставлялись существенные льготы, назначался постоянно находившийся на заводах «первоприсутствующий» или директор (как правило, принадлежавший к «свободным сословиям»), периодически проводились «ревизии» дел приезжавшими «комиссарам» или «главноуполномоченными» владельца (часто в этой роли выступали его родственники, как, например барон Ф.К. Шерваль и А.Н. Карамзин на Нижнетагильских или князь В.С. Голицын на Билимбаевских заводах). Наконец, «высшей» формой контроля являлся проезд на заводы самого владельца. Посещения владельцев играли очень важную роль в системе дистантного управления, хотя нечасто практиковались ими. К тому же со временем проезды владельцев все больше стали превращаться из деловых инспекций с серьезными последствиями (как, например, проезд Н.Н. Демидова на Нижнетагильские заводы в 1806 г. или Х.Е. Лазарева на Чермозские заводы в 1848 г.) в ознакомительные путешествия, носившие увеселительный характер (такowymi показаны, например, Д.Н. Маминь-Сибиряком в романе «Горное гнездо» проезд П.П. Демидова на Нижнетагильские заводы в 1862 г. или в повести «Доброе старое время» проезд П.А. Демидова на Ревдинские заводы).

Оперативность исполнения решений, затрудненная расстоянием, отделявшим владельца и его центральное правление от заводов, достигалась посредством налаженной деловой переписки, за которой бдительно следил сам заводчик. Как правило, от заводоуправления требовалось присылать еженедельные, месячные, «третние» и годовые рапорты о производимости заводов, а также «двуседмичные» финансовые ведомости. Центральное правление подготавливало для владельца общий годовой отчет, затрагивавший все стороны деятельности заводов, «продаж» и вотчин.

В этой сложной системе управления роль заводовладельца сводилась в первую очередь к функции высшего контроля за все разрастающимся в связи с усложнением самого заводского хозяйства административным аппаратом. За владельцем оставались также функция определения перспектив развития заводов в динамично меняющейся рыночной конъюнктуре и обязанность стабильно финансировать их (в первую очередь оборотным капиталом). После того как в основном завершилось формирование постоянных рабочих кадров для всех отраслей хозяйства, возникла необходимость проведения такой «социальной политики», которая способствовала бы повышению эффективности крепостного труда и своего рода «гармонизации» отношений заводчика и представлявшей его на заводах администрации с горнозаводским населением. Осуществление ее также напрямую зависело от воли и возможностей заводовладельца.

По всем признакам дистантная модель являлась продвинутой разновидностью так называемого предпринимательского типа управления⁹, сложившегося на Урале еще в XVIII в., но приспособленного к новым задачам и изменившемуся образу жизни владельцев в первой половине XIX столетия. Подтверждается это тем, что все элементы дистантной системы управления были теснейшим образом связаны между собой и, как правило, «зеркально» отражали друг друга: сильному «центру» соответствовало дееспособное заводское правление, и наоборот. Поскольку высшим ее звеном являлся заводчик, то именно от его личных качеств в первую очередь зависела эффективность всей системы управления. Показательным положительным примером этого можно по праву признать управление Н.Н. Демидовым Нижнетагильскими заводами в 1797 – 1828 гг.

Живший в основном во Франции и Италии владелец был в курсе всех заводских дел и активно в них участвовал через хорошо настроенную систему дистантного управления. Одним из самых эффективных признавалось горными властями и его заводское правление. Противоположным примером может служить владение Симскими и Богоявленским заводами И.П. и П.П. Бекетовыми в 1820-е гг. Оба владельца были настолько далеки от доставшихся им по наследству заводов, что воспринимали их как обычные помещичьи имения: один настаивал на выделе огромного числа крепостных сестрам; другой, вступив во владение заводом, хотел занять рудничных рабочих на пашне в летнее время и вообще считал лишним платить им за работы. Учрежденное над П.П. Бекетовым первое опекунство довело завод почти до полного «расстройства», во время которого приказчиком оказался горький пьяница. Спасло родовые заводы от полного краха только вмешательство родственников Балашевых, купивших Симские заводы и возлагивших вторую опеку над П.П. Бекетовым, и Пашковых, купивших Богоявленский завод.

Более сложной и часто проблематичной оказывалась организация управления при нескольких владельцах. Указом 1762 г. предусматривалось в этом случае выбирать им «из среды себя» одного, который и осуществлял бы общее руководство имением. Роль остальных ограничивалась просмотром отчетной документации, составляемой для них по итогам заводского года, и получением доходов. Так было организовано управление Турчаниновых Сысертскими заводами в 1790 – 1810-е гг., Мосоловых Каноникольским заводом в 1810 – 1830-е гг., Мосоловых Щурминскими заводами в конце 1820-х – 1830-е гг., Шелашниковых Богословским заводом в конце 1840-х – начале 1850-х гг., Пашковых Белоречскими заводами в конце 1820-х гг., Голыциных Нытвенскими заводами в 1810 – 1850-е гг., Лазаревых Чермозскими заводами в 1820 – 1850-е гг., Строгановых Кыновскими заводами в конце 1850-х гг. При согласованности владельцев в таком случае реализовывался несколько более усложненный вариант дистантного управления.

Особой его разновидностью стали управления, созданные владельцами самых «многоязычных» Невьянских (в 1861 г. 32 чел.) и Алапаевских (14) заводов, принадлежавших разветвленному роду Яковлевых. Еще в 1800 – 1810-е гг. они сумели мирно договориться между собой о создании двух «семейно-паевых товариществ», руководящими органами которых становились Общие правления в Петербурге. В них входили выбранные «при собрании всех владельцев» представители, которые и вырабатывали коллективные решения для окружных правлений. Но в последующие 40 лет число владельцев неуклонно возрастало, происходило и перераспределение собственности между ними. К тому же в 1840-е гг. возникли проблемы с владельцами третьей части Невьянских заводов, наследниками М.С. Яковлева, которые перестали стабильно финансировать предприятия. Прежний порядок управления стал давать сбои. В этих условиях владельцы обратились к помощи высшей власти.

К ней прибегали также владельцы тех округов, над частями которых учреждались опеки (над малолетними, больными или обанкротившимися совладельцами), затруднявшие, по их мнению, управление заводами. Так, в 1842 – 1843 гг., рассматривая прошение А.Н. Демидова, Комитет министров «между прочим обратил внимание на неудобства... в управлении частными горными заводами несколькими лицами с участием опеки» и предписал министру финансов «составить о том общее положение». Министрство не очень торопилось и представило в Государственный Совет свой проект только 31 октября 1853 г. При его рассмотрении в Департаменте законов «возникли новые мысли и предположения по поводу того, «как возможно удерживаться от раздробления управления горнозаводскими имениями», ведущего к «расстройству оных». Было предложено «право голоса предоставлять одним главным частям, а меньшим в том случае, когда они в сложности равняются или достигают величины главной части». Так, считали в Департаменте законов, «представляется менее дробности в управлении, а вместе с тем удерживается мысль, что степень участия в распоряжении по общему имуществу зависит от преимущества прав на него»¹⁰.

Однако этот проект не нашел поддержки в Общем собрании Государственного Совета, куда был внесен для обсуждения министром финансов П.Ф. Броком в июле 1855 г. Он предусматривает лишь способы сокращения числа «участников в управлении», решили там, но не устраняет «неудобства от управления несколькими лицами». В результате Совет «пришел к убеждению, что постановление общих правил будет весьма затруднительно, а может быть даже невозможно по разнообразию местных обстоятельств и условий каждого завода, по различным причинам несогласия между совладельцами и поводам к ссорам и, наконец, по самому числу участников владения». 11 июля 1855 г. императором было утверждено «мнение» Совета, «не постановляя в настоящее время никаких общих правил об управлении горными заводами, состоящими в общем владении, предоставить министру финансов в случае изъявленного значительным числом совладельцев желания учредить управление заводами на особь, по указанию правительства, основаниях, или же в случае жалобы хотя одного из совладельцев на вредное для заводов управление, когда сия жалоба будет подкреплена уважительными доказательствами с удостоверения горного начальства в справедливости оных, входить каждый раз, по предварительному соглашению с министром юстиции, с представлением в Комитет министров об учреждении особого порядка управления заводом, какой соответственно местным обстоятельствам и условиям каждого завода окажется удобным и наиболее полезным»¹¹.

Владельцы Алапаевских заводов сумели воспользоваться этим разрешением и сами подготовили проект Общего правления, после согласований в 1858 г. утвержденного властями. В нем в усовершенствованном виде нашла отражение предложенная в 1853 г. идея «уравнения» роли владельца в управлении (точнее в получении права голоса в Общем собрании) с долей участия его в общем владении. Хотя «новый порядок» не устранял все потенциальные недостатки «многочленного» управления, но придавал ему правовую форму, закрепленную в утвержденном высшей властью «положении». По такому же пути пытались пойти владельцы Сергинско-Уфалейского округа Губины, но не успели согласовать и утвердить предложенный проект Общего правления до учреждения опеки над заводами в 1858 г. В дальнейшем это послужило одной из причин разорения наследников К.М. Губина.

Когда же согласия между совладельцами не было, управление заводами могло быть временно дезорганизовано вследствие того, что центральное правление распалось и каждая из конфликтующих сторон пыталась захватить власть на заводах. Так, в частности, произошло на Щурминско-Залазнинских заводах наследников И.А. Мосолова в 1823 – 1826 гг., Сысертских – наследников А.Ф. Турчанинова в 1814 – 1826 гг. и Шайтанских – наследниц И.М. Ярцова в 1846 г. При этом безответственные владельцы прибегали порой к сознательному ухудшению ситуации (не присылали доверенных лиц или назначали в заводоуправление совершенно непригодных для этого людей, лично приезжали на заводы для захвата власти и даже организовывали «волнения» рабочих) с целью дискредитации враждебной стороны, что, как правило, оборачивалось против них же самих (например, действия А.И. Карцевой и ее мужа контр-адмирала И.П. Карцева в 1823 и 1826 гг. или Н.А. Колтовской в 1824 – 1827 гг.).

«Нет зла, – констатировали чиновники Горного правления, – которого можно было бы избежать от безначалия, в особенности в отдаленных частных заводах», и предлагали «учредить постоянный закон» для установления на таких заводах казенного управления¹². Хотя министр финансов Е.Ф. Канкрин тогда не согласился с этим предложением, практика показывала, что развязка конфликта, как правило, наступала лишь после вмешательства властей, не сразу (из-за отсутствия «постоянного закона») находивших верное средство восстановить управляемость заводов. Так, на Сысертских заводах учрежденная в 1823 г. опека на следующий год была заменена попечительством и вновь восстановлена в 1825 г., а на Шайтанских заводах в 1848 – 1849 гг. одновременно действовали казенный присмотр Горного правления и две дворянские опеки (московская и екатеринбургская), что еще больше запутывало управление. Лишь чрезвычайным органам (в час-

тности, министерской комиссии на Сысертских заводах и следственной комиссии на Щурминских заводах) удавалось сформировать новое заводоуправление и какое-то время контролировать его. Точку в конфликте ставили высшие государственные органы (Государственный Совет или Сенат), по постановлениям которых на заводах создавалось так называемое многочисленное (или конфликтное) управление. В этом случае владельцы передавали свои полномочия не одному, а нескольким управляющим, представлявшим на заводах интересы каждого владельца или групп владельцев. Так, в 1820 – 1830-е гг. «трехчленное» управление, состоявшее из двух уполномоченных от двух враждующих групп владельцев и одного – от дворянской опеки, действовало в Сысертском округе. В 1837 г. двое уполномоченных (от А.И. Пашкова и казны, представлявшей Демидовых) составляли управление Кагинских заводов. Такая же ситуация сложилась в 1840 – 1860-х гг. на Кыштымских заводах, где каждая из двух враждующих владелиц имела своего управляющего, на Преображенском заводе в 1816 – 1822 гг. и Щурминских заводах в 1820-е гг. Общего центрального органа управления в таком варианте не предусматривалось и отчеты с заводов получал каждый из владельцев.

Беспрецедентный случай произошел с «кагинскими» Демидовыми, часть которых, вопреки закону, продала свои «доли участия» в заводах «на сторону» (А.И. Пашкову), а часть не только «не явилась для управления, но и не прислала доверенных от себя лиц». Такое равнодушие владельцев к своей собственности вынудило власти использовать все имеющиеся в его арсенале средства от учреждения опеки (1823 – 1830 гг.) до казенного присмотра (1836 – 1853 гг.) и управления (1834 – 1836 гг.). Но поскольку ничто не заставило Демидовых «одуматься», Кагинские заводы пришлось продать с публичных торгов.

Таким образом, анализ заводской документации приводит нас к выводу о том, что заводовладельцы первой половины XIX в. все-таки принимали достаточно активное участие в управлении своими заводами. Однако, в новых условиях стадийного развития, когда они уже не жили на заводах, это участие осуществлялось не напрямую, а через особую систему дистантного управления. От того, насколько четко она была организована и контролировалась заводчиком, во многом зависела эффективность деятельности самих горнозаводских округов. Судя по основным характеристикам дистантной модели, она сочетала в себе черты двух основных типов управления, являясь переходной формой от «предпринимательского», характерного для горнозаводской промышленности XVIII в., к «менеджерскому» типу, более свойственному развитию отрасли во второй половине XIX – начале XX в.

Примечания

- 1 См.: **Головщиков К.Д.** Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881; **Кафенгауз В.Б.** История хозяйства Демидовых в XVIII – XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М.; Л., 1949; **Павленко Н.И.** История металлургии в России в XVIII в.: Заводы и заводовладельцы. М., 1962; **Гуськова Т.К.** Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. Челябинск, 1995.
- 2 См.: **Несколов Е.Т.** Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.
- 3 ЕПА, ф. 37, оп. 3. д. 126, л. 23 – 28 об.
- 4 ГАО, ф. 43, оп. 1, д. 126, л. 52 – 95, 106.
- 5 Об окружной системе см.: **Гуськова Т.К.** О новых подходах к изучению уральской горнозаводской промышленности // Урал в прошлом и настоящем. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 231 – 234; Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.: К 90-летию со дня рождения В.В. Адамова. Екатеринбург, 2004.
- 6 См.: **Швидт С.С.** Общественное самосознание российского благородного сословия XVII – первой трети XIX в. М., 2002.
- 7 См.: Предпринимательство и городская культура в России, 1861 – 1914. М., 2002. Гл. 1–2.
- 8 См.: **Соловьева Т.А.** Английская набережная. СПб., 2004.
- 9 The Essential Alfred Chandler: Essays Toward a Historical Theory of Big Business / Ed. by Th. K. McCraw. Boston, 1988.
- 10 ГАО, ф. 24, оп. 32, д. 1887, л. 2 – 28, 64 – 70.
- 11 Там же, ф. 43, оп. 1, д. 190, л. 24 – 25.
- 12 Там же, ф. 24, оп. 23, д. 5186, л. 157 об. – 158.

*В. А. Григорьев,**Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск)*

Д.Е. БЕНАРДАКИ: ЗАВОДЧИК, ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИК, БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

Наша современная промышленность базируется именно на опыте прошлого, в немалой степени благодаря которому нынешнему поколению удастся сохранять социально-значимые традиции предшествующего периода ранней индустриализации, а также достичь новых успехов. Видное место в контексте индустриального наследия принадлежит проблематике предпринимательской инициативы и меценатской деятельности русских промышленников.

Все сказанное выше в полной мере относится к замечательному российскому промышленнику и предпринимателю Д.Е. Бенардаки (1799 – 1870), который не только внес огромный вклад в развитие промышленности России, но и много помогал русской культуре, в частности Н.В. Гоголю. Бенардаки славился также как известный благотворитель, на деньги которого в Петербурге была построена церковь великомученика Дмитрия Солунского. Он одним из первых начал осваивать Дальний Восток, основал там золотодобывающие компании...

Постичь, как все это совмещается в одном реальном человеке, не смог даже Николай Васильевич Гоголь. И он на страницах случайно уцелевших глав второго тома «Мертвых душ» воплотил своего друга и благотворителя Д.Е. Бенардаки в двух вымышленных персонажей: помещика Костанжогло и добавленного ему в помощь миллионера-откупщика, филантропа и благотворителя Афанасия Ивановича Муразова.

Д.Е. Бенардаки родился в июле 1799 г. в Таганроге, где после русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. образовалась большая греческая колония.

Его отец, греческий купец Георгий (Егор) Никифорович Бенардаки, приехал в Россию из Венеции и в 1784 г. принял российское подданство. Он дал своему сыну хорошее образование и первый толчок его карьере. В 1805 г. Д.Е. Бенардаки поступил в гимназию. После нее – на военную службу, став гусаром, 18 января 1823 г. в возрасте 23 лет и в чине поручика вышел в отставку. По-видимому, свой первоначальный капитал молодой Д.Е. Бенардаки получил от отца и родственников, а затем грамотно и удачно им распорядился. Молодой отставной гусарский поручик «с капиталом в 30 или 40 тысяч рублей» принимает участие в торгах по винным откупам, проходивших в Петербурге. И неожиданно для многих выигрывает эти торги, приобретая право торговать водкой своего производства.

Через шесть лет Д.Е. Бенардаки принадлежал весь винодельческий промысел в Петербурге с магазинами и складами.

Значение винных откупов для государственных финансов было очень велико. Доход с винной торговли в последние годы существования откупной системы, ликвидированной в 1863 г., составлял 46 % всех поступлений в государственную казну, опережая начиная с 1840-х гг. поступления от прямых налогов – подушной подати и оброка с государственных крестьян, вместе взятых. Достаточно сказать, что в Англии, например, он не превышал 24 % всех государственных доходов, во Франции – 9 %, в Пруссии – 6 %. За 140 лет существования винного откупа в России «лпитейный» доход казны увеличился, по некоторым оценкам, в 335 раз!

При этом откупщики проявляли удивительную энергию и организационный размах, открытость, контактность, умение приобретать нужные связи и использовать их к своей выгоде». И ко времени отмены откупной системы бывшие откупщики уже были готовы к переключению своей энергии на новые направления деятельности. Период первоначального накопления для них закончился, и все свои силы и капиталы многие из них направляют на грюндерство, на поиск новых источников обогащения.

Заработанные на откупе деньги, по некоторым оценкам до 20 млн руб.², Д.Е. Венардаки инвестировал в сельское хозяйство и промышленность. Он стал одним из самых успешных и продуктивных сельскохозяйственных производителей, владея 620 тыс. дес. земли вместе с 10 тыс. ревизских душ крепостных. Слава о хозяйственности помещика Венардаки гремела по России.

Венардаки представлял собой уже тип предпринимателей-капиталистов нового поколения, в деятельности которых довольно четко прослеживается наступление новой эпохи в истории отечественного бизнеса. Для него владение заводом уже не было связано с имущественно наследственными правами, а представляло собой результат коммерческой сделки, один из вариантов вложения и производительного использования капитала. Приехав на Волгу первоначально в качестве доверенного крупной греческой фирмы, державшей откупа, он сам занялся откупным делом, на котором быстро нажил состояние и получил придворный чин камер-юнкера. Параллельно предприниматель принимал активное участие в пароходном деле в качестве акционера нескольких обществ, особенно Волжского-Камского пароходства³.

Венардаки являлся учредителем акционерной компании под названием «Общество для приготовления продовольственных и разных животных продуктов, а также торговли ими», основанной в 1857 г. Уставный капитал общества составил 1 500 000 руб. Под его началом в Ростове-на-Дону были устроены скотобойня, салотопенный и кожевенный, а позднее и стеариновый заводы⁴.

В 1860 г. был основан кожевенный завод и в Санкт-Петербурге, оснащенный по последнему слову техники в этой отрасли. Многие трудоемкие операции на заводе были механизированы, а источником энергии для этого служила паровая машина в 10 л.с. Количество рабочих, задействованных в производстве, достигало 100 человек, а ежегодные объемы производства составляли 20 000 кож⁵. Завод и его владелец были удостоены «публичной похвалы» за изделия, представленные на выставке мануфактурных произведений в Санкт-Петербурге в 1861 г.⁶

Предприниматель участвовал также в поставках сукна в казну. По данным на 1859 г. Д.Е. Венардаки принадлежала суконная фабрика в Белебеевском уезде Оренбургской губернии. На заводе действовало 13 аппаратов, а объемы поставок в Казанскую комиссариатскую комиссию составляли 12 550 аршин⁷.

Кроме того, Венардаки являлся владельцем торгового (коммерческого) дома в Санкт-Петербурге, занимаясь крупной оптовой внешней торговлей. В 1859 г. в результате произведенных в Санкт-Петербургском порту торгов им было заключено контрактов на покупку товара на 33 000 руб. и продано на 37 497 руб.⁸

О разнообразной деятельности Венардаки сообщает в письме брату Николаю Валентин Константинович Крестовников (Крестовниковы – известная московская предпринимательская династия, представители которой в 1850-х гг. основали стеариновый завод в Казани, один из передовых в России). Отмечая оптимное состояние предпринимателя, автор пишет, что его капиталы «..весьма заняты в откупках и во множестве разных предприятий, и они (вместе с Кокоревым) вдобавок составляют еще общество для торговли в Малой Азии»⁹.

В конце 1850-х гг. Д.Е. Венардаки приобретает несколько металлургических предприятий, значительно расширив сферу своего промышленного предпринимательства. В границах Замосковского горного округа на посессионном праве он становится владельцем Песоченского завода в Перемышльском уезде Калужской губернии, а также Серенского в Козельском уезде той же губернии. Кроме того, в Калужском уезде действует его гвоздильная фабрика (в 1856 г. при 390 рабочих там было произведено продукции на сумму 28 440 руб.)¹⁰. В это же десятилетие Венардаки покупает Авзяно-Петровский железоделательный завод в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии¹¹, Песковский и Кирсинский заводы в Вятской, входившие уже в границы Уральского горного округа¹².

Став новым собственником Авзянопетровских заводов, Д.Е. Венардаки сразу же приступил к их модернизации. Установил на обоих заводах пудлинговые печи, прокатные станы, паровые машины и паровые молоты. Введение паровых машин и электропривода позволило довести в 1865 г. выпуск чугуна до 236 564 пудов¹³.

Венардаки в 1843 г. покупает еще один крупный металлургический завод – медно-чугунный завод, основанный шотландцем Ч. Бердом на Гутуевском острове в Санкт-Петербурге.

Но покупка этих заводов по производству чугуна, стали и металлопрокату не была главной целью Д.Е. Венардаки. Скорее, он занялся этой деятельностью, желая иметь дешевые материалы для расширения своего дела.

Все новоприобретения, требовавшие огромной траты денег, делались им, прежде всего с целью обеспечения потребностей в металле пароходостроительного производства на «жемчужине» предприятий Дмитрия Венардаки – Сормовском заводе.

Сормовский завод, располагавшийся в 10 верстах выше Нижнего Новгорода, в Балахнинском уезде, был основан в 1848 г. в виде небольших ремонтных мастерских «Товарищества Нижегородской машинной фабрики и волжского буксирного и заводного пароходства», позднее преобразованного в «Камско-Волжское пароходное общество», учредителем и главным акционером которого являлся Д.Е. Венардаки. Первыми пароходами, выпущенными с заводской верфи, были буксиры «Заря» и «Стрела» по 60 л.с., полученные в разобранном виде с заводов Бельгии.

В дальнейшем Сормовский завод продолжал развиваться и набирать силы, приобретая все большее значение в промышленном развитии как Поволжья, так и всей России. Значительно увеличились масштабы производства в результате налаживания изготовления собственных комплектующих, хотя полной независимости от ввоза некоторых иностранных деталей достичь не удалось. Всего же в первое десятилетие существования завода было построено около 60 паровых судов.

До 1861 г. завод выпустил 60 паровых судов общей мощностью до 32 тыс. инд. сил, а его обороты превышали 300 000 руб. в год¹⁴.

«В Нижегородской губернии котлы и пароходы строились преимущественно на Сормовском заводе, принадлежащем компании Камско-Волжского пароходства, – именно котлы и машины для пароходов военных железных, назначенных для плавания по Каспийскому морю – „Бурлака“ в 30 сил, и „Астрахани“ в 160 сил, и буксирного парохода „Случайный...“»¹⁵.

В 1857 г. кризис подорвал платежеспособность фабрики, и в 1860 г. все ее акции скупил Д.Е. Венардаки¹⁶, став единоличным хозяином производства. Он прекрасно распорядился своей покупкой, начав усиленную модернизацию и реорганизацию предприятия. Фабрика была преобразована в мощный завод. На месте небольших ремонтных мастерских были построены новые корпуса, а так же сухой док. Благодаря высокому качеству продукции пароходы были признаны одними из лучших в России, и прежде всего по устройству корпусов¹⁷.

С 1857 г. на заводе начало функционировать металлургическое производство. В 1870 г. здесь на заводе был открыт сталелитейный цех, в котором была устроена первая в России газогенераторная печь Сименса-Мартена, предназначенная для выплавки мартеновской стали¹⁸. В этом цехе инженером А.А. Износковым была поставлена первая в России газогенераторная печь для выделки «мартеновской стали». Стоит вспомнить, что впервые мартеновские печи были применены в 1864 г. во Франции. Изготовленные здесь стальные болванки экспонировались на Всероссийской промышленной выставке в Петербурге. Выставочный комитет присудил хозяину завода бронзовую медаль «за введение литья стали по способу Сименса-Мартена». Сталевары Сормова, совершенствуя свое мастерство, за короткий срок достигли высоких результатов. В 1871 г. на Московской политехнической выставке сормовская сталь была отмечена Большой золотой медалью.

Хотя производство пароходов было профилирующим на Сормовском заводе, здесь выпускались и другие виды продукции. По данным 1859 г. в ассортименте продукции мы видим паровые машины низкого, среднего и высокого давления (преимущественно для собираемых здесь же пароходов), металлообрабатывающие станки различных типов: сверлильные, долбильные, строгальные, резальные, винторезные и др. Всего же в этом году было выпущено продукции на сумму 316 500 руб.

Успех предприятия во многом был обеспечен деятельностью технического и управленческого персонала, осуществлявшего грамотное руководство производственной частью. В начале, из-за отсутствия собственных специалистов-судостроителей, были приглашены бельгийские мастера: по корпусу – Арно, по механизмам – Кадо. В 1861 г. техническое руководство заводом возглавил инженер А.Г. Некрасов. Его помощниками были механик-самоучка Ф.С. Беляев и французский инженер Жорисон.

Управляющим заводом и пароходством был А.И. Узатис, внесший неоценимый вклад в становление и развитие дела. Успехам способствовали известный в России инженер М.М. Окунев, автор солидной судостроительной энциклопедии «Теория и практика кораблестроения», являвшийся консультантом Сормовского завода. Его сын Константин в начале 1870-х гг. некоторое время был директором предприятия.

В целом технической стороне дела на заводе уделялось большое внимание, благодаря чему его можно было отнести к числу передовых в отрасли.

Начав строить пароходы на Волге, Бенардаки не остановился. Вслед за первым байкальским судостроителем, купцом (а также откупщиком и енисейским золотопромышленником) Н. Мясниковым в 1859 г. он построил и спустил на байкальскую воду два парохода. Один из судов получил имя «Граф Муравьев-Амурский», а второй – «Дмитрий Бенардаки». В том же году, после смерти Мясникова, Бенардаки стал единственным на Байкале судовладельцем. Но оставался им здесь не долго: уже на следующий год он продал свои пароходы купцу Василию Рукавишникову¹⁹.

А в 1871 г., уже после смерти самого Д.Е. Бенардаки, открылась первая на Амуре частная пароходная компания «Бенардаки и К^о», предназначенная для почтово-пассажирского сообщения.

Как уже было сказано выше, кроме Сормовского, Д.Е. Бенардаки владел 16 заводами в 6 губерниях России: в Вологодской – Нючпасским, Кажимским и Нювчимским металлургическими, в Вятской губернии Песковским и Кирсинским металлургическими, в Оренбургской – Авзяно-Петровскими заводами²⁰, в Башкирии – Троицким и Усень-Ивановским медеплавильными. В Жиздринском уезде Калужской губернии между с. Огор и д. Слободой Бенардаки имел стеклянный завод с 75 рабочими и с производством в 1 710 руб.²¹, в с. Огорки – парусно-полотняную фабрику в 32 стана с 250 рабочими и ценностью производства 9 708 руб.²² Также он владел паями Верхнеамурской золотопромышленной компании, Московско-Курской железной дороги и т.д.

Кроме того, Д.Е. Бенардаки оставил заметный след на Дальнем Востоке. Вместе с купцом В. Рукавишников 14 ноября 1857 г. он представил в Сибирский комитет устав компании, которая ставила целью занятия китобойным промыслом и рыбной ловлей в Тихом океане, добычей полезных ископаемых, торговлей, намеревалась содержать пароходы на Амуре. Устав компании был утвержден, и Бенардаки возглавил ее. В организации Амурской компании и ее делах активное участие принял Г.И. Невельской²³.

Но, пожалуй, еще более он проявил себя на Амуре в качестве одного из первых там золотоискателей. Он стал организатором и владельцем компании, которая вскоре оказалась самой крупной золотодобывающей компанией в России и просуществовала полвека, вплоть до октября 1917 г.²⁴

Ко времени начала золотодобычи на Амуре у Д.Е. Бенардаки был немалый опыт ведения горных работ, ведь он уже тогда считался одним из наиболее крупных золотопромышленников Енисея. Был вместе с екатеринбургскими купцами-старообрядцами Якимом и Аникой Рязановыми совладельцем Удерейской компании. В другой золото-

промышленной компании его компаньонами были генерал-майор П.П. Ушаков, граф В.А. Адлерберг и почетный гражданин Я.И. Расторгуев (Мамин-Сибиряк)²⁵.

Но это было в хорошо освоенном Енисейском крае. На Дальнем же Востоке, как писал в своем рапорте Н. Аносов, «только г. Бенардаки решился основать правильное золотое дело в таком отдаленном крае, как Амур...»

Ожидалось, что в ближайшем будущем для привлечения на Амур русских на вновь приобретенных землях будет разрешена частная золотодобыча. Поэтому Д.Е. Бенардаки в январе 1862 г. заключил с капитаном Н.П. Аносовым договор о том, что горный инженер на деньги Бенардаки организует поиск и разведку золота в наиболее перспективном районе.

В итоге последовавших затем переговоров в марте 1862 г. Бенардаки договорился с другим откупщиком, коллежским регистратором В.С. Каншиным и купцом И.А. Иконниковым об организации совместных поисково-разведочных работ. В 1865 г. правительство разрешило частную добычу золота в Приамурье, и компаньоны подали заявки на несколько золотоносных площадей. В 1867 г. их заявки были утверждены, и золотопромышленники, собравшись, подписали договор о создании Верхнеамурской компании, первого частного золотопромышленного предприятия на Амуре²⁶.

В первые прииски Верхнеамурская компания изначально вложила очень крупные суммы, ведь они располагались в удаленном от каких бы то ни было дорог районе. И первое, что сделала компания – построила дорогу от пристани Джалинда на Амуре. По этой дороге были перевезены и смонтированы на месте бочечные машины – весьма совершенные для золотодобывающей техники того времени. Устройство такой машины заключается в следующем: в бочку длиной около 4 аршин поступает вода, подаваемая огромным наливным колесом, около 7 аршин в диаметре и 1 аршин в ширину. В бочке имеется 2 отверстия, через одно – подается колесом вода и засыпается песок, через второе – удаляется отработанный материал. Бочечная машина непосредственно связана с двумя шлюзами – головной шлюз подает воду на колесо, песок и галька, пройдя через бочку, удаляются через хвостовой шлюз, где подвергаются дополнительной фильтрации решетками, которые «имеют вид нескольких плинтусов, заключенных в рамке». Бочка не остается неподвижной: «передача движений от наливного колеса к бочке посредством ремня и деревянных шкивов»²⁷.

В 1868 г. прииск Васильевский, первый из открытых и один из наиболее богатых амурских приисков, стал возвращать затраченные капиталы. Верхнеамурская компания продолжила поиски новых золотоносных районов, и вскоре у нее появились прииски на р. Зее, в Дамбукинском золотопромышленном районе.

Одной из основных забот Д.Е. Бенардаки была благотворительность. Именно за благотворительную деятельность император Александр II пожаловал ему звание потомственного российского дворянина. Среди многочисленных фондов, основанных предпринимателем, было и «Общество вспомоществования нуждающимся учащимся Второй Петербургской мужской гимназии», которое занималось детьми только этой гимназии, вносило плату за обучение, снабжало учащихся обувью и учебниками. Другое учреждение, входившее в благотворительную империю Бенардаки, – «Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов» – работало исключительно с детьми, осужденными за мелкие преступления.

Но его имя было широко известно и на его исторической родине, в Греции, только что получившей, во многом благодаря России, долгожданную независимость. На деньги российского предпринимателя в Афинах были построены Национальный музей, Национальная библиотека, православная церковь при русской дипломатической миссии в Греции. Бенардаки щедро поддерживал единственный на Афоне русский Свято-Пантелеимонов монастырь, или Россикон, как его называют в Греции. За эти заслуги греческое правительство удостоило своего великого земляка звания почетного гражданина Греции.

На средства Бенардаки в Санкт-Петербурге была построена Греческая церковь, освященная в память одного из самых почитаемых в Греции святых — Димитрия Солунского. Церковь располагалась на Летней Конной площади на берегу (впоследствии засыпанного) Литовского канала. По преданию денег, собранных проживающими в Петербурге греками, на строительство не хватило. Тогда Бенардаки построил храм в честь своего святого покровителя на собственные средства, а общинные деньги были переданы русской миссии для возведения церкви в Афинах.

Слава и могущество позволили предпринимателю Бенардаки сблизиться с царской администрацией и самыми высокими аристократическими кругами не только России, но и Европы. Его дочь вышла замуж за французского посла в Петербурге. Сын, «славившийся своим остроумием в высшем обществе», сделал в 1865 — 1875 гг. блестящую придворную карьеру и только скандальная женитьба прервала ее. В 1881 г. Н.Д. Бенардаки был лишен придворного звания²⁸.

Д.Е. Бенардаки умер внезапно от сердечного приступа в 1870 г. в немецком городе Висбадене, откуда его набальзамированное тело привезли в Петербург специальным поездом. На Николаевском (ныне Московском) вокзале Санкт-Петербурга гроб с телом встречал сам император Александр II. Это был первый и последний случай в истории России, чтобы самодержец лично встречал гроб с телом человека, не принадлежавшего к императорской фамилии. Бенардаки завещал похоронить его в Петербурге в Греческой церкви, а сердце отправить в Грецию, что и было выполнено.

После смерти Д.Е. Бенардаки права владения заводами перешли к его жене и сыновьям. С этого времени возникают довольно серьезные трудности финансово-управленческого характера, с которыми новым владельцам не удалось справиться. Однако производственно-технический потенциал заводов, в том числе Сормовского, оставался высоким. В 1872 г. образовалось акционерное общество «Сормовск». Наследники Бенардаки являлись его соучредителями, однако теряли право собственности на завод. Вместе с ним акционерное общество приобрело у них Авзяно-Петровский железодельный завод в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии. В 1875 г. над заводом было учреждено опекуновское управление²⁹. Часть предприятий Бенардаки приобрела казна. Наследники Бенардаки превратились в рантье, живущих на доходы от оставшихся им золотоносных рудников и удачно вложенных акций...

Примечания

- ¹ См.: **Тавлин М.Л.** Роль винных откупов в формировании крупных капиталов в России. Конец XVIII — XIX вв. // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Егорочкина. Вып. 6. М., 2001. С. 99 — 100.
- ² См.: **Тавлин М.Л.** Роль винных откупов в формировании крупных капиталов в России XIX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 95.
- ³ См.: **Шубин И.А.** Волга и волжское судоходство: (История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). М., 1927. С. 809.
- ⁴ См.: **Крестовников Н.К.** Семейная хроника Крестовниковых: В 3 кн. Кн. 1. Родословная Крестовниковых и родственных им фамилий. М., 1903. С. 103; Кн. 2. Письма и воспоминания. М., 1904. С. 71 — 72.
- ⁵ См.: Приложение. Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов, получивших награды на Санкт-Петербургской мануфактурной выставке 1861 года // Промышленность. 1862. Т. 6. Кн. 7 — 12. С. 114.
- ⁶ См.: О выставке мануфактурных произведений в Санкт-Петербурге в 1861 году // Там же. Т. 5. Кн. 1 — 6. С. 75.
- ⁷ См.: О запорядке сукон и каразеи для армии и флота на 1859 год // Журн. мануфактур и торговли. 1859. Т. 5, № 1 — 3. С. 5.
- ⁸ См.: Коммерческая газ. 1860. № 27. 17 февр.
- ⁹ **Крестовников Н.К.** Указ. соч. С. 71 — 72.
- ¹⁰ См.: **Тарасенков И.** Мануфактурно-заводская промышленность Калужской губернии // Журнал мануфактур и торговли. 1858. Т. 4. Кн. 10 — 12. С. 4 — 5.
- ¹¹ См.: **Шубин И.А.** Указ. соч. С. 809.
- ¹² См.: **Муксомольников А.Ф.** На южноуральских заводах. М., 2001. С. 19 — 21.
- ¹³ См.: Горнозаводская производительность в России в 1866 заводском году (с мая 1866 по май 1867 года) // Горный журнал. 1868. № 9. С. 335, 338.

- ¹⁴ См.: Шубин И.А. Указ. соч. М., 1927. С. 808 – 809.
- ¹⁵ См.: Татаринцов В.И. Промышленная хроника // Журн. мануфактур и торговли. 1858. Т. 1. Кн. 1. С. 33.
- ¹⁶ См.: Седов А.В. История Красного Сормова. М., 1969. С. 35.
- ¹⁷ См.: Шубин И.А. Указ. соч. С. 809.
- ¹⁸ См.: Барышников М.Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 340.
- ¹⁹ См.: Алексеев А.И. Любовь, Амур, счастье: Адмирал Г.И. Невельской (1813 – 1876). Петропавловск-Камчатский, 2003. С. 178.
- ²⁰ См.: Муксомольников А.Ф. На южноуральских заводах. М., 2001. С. 19 – 21.
- ²¹ Материалы для географии и статистики России. Собранные офицерами генерального штаба. Т. 9, Ч. 1. Калужская губерния / Сост. М. Попрощий. СПб., 1864. С. 51.
- ²² Там же. С. 45.
- ²³ См.: Алексеев А.И. Указ. соч. С. 190.
- ²⁴ См.: Рапорт горному департаменту горного инженер-капитана Аносова об открытии золота по Амуре, от 30 июля 1866 г. // Горный журнал. 1866. № 10. С. 161 – 163.
- ²⁵ См.: Описание золотоносной местности на р. Енашимо, находящейся между устьями р. Огне и мартемьяновским ключом // Горный журнал. 1868. № 4. С. 20 – 29.
- ²⁶ См.: Договор Д.Е. Бенардаки, В.С. Каншина, А.В. Каншина (по доверенности Н.Д. Бенардаки), А.В. Лубкина и И.А. Иконникова об учреждении Компании на Вере под наименованием «Верхне-Амурская золотопромышленная компания». ЕПА, ф. 57, оп. 1, д. 1, лл. 45.
- ²⁷ Описание некоторых приисков Енисейского округа // Горный журнал. 1865. № 10. С. 2 – 3.
- ²⁸ См.: Лебедев С.К. Аристократическое лицо Санкт-Петербургского Международного коммерческого банка: от Строганова до Бенардаки // Россия в XIX – XX вв. СПб., 1998. С. 79.
- ²⁹ См.: Шубин И.А. Указ. соч. С. 809.

А. А. Макушев,
кандидат исторических наук,
(г. Москва)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ХОЗЯЙСТВА МАЛЬЦОВЫХ В XIX ВЕКЕ: ПРОБЛЕМА «ЛОКАЛЬНОЙ» ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Индустриальная история России – это богатейший пласт производственного, технико-технологического, социокультурного опыта, передающегося из поколения в поколение и представляющего важнейшую цивилизационную характеристику. Своими корнями он уходит в XVIII – XIX вв., время формирования индустриальных устоев России, определения направлений и методов промышленного строительства. Именно тогда обнаружилось несоответствие российского и западного путей индустриализации, невозможность реализации у нас западных моделей промышленного развития в чистом виде. Везбрежные просторы России вкупе с неразвитой транспортной инфраструктурой препятствовали интенсификации товарно-денежных отношений и рыночного обмена, локализовывали экономическое развитие.

Развитие мальцовского промышленного округа представляет собой яркий пример «локальной индустриализации». При рассмотрении особенностей его развития необходимо акцентировать внимание как на влиянии объективных внешних факторов и внутренних условий, так и на предпринимателей как главную системообразующую силу, определяющую направление, содержание и формы конструируемого экономического пространства.

В рамках округа происходила реализация моделей промышленного развития. Это обусловлено прежде всего тем, что хотя под влиянием местных условий производства и специфики реализации предпринимательской функции заводовладельцами определялся структурно-содержательный формат производства, многие «правила игры» устанавливались «свыше», а предприниматели осуществляли свою деятельность в изна-

чально заданном направлении. В этом ракурсе ключевую роль играло влияние «внешних» факторов, экономического и неэкономического характера, определяющих социально-экономическую, производственно-техническую «среду» и правовое пространство функционирования заводских хозяйств и деятельности предпринимателей.

Пример Мальцовых наглядно показывает значение предпринимательского начала в процессах индустриализации России XIX в. Рассмотрение их деятельности в этих хронологических рамках позволяет объемно представить процессы индустриализации и модернизации, а также более детально исследовать конкретные модели их реализации в рамках локально ограниченного промышленного хозяйства. На протяжении этого периода совершенствовались организационно-производственные, экономические, технико-технологические составляющие промышленного развития, а также способы реализации предпринимательской функции, которые приобретали все более содержательные характеристики и капитализированные формы.

Весьма интересно при рассмотрении проблемы «локальной индустриализации» сопоставление основных ее параметров и характеристик с теми или иными проявлениями и вехами жизненной истории Мальцовых, а также с этапами и особенностями эволюции отечественного предпринимательства в целом. Выявленные в результате такого рода сравнения закономерности позволяют выявить взаимосвязь микро- и макроуровня и увидеть, как в истории одного промышленного района и одной семьи преломляется сложный и противоречивый путь развития отечественной промышленности и предпринимательства в целом.

Территориальные границы рассмотрения проблемы локальной индустриализации определены пространственными масштабами деятельности Мальцовых и размещения промышленного хозяйства. Осуществляя расширенное воспроизводство, они вовлекали в орбиту своей деятельности новые территории посредством строительства новых заводов, освоения новых производств и сырьевых месторождений, а также приобретением земельных владений. Наиболее же интенсивно предпринимательская деятельность Мальцовых осуществлялась во Владимирской, Нижегородской, Калужской, Орловской, Тульской, Рязанской губерниях, где и размещалась основная доля их промышленного хозяйства.

В стекольной и хрустальной промышленности в 60-х гг. лидерство занимал южный мальцовский район (Орловская, Калужская и Смоленская губернии), где располагалось 9 хрустально-стекольных заводов С.И. Мальцова. В 1867 г. их производство составило 796 тыс. руб., а численность рабочих – 1 455 чел. Второй мальцовский район (Владимирская, Рязанская губернии и по одному заводу в Смоленской и Новгородской) был представлен заводами И.С. Мальцова. Здесь в 1867 г. так же было 9 стекольно-хрустальных заводов, общее производство которых выразилось в 430 тыс. руб. при численности рабочих 930 человек. Оба мальцовских района дали в этом году 32 % всей стекольно-хрустальной продукции страны и занимали 25 % рабочих отрасли¹.

Возникнув в первой четверти XVIII в. на основе купеческого капитала, мальцовские предприятия позднее превратились в вотчинные, и случилось это после приобретения их владельцами дворянских прав. В производственно-техническом плане история мальцовских заводов отразила важный этап в развитии отечественной промышленности, а именно переход от мануфактуры к фабрике. В социальном плане производство эволюционировало от эксплуатации приписных и посессионных рабочих к крепостному, а затем вольнонаемному труду. В 70-е гг. XIX в., когда происходил переход от индивидуального капитала к акционерному, начинается практически последний этап развития, приведший к утрате представителями рода контроля над большей частью гигантского промышленного комплекса.

Более чем полуторазековая история мальцовского промышленного предпринимательства позволяет проследить, как из небольших стекольных заводов выросли два ведущих центра русского стекольного и хрустального производства: Гусь-Хруст-

тальный и Дятьково. Впоследствии они послужили основой формирования целых фабрично-заводских районов с многочисленными стекольными, металлургическими, машиностроительными, хлопчатобумажными, свеклосахарными, лесобработывающими и другими предприятиями.

Всего в 1880 г., в период существования мальцовского промышленно-торгового товарищества, в Мальцовском промышленном районе действовало 18 крупных и до 130 более мелких предприятий². Своего рода связующими звеньями разветвленного механизма были такие промышленные центры, как Дятьково, Людиново, Радица. Хотя Мальцовская «индустрия» и имела многоотраслевую направленность, все составные части промышленного механизма подчинялись единому началу и взаимно дополняли друг друга³. Складывалась такая система, при которой преимущества и выгоды одного производства служили интересам другого. Более мелкие предприятия обслуживали интересы основного (профилирующего) производства и, кроме того, насыщали местный рынок, обеспечивая заводское население товарами первой необходимости. Например, продукция содового завода использовалась для варки стекла. В Курганье действовал на артельных началах гвоздильный завод, в Любохне — бумажная и канатная фабрики, рафинадный и винокуренный заводы. В селе Песочна — фабрика фаянсовой и эмалированной посуды. В числе других предприятий можно назвать смолокурни, столярные мастерские, лесопильни, кирпичные, кожевенные, сахарные, пивоваренные и винокуренные заводы, мукомольные мельницы, маслобони, завод сельтерской воды и др. В селе Людиново, помимо чугуналитейного и железоделательного завода, были мастерские по изготовлению сельскохозяйственных машин и орудий, железнодорожного подвижного состава, экипажная и каретная. В хозяйственных постройках мальцовского двора располагались мастерские по производству фаянсовой посуды и выделке столового и бельевого льняного полотна⁴.

В целом ориентация на многопрофильное производство создавала «запас прочности», делала производство более жизнеспособным и экономически устойчивым. В условиях ухудшения конъюнктуры торгово-промышленной деятельности владелец мог видоизменить структуру и организацию своего хозяйства, перепрофилировать производство, сосредоточить максимум внимания на наиболее устойчивых и стабильных отраслях.

В природно-географическом плане территория, где располагалось подавляющее большинство заводов, была довольно благоприятна для промышленного развития, которое ориентировалось преимущественно на собственные ресурсы, добываемые во владениях самих заводоладельцев.

Наличие в поместьях собственной энерго-сырьевой базы существенно снижало себестоимость продукции и повышало рентабельность производства. Например, руда для металлургических заводов поступала из местных Маклаковского, Зимницкого, Которского и других рудников. В промышленных целях использовалось 4 — 5 сортов бурых железняков, а общая их масса, поступающая на производство чугуна, составляла 2 млн. пуд. Содержание железа в них составляло 35 — 45%⁵. Хотя она уступала по содержанию железа уральской руде, ее добыча обходилась дешевле, что определенным образом компенсировало более низкое ее качество.

Учитывая, что на протяжении практически всего XIX в. основным источником энергии для заводского действия продолжали оставаться дрова и древесный уголь, а использовавшееся для производства стекла и хрусталя сырье, зола и поташ, имели древесную основу, важное значение в данной связи приобретает наличие лесов. Кроме того, на мальцовских заводах было развито производство речных судов (прежде всего барок), вагонов, шпал и другой продукции, сырьем для которого служил лес. В силу того, что потребности в этом материале были весьма велики, можно увидеть некоторую зависимость географии отрасли от наличия лесов. Этим ресурсом территория мальцовских владений была обеспечена достаточно хорошо. По расчетам на 1880 г. из 200 тыс. десятин земли, находящейся во владении мальцовского промышленного товарищества, 120 тыс. было занято лесами⁶.

Зависимость размещения стекольного производства от наличия лесов – явление преходящее, свойственное раннеиндустриальной стадии развития отечественной промышленности, когда переход от мануфактурного производства к фабричному только намечался. Переход от древесного поташа и золы к химикатам, от дровяного топлива к каменному углю избавлял отрасль от такой зависимости. Анализируя процессы, происходившие в структуре сырьевого обеспечения мальцовского производства во второй половине XIX в., мы можем увидеть некоторые изменения именно в этом направлении, не имевшие тем не менее на том этапе революционного характера.

Прежде всего это касается замены дров и древесного угля на каменный уголь. Проведенная в Мальцовских владениях геологическая разведка местности обнаружила несколько угольных месторождений, особенно в Жиздринском уезде, довольно удобных для разработки. В 70-е гг. по инициативе все того же Сергея Ивановича начинается его разработка, и в дальнейшем он должен был вытеснить древесное топливо (древесный уголь). Основными местами добычи были месторождения около деревень Славинка и Буда Зимницкой волости. Общее количество угля, добывавшего на обеих шахтах в 1881 г., составляло 400 тыс. пудов в год⁷.

Однако, хотя этот вид топлива в 70 – 80-е гг. на мальцовских предприятиях начинал использоваться более активно, это не привело к вытеснению традиционного топлива. Располагавшиеся здесь месторождения относились к московскому каменноугольному бассейну. По своему составу они не отличались высоким качеством и состояли преимущественно из сортов бурого угля. Их разработка началась только к началу 1880-х гг. и в большинстве случаев производилась не очень эффективными методами.

Что касается других минеральных богатств, то здесь в наиболее выгодном положении находился Жиздринский уезд. Существующее в отраслевой структуре мальцовского торгово-промышленного товарищества металлургическое производство использовало залежи железных руд, располагавшиеся главным образом на территории этого уезда. Кроме того, на территории уезда добывался каменный известняк, используемый в качестве флюса (некоторые источники указывают на то, что для Дятьковского завода из Белгорода Курской губернии привозилась известь в виде мела). В этом же уезде добывалась глина, из которой изготавливались фаянсовые изделия и огнеупорный кирпич для различного рода печей, а также кварцевый песок, применяемый в качестве сырья для производства стекла и хрустала. Причем добываемый песок не уступал по своим свойствам раздробленному кварцу и употреблялся для варки стекла без всякой очистки⁸.

Промышленные предприятия часто не были связаны между собой и, производя схожую продукцию, представляли замкнутые (полные) производственные циклы. Это требовало «автономности» и в энерго-сырьевом плане, главным образом в использовании леса и эксплуатации водной энергии рек как главных источников энергии (энергоносителей) и основного сырья – кварцевого песка. Достижение «самообеспеченности» создавало весьма благоприятные возможности, максимально уменьшавшие себестоимость продукции.

Немаловажным фактором успеха Мальцовского дела было стремление обеспечить паритетное взаимодействие важнейших составляющих промышленной предпринимательской деятельности – производства и спроса. Много внимания уделялось и организации сбыта продукции, выражаясь современным языком, «маркетингу».

В 1854 г. на объединенном семейном совете заключается негласный договор Сергея Ивановича с двоюродным братом Иваном Сергеевичем Мальцовым о разделе рынка сбыта стекольно-хрустальной продукции внутри России. «Предполагалось, что Дятьковский хрусталь будет продаваться преимущественно в южной и центральной частях Европейской России, а Гусевский – в восточной и столицах. Известно, что в первой половине XIX в., предпринятия Мальцовых поставляли не менее половины всей стекольной продукции, участвовавшей в торговом обороте стран»⁹.

Важным методом завоевания рынков было стремление разнообразить ассортимент выпускаемой продукции, учитывая различные уровни спроса и покупательные способности потребителей, а также создание разветвленной торгово-транспортной сбытовой сети. Специализация стекльно-хрустальных заводов предусматривала как массовое производство на рынок, так и изготовление штучных эксклюзивных товаров, которые можно было назвать настоящими произведениями искусства. Наряду с простой посудой из простого «зеленого» стекла изготавливались дорогие хрустальные изделия, требующие использования сложных технологий и высокого мастерства. Часть изделий, главным образом с травировкой и росписью, выполнялась на заказ.

В то же время на протяжении XIX в. ярко выраженной тенденцией был рост массовости в производстве товаров. Значительно сокращается ассортимент изделий, а их оформление ограничивается шлифовкой и лишь иногда росписью¹⁰. Еще больше внимание производству продукции, ориентированной на массовый спрос, уделяется во второй половине XIX в. Например, в описании Дятьковского завода, датированном 1880 г., указывается, что главным направлением производства является производство «самой простой посуды: стаканов, графинов, рюмок, солонок и т.д., доступной по цене массе народа»¹¹.

Индустриальная эпоха выдвигала новые требования к производству. Необходимость модернизации оборудования стимулировала работу технологов и инженеров, разрабатывающих новые технические устройства и технологии. Достаточно сложные автоматические устройства стали применяться для изготовления миллионными тиражами чайных стаканов, рюмок, блюдец, тарелок, пепельниц и другой продукции. Массовое производство включало и более сложные в технико-технологическом исполнении изделия: сервизы, графины, корзины, вазы, пирамиды, кувшины, бочонки, колпаки круглые и овальные для цветов и сахарных голов, чайницы, чернильницы, папиросные пушки. В прейскуранте значился даже пневматический умывальный прибор системы Эндаурова.

Конечно, массовость производства несколько нивелировало своеобразие творческого почерка Дятьковского хрустального завода. Но одновременно шел поиск новых художественных критериев, отражающих потребности эпохи машинного производства, в то же время ориентированных на сохранение художественных традиций Мальцовского стеклоделания и хрустального производства. Успехи Дятьковского и Гусевского заводов позволили им стать в ряд самых передовых в отрасли. Именно с ними связаны многие художественные и производственно-технические достижения стеклоделия XIX в.

Продукция металлургических и машиностроительных заводов также ориентировалась на рынок. Например, песоченские железоделательные заводы (Верхне- и Нижне-песоченский) выпускали различные виды печного и кухонного литья из чугуна (более 20 наименований). Кроме того, несколько видов изделий изготавливалось из железа: гвозди различных типов, таганы, петли и дверные затворы, полосовое железо, наковальни и т.п. При этом большое внимание уделялось эстетическому оформлению изделий из чугуна. Значительную часть ассортимента составляло так называемое художественное литье: пепельницы, чернильные приборы, настольные скульптуры с изображениями людей и животных, а также различного рода изделия, украшенные барельефными орнаментальными и сюжетными композициями. При заводе существовала лепная мастерская, где изучалось искусство скульптуры, с рисунков делались все фигурные формы для отливки предметов.

В перечне городов, куда отправлялась продукция с мальцовских заводов в первой четверти XIX в. значатся Харьков, Кременчуг, Петербург, Рыльск, Одесса, Курск, Киев, Рига. Важным пунктом сбыта продукции была Макарьевская, а затем Нижегородская ярмарка. Большое значение в первой половине XIX в. для южного мальцовского района имел украинский рынок¹². Довольно интенсивно осваивался заграничный восточный рынок, и прежде всего Персия¹³.

В целом хороший сбыт продукции мальцовских заводов обеспечивали следующие факторы: близость к крупным центрам потребления продукции (Москва, Петербург, Украина), наличие удобных путей сообщения (прежде всего судоходных рек, а во второй половине XIX в. и железных дорог), а также высокое качество продукции и как следствие, доверие потребителей. Например, продукция заводов С.И. Мальцова в Орловской губернии пользовалась столь высоким спросом, что за ящик листового стекла этих заводов платили по 7 руб. лишним по сравнению с продукцией других предприятий¹⁴.

Практиковались самые разнообразные способы реализации продукции: работа на заказ, оптовая продажа непосредственно на заводе, доставка продукции потребителю, создание сети своих магазинов, торговых контор и товарных складов.

Для ведения упорядоченной и регулярной торговли Мальцовы создают торговую сеть, охватывающую крупнейшие города России. Так, С.И. Мальцов организует торговые дома и склады продукции в Москве, Орле, Одессе, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону, Екатеринославле, Кременчуге, Херсоне, Самаре, Петербурге и Нижнем Новгороде¹⁵. По данным на 1884 г. в его распоряжении находились склады и магазины, действовавшие в 17 пунктах страны¹⁶.

С середины XIX в. Мальцовы стали большое внимание уделять созданию внутренней торгово-транспортной инфраструктуры для подвоза сырья и доставки товаров потребителям. Например, уже в 1820-х гг. С.И. Мальцов купил имение в с. Софиевка на Днепре, в Херсонской губернии, ставшее своего рода перевалочным транзитным пунктом для дальнейшего продвижения и распространения продукции на Украине. Здесь были построены пристань и склады, где складировались, хранились и реализовывались хрустальные и стеклянные изделия¹⁷. Важным шагом в этом направлении стало использование С.И. Мальцовым пароходов для транспортировки товаров по Днепру, а затем и по другим рекам. Одновременно проводились работы по совершенствованию водных путей с помощью строительства плотин, шлюзов и водохранилищ, позволяющих в период мелководья поднимать уровень рек для спуска барок с заводской продукции.

Даже во второй половине XIX в. более 90 % промышленной продукции транспортировалось по рекам Волге, Ресете, Десне, на которых функционировало 5 сплавных пристаней. Воднотранспортные операции осуществлялись при помощи «барок и берлин», общее количество которых в 1896 г. достигало 28¹⁸. Они приводились в движение уже не силой бурлаков, а с помощью буксировочных пароходов.

С 1855 года все главные предприятия были связаны шоссейными дорогами, а с 1870-х гг. важным средством транспортировки товаров становятся железные дороги, соединившие практически все крупнейшие заводы Мальцовского района, а также разрабатываемые каменноугольные и железорудные месторождения.

Узкоколейные железные дороги, протяженность которых составила 203 версты, соединяли р. Волгу и Жиздру, т.е. Волжский и Днепровский водные пути. Современников поражала быстрота постройки дороги, что было заслугой С.И. Мальцова, проявившего недюжинные предпринимательские способности. В записках Московского отделения императорского Русского технического общества в 1886 г. отмечалось: «В истории русского железнодорожного дела за 50 лет известны только 2 примера сооружения железных дорог средствами одного лица: Петергофская, сооруженная бароном Штиглицем, и Мальцовская. Та и другая обошлись почти в одинаковую сумму, около 2 млн руб., но какая разница в средствах владельцев! Кроме того, Петергофская дорога не представляет из себя ничего любопытного. Мальцовская же, напротив: ее тип вполне соответствует тому, что нужно России и что возможно осуществить по ее топографическим и экономическим условиям в ближайшем будущем. Это — прекрасный образец для нас, если мы только искренне желаем извлечь страну из бедствий бездорожья»¹⁹.

Большинство современников, оставших воспоминания о заводах Мальцовых, весьма высоко оценивали производственный потенциал принадлежавших им предприятий. Все они отмечали хорошее состояние заводских сооружений, использование различных

заводских машин и механизмов, хорошее качество производимой продукции, выгодно отличавшиеся условия жизни рабочих, внешний облик заводских поселков и др.

Но не только масштабы и количественные параметры промышленной деятельности определяли результативность производства. Одним из важнейших факторов успеха дела Мальцовых можно назвать высокий уровень качества продукции. Продукция Дятьковской фабрики была отмечена лично императором Николаем I и награждена Большой золотой медалью на I Всероссийской промышленной выставке в Санкт-Петербурге в 1828 г.²⁰ В дальнейшем, на протяжении всего XIX в., без Дятьковских изделий не обходилась ни одна промышленная выставка, и практически всегда им уделялось повышенное внимание. Не меньшую, а в некоторых случаях и большую известность получила продукция Гусевской стекольной фабрики, также экспонировавшаяся и получавшая самые высокие награды практически на всех российских, а в конце XIX – начале XX в. и на мировых промышленных выставках. Общественное признание и государственное одобрение получила продукция металлургических и машиностроительных предприятий.

Однако, прежде чем достичь таких высот и получить общероссийское и даже международное признание в этой отрасли, заводы прошли долгий и нелегкий путь, причем Мальцовым принадлежала в этом особая роль. Именно благодаря их активному предпринимательству, выражавшемуся в постоянном стремлении к заимствованиям, новаторству и модернизации производства, с одной стороны, а с другой – сохранению и развитию собственных традиций производства был достигнут такой высокий уровень. В реальной ситуации это выражалось в привлечении квалифицированных мастеров, в том числе иностранных, налаживании системы подготовки собственных кадров, довольно эффективной организации труда с упором на материальную заинтересованность, стремлении к постоянному расширению производства, активном заимствовании и внедрении передовых технико-технологических достижений, сохранении и развитии производственной культуры и др.

XIX в. характеризуется для России обширнейшим внедрением новой техники во все отрасли производства. Данный процесс связан с механизацией производства на основе паровой энергии. Мальцовых можно отнести к числу пионеров в этой области. Журнал мануфактур и торговли свидетельствует о том, что в 1840 г. на Гусевском хрустальном заводе действовали 3 паровых двигателя: в 12, 8 и 6 л.с. Они приводили в действие 160 шлифовальных станков, а также «отличного устройства английскую самоточку, употребляемую для обтачивания проводов и других вещей» и мукомольную мельницу²¹.

Паровая энергия применялась и на Дятьковском заводе С.И. Мальцова, где в 1850-х гг. действовал двигатель в 20 л.с.²² Описание Дятьковского завода, датированное 1880 г., свидетельствует о еще более активном использовании паровых двигателей. В качестве резервных энергетических установок использовались водяные двигатели (колеса), а также запасные паровики²³. В 1896 г. на этом же заводе имелись 3 паровых машины и 3 локомотива общей мощностью 79 л.с. и 3 водяных двигателя, суммарная мощность которых составляла 45 л.с.²⁴

Наряду с традиционными дровяными стекловаренными печами с топками прямого действия внедряются современные более производительные газовые регенеративные стекловаренные печи, изобретенные Сименсом. Это давало возможность сократить потребление топлива на единицу продукции, использовать некачественное топливо, например отходы лесных разработок, и стабилизировать температуру варки массы. Явные преимущества применения такого рода печей сочетались с их большой стоимостью в 12 – 15 раз дороже обычных. Такие печи были установлены на Дятьковском, Чернятинском, Радицком и Знеберском заводах С.И. Мальцова²⁵.

Большое значение в повышении эффективности производства имел переход от горшковых печей к ванным, что уменьшало расход топлива на единицу продукции, ускорило передел стеклянной массы и обеспечивало непрерывность производственного про-

цесса. Ванные печи были более емкими, чем старые горшковые, и имели более высокую температуру варки стекла²⁶.

В числе другого оборудования, действовавшего в 1896 г. на стекольно-хрустальных заводах, мы обнаруживаем воздухоудельные и воздухонагревательные аппараты, муфели, станки для матовки стекла и др.

Не в меньшей степени промышленный переворот затронул металлургическое и машиностроительное производство. Прежде всего это коснулось технологии изготовления и обработки чугуна и железа.

Организованное на Людиновском и Радицком заводах паровозо- и вагоностроение, а также производство сельскохозяйственных машин и орудий труда создавало острую необходимость получения более качественных сортов металла и изготовления довольно сложных изделий. Это способствовало строительству новых типов печей – пудлинговых, ваграночных, сварочных, а также внедрению различных типов станков – прокатных, токарных, долбежных, фрезерных, наждачных, сверлильных и др. Например, в Людинове было введено впервые в Европе пудлингование на дровах (древесном угле), пущена первая в России мартиновская печь.

Для приведения в действие всех этих многочисленных механизмов на двух указанных заводах в 1896 г. использовалась энергия, получаемая от работы 18 паровых машин и локомотивов общей мощностью 525 л.с. и водяных двигателей, суммарная мощность которых составляла 340 л.с.²⁷

Всего на заводах мальцовского промышленного округа в 1896 г. насчитывалось 42 паровых двигателя и локомотива мощностью 972 л.с. и 14 водяных двигателя мощностью 405 л.с. Кроме того, на предприятиях функционировали 69 различного рода печей, 760 станков и 26 единиц другого оборудования²⁸.

Применение этих очень важных в технико-технологическом плане новшеств в итоге являлось показателем выхода промышленного производства мальцовского промышленного округа на новый уровень и свидетельствовало о преодолении ими мануфактурной стадии производства.

Важным показателем так называемой индустриальной зрелости была организация на мальцовских заводах машиностроительного производства. По всей России были известны «мальцовский» чугун, «мальцовские» локомотивы, «мальцовские» паровозы и вагоны и другие изделия.

Временем перехода к массовому производству машин на мальцовских заводах можно считать начало 1850-х гг., когда было объявлено об учреждении государственного конкурса среди владельцев металлообрабатывающих заводов по плану частного производства паровых машин с последующим получением правительственного заказа и субсидий на изготовление пробной партии.

Единственным, кто подал реальный проект, был Сергей Иванович Мальцов. Казне было предложено изготовить «несколько машин для флота по той же цене, по какой она заказывает в Англии»²⁹. Произведя несколько образцов продукции, успешно зарекомендовавших себя, С.И. Мальцов завоевал доверие в предпринимательских и правительственных кругах. Уже вскоре он получает заказы от Морского министерства на производство винтовых двигателей для пароходов, до этого не производившихся на отечественных предприятиях, а закупуемых за рубежом, а затем и самих пароходов, в которых у России была острая необходимость.

В годы Крымской войны Военное министерство размещает на мальцовских заводах заказ на производство военной продукции. За период войны произведено «1 800 железных лафетов, 100 железных пушечных платформ и около двух миллионов пудов разных снарядов для Ерянского арсенала».

Машиностроение на Мальцовских заводах имело не только военную направленность, оно ориентировалось и на гражданские сферы. В 1870 г. на Людиновском и Радицком заводах, представлявших собой единый машиностроительный комплекс, объе-

динящийся весь процесс производства, начиная с приготовления сырья и заканчивая выпуском готовых изделий, было изготовлено следующее количество сельскохозяйственных орудий: «9 штук паровых молотилок рустоповской и своей — мальцовской систем, 59 сортировок, 8 конных веялок, 97 ручных веялок, 18 конных саялок, 2 косильных машины, 138 просорушек, 10 крупорушек, 157 плугов, 144 бороны и 25 тележек для перевозки руды». Кроме этого, было построено «831 товарных обыкновенных вагона, 124 тормозных, 34 платформы обыкновенных, 6 тормозных, 35 товарных паровозов, 6 колесных и 10 товарно-пассажирских»³⁰.

В связи с этим отдельно следует сказать об организованном С.И. Мальцовым на своих предприятиях производстве паровозов. В конце 60-х гг. XIX в. в России довольно быстрыми темпами развертывается железнодорожное строительство. Правительство вынуждено было принять меры в налаживании отечественного паровозо- и вагоностроения. В 1868 г. государственные заказы были размещены на Невском механическом заводе Семяникова и Полетики и заводе С.И. Мальцова в Людинове. Каждый завод должен был произвести 50 паровозов на сумму 1 200 тыс. руб. Вагоны были заказаны Московскому заводу Вильямса и Бухтеева, заводу Мальцова и заводу Лильпоп и Рау в Варшаве. Частные заводы при выдаче им заказов получали аванс в размере половины стоимости заказа, предназначенный на оборудование заводов для паровозо- и вагоностроения³¹.

Сжатые сроки поставки первой партии требовали форсирования действий. Несмотря на высокий потенциал Людиновского завода, для столь крупного производства мощностей было явно недостаточно. Поэтому С.И. Мальцов спешно принимает решение о строительстве Радицкого паровозоватонного завода, который уже в 1870 г. выпустил первые паровозы.

Вторым этапом, определившим дальнейшее развитие в выбранном направлении, стало подписание в 1875 г., подготовленного еще в предыдущем, договора с Департаментом железных дорог, по которому предприниматель обязывался на своих предприятиях произвести 150 паровозов, 3 000 вагонов, платформ, полувагонов и угольных вагонов на общую сумму 7 млн руб.³²

О качестве паровозов можно судить уже по тому, что на Московской политехнической выставке в 1872 г. Людиновскому заводу были присуждены Большая золотая медаль и аттестат первой степени за демонстрацию процесса изготовления паровоза, начиная с сырой отливки деталей и заканчивая его полной сборкой и отделкой.

Как показало дальнейшее развитие событий, зависимость от казенных заказов и недостаточная емкость рынка создавали непреодолимые трудности в деятельности предприятий. После того, как по окончании русско-турецкой войны в 1878 г. правительство резко сократило заказы на паровозы, отечественные паровозостроительные заводы оказались в очень затруднительном положении. Не обошла эта участь и мальцовские заводы. Не выдержав трудностей производства, Людиновский паровозный завод в 1881 г. приостанавливает свою работу, изготовив за время выполнения государственного заказа 373 паровоза. Ситуацию не спасло даже то, что в 1884 г. правительство выдало заводу заказ на 20 паровозов. Но и он не мог поправить положение на Людиновском заводе³³.

Рассматривая проблему локальной индустриализации на примере промышленного хозяйства Мальцовых нельзя забывать и о влиянии социокультурных факторов, определяющих ее конфигурацию и степень выраженности многих характеристик.

В деятельности Мальцовых нельзя не заметить неиссякаемое стремление к развитию и совершенствованию дела, желание идти в ногу со временем. В результате на протяжении практически двух столетий Мальцовское хозяйство непрерывно развивалось, причем как в технико-технологическом и материальном плане, так и в социокультурном. Несмотря на неизбежные противоречия между трудом и капиталом, несмотря на словесные и имущественные различия, вызванные используемыми методами организации рабочей силы и обусловленные характером трудовых отношений, складывавшихся на предприятиях, Мальцовы способствовали улучшению социального и материального положе-

ния рабочих и их духовно-культурному развитию в тех масштабах, в которых это позволяла сделать существующая система. В некоторых же случаях на первое место выходит уже не частный или семейный интерес, а идеал служения государству во имя его процветания, а также стремление к решению общественно значимых задач.

В отраслевой структуре занятости жителей Мальцовского округа преобладала деятельность, ориентированная преимущественно на промышленную сферу. Отчасти это обусловлено не слишком благоприятными условиями для ведения земледельческой деятельности на этих территориях, на что прямо указывается в воспоминаниях современников. «Промадное и в высшей степени оригинальное фабрично-заводское царство», созданное там, «где убогая земля и отдаленность от промышленных центров, казалось ничего не могли дать российскому крестьянину»³⁴, а земледелие не приносит выгоду³⁵.

Кроме того, переориентация хозяйственной деятельности населения с сельскохозяйственной на промышленную сферу была также обусловлена непрерывно расширяющимися масштабами производства. Поэтому заводские потребности в рабочей силе были настолько велики, что поллощали практически все работоспособное население, и даже применялся труд женщин и подростков. Однако при значительной численности населения Мальцовских владений, расположенных в плотно заселенных центральных районах России, ощущался острый недостаток рабочей силы.

В описании Мальцовских заводов, составленном Л.А. Ухтомским на основании произведенного в 1856 г. путешествия, общая численность населения, проживающего при заводах, определяется 18 600 человек. Из них 14 000 человек были заняты непосредственно в заводских операциях, а остальные состояли при заводах чернорабочими. Но даже и этого количества было недостаточно для удовлетворения всех потребностей в обслуживании производства, о чем прямо заявлял в разговоре с приглашенным в гости Л.А. Ухтомским Сергей Иванович, ссылаясь на недостаток рабочих рук³⁶.

Оригинальность и непохожесть промышленного хозяйства Мальцовых, а также достижения на пути индустриализации неоднократно отмечались современниками. Одно из наиболее ярких свидетельств мемуарного характера – путевые заметки В.И. Немировича-Данченко под названием «Америка в России», опубликованные в 1882 г. в журнале «Русская мысль». В них владения С.И. Мальцова представлены как особый район на карте русской промышленности, своего рода царство, являющееся «...оазисом среди окружающего бездорожья и бескормицы». Говоря о сложившейся здесь системе социальных взаимоотношений он характеризует ее как социальную гармонию: «здесь нет роскоши и излишеств, – нет и нищеты, нет голодовок»³⁷. Все рабочее население по его мнению жило «как у Христа за пазухой». Таким образом, «здесь была если не Америка, – продолжает В.И. Немирович-Данченко, – потому, что здесь не было того оживленного индивидуального развития, какое характеризует Америку, – то своего рода Аркадия: население жило здесь, не заботясь о завтрашнем дне, и не опасалось никаких невзгод.. Что такое другие наши заводские районы? Рассадники нищеты и центры пьянства и разврата, прежде всего. Приезжайте сюда, вы не встретите ни одного нищего, а пьяные разве в Людинове попадутся вам, да и то редко. Это не вырождающееся поколение, каким является население окрестностей, это – люди сильные и сытые»³⁸.

Конечно, приведенные выше отзывы несут отпечаток субъективизма. Однако точно в таком же ключе были сделаны выводы официальной комиссией, присланной правительством для знакомства с Мальцовским промышленным хозяйством. В своем заключении, заслуживающем гораздо больше доверия, она писала следующее: «Ни одна сторона рабочего быта не была оставлена без внимания, были сами собой достигнуты те результаты и осуществлены те реформы, к которым стремится новейшая социальная экономия. Все это могло считаться преувеличением или тенденциозным описанием, но в действительности мы констатируем те факты, которые проверены и по документам, и из расспросов самих рабочих»³⁹.

В целом же, производственная мощь мальцовского промышленного округа достигла таких масштабов, что он представлял собой не только гигантскую, по тем меркам, производственную структуру, но и довольно целостную, однородную, в определенной степени даже самодостаточную экономическую единицу. На территории района старались по возможности производить все необходимое для жизни: продовольствие, одежду, строительные материалы, мебель, посуду и т.д.

Более того, Сергей Иванович Мальцов предпринял довольно удачную попытку создать своего рода экономические границы собственных владений и усилить зависимость заводского населения. Чтобы сохранить все наличные средства, предназначенные для выплаты заработной платы, на территории промышленного округа введены в обращение «мальцовские деньги». Деньги имели весьма широкое хождение и обслуживали многие совершаемые внутри округа торгово-расчетные операции: взятие товаров в провиантных магазинах, частичная выплата жалованья рабочим, уплата акцизов и т.д. По этим «запискам» в неурожайные годы можно было взять в магазинах хлеб и другие продукты, заготовленные впрок заводоуправлением, по ценам значительно ниже тех, что устанавливались в условиях дефицита на свободном рынке⁴⁰.

Таким образом, складывалась ситуация при которой создавалась своего рода экономическая самодостаточная территория со своим населением, социальной инфраструктурой, средствами связи и транспортной системой, разнообразными предприятиями всевозможных отраслей производства и сельского хозяйства и даже деньгами. Положение, сложившееся в Мальцовском заводском районе, и все прижившиеся преобразования прекрасно охарактеризовал А.П. Субботин: «Самое развитие этого района представляет такие самобытные черты, какими рельефно выражается предприимчивость русских людей, временно подавляемая искусственными условиями жизни, ярко оттеняется все то, на что эти люди способны в области экономического развития, если им не мешает излишняя регламентация, выработанная нашей административной системой, не приносившей к жизни»⁴¹.

В целом, история развития промышленного хозяйства Мальцовых представляет собой микроотражение пути, проделанного отечественной промышленностью в направлении индустриальной зрелости, оразив все сложности и противоречия этого процесса.

Примечания

- ¹ М.: Крчук К.И. Вотчинные мануфактуры в стекольной промышленности России в конце XVIII – первой половине XIX века. Воронеж, 1988. С. 26.
- ² М.: Сергей Иванович Мальцов и мальцовское торговое промышленное товарищество. СПб., 1880. С. 1.
- ³ Там же. С. 6 – 7.
- ⁴ М.: Бролина Н.И. Развитие производств Мальцовского округа на местном сырье // С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Ч. 2. Брянск, 1999. С. 19.
- ⁵ М.: Сергей Иванович Мальцов... С. 31.
- ⁶ Там же. С. 29 – 30.
- ⁷ М.: Бролина Н.И. Развитие производств Мальцовского округа на местном сырье. С. 19 – 20.
- ⁸ М.: Сергей Иванович Мальцов... С. 31 – 32.
- ⁹ Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. М., 1997. С. 184.
- ¹⁰ М.: Ашарина Н.А. Русское стекло. М., 1998. С. 24.
- ¹¹ Сергей Иванович Мальцов... С. 21 – 22.
- ¹² М.: Крчук К.И. Указ. соч. С. 54.
- ¹³ 150 лет Никольско-Бахметьевского хрустального завода князя А.Д. Оболенского. СПб., 1914. С. XXV – XXVI, 114.
- ¹⁴ М.: Субботин А.П. Мальцовский заводской район. История и настоящее экономическое положение. СПб., 1892. С. 26 – 28.
- ¹⁵ М.: Краткое описание мальцовских заводов. СПб., 1896. С. 11.
- ¹⁶ М.: Субботин А.П. Указ. соч. С. 12 – 13, 80.
- ¹⁷ Там же. С. 26 – 28.
- ¹⁸ Краткое описание мальцовских заводов. С. 11.
- ¹⁹ Записки Московского отделения императорского Русского технического общества. 1885/86 академический год. Вып. 1. М., 1886. С. 25.

- ²⁰ Кизимова С. П., Крашенников В. В. Из истории промышленного предпринимательства в Дятьковской округе в XVII – XIX веках // С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Москва – Брянск, 1995. С. 15.
- ²¹ Журнал мануфактур и торговли. 1846. Ч. 1. С. 322.
- ²² Улемский Л. А. Несколько дней на заводах г. Мальцова // Морской сборник, издаваемый морским ученым комитетом. Т. XXXII. № 12. СПб., 1857. С. 283.
- ²³ Сергей Иванович Мальцов... С. 20 – 21.
- ²⁴ См.: Краткое описание мальцовских заводов. С. 6.
- ²⁵ Там же. С. 3 – 10.
- ²⁶ Кочук К.И. Указ. соч. С. 37.
- ²⁷ Краткое описание мальцовских заводов. СПб., 1896. С. 3 – 5.
- ²⁸ Там же. С. 3 – 10.
- ²⁹ Улемский Л. А. Указ. соч. С. 276.
- ³⁰ Сергей Иванович Мальцов... С. 28 – 29.
- ³¹ См.: Вролина Н.И. Паровозостроение на Людиновском заводе // С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Москва–Брянск, 1995. С. 117.
- ³² Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. С. 188.
- ³³ Там же. С. 122.
- ³⁴ Немирович-Данченко В.И. «Америка в России» // Русская мысль. 1882. Кн. XII. С. 234.
- ³⁵ Улемский К.Л. Указ. соч. С. 285.
- ³⁶ Там же. С. 284 – 285.
- ³⁷ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч.
- ³⁸ Там же. С. 318 – 319.
- ³⁹ Цит. по: Немчинова Д.И. Мальцовы и их дело // С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Ч. 2. Брянск, 1999. С. 14.
- ⁴⁰ Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. С. 186; 1000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов. М., 1995. С. 120.
- ⁴¹ Субботин А.П. Указ. соч. С. 1 – 2.

И. Г. Напалкова,

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗАВООБЛАДЕЛЬЦЕВ И РАБОЧИХ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ОПЫТ СОЗДАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ)

В работе со статистическими архивными источниками (ведомости и таблицы заводов, ведомости о состоянии заводов, ведомости о заработках мастеровых и рабочих, ревизские сказки по Замосковным горным заводам, статистические отчеты о производительности, документы по личному составу служащих заводов, отчетные таблицы о деятельности больниц, богаделен, школ, жалобы мастеровых о злоупотреблении администраций заводов), которые позволили бы выявить специфику рабочего класса, раскрыть особенности российской системы социального патернализма помогает использование современных информационных технологий, в частности разработка и создание автоматизированных баз данных, которые позволяют получать структурированную информацию, что во многом облегчает работу исследователя.

В качестве среды разработки базы данных «Состояние частных заводов Замосковского края» была выбрана СУБД Microsoft Access 2003.

Основной целью данной работы явилась разработка основных принципов и методов перевода архивных данных, характеризующих положение рабочих Замосковского горного округа, из описательной формы в структуру базы данных.

В результате проведенного анализа исходных данных была разработана структура базы данных, включающая в себя в общей сложности 7 таблиц и 33 поля.

Таблица «Завод» является главной таблицей базы данных, остальные подчинены ей. Связь главной и подчиненных таблиц осуществляется по полям «Код завода». В глав-

Завод	
РК	Код завода
	Название завода Основание

ной таблице это поле определяет первичный ключ, в подчиненных таблицах это поле выступает в качестве внешнего ключа и является индексным. Таким образом, получается связь типа «один ко многим». Одной записи в главной таблице соответствуют несколько записей в подчиненной.

Данная таблица состоит из трех полей.

1. «Код завода» — первичный ключ таблицы, автоинкрементное поле, необходимое для задания уникальности записи в пределах таблицы.
2. «Название завода» — текстовое поле, содержащее название завода.
3. «Основание» — текстовое поле, содержащее ссылку на архивный источник, из которого взяты сведения.

Владелец завода	
РК	Счетчик
FK1	Код завода Основатель Владелец Дата строительства Документ

Таблица «Владелец завода» содержит информацию о владельце завода характеризуемого периода и состоит из шести полей.

1. «Счетчик» — первичный ключ таблицы, автоинкрементное поле, необходимое для задания уникальности записи в пределах таблицы.
2. «Код завода» — внешний ключ таблицы, индексное поле, необходимое для задания связи с главной таблицей.
3. «Основатель» — текстовое поле, содержащее Ф. И. О. основателя завода.
4. «Владелец» — текстовое поле, содержащее Ф. И. О. владельца завода.
5. «Дата строительства» — текстовое поле, содержащее дату строительства завода.
6. «Документ» — текстовое поле, содержащее информацию об указе о строительстве завода.

Расположение завода	
РК	Счетчик
FK1	Код завода Губерния Уезд

Таблица «Расположение завода» содержит информацию относительно местоположения завода. Состоит из четырех полей.

1. «Счетчик» — первичный ключ таблицы, автоинкрементное поле, необходимое для задания уникальности записи в пределах таблицы.
2. «Код завода» — внешний ключ таблицы, индексное поле, необходимое для задания связи с главной таблицей.
3. «Губерния» — текстовое поле, содержащее данные о местоположении завода.
4. «Уезд» — текстовое поле, содержащее данные о местоположении завода.

Профессии работников завода	
РК	Счетчик
FK1	Код завода Название профессии Количество работников Зароботная плата Идентификатор заработной платы

Таблица «Профессии работников завода» содержит информацию о профессиональном составе предприятия, при этом характеризует каждый показатель численностью работников по данной специальности, величиной их заработной платы. Состоит из пяти полей.

1. «Код завода» — внешний ключ таблицы, индексное поле, необходимое для задания связи с главной таблицей.
2. «Название профессии» — текстовое поле, содержащее наименование специальностей и профессиональных занятий рабочих.
3. «Количество работников» — текстовое поле, содержащее данные о численности мастеровых и рабочих определенной специальности.
4. «Зароботная плата» — текстовое поле, содержащее информацию об оплате труда рабочего определенной специальности.

5. «Идентификатор заработной платы» – текстовое поле, описывающее временной диапазон выплат заработной платы.

Объемы производства	
РК	Счетчик
FK1	Код завода Исходный объем руды Получаемый объем чугуна Исходный объем чугуна Получаемый объем железа

4. «Исходный объем чугуна» – текстовое поле, содержащее данные, относительно которых представляется производительность выработки железа.

5. «Получаемый объем железа» – текстовое поле, содержащее данные о выработке железа из 11 пуд. руды.

Таблица «Объемы производства» содержит информацию о производительности заводов. Состоит из 5 полей.

1. «Код завода» – внешний ключ таблицы, индексное поле, необходимое для задания связи с главной таблицей.

2. «Исходный объем руды» – текстовое поле, содержащее данные, относительно которых представляется производительность выплавки чугуна.

3. «Получаемый объем чугуна» – текстовое поле, содержащее данные о выплавке чугуна из 100 пуд. руды.

Оборудование завода	
РК	Счетчик
FK1	Код завода Название оборудования Количество оборудования

Таблица «Оборудование завода» содержит информацию об оснащенности заводов. Состоит из 3 полей.

1. «Код завода» – внешний ключ таблицы, индексное поле, необходимое для задания связи с главной таблицей.

2. «Название оборудования» – текстовое поле, содержащее перечень промышленного оборудования по каждому заводу.

3. «Количество оборудования» – текстовое поле, содержащее информацию об устройстве завода.

Таблица «Налоги завода» содержит информацию о правовом налоговом статусе заводов. Состоит из 3 полей.

1. «Код завода» – внешний ключ таблицы, индексное поле, необходимое для задания связи с главной таблицей.

2. «Налог с домны» – текстовое поле, содержащее данные о податях в казну с домны.

3. «Налог с чугуна» – текстовое поле, содержащее данные о податях в казну с пуда, выплавляемого чугуна.

Разработанная структура базы данных «Состояние частных заводов Замосковского края» позволяет наиболее быстро, просто и эффективно обобщать и анализировать имеющиеся архивные источники.

При анализе базы данных нас интересовали показатели численности, половозрастного состава, уровня заработной платы рабочих.

Выборка составила 12 заводов: Богданопетровский, Ваташовский, Выксунский и Велетменский, Гусевский, Дугненский, Железницкий, Дубенский, Верхнежелезницкий, Инсарский, Ибердетский, Брынской, Есеновский.

Данные заводы относятся к разным типам промышленных предприятий по численности рабочих (см. рис. 1).

Богданопетровский, Ваташовский, Брынской, Дугненский, Дубенский, Инсарский, Ибердетский, Верхнежелезницкий и Есеновский – относятся к категории мелкопромышленных заводов (число рабочих до 499 чел.); Железницкий – средним (до 900 чел.); Выксунский и Велетменский – к крупным промышленным предприятиям (более 1 000 чел.). Данная выборка была составлена с учетом того, что при рассмотрении вопроса взаимоотношений заводладельцев и рабочих «следует иметь в виду различие

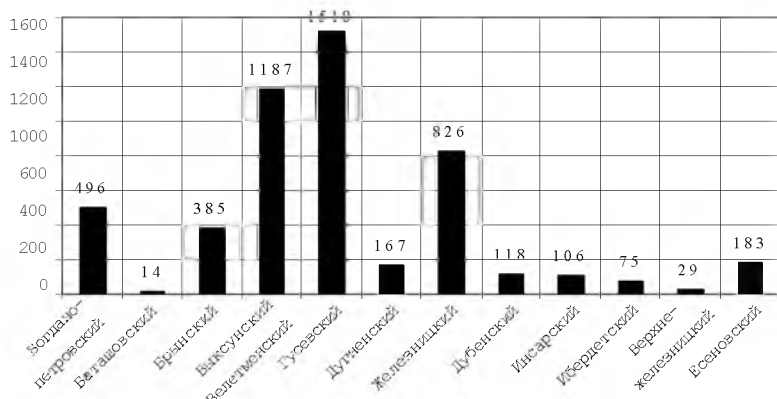

Рис. 1. Количество рабочих по заводам (чел.)

самих предприятий и по размеру, и по типу», так как «то, что представлялось возможным на крупных предприятиях в плане обстановки работ и условий обеспечения рабочих, было неосуществимо на множестве мелких»¹.

На ряде заводов Московского горного округа, как и в других округах, вплоть до реформ 1861 г. и некоторое время после их принятия использовался труд крепостных и приписных крестьян (см. рис. 2).

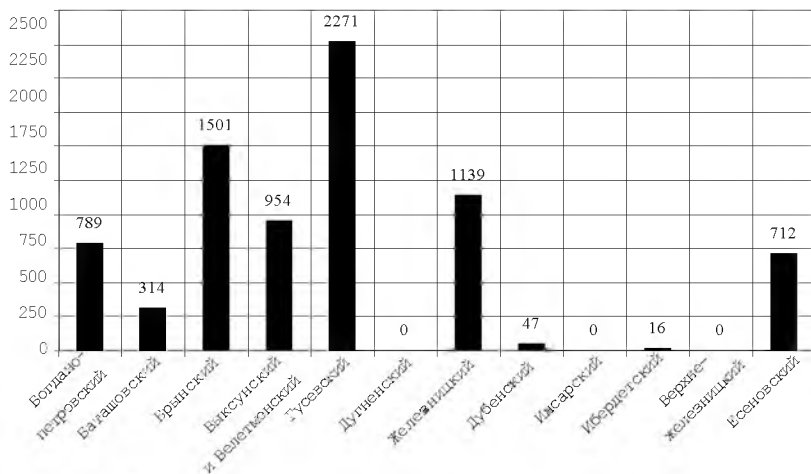

Рис. 2. Количество приписных крестьян по заводам (чел.). 1943 – 1945 гг.

Чаще всего крестьян употребляли для неквалифицированной работы – жение и перевозка угля, рубка дров, осыпание кучи и т. п., выполнение которой считалось вредной для здоровья.

Ранее анализировались меры, предпринимаемые заводоладельцами в отношении рабочих, в том числе крестьян, приписанных к промышленным заведениям, также ука-

зывалось, что государство в первой половине XIX в. не вмешивалось в трудовые отношения. Соответственно степень попечительства со стороны предпринимателей во многом зависела от их личностных свойств. Одни из них проявляли определенную черствость по отношению к своим рабочим и крестьянам, другие – гуманность, третьи проводили политику «кнута и пряника».

Анализируя положение на характеризующих заводах, можно отметить ряд заведений, владельцы которых считали необходимым полностью или частично обеспечивать рабочее население, взятое ими на попечение. Например, заботясь о трудящихся на вредных производствах, многие заводладельцы за свой счет выдавали им молочные продукты: на Выксунском и Велетменском заводах Ивана Баташова в 40-х – начале 50-х гг. XIX в. отпускали молоко из расчета не менее 20 коп. на меру угля; на Гусевском заводе Андрея Баташова – 25 коп. за меру; на Дугненском заводе Петра Демидова – 15 – 20 руб. на 100 пуд. чугуна (причем молоко на данном заводе выдавалось лишь приписным крестьянам, вольнонаемным рабочим, работавшим на вредном производстве, его не выдавали); на Ибердетском заводе Кирилла Крапивинцова и Ивана Богданова – не менее 22 коп. за меру².

Ряд заводладельцев уделяли значительное внимание развитию системы общественного призрения. Так, при Железницком, Дугненском, Гусевском, Выксунском заводах были построены и финансировались предпринимателями богадельни для инвалидов и престарелых³.

Особую заботу о своих подчиненных проявлял владелец Выксунских заводов Иван Родионович Баташов, который для организации досуга рабочих специально построил «великолепный павильон», для увеселения народа в нем были сооружены беседки, качели, играла музыка для танцев⁴.

Однако нельзя однозначно оценивать взаимоотношения между заводчиком и рабочим: только положительно или только отрицательно, наряду с опекой, меценатством, благотворительностью даже на благоустроенных и благополучных заводах применялась система штрафов и наказаний, в том числе физических.

В фонде Московского горного правления ЦИАМ хранятся многочисленные жалобы рабочих Замосковского горного округа о жестоком обращении и издевательствах со стороны заводладельцев. Особенно много их подавалось в конце 40 – начале 50-х гг. Так, мастеровые Инсарского завода жаловались на то, что к ним применялись физические наказания («был бит заводчиком»), в частности 3 чел. – за опоздание на работу, 19 – за опоздание на переключку и т. п.⁵

Использование репрессивных методов был известен Андрей Родионович Баташев. Рабочие свидетельствовали о применении к ним системы изощренных пыток за малейшую провинность⁶. Как следует из материалов следствия, рабочий Ефимов был закован в кандалы и получил 200 ударов розгами «за нерадение труду»⁷, рабочий Калинин – 300 розг за опоздание на работу и «не должное выполнение уроков»⁸ и т. д.

Таким образом, для заводских порядков в крепостной период были характерны как попечительство со стороны предпринимателя, так и репрессивные методы воздействия. Во многом это было связано с осложнившейся системой патриархального патернализма, когда власть заводладельца была абсолютной.

Одним из составляющих показателей рабочего вопроса является использование труда несовершеннолетних (рис. 3). Официальная статистика первой половины XIX в. Горного департамента в определенной степени игнорировала данный вопрос.

Разрозненность архивных данных и отсутствие единой системы сбора и хранения статистической информации не позволяют сделать обобщающий вывод о доле женского и подросткового труда. Однако можно предположить, что большого распространения на заводах Замосковского округа в 40 – 50-х гг. XIX в. он не получил из-за технических условий производства. В основном труд детей использовался в подсобных работах.

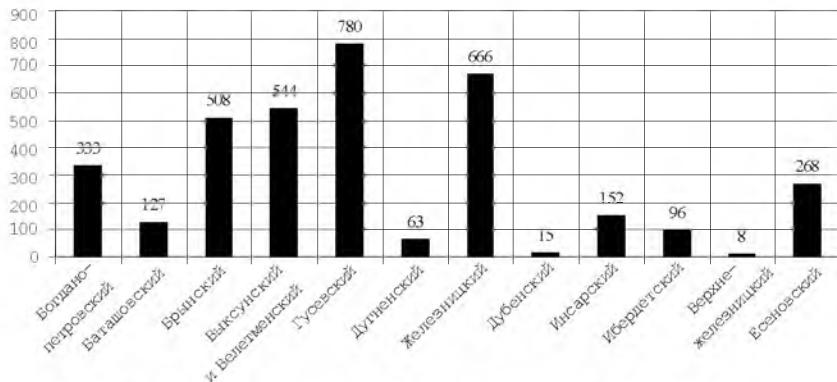

Рис. 3. Количество несовершеннолетних по заводам (чел.). 1943 – 1945 гг.

Так, мальчики «вступали в заводские работы с 12 – 13 лет и употреблялись первоначально для легких работ, как, например, для погона лошадей при перевозке дров, руд, угля, для уборки кусков железа и обрезков, для укупорки их, приготовления угольного мусора, для катального производства»⁹. В доменном, механическом, столярном, слесарном цехах мальчиков использовали в качестве учеников.

Взаимоотношения между несовершеннолетним рабочим и заводовладельцем также строились как на элементах попечительства (на гусевском заводе в штат сотрудников входили 2 учителя грамоты для несовершеннолетних), так и на жесткой эксплуатации (известны случаи, когда предприниматели специально увеличивали возраст детей, чтобы использовать их при производстве, обходя тем самым закон, запрещавший применение детского труда до 12 лет).

Одним из значимых показателей как при анализе взаимоотношений между предпринимателями и перечисленными категориями труда, так и при составлении профессиональной иерархии, социального статуса, определении мотивации труда, изучении экономического положения рабочих выступает заработная плата.

Рассмотрим наиболее высокооплачиваемые профессии в нач. 50-х гг. XIX в. внутри каждого завода¹⁰:

- на Богданопетровском заводе самые большие доходы были у припасчика – 2 руб., доменного мастера – 1 руб. 50 коп., доменного подмастерья – 1 руб. 40 коп.;
- на Баташовском заводе: у доменного мастера – 1 руб. 80 коп., доменного подмастерья – 1 руб. 50 коп.;
- на Брянском заводе: у доменного мастера – 1 руб. 50 коп., смотрителя – 1 руб. 50 коп., дровозова, подметчика – 1 руб. 30 коп.;
- на Выхунском заводе: у смотрителя по протяжке проволоки – 2 руб. 50 коп., смотрителя при делании кос – 2 руб. 50 коп., доменного мастера – 2 руб. 10 коп., отжигальщика – 2 руб. 10 коп., приказчика при записке чугуна – 2 руб., засыпальщика руд – 2 руб.;
- на Верхнежелезницком заводе: у наладчика – 2 руб. 50 коп., смотрителя – 2 руб. 30 коп., писаря – 1 руб. 50 коп.;
- на Гусевском заводе: у смотрителя при лужении оловом железа – 2 руб. 60 коп.; смотрителя при делании кровельного железа, смотрителя при ковке гвоздей, кузнечно-го мастера и уставщика – 2 руб. 50 коп., приказчика при записи чугуна, кузнеца – 2 руб. 20 коп.;
- на Дулинском заводе: у доменного мастера – 2 руб., доменного подмастерья – 1 руб. 80 коп., поддонного – 1 руб. 60 коп.;

- на Дубенском заводе: у доменного мастера – 2 руб. 80 коп., доменного подмастера – 2 руб. 60 коп., доменного работника – 2 руб. 50 коп.;
- на Железницком заводе: у мастера при делании плкищильного железа – 3 руб. 60 коп., у выдавальщика железа, писаря при делании листового железа, приемщика кос, приемщика при делании листового железа, смотрителя при делании кос, смотрителя при делании листового железа – 2 руб. 50 коп.;
- на Инсарском заводе: у приказчика – 3 руб. 30 коп., доменного мастера и литейщика – 1 руб. 40 коп., доменного подмастера 1 руб. 30 коп.;
- на Ибердетском заводе: у приказчика – 2 руб. 50 коп., доменного мастера и конторщика – 2 руб., засыпальщика – 1 руб. 90 коп.;
- на Есеновском заводе: у доменного мастера, смотрителя – 1 руб. 50 коп., подметчика, доменного подмастера – 1 руб. 30 коп.; мехового мастера, рудобойщика, рудовоза, слесаря, угленосчика – 1 руб. 20 коп.

Таким образом, традиционно наиболее высоко оплачивалась работа мастеров по различным производствам и цехам, специалистов узкого профиля (наладчики, механики), а также конторских служащих (приказчиков, смотрителей, писарей и т. п.).

Интересен сравнительный анализ заработной платы различных специальностей (рис. 4 – 5).

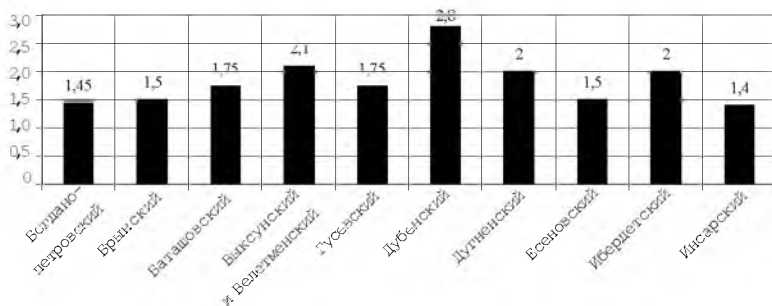

Рис. 4. Зарплата доменного мастера по заводам (50-е гг. XIX в.), в руб.

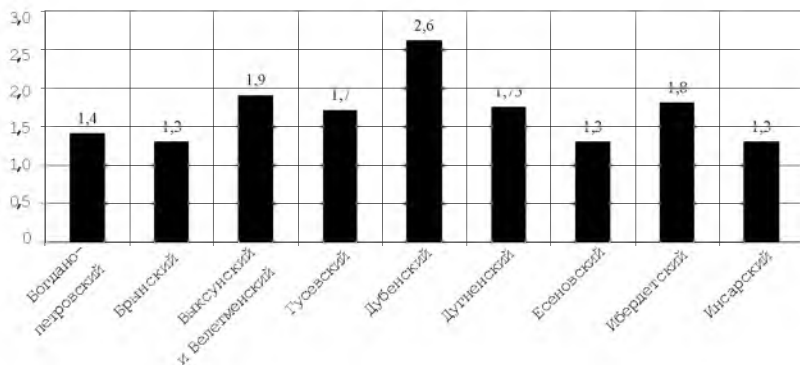

Рис. 5. Зарплата доменного подмастера по заводам (50-е гг. XIX в.), в руб.

Диапазон заработной платы у доменных мастеров варьируется от 2 руб. 80 коп. на Дубенском заводе (максимальный показатель) до 1 руб. 40 коп. на Инсарском заводе (минимальный показатель). Разница составляет 1 руб. 40 коп.¹¹

Наибольшая заработная плата у доменного подмастерья на Дубенском заводе (как и у мастера), наименьшая – на Брынском, Есеновском, Инсарском заводах.

Можно сделать вывод об отсутствии в исследуемый период ярко выраженной тарификации в системе оплаты труда. Это определенным образом характеризует сущность предпринимательского патернализма, когда заработная плата начисляется и выдается в зависимости от воли заводоуправляющего, а не по установленным нормам.

Чаще всего заработную плату рабочим начисляли еженедельно, однако выдавалась она на разных заводах по-разному. Традиционным считалась выплата к Пасхе, в остальное время она целиком зависела от воли заводчика.

Для всех заводов была характерна традиционная для изучаемого периода времени 2-х сменная работа.

Таким образом, разработанная база данных позволила структурировать разобщенные и разрозненные данные статистического и описательного характера. На основе анализа взаимоотношений между рабочими и предпринимателями на примере заводов Замосковского горного округа прослеживаются характерные черты патриархального патернализма российских заводоуправляющих:

- неоспаримое выполнение любых заданий заводоуправляющих;
- зависимость размера заработной платы от единоличного решения предпринимателя;
- непротивление любому вмешательству предпринимателя в выполняемые профессиональные обязанности;
- ориентация на получение помощи, прежде всего от предпринимателя в трудных жизненных ситуациях.

Примечания

¹ См.: Арсентьев Н. М. Замосковский горный округ конца XVIII – первой половины XIX в. – Саранск, 1988. С. 221

² ЦИДМ, ф. 2199, оп. 1, д. 1192, л. 16, 56, 70, 110.

³ ЦИДМ, ф. 2258, оп. 1, д. 103, л. 19; д. 153, л. 29 – 31.

⁴ Сын Отечества. 1819. № 10. Ч. 52. С. 153 – 154.

⁵ ЦИДМ, ф. 2199, оп. 1, д. 61, 1158, 1267, 1305, 1307 – 1311, 1360, 1418, 1419.

⁶ Там же. Д. 1292, л. 26, 38, 57.

⁷ Там же. Д. 1306, л. 24.

⁸ Там же. Д. 1307, л. 105.

⁹ ЦИДМ, ф. 2258, оп. 1, д. 216, л. 15, 28, 31, 36, 40, 44.

¹⁰ ЦИДМ, ф. 2199, оп. 1, д. 1192, л. 12, 16, 18, 24, 44, 56, 70, 76, 94, 102, 110, 118.

¹¹ ЦИДМ, ф. 2199, оп. 1, д. 1152, л. 11 – 18.

С. В. Голикова,

кандидат исторических наук,

Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

ГОРНОЗАВОДСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА УРАЛЕ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

(НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРЫ ПРАЗДНИКОВ XVIII — НАЧАЛА XX В.)*

Значимым социокультурным аспектом становления и развития крупного производства как в национальном, так и в мировом масштабе стало появление «рабочей культуры». Культура рабочих — многоаспектная и широкая тема, в изучении которой необходимо идти по пути расширения локальных исследований. Из их совокупности и будет складываться объективное представление об этом сложном культурном феномене. Вкладом в его создание является и наше обращение к культуре горнозаводского населения Урала, рассматриваемой в качестве одной из «региональных культур рабочих»¹.

Активное промышленное освоение Урала в XVIII в. наряду с новой экономической и социальной создало новую культурную среду. Поскольку культурное разнообразие возникает в результате приспособления к условиям существования социума и природы, то культуру горнозаводского населения можно рассматривать как адаптацию русской культуры к условиям развития горнодобывающей и металлургической промышленности. Изучение культуры горнозаводского населения дает возможность проследить, к каким изменениям оказались способны традиционные черты русской культуры под воздействием производства. «Воздействие горной промышленности, испытываемое культурой в целом» изучает даже особое научное направление — «горная этнография»², которая показала, что горняки, металлурги-плавильщики и кузнецы в силу особых условий своего труда имеют специфические образ жизни и культуру. С подобных позиций мы можем рассматривать культуру горнозаводского населения Урала в качестве варианта «горняцкой» культуры, возникший в начале XVIII в. на «русском» субстрате.

Речь идет о развитии русской национальной культуры через множасьее богатство реализуемых ею исторических возможностей. Будучи продуктом культурно-исторического «исхода» из Европейской России, культура горнозаводского населения Урала не могла быть механически перенесенным «слепок», «бледным» подобием, маргинальным явлением «материнской» культуры. Этот оригинальный культурный импульс следует рассматривать не как внешний фактор, но как момент внутренней трансформации русской культуры.

Уже дореволюционные авторы отмечали культурную самобытность горнозаводских жителей, которая, по их мнению, порождалась длительным воздействием производственного фактора. Следы такого воздействия в границах отдельных заводов и округов получили отражение в ответах на анкету Русского Географического общества середины XIX в. За сто лет существования Юговского завода Кнауфа его население так «между собой сблизилось сроднилось, уравнилось, что нет никаких признаков различия». Заводчане перестали обращать внимание «на то, откуда их предки», а «живут и думают так, как будто бы они были коренные здешние жители»³. «Внучата переселенцев, — сообщали из Кушвы, — уже не похожи по наречию на своих дедушек и все говорят наречием общим, которое не в заводах именуется заводским и составляет наречие общее для всего Гороблагодатского заводского округа»⁴.

Обращают на себя внимания и постоянно звучащие высказывания современников об унификации, стандартизации культурных явлений в горнозаводской среде, пишет ли Д.Н. Мамин-Сибиряк о том, что заводские поселки похожи, «как две капли воды» или о рядах одинаковых домиков их жителей, сообщает ли Н.С. Попов о сходстве «заводского нарда» в связи с «заимствованием» его из признанных заводских центров «модь». Подобные свидетельства позволяют интерпретировать происходящее как про-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 04-01-00462а

цесс складывания горнозаводской культуры, итог которого урядник Нижне-Исетского завода Ждановский в 1855 г. обозначил следующим образом: «Все мастеровые и семейства их наружность, домашний быт, одежду, нравы, обычаи и обряды, пищу и пр. имеют совершенно согласно с прочими мастеровыми»⁵.

Происходившая позднее — с середины XVIII в. — промышленная колонизация Южного Урала повторила означенный процесс и пришла (соответственно, в более позднее — к 1861 г. — время) к аналогичным результатам. «Заводы росли и размножались. — Писал Ф. Д. Нефедов. — К ним стягивались и прикреплялись рабочие люди: белтые, переселенцы, успевшие уже осесть и крестьяне покупаемые у помещиков и вывозимые заводчиками из внутренней России в Вашикирию. Новая своеобразная жизнь зачиналась в заводах, — жизнь, полная нескончаемых печалей, но не лишенная и своих радостей; в течение более ста лет она складывалась и, наконец, сложилась в определенные формы, выработался тип заводского человека»⁶.

Очередной виток культурогенеза демонстрируют переселенные на территорию Урала еще позднее — в начале XIX в. — украинцы. «По наружному виду, — отмечал Д. Н. Мамин-Сибиряк, — вы ничем не отличите хохла от других мастеровых коренного заводского населения, даже в одежде не сохранились никаких особенностей. На такую метаморфозу завязного хохла в уральского горнорабочего потребовалось всего 70—80 лет, то есть смена четырех поколений»⁷. Культурное единение в рамках всего горнозаводского Урала засвидетельствовал Р. Попов. «На Урале и теперь, — писал он в 1870-х гг., — не редкость встретить не только в одном заводском округе, но и в одном заводе потомков представителей как самых разнообразных типов русского народа, так и инородческого, даже иноземного населения. Но вся эта разнохарактерность происхождения спланилась под гнетом общей доли и выработалась в особый, все-таки характерный тип горнозаводского рабочего»⁸. Используя терминологию современного исследователя, следует признать, что завод «навязывал иные масштабы, время, образ жизни и культуру»⁹, благодаря которым постепенно исчезали — здесь опять придется перейти на язык того времени — различия в «верованиях, характере, привычках, идиотизмах и наречии» переселенцев.

Современники не раз отмечали особый ментальный склад горнозаводского населения, явившийся следствием его профессиональной занятости. «Сам род занятий заводских людей, — писал в 1864 г. М. Кирглицков, — имеет на них развивающее влияние, вследствие чего заводской мастеровой по умственному развитию стоит выше здешнего крестьянина»¹⁰. «В здешних краях, — сообщали еще в 1842 г. из Нижнетагильского округа, — дух народный, как людей фабричных, имеет большую разницу против обыкновенных земледельческих поселян»¹¹.

Для явственной демонстрации культурогенного потенциала горнозаводского производства обратимся к его антиподу — празднику. В связке «труд—отдых» праздничное времяпрепровождение выступает практически полной противоположностью времени производительного труда.

У горнозаводского населения произошли изменения в восприятии праздника как календарной вехи. Производственный цикл металлургических предприятий создавал другое представление о времени, чем аграрный календарь. «Связь между праздничными днями и производственным трудом, — писал Р. Г. Пихоя, — живо ощущавшаяся крестьянством, в условиях заводского производства была разорвана». По мнению данного автора, это стало причиной принципиально иного отношения к праздникам, которое нашло свое отражение в требовании предоставлять отгулы за работу в праздники, в возможности их игнорировать, если они оплачивались¹². Борьба трудящихся за увеличение нерабочих дней, а властей за «разумное» сокращение их количества началась уже в XVIII в. «Понеже здешний народ безмерным леностям подвержен, — писал в 1723 г. В. Гении, — которой ради не токмо определенными неделями и господскими праздниками довольствуются, но еще многие от обычая и леностипразднования умыс-

лили, того ради, кроме недель господских праздников и государстких ангелов, с работ не отпущать». «Для лучшего известия» он «именовал» нерабочие дни: Новый год, Богоявление, Сретение, Благовещение, Преображение, Успения, Рождества и Введение во храм Богородицы, Вознесенье, Троицын день, Святки (3 дня), четверг, пятница, суббота сырной недели, суббота страстной недели, понедельник и вторник пасхальной недели, рождение, коронавание и тезоименитство государя и императрицы и еще 23 других праздника и 52 воскресенья¹³. По подсчетам Н.В. Бакланова, в то время отдыхали треть года и к выходным дням, как показал В.П. Татищев, население умело прибавляло время из рабочего графика. Если праздники приходились на вторник и пятницу, то в молотовых пропадало по два дня, «ибо на один день горны разогревать более угля сожгут, нежели прибыли есть, а на завтрея с похмелья також работа не весьма исправна». Горная администрация стремилась упорядочить превращение рабочего времени в праздное и тем самым предотвратить по заводам «великое помешательство». В 1735 г. В. Н. Татищев предлагал объявить указом, чтобы на заводах отдыхали только в дни великих церковных праздников, а в остальные, которые, по его словам, «суть токмо от обычая за велики почитаются» – работать. «Статские» праздники (дни рождения и именины членов царской фамилии, ие императорского величества восшествия на престол, коронацию, кавалерские и день Полтавской битвы) можно было «торжествовать в ближайшей неделе» (т.е. перенести на воскресенье)¹⁴.

Таким образом, если по всей России регуляция праздничного календаря под предлогом борьбы с праздностью началась в пореформенное время, то на горнозаводском Урале – буквально с периода строительства заводов и достигла здесь еще в крепостнический период достаточно острых форм. Волнение в Березовском заводе 1820 г. началось с утренней раскомандировки первой смены 31 марта. Мастеровые заявили: «Во оный день как праздничный работать не обязаны и исполнять службы не согласны». Не приступила к работам и вторая, вечерняя смена. Березовские золотодобытчики «беспременно повторили, что они в праздничные дни работать ни под каким видом не согласятся и явятся в работу уже в понедельник на следующей неделе»¹⁵. «Отягощение... в работах в воскресные и праздничные дни и даже во время светлых недели» спровоцировало беспорядки на Юрюзанском и Минском заводах в 1828 г.¹⁶

Администрация Верх-Исетского округа занимала в этом вопросе более гибкую позицию. «По всем прочим работам» (кроме доменного производства, которое нельзя было остановить по технологическим причинам), мастеровым в праздничные дни «давалась от работ свобода», в дни проведения престольных праздников «для особенного празднества» давалось «еще по одному и из рабочих дней. Вся страстную неделю завод был остановлен»¹⁷. По данным П.И. Мельникова, в 1830-е гг. трудящиеся Чермозского завода освобождались от работ в табельные и храмовые праздники, в воскресные дни и в свои именины¹⁸. При «нарушении» установившихся порядков (например, в непрерывном доменном производстве) предоставлялось «лишнее» жалование. Вскоре «пасхальный» вопрос получил частичное законодательное разрешение. По штатам 1847 г. мастеровым православного исповедания было положено три дня для исполнения христианских обязанностей и провиант за это время. В «Росписи праздничных и увольнительных дней», приложенной к штатам Камско-Воткинского завода 1828 г. было узаконено 45 праздничных дней¹⁹.

Уже в период создания предприятия стремились отметить окончание наиболее значимых этапов работы. 3 июля 1788 г. строители Кизеловского завода «отслужив святую молебен, прося у Бога помощи, по полудни в начале третьего часа» окончили плотину или, как тогда выражались, «заняли займку» «благополучно». 6 июля приказчик «всех работных людей подчивал хлебом-солью и наливал им по чарке вина», а пивом напоил всех рабочих (1 235 человек)²⁰.

На заводах достаточно рано для рабочих стали устраивать совместные корпоративные трапезы. Подобный «старый» обычай существовал в Чермозском заводе. До 1836 г.

обед всем работающим полагался в честь именин владельца, приходившихся на девятое сентября. Затем его стали проводить днем раньше – восьмого сентября, совместив с престольным праздником Рождества Богородицы. Абаемелек-Лазаревы поступали как и другие заводчики. По наблюдению Н.Н. Новокрещенных, на соседних заводах графа Строганова «обеде» совпадали с днем его ангела еще в конце XIX в. На рыночной площади «заблаговременно» устраивали кухню и столы. Прослушав обедню, сюда являлось «начальство». После короткой молитвы духовенство «освещало обед и окропляло его святой водой». У каждого стола «распоряжался» один из служащих. В меню входил кусок рыбного пирога, щи, мясо, каша. Водку и пиво разносили ведрами. Причитающуюся им норму водки (три стакана) рабочие, как правило, переливали «в ранее приготовленную бутылку» и уносили домой. «Ранее, – отмечал Н.Н. Новокрещенных, – пробовали не давать /этого делать/ – и большинство оставалось под столом, так как три стакана, выгитые на голодный желудок, свалят всякого здоровяка»²¹. Более гуманно здесь относились и к малолеткам. Вместо водки им выдавали пряники. Для поддержания порядка во время праздника приходилось пользоваться помощью сельчан – из окрестных деревень вызывали два десятка сотских. Местные жители, по словам Н.Н. Новокрещенных, становились для этого совершенно «непритодны и ходили по улицам как окоренные тараканы».

Обычай ежегодного отмечания «дня рождения» завода или промысла, нередко приуроченный к именинам их владельца, зародился в начале XVIII в. Тогда усольский приказчик Прокопий Воронов превратил день памяти (8 июля) Прокопия «Христа ради юродивого, Устюжского чудотворца», прославившегося нетленными мощами в XIV в., в веселое празднество. Справляя собственные именины, он угощал вином «лучших» мастеровых. В первой половине XIX в. промыслы принадлежали уже пяти владельцам, которые устраивали «для всех вообще» рабочих и мастеровых «хороший обед с вином и пивом». «Сценарий» застолья в Усолье отличался от чермозского лишь в деталях. С раннего утра, «нарядившись в лучшее платье», население собиралось в церковь к обедне. Пока «под открытым небом накрывали стол», кушанья «жарились и кипели в огромных котлах». После благословения священником «ястия и пития» столы накрывали чистым холстом и начинали разносить калачи, пироги с рыбой, холодное, щи, кашу, жаркое. Каждому обедающему полагалось три больших стакана вина и «очень хорошее пиво – без меры». «Очень» молодым парням подавали также три, но «небольшими» стакана вина. Пригубив напиток, подростки большую часть содержимого сливали в принесенные с собой бурочки и после угощали им домашних. Женщины не участвовали в застолье, а только издали «любовались, как пируют мужья». Но и без них за столом «угощались» более двух тысяч человек. До «глубокой ночи» народ с песнями и плясками разгуливал по улицам²².

В первой половине XIX в. владелец Нижнетагильских заводов в честь рождения сына распорядился предоставить мастеровым выходной, отслужить молебен и устроить угощение за свой счет. Аврора Карловна Демидова пошла дальше. «В память бытности сына моего Павла Павловича Демидова в Нижнетагильске, – распорядилась она, – в день его ангела 20-го июня 1849 года раздавать каждый год в этот день отличнейшим мастеровым Нижне-Тагильского и других заводов тысячу пятьсот рублей серебром».

Владельцы пытались привить населению традицию отмечать юбилеи заводов. В столетие Нижне-Салдинского завода для престарелых рабочих был устроен обед, причем каждый из присутствующих мог взять на память, ложку, которой он ел на этом обеде. Традиция прижилась и особенно ярко проявилась в начале XX в., когда наступили двухсотлетние годовщины пуска первенцев уральской металлургии. Торжество в Невьянском заводе началось с молебна, во время которого участники почтили «память великого инициатора железного дела на Урале Великого Петра», а закончилось трапезой, предложенной хозяевами всем гостям, служащим и рабочим завода. В адрес невянцев поступили приветствия со всех концов России²³.

Возникнув на горнозаводском Урале (по сравнению с остальной Россией) достаточно рано, подобный инвариант корпоративного празднества выполнял ряд взаимосвязанных между собой функций. Он служил созданию «мифа» о единой семье работников, объединенной общими интересами и тем самым способствовал интеграции трудящихся в единую общность. Подобные застолья представляли собой не просто коллективное насыщение. Их ежегодное проведение как минимум включало в себя констатацию того, что собравшиеся принимают и разделяют определенные традиции, минимальные этические и эстетические нормы поведения, следовательно, принадлежат к одной культурной общности. Поскольку речь идет о трапезе постоянного рабочего коллектива, то к этому добавляется признание и утверждение своей принадлежности к нему.

Однако целенаправленным в «мифотворчестве» оставался, скорее, патерналистский подход — формирование представления о добром хозяине-покровителе своих подданных, которое должно было снимать социальное напряжение и конфликты в заводском социуме. «Трудно объяснить, — восклицал очевидец Прокопьева дня в Усолье, — сколько бывает благодарностей, уверений в ревностной службе господам своим и других веселых разговоров после такого сытого и пьяного угощения». Не стоит забывать и о мемориальном значении ежегодных застолий. «Угощения... — замечал тот же наблюдатель, — до того вошло в обычай, что едва ли искоренится, пока существуют промыслы... иной промысловый мастерской охотнее согласится в другие праздники работать на господина, нежели отказать от пира в Прокопьев день». В подтверждение своих рассуждений он привел данные о пожаре в Усолье девятого мая 1848 г.: «Казалось, до пирования ли тут?» — Однако, «угощение происходило на дымящихся развалинах»²⁴.

Наряду с насаждавшимися администрацией, церковью и официально признанными в рабочей среде возникли свои праздники, связанные с трудовыми процессами. Наиболее ярким из них являлось начало «караванной операции» — праздник «сплишка», получивший свое название от «спихивания» — спуска на воду барок и отправки «железного каравана». По Чусовой караван отбывал чаще всего в Егориянешнее — 23 апреля. День был «не престольный» и официально не праздничный, но для «пристанских жителей» «желанным, долгожданным». Самым большим годовым «местным» праздником являлся не только он, но и предшествующая «отвалу» барок седмица. «У караванных рабочих, — сообщал А. Корельский, — подобно рекрутам, было в обычае — последние дни перед уходом каравана вволю поигрывать и повеселиться. Устраивались качели и скакульки, разбивались палатки торговцев; водились хороводы, раздавались звуки бабалаек и гармоник и весь небольшой контингент пристанского населения проводил около недели также шумно и весело, как и во время праздников Пасхи». Зарождение сплишки, по словам В.В. Блажеса нужно относить к XVIII столетию. О том, что на этом празднике в середине XIX в. было многолюдно, сохранилось свидетельство Я. Рогова: «До двух тысяч народа толпилось на берегу в ожидании отправки каравана: одни — как судорабочие, другие — в качестве провожатых». Администрация в этот день шла на дополнительные расходы, угощая рабочих тремя чарками водки. В создании праздничного настроения «выпивка», по отзывам очевидцев, «играла не последнюю роль».

Перед спуском барок священник напутствовал их молебном. Затем следовал сигнал к отправлению — три залпа небольшой медной пушки. Праздничный облик железному каравану придавали флаги, двух-, трехцветные гербы, «блестящая казенка, илкомнированная и разукрашенная» — барка, на которой плыл караванный и управитель завода. Носовая часть судна красилась «в особую краску». У Ревдинского завода — в черный цвет, поэтому ревдинцев называли «черноносыми»; у Шайтанского — в желтый. Перед ней появлялась «необходимая декоративная принадлежность всякого сплава» большая, так называемая косная лодка, в которой сидели двенадцать требцов в ярко-красных кашемировых рубашках, черных плисовых шароварах и матросских фуражках с длинными красными лентами и рулевой в малиновой рубашке с голубой лентой на фуражке. «Казенка» прощалась с публикой также пушечным салютом. На ней находился поп, который в

особо опасных случаях «крестил воду», а пассажиры снимали шапки и тоже крестились. Когда последняя лодка скрывалась из вида, провожащие отплясывали «угощаться или устраивались где-нибудь на берегу, молодежь плясала и пела». С точки зрения развития праздничной традиции уникальность спешки заключалась в «переплетении производственных и празднично-эстетических потребностей»²⁵.

В особый праздничный сезон превратился для заводчан сенокос. (Поскольку основная тягловая сила горнозаводского производства — лошади — находилась в личных хозяйствах рабочих, то летом им в законодательном порядке предоставляли отпуск на сенокос, считаясь с распорядком работ в домохозяйстве и останавливая ради этого (полностью или частично) заводское производство.) По замечанию В.И. Немировича-Данченко, «страдные» месяца полтора для жителей Нижне-Тагильского завода в 1870-е гг. являлись «вполне праздником»: «Бабы надевают лучшие платья — глаза слепит от них; мужчины не отстают и щеголяют напропалую. Тагильцы во время страды, по вечерам после работы, собираются и под музыку открывают что-то в роде балов. Бабы и парни пляшут „по-городскому“»²⁶. В середине XIX в. в Воткинском заводе в сенокосную пору «глищина заводская каждый вечер сменялась песнями, с которыми народ возвращался с поля». По мнению А. Н. Митинского, в начале XX в. «страдоваты» стали по «обычаю», а не по необходимости. «Если мастеровые и дорожили временем своего увольнения в сенокосную пору, — сообщали из Нижне-Туринского завода, — то не ради тех выгод, которые они получали от сена, а ради отдыха от трудных и изнурительных заводских работ. Вот почему и в настоящее время, несмотря на то, что большая часть мастеровых могла бы заработать в отпускное время вдвое или втрое больше по сравнению со стоимостью собираемого ими сена, ни за что нельзя оставить их работать в заводе».

Итак, на примере анализа праздников очевидно, что самобытность культуры горнозаводского населения Урала воспринимается не как деформация русской культуры, а как целено организованный культурный контекст, «организатором» которого выступало горнозаводское производство. Благодаря ему культура горнозаводского населения и в глазах наших современников предстает полным жизни, коллективным, органичным образованием, ставшим ключевым звеном в основе нынешнего регионального социума. В этом смысле горнозаводской Урал понимается как один из закономерных и естественных предшественников современного, а культура его жителей (как материальная, так и духовная) является объектом индустриального наследия и, несомненно, подлежит изучению и сохранению.

Примечания

- ¹ Ван дер Линден М. Соединяя историю домашнего хозяйства с рабочей историей // Конец рабочей истории? Амстердам; Москва, 1996. С. 243; Людке А. Полиморфная синхронность: Немецкие индустриальные рабочие и политика в повседневной жизни // Там же. С. 76, 102; Лиз К., Соли Х. «Неодолжимая фаланга» — ассоциация ремесленников в Западной Европе. 1300 — 1800 гг. // Предваряя союзы. Наемные рабочие и коллективные действия в Европе 1300 — 1850. Приложение второе к International Review of Social History. М., Б.г. С. 31 — 76.
- ² Вильсдорф Х. Горная этнография // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3. Материальная культура. М., 1989. С. 27 — 30.
- ³ АГО, ф. 29, оп. 1, д. 19, л. 1 — 1 об.
- ⁴ Там же, д. 17, л. 1.
- ⁵ ТРОО, ф. 28, оп. 1, д. 1511, л. 6.
- ⁶ Нефедов Ф. Д. В горах и степях Башкирии // Башкирия в русской литературе. Т. 2. Уфа, 1964. С. 167.
- ⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Войцы. Очерки весеннего сплава по реке Чусовой // Отечественные записки. 1883. № 7. С. 12.
- ⁸ Попов Р. Горнозаводской Урал. С. 331.
- ⁹ Плякса Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII — XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 208.
- ¹⁰ Кирпичиков М. Очерк быта мастеровых Чермоозского завода, находящегося в Соликамском уезде Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. 1864. № 34. С. 238.

- ¹¹ Шкерин В. А. Социальное самосознание уральских рабочих первой половины XIX века (по материалам пресений). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992. С. 71.
- ¹² См.: Плыса Р. Т. Указ. соч. С. 211 – 213.
- ¹³ Пахитнов К. А. Положение рабочего класса в России. Т. 1. Период крепостного труда. Л., 1925. С. 85.
- ¹⁴ См.: Бахланов Н. Б. Техника металлургического производства XVIII века на Урале // Известия Государственной академии изучения материальной культуры. № 134. М.; Л., 1935. С. 168; Павленко Н. И. «Наказ шихмейстеру» В. Н. Татищева // Исторический архив. 1951. Т. 5. М., Л. 1951. С. 241.
- ¹⁵ ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 355, л. 17 – 17 об.
- ¹⁶ РГА, ф. 37, оп. 5, д. 169, л. 121 – 126 об.
- ¹⁷ ГАСО, ф. 72, оп. 1, л. 134б, л. 144.
- ¹⁸ См.: Мельников П. И. (Печерский) Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь / Отечественные записки. 1841. № 4. Т. 15. Отд. 7. С. 76.
- ¹⁹ ГАСО, ф. 28, оп. 1, д. 1696, л. 4; ПСЗ-П. Т. 3. № 1776.
- ²⁰ См.: Новокрещенных Н. Н. Постройка Кизеловского завода И. Л. Лазарева. Уфа, 1892. С. 67.
- ²¹ Он же. Черемозский завод, его прошлое, настоящее и лепопись событий. СПб., 1889. С. 52 – 53.
- ²² Ру...ский А. Прокопьев день в Усолье // Пермские губернские ведомости. 1844. № 10. С. 37 – 38.
- ²³ ГАСО, ф. 622, оп. 1, д. 540, л. 2; Крупляшова В. П. Трудовые обряды рабочих горнозаводского Урала по материалам народных рассказов // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 43; Старый Невьянский завод. Екатеринбург, 2001. С. 80; Таврилов Д. В. Рост классового самосознания и политической сознательности уральских рабочих в 1861 – 1900 гг. // Рабочий класс Урала в период капитализма (1861 – 1917). Свердловск, 1988. С. 9.
- ²⁴ Ру...ский А. Указ. соч. С. 37 – 38.
- ²⁵ ГАСО, ф. Р-318, оп. 1, д. 72, л. 37; Рогов Я. Заметки во время плавания по реке Чусовой // Журнал Министерства внутренних дел. XXXVII. 1852. № 3. С. 337 – 338; Филли О., Врем А. Путешествие в Западную Сибирь // Природа и охота. 1880. Т. 1. № 1. С. 29; Корельский А. Горнозаводская служба и общественная жизнь на Урале в крепостное время // Русская старина. 1905. № 11. С. 315 – 316; Кореваева А. Моя жизнь. М., 1936. С. 74; Блажес В. В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. Свердловск, 1987. С. 66 – 79.
- ²⁶ Немирович-Даченко В. И. Кама и Урал. Т. 2. СПб., 1904. С. 408; Миллуский А. Н. Горнозаводский Урал. СПб., 1909; Пахитнов К. А. Положение рабочего класса... Т. 1. С. 127; Блинов М. Историко-статистическое извешие о Камско-Воткинском заводе и тамошних вотяках // Журнал Министерства внутренних дел. 1855. № 3. Отд. 3. С. 43.

О. И. Марискин,

доктор исторических наук,

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

КАЗЕННАЯ ВИННАЯ МОНОПОЛИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ) *

Среди многих вопросов экономической истории России исследование эффективности государственных доходов с производства и продажи питей занимает особое место, так как казенная винная монополия на протяжении длительного периода была довольно успешной сферой государственного предпринимательства. Сегодня государственная хозяйственная деятельность — это особый и неизбежный элемент экономической жизни общества, ибо она вытекает из необходимости решения прежде всего общенациональных задач как на макро-, так и на микроуровне.

Проблема винных акцизов и казенной винной монополии в дореволюционной России в конце XIX и начале XX столетия затрагивалась во многих специальных и общих трудах современников¹. Фундаментальной работой в этом аспекте является книга М. И. Фридмана «Винная монополия», вышедшая в 1914 и 1915 гг. в двух томах. В первой части исследования анализируются тенденции развития и организация налогообложения спиртных напитков в странах Европы; во второй части — в России, а

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 05 – 01 – 23103 а/В.

также последствия введения казенной винной монополии. М.И. Фридман не без оснований пришел к выводу о том, что «потребление водки в России обусловлено, главным образом, не той или иной формой взимания питейного сбора и не той или иной организацией торговли, а состоянием покупательных сил населения»². Наиболее ценными для изучения потребления алкоголя в крестьянской среде в дореволюционный период являются работы В.К. Дмитриева и Д.Н. Воронова³.

В советское время «винная тема» исследовалась значительно в меньшей степени. К немногочисленным работам можно отнести статью Д.А. Буткова⁴, ставшую затем одной из глав работы «Причина введения винной монополии в СССР», монографии П.В. Микеладзе и Д.Н. Воронова⁵.

С 30-х гг. XX в. отрицалось существование косвенных налогов, из-за их «регрессивного», «социально несправедливого», «антинародного» характера. Поэтому работ, посвященных косвенному обложению и винной монополии, в более поздний период не было. Только в 2002 г. вышла специальная работа Н.Г. Кузнецова и Г.М. Гануса⁶, где предметом исследования являются социально-экономическая природа косвенных налогов, отечественный опыт и зарубежная практика, перспективы развития косвенного налогообложения в России.

В 1990-е годы произошло возрождение интереса к тематике косвенного налогообложения, что связано как с общими изменениями в историографической ситуации, так и происходившими социально-экономическими реформами в стране. Предметом исследования становятся структура налогов, наполняемость государственного бюджета, порядок взимания налогов и акцизов, состав налогоплательщиков⁷. Специально исследованию основных этапов введения винной монополии в XIX – начале XX в. посвящена статья А.Л. Дмитриева⁸, проблеме потребления алкоголя в российской деревне в 20-е гг. XX в. – статья К.В. Литвака⁹.

Монография И.В. Караваевой и И.В. Архипкина является обобщающим исследованием основных тенденций развития отечественной налоговой политики и трансформации налоговых структур в российской экономике на протяжении XX века. В ней дана характеристика основных видов налогов, пошлин и других налоговых платежей в различные периоды развития российской экономики, начиная с первого десятилетия до начала 90-х годов. Особое внимание уделено проблемам изменения функциональной направленности отечественной налоговой политики на протяжении всего XX столетия¹⁰.

Одним из центральных косвенных налогов, формирующим государственный бюджет России на протяжении длительного периода, являлись винные акцизы и винная монополия. М.И. Фридман отмечает, что в 1819 г. питейные сборы составляли 16 % всех обыкновенных доходов государства, в 1823 г. питейные доходы давали уже 18% поступлений, в 1826 г. – 21, в 1830 г. – 23, в 1846 г. – 28, в 1858 г. – 33%¹¹.

В 1847 г. была введена откупная система продажи вин. Правовой основой деятельности винных откупов был контракт, заключаемый на торгах правительственными органами с откупщиком. Контракт регламентировал порядок реализации (продажи) алкогольных напитков (цену, время, условия и т.д.). Откупщик не являлся частным лицом и именовался «коронным поверенным», т.е. доверенным царя с весьма широкими полномочиями. Основные доходы откупщики получали за счет покупателей крепких алкогольных напитков путем обмера, обсчета, фальсификации водки. Он получил официальное право продавать по вольным ценам водку на 3 градуса ниже установленной крепости, получая значительные барыши. Откупщики получали гораздо больше прибыли, чем оказывалось в казне. Прибыль предпринимателей превышала доход казны от акцизного откупа по 16 губерниям России в 1851 г. на 56%, в 1854 г. – на 54, в 1858 г. – на 33%¹².

Откупная система являлась одним из источников первоначального накопления капитала. Так, Дмитрий Егорович Венардаки (1802–1870), сын греческого купца, в 1823 г. вышел в отставку в чине поручика и занялся винными откупками. Через 6 лет после

выхода в отставку Бенардаки принадлежал весь винодельческий промысел в Петербурге с магазинами и складами. Заработанные на откупе деньги, по некоторым оценкам до 20 млн руб.¹³, Дмитрий Егорович инвестировал в сельское хозяйство и промышленность.

С отменой крепостного права (1861) винный откуп как фискальная система пришел в противоречие с изменившимися социально-экономическими условиями. Винный откуп был отменен и заменен винным акцизом (1863) — новой более прогрессивной системой получения казной доходов от реализации алкогольных напитков.

Принципы вводимой акцизной системы были следующие: 1) свобода производства спиртных напитков; 2) свобода торговли спиртными напитками; 3) извлечение казной дохода путем обложения выкуриваемого спирта (т.е. акциз) и посредством обложения мест продажи спиртных напитков (патентный сбор); 4) правительственный надзор за производством и торговлей спиртными напитками¹⁴.

Таким образом, существовавшая с 1863 г. акцизная система была построена на извлечении дохода путем обложения выкуриваемого спирта до выпуска его в продажу акцизом, причем как производство крепких напитков, так и торговля ими оставались свободными при условии оплаты установленного патентного сбора. Ставка акциза, начавшись с 4 коп. с 1 градуса и затем, постепенно повышаясь, к началу введения казенной винной монополии равнялась 10 коп., а в 1900 г. — 11 коп.

В. К. Дмитриев делает вывод о слабой зависимости потребления даже на резкие поднятия цены алкоголя под влиянием усиленного обложения¹⁵. В действительности повышение акциза оказывало влияния на размеры потребления, хотя сокращение потребления и не было пропорционально повышению стоимости самого продукта (см. табл. 1.).

Таблица 1
Потребление безводного спирта во второй половине XIX в.
(литров на 1 душу обоего пола)*

Губерния	Годы					
	1870—1874	1875—1879	1880—1884	1885—1889	1890—1894	1895—1899
Казанская	0,26	0,23	0,19	0,15	0,11	0,14
Симбирская	0,19	0,19	0,20	0,15	0,11	0,13
Пензенская	0,25	0,30	0,31	0,23	0,17	0,20
Самарская	0,29	0,28	0,25	0,22	0,13	0,15
Акциз (коп.)	6 — 7	7	7 — 8	9 — 9 ¼	9 ¼ — 10	10

* Таблица составлена по: Материалы высочайше учрежденной 16 декабря 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. Разработано Департаментом окладных сборов. Ч.1. СПб., 1903. С. 42 — 43; Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. СПб., 1913. С. 40 — 41.

Устанавливались следующие категории мест продажи крепких напитков: питейные дома, штофные лавки, шинки, временные выставки, корчмы, портерные лавки, трактирные заведения, ренсковые погреба, дома некоторых обывателей в привилегированных губерниях; кроме того, допущена была продажа напитков в постоянных дворах и фруктовых и мелочных лавках.

Изначально хлебное вино продавалось всякой крепости и притом по вольной цене. Но уже изданием устава о питейном сборе 1868 г. были введены некоторые ограничения прав торговли крепкими напитками: наименьшая крепость вина в розничной продаже определена в 38 градусов, а затем повышена до 40. В 1878 г. последовал закон, запрещающий продажи под видом водки, низкосортного вина (белосладкой, американской и др.)¹⁶. Действительно, с изданием закона торговля низкопробным вином прекратилась, но одновре-

менно закрылись многие водочные заводы. Так, к 1880 г. в Европейской России осталось не более одной трети числа этих заводов, существовавших до 1878 г.¹⁷

По закону 14 мая 1885 г. были уничтожены питейные дома (кабак) как заведения, признанные общественным мнением наиболее вредными¹⁸. Развлекательная торговля разрешалась только в трактирных заведениях.

Питейный акцизный доход давал также треть всех податных поступлений казначейства. В 1863 г. винные налоги составили 121,5 млн руб., в 1865 г. — 120,5 млн руб., в 1867 г. с распространением устава о питейном сборе на Царство Польское — 134 млн руб., 1879 г. — 215, 1881 г. — 224, 1884 г. — 244, 1888 г. — 264, 1893 г. — 261, в 1895 г. — 298 млн руб.¹⁹

На фоне абсолютного возрастания акцизных сборов в 1870 — 1899 гг. душевое потребление спирта в Среднем Поволжье сократилось на 37,4%. Ф.Я. Несмелов так же отмечает, что с 1885 по 1894 г. душевое потребление хлебного вина по России сократилось с 0,70 до 0,53 ведра (на 25%), а затем к 1898 г. понизилось до нормы голодных лет (1891 — 1892 гг.), т.е. до 1/2 ведра²⁰. По данным статистических сведений министерства финансов средний денежный расход на вино на душу населения составлял в 1899 г. по различным губерниям сумму от 2,77 до 7,82 руб.²¹ Среднедушевой питейный сбор падал, при этих условиях начали вводить казенную продажу.

Одним из самых эффективных инструментов для изъятия средств у населения являлась установленная С.Ю. Вите монополия на водку. Разговоры о желательности казенной монополии начались вскоре после введения акциза. Уже в 1869 г. на заседании Общества для содействия русской промышленности и торговле выступил с соответствующим проектом А.П. Шипов, указав на распространение при акцизе пьянства и потерю винокуренными заводами сельскохозяйственного характера²². Сторонниками казенной продажи водки были и консервативные круги, среди них М.Н. Катков, который пропагандировал идею монополии на страницах «Московских ведомостей» и «Русского вестника»²³.

Основной причиной реформы следует считать то, что акцизная система не оправдала надежд, которые на нее возлагались. «Становилось ясным, полагает П. Х. Шванебах, — что предел доходности водочного налога, в границах акцизного обложения, достигнут; что для извлечения большего дохода надо прибегнуть к более совершенному фискальному снаряду — такой снаряд есть монополия. Ни наука, ни практика не изобрели пока для косвенного обложения более совершенного аппарата»²⁴.

Казенная продажа была введена в 1895 г. в виде опыта в Оренбургской, Пермской, Самарской и Уфимской губерниях²⁵, с 1 июля 1901 г. — еще в 15 губерниях, в том числе в Казанской, Пензенской и Симбирской²⁶. К 1903 г. монополия была распространена на всю Европейскую Россию и Западную Сибирь, а в 1904 г. и на Восточную Сибирь.

За исходную точку при введении казенной продажи питей был принят принцип, что борьба с пьянством необходима и возможна не только в нравственных, но даже в чисто фискальных интересах, если только последнее понимать не в узко фискальном смысле и не на пространстве короткого периода времени.

Основные задачи, которые винная монополия перед собой ставила, сводились к трём пунктам: 1) полностью изъять производство и торговлю водкой в стране из частных рук; 2) высоко поднять качественный стандарт водки, сообразуясь с историческим опытом и достижениями русского винокуренения и с новейшими техническими и научными достижениями промышленности, гигиены и органической химии; 3) не ставя искусственной и исторически преждевременной задачи ликвидировать пьянство как социальное зло, сделать всё возможное для того, чтобы привить русскому народу культуру потребления водки и других алкогольных напитков.

С этой целью наряду с достижением высокой химической чистоты продукта, снижающей его вредные последствия для здоровья, ставилась задача всемерно улучшать

условия общественного потребления, пропагандировать домашнее потребление в достоянии человека обстановке, распространять знания о применении водки с разными целями и в разных ситуациях, научить смотреть на водку как на рациональный элемент застолья, а не как на средство сильного опьянения или забвения.

Все эти положения, как и технология нового производства водки, были разработаны комиссией во главе с великим русским химиком Д.И. Менделеевым.

В связи с введенной винной монополией несомненный интерес представляет отношение самого С. Ю. Витте к этому мероприятию. Оно нашло отражение в его «Лекциях о государственном хозяйстве (1901 – 1902 гг.)». Так, он отмечал, что главным недостатком монополярной системы является стеснение частной собственности. «Однако по отношению к производству некоторых продуктов, а именно более или менее вредных для народного здоровья, многими отдается предпочтение монополярной системе. Преимущество монополярной системы заключается, во-первых, в большой продуктивности этой формы обложения; во-вторых, в возможности оказывать государственное воздействие на характер и размеры потребления продуктов; в-третьих, в возможности обеспечить доброкачественность продуктов... Правительственная... монополия дает уверенность в том, что налог поступает именно только тогда, когда у плательщика имеются в наличии денежные средства, так как при продаже спиртных напитков исключительно из казенных лавок, казенными служащими, не заинтересованными в количестве сбыта, не может иметь место корыстное спаивание народа»²⁷.

Заменившая акцизную систему взимания питейного дохода казенная продажа питей монополизировала лишь саму продажу (через казенные склады и винные лавки), оставив свободным производство спирта. Винокурение оставалось в частных руках, однако сырой спирт приобретался казной. Очистка спирта и изготовление водки производились на частных заводах только по заказам казны и под наблюдением акцизного надзора. Спирт и столовое вино обращались в продажу не иначе как в очищенном от сивушных масел и других вредных примесей виде и крепостью не ниже 40°.

Казенными местами продажи питей служили склады и винные лавки. К 1913 г. в районах действия казенной винной монополии имелось: 1 казенный спиртоочистительный завод, 43 спиртоочистительных отделения при казенных винных складах, 328 казенных винных складов, 19 запасных магазинов и 25733 казенных винных лавки²⁸. Например, в г. Саранске Пензенской губернии имелся казенный винный склад, в уезде – 13 винных лавок и 8 частных винокуренных заводов²⁹.

Важно отметить и еще один момент: винная монополия была задумана как мера, выгодная для мелкого и среднего винокурения, т.е. как средство поддержать хозяйство среднего и крупного землевладельца, помещика. Вместе с тем сельские общества потеряли право взимать плату за разрешение виноторговли. Так, потери сельских обществ оценены М.И. Фридманом за 1904 – 1911 гг. в среднем по 15 млн руб. ежегодно³⁰.

В целом фискальное значение винной монополии в дореволюционной России было исключительно велико. Ее доля в доходах государственного бюджета в начале XX в. была практически постоянной: в 1903 г. – 26,7 %, в 1913 г. – 26,4 %³¹. Поступления от монополии в 1907 г. составили 707,1 млн руб., в 1910 – 783,7, в 1913 г. – 919,9 млн руб.³² Средняя стоимость ректификационной казенной водки в 40 градусов в 1911 г. установилась в 12,5 руб. за ведро, а чистый доход от ее продажи составил 6 руб.³³

В среднем, по крестьянским бюджетам Пензенской губернии начала XX в., на 1 душу приходилось 0,2 ведра (2,4 л) водки. Такое же потребление водки было и в Симбирской губернии, что составляло 5,4 % всех расходов на личные потребности³⁴. По данным казанских бюджетов конца XIX в., на алкоголь приходилось до 6 % личных расходов крестьян³⁵. Данные монополярной статистики в отношении учета потребления алкоголя более точны, чем бюджетные, и позволяют говорить о том, что оно было как минимум в 2 раза выше³⁶. П.Х. Шванбах отмечает, что в сельской местности Самарского уезда потребление водки составило в среднем 0,34 ведра на душу³⁷.

В бюджетных записях недоучтено потребление только алкоголя. Отмечая несоответствие душевого потребления вина в бюджетных исследованиях и цифрах монопольной статистики, Д.Н. Воронов объяснял это тем, что «на каждую крестьянскую семью приходится немало такого вина, которое не покупается ею, а выпивается за чужой счет: при общественных попойках на сходе, при помочах, на свадьбах, крестинах, похоронах, при имущественных сделках („магарычи“) и пр. Так, в Синдровской волости Краснослободского уезда Пензенской губернии, по сведениям корреспондентов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева, после общественных работ (ремонт дорог, мостов и т.п.) крестьяне садятся кружками «и здесь же начинается попойка. Общество покупает четыре или более ведер вина на общественные деньги»³⁸. С другой стороны, во многих случаях (свадьба, праздник, семейные торжества и пр.) и непьющей семье приходилось нести расходы на вино, иногда значительные³⁹. В Инсарском уезде Пензенской губернии водка в семейном кругу употреблялась лишь в богатых семействах и только в некоторые из православных праздников и именины хозяина⁴⁰.

По исследованию Д.Н. Воронова алкоголиков, т.е. лиц с явно выраженным болезненно развитым пристрастием к вину насчитывалось в 20 деревнях Пензенской губернии (с 20 тыс. душ населения) не более 40 человек. При чем большинство из них относилось не к рядовому крестьянству, а к лицам занимающимся, кроме земледелия, ремеслами или отхожими промыслами⁴¹.

По оценке М.И. Фридмана, при введении монополии ставились и фискальные, и морально-гигиенические, и социально-экономические задачи. При казенной торговле вином, по мнению правительства, должны были: во-первых, возрасти доходы казны; во-вторых, сократиться пьянство благодаря переходу к равномерному потреблению и уменьшиться вред от потребления некачественной водки вследствие ее очистки; в-третьих, расцветить сельскохозяйственное винокурение⁴².

Ни одна из этих задач в полной мере так и не была осуществлена, кроме, пожалуй, фискальных. Особой критике со стороны крестьян подвергались морально-гигиенические установки проводимой кампании. Типичным для этого процесса является ходатайство 1908 г. крестьян деревней Шеклянур и Арбан Царевококшайского уезда Казанской губернии о закрытии двух казенных лавок. В нем указывалось на следующие обстоятельства: «с открытием винных лавок в наших селениях значительно развилось пьянство, часто происходят ссоры, драки и буйства, и нравственность в народе от пьянства, в особенности молодого поколения год от году падает все ниже и ниже, так что некоторые из домохозяев более слабые, пропивают и тратят на вино последние трудовые деньги, даже хлеб и необходимое крестьянское имущество»⁴³.

Запрещение производства и продажи спиртных напитков в России было введено в связи с Первой мировой войной в 1914 году. В первые дни мобилизации в ряде городов и сел Поволжья произошли выступления запасных солдат и крестьян, направленные главным образом против казенной винной монополии. Архивные дела этого периода пестрят ходатайствами крестьянских обществ о запрете торговли крепкими напитками и закрытии казенных винных лавок⁴⁴. 19 июля 1914 г. произошли разгромы винных лавок в селениях Салазгорь, Торбеево и Дракино. В тот же день более 400 человек попытались разгромить винную лавку в г. Темникове. 20 июля по дороге из г. Инсара запасные нижние чины (1 106 человек) разгромили казенную винную лавку в с. Ямшине. Солдаты, направляющиеся на железнодорожную станцию для отправки на фронт, разгромили трактир в пос. Инсар⁴⁵ и т.д. Под воздействием широкомасштабных выступлений правительство пошло на введение «сухого закона».

Сложилась достаточно парадоксальная ситуация, когда С. Ю. Витте на заседании Государственного Совета 10 января 1914 г. выступил против винной монополии. Он уверял, что монополия была в свое время введена «исключительно для борьбы с умеренным потреблением народом водки, и притом с вреднейшими примесями»⁴⁶. Ситуация резко изменилась с началом Русско-японской войны, когда «цель реформы

отошла на задний план, а на первый выступало выкачивание из народа посредством питейной монополии денег в казну»⁴⁷.

Закрывтие после начала войны на все время мобилизации государственных винных лавок и запрещение продажи спиртных напитков, за исключением ресторанов первого разряда и гостиниц, имело чрезвычайное значение для государственных финансов. Потери в доходах, вызываемые войной и, в особенности, запрещением продажи водки, составили почти 19 % обыкновенного бюджета на 1914 г.⁴⁸

Декретами советского правительства в декабре 1917 года и июле 1918 года был продлен запрет на торговлю водкой на время революции и гражданской войны.

Переход к НЭПу, денатурализация крестьянского хозяйства, восстановление кустарных промыслов, разрешение торговли, возобновление денежного обращения и другие факторы обусловили возрождение косвенных налогов, которые взимались в этот период в основном в форме акцизов на потребительские товары. При выработке общей системы косвенного обложения за основу были взяты два положения: во-первых, привлечение к обложению продуктов массового потребления, которые только и могут дать государству крупные поступления, во-вторых, обложение таких продуктов, чтобы тяжесть обложения распределялась более или менее равномерно между плательщиками в соответствии с их платежеспособностью⁴⁹. Характерной чертой налоговой системы являлась множественность косвенных налогов, обусловленных прежде всего низким уровнем потребления. Сам факт обращения законодателя к косвенному обложению указывает (не говоря о чисто социально-политических условиях) на невозможность опираться на одно лишь прямое обложение и на необходимость захватить широкую массу населения, особенно если совокупный доход этой массы составляет более или менее значительный процент всего народного дохода.

В 1921 г. были введены акцизы на вино, спички, табачные изделия, гильзы, курительную бумагу, в 1922 г. — на спирт (отпускаемый на технические надобности), нефтепродукты, пиво, мед, квас, соль, сахар (свекловичный и крахмальный), чай, кофе и их суррогаты, фруктовые и искусственные воды, свечи, в 1923 г. — на текстильные изделия и галоши. Из перечисленных предметов виноградное вино, кофе и чай (облагаемый таможенными пошлинами) и их суррогаты, сахарин, поваренная соль, крахмальный сахар, фруктовые и искусственные воды, свечи, текстильные изделия и резиновые галоши в дореволюционный период не облагались вовсе. Вообще с точки зрения благосостояния и потребления широких масс обложение акцизами предметов первой необходимости было нежелательно. В 1920-е гг. к таким акцизам (среди прочих) в первую очередь следует отнести обложение соли (введенное 23 февраля 1923 г. и отменное 1 апреля 1927 г.⁵⁰). Восстановление после почти 40-летнего промежутка (отменен в 1881 г.) соляного акциза почти совпадает со сбором общеправительственного налога (1921 г.) — подушного. Выбор и в области прямого обложения и сфере акцизов столь грубых форм обложения не случаен и вызван обстановкой, в которой находилась экономика, и податными возможностями населения.

Первоначально действовала дореволюционная схема организации сбыта вина и спирта, при которой они продавались самими винокурными заводами. С 1 октября 1923 г. организация сбыта продукции винокурных заводов была коренным образом перестроена. Были образованы управления уполномоченного Госспирта, к которым перешло право продажи вина и спирта. Очистные склады и винмагазины перешли в ведение Госспирта. Винокурные заводы стали выполнять только роль поставщиков спирта на договорных началах.

Декретом СНК от 30 января 1923 г. разрешалась выделка 20-градусной наливки и настоек, а по декрету от 3 декабря 1924 г. — увеличение их крепости до 30°. С 1 октября 1925 г. была допущена продажа 40-градусного хлебного вина, с 5 октября 1925 г. введена казенная винная монополия, по которой исключительное право на приготовление и продажу водки получил Центроспирт. Этим решалась триединая зада-

ча — пополнение бюджета, вытеснение самогона из потребления населения и борьба с излишним расходом хлебных припасов⁵¹.

Выделка самогона начала развиваться после введения «сухого закона» в 1914 г. под руководством военнопленных и бывших рабочих винокуренных заводов⁵², получавших спирт путем отгонки его из заквашенных хлебных припасов или сахаристых веществ, подвергнутых брожению.

В период «военного коммунизма» выкуривание самогона производилось не только для собственного потребления, но и на продажу и для обмена на промышленные товары⁵³. Самогонование в этот период приняло в крестьянской среде массовый характер. Так, в отчетах губпродкома Самарской губернии указывается, что в феврале 1919 г. в с. Мосты Пугачевского уезда были арестованы четыре человека с двумя самогонными аппаратами, но вскоре отпущены без суда и следствия вместе со своим имуществом. Этот акт послужил сигналом для всего уезда к свободному курению самогона⁵⁴. В Буинском уезде Симбирской губернии в марте 1919 г. продотряды направляли свою деятельность главным образом на борьбу с выделкой самогона и кислушки⁵⁵.

Со времени НЭПа и восстановления товарооборота самогон пошел в город и его употребление стало бытовым явлением. В 1921 г. даже в голодавших губерниях промысел не прекращался, а затем быстро развился, чему содействовали, кроме высокого урожая, низкие цены на хлеб. Крестьянину гораздо выгоднее было переработать зерно на самогон, сбывать его в городе, приобрести нужные фабричные товары и уплатить налоги. Например, по данным Т.В. Приваловой, из 1,5 меры плохой картошки, 8 фунтов муки и 6 фунтов солода можно было выгнать 15 бутылок самогона. Эти продукты в 1922 г. стоили 100 млн руб., а 15 бутылок самогона — 900 млн. При других ценах соотношение оставалось примерно таким же⁵⁶. По данным губмилиции, по Пензенской губернии в 1923 г. было зарегистрировано 13 тыс. случаев самогонкурения. В 1924 г. их количество увеличилось до 27 тыс.⁵⁷

Вследствие огромной конкуренции со стороны дешевого самогона потребление крестьянами «казенного вина» в середине 1920-х гг. было незначительным: в 1926/27 г. в Пензенской и Симбирской губернии продажа водки составила лишь 1,17 л на душу (до революции 5,8 — 7,8 л)⁵⁸. Борьба с самогонованием, путем репрессивных мер, при неудовлетворительной потребности населения в спиртных напитках, не достигала цели. При этом при цене (с 1 декабря 1925 г. по 1 июля 1926 г.) в 1 руб. 50 коп. за бутылку, техника самогонования сделала значительные успехи. Для возможности конкуренции, хотя бы с дорогой, но крепкой и сравнительно хорошего качества водкой, необходимо было дать также продукт высокоградусный и лучше очищенный. Поэтому путем повторной перегонки и очистки достигалась крепость самогона в 50–60 и даже 70 градусов сравнительно чистого и хорошего вкуса (при цене за бутылку от 50 до 80 коп.)⁵⁹. Для производства самогона главным образом использовалась ржаная и пшеничная мука, а также черная патока и сахарный песок. Увеличившееся потребление сахарного песка в деревне в 20-е гг. XX в., по сравнению с дореволюционным периодом, когда крестьяне потребляли почти исключительно рафинад, объяснялось именно развитием самогонованием.

Среди производителей самогона встречались лица разного имущественного положения. По материалам Н. Росницкого, исследовавшего более 30 тыс. крестьянских хозяйств Пензенской губернии, к большим праздникам самогонкурением занималось почти каждое хозяйство, в остальное время — исключительно беднота. Нередко бедняки гнали самогон из чужого сырья, так как более зажиточные боялись, что штрафы за самогон могут разорить их хозяйство, «а с бедняка и спрос не большой»⁶⁰. Единственное средство борьбы с самогоном крестьяне видели в удешевлении «русской горькой» до 60 коп. за бутылку с увеличением ее крепости до 40°. «За время революции крестьяне привыкли к 80-градусному перегону, а «русская горькая» была слабой и казалась им водичкой»⁶¹.

Вся территория Среднего Поволжья была охвачена самогонварением. По данным статистики в 1927 г. 55,6 % крестьянских хозяйств Пензенской губернии гнали самогон для продажи и собственного потребления, в Самарской — 25,9%, Ульяновской — 41,4 %, Татарской АССР — 53,8 %, в Чувашской АССР — 58 % хозяйств⁶².

Советская власть основным средством борьбы с самогоном избрала административные и карательные меры. В уголовный кодекс были внесены изменения, по которым за самогонкурение предусматривался штраф до 100 руб. или принудительные работы до 1 месяца. В массовом порядке стали проводиться обыски, конфискация аппаратов и самогона. Если в 1923 г. по РСФСР за весь год было отобрано милицией 115 тыс. аппаратов и свыше 83 тыс. ведер самогона (т.е. в среднем по губернии по 1170 аппаратов и почти 1300 ведер), то в 1928 г. только за один месяц в каждой губернии изымалось по 1174 аппарата и 5000 ведер самогонки⁶³.

В результате расширения объектов обложения косвенные налоги в структуре налогообложения сельского населения СССР стали занимать важнейшее место — в 1924/25 г. на душу приходилось 1,95 руб. (30,85 % всех налогов с крестьян), в 1925/26 г. — 3,62 руб. (46,17 %). Акцизы со спиртных напитков в первый период составили 6,8 %, во второй — уже 24,89 % налогов с сельских жителей.

В 1926/27 г. продолжало расти косвенное обложение — 5,34 руб. на 1 душу, что составило более 49 % всех налогов крестьян. Обращает на себя внимание и факт значительной уплаты крестьянством акцизов со спиртных напитков — 2,71 руб. (25 % всех выплат)⁶⁴, что говорит о постепенном восстановлении потребления водки в крестьянской среде.

В целом в первой половине 1920-х гг. была заложена основа социальной модели прямых налогов (вместо экономической), что отразилось прежде всего на поступлениях в государственный бюджет: значительно увеличилась доля косвенных налогов. Поступление косвенных налогов с сельскохозяйственного населения по отношению к прямым составило в 1922/23 г. — 34,6 %, 1923/24 г. — 41,2, 1924/25 г. — 49,9, 1925/26 г. — 56,7, 1926/27 г. — 60,4 %⁶⁵. Доходы от акцизов с питей достигли в 1926/27 г. более 22 % налоговых поступлений государственного бюджета⁶⁶ и незначительно уступали доли винного налога в дореволюционный период. Значительный рост поступлений в 20-е гг. объяснялся лишь высокими ставками акциза с водки, тогда как ее потребление было в несколько раз меньше дореволюционного.

В 1927/28 г. отчетливо прослеживается переход от рыночных методов к планово-распределительной системе управления экономикой, что выразилось в нарастании централизации и административного нажима по всем направлениям государственной политики, однако казенная винная монополия длительное время оставалась эффективным фискальным инструментом для проведения индустриализации и пополнения государственного бюджета.

7 июня 1992 года Президентом России Б.Н. Ельциным был издан Указ, отменявший государственную монополию на водку. Таким образом, длившаяся почти 70 лет и доказавшая свою результативность советская монополия на водку была упразднена. Это привело к ухудшению финансового положения государства, лишившегося своей самой доходной и самой стабильной фискальной позиции в бюджете.

Примечания

¹ Миропольский Д.А. Косвенные налоги в России (1855–1880). СПб., 1880; Терский Н.С. Питейные сборы и акцизная система в России. СПб., 1890; Нольде Э.Ф. Питейное дело и акцизная система. СПб., 1882–1883; Протзер С.М. Казенная продажа питей и общественное мнение. СПб., 1900; Гредингер М.О. Питейные монополии в России. Пернов, 1897; Осипов Н.О. Винная монополия, ее основные положения, организация и некоторые последствия. СПб., 1899; Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. СПб., 1913.

² Фришман М.И. Винная монополия. Пг., 1916. Т. II. С. 445.

³ См.: Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 1911; Воронов

- Д. Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследования потребления вина в Пензенской губернии в 1912 г. Пенза, 1913.
- ⁴ См.: **Бутков Д. А.** Алкогольная политика и экономическое Развитие России // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. 1928. Т. 25, вып. 1. С. 147 – 162.
- ⁵ **Михалдыч П. В.** Косвенные налоги. М., 1927; **Воронов Д. Н.** О самогоне. М., 1928; **Он же.** Алкоголь в современном быту. М.; Л., 1930.
- ⁶ См.: **Кузнецов Н. Т.** Развитие косвенного налогообложения в России / Н. Г. Кузнецов, Г. М. Ганус. Ростов н/Д., 2002.
- ⁷ **Петров Ю. А.** Налоги и налогоплательщики в России начала XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2002 г. М., 2003. С. 384 – 418; **Саликов Е. В.** Государственные доходы, расходы, налоги в дореволюционной России (1898 – 1914 гг.). М., 2001; **Шадулло М. К.** Эволюция налоговой системы России в XIX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2002 г. М., 2003. С. 345 – 383.
- ⁸ **Дмириев А. Л.** Винные налоги и винная монополия в России в XIX – начале XX в. // История финансовой политики в России. СПб., С. 126 – 139.
- ⁹ **Лытвак К. Б.** Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 20-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74 – 88.
- ¹⁰ **Карваева И. В., Архипкин И. В.** Налоговая политика России в XX веке. М., 2002.
- ¹¹ **Фридман М. И.** Винная монополия. Т. 2. Пг., 1916. С. 44.
- ¹² Там же. С. 45.
- ¹³ См.: **Тавлин М. Л.** Роль винных откупов в формировании крупных капиталов в России XIX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 95.
- ¹⁴ Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. СПб., 1913. С. 23.
- ¹⁵ **Дмириев В. К.** Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 1911. С. 123.
- ¹⁶ Министерство финансов. 1802 – 1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 519.
- ¹⁷ Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. СПб., 1913. С. 23.
- ¹⁸ Там же. С. 38.
- ¹⁹ Там же; Статистический временник Российской империи. Вып. 15. Сер. 3. СПб., 1886. С. 140.
- ²⁰ **Несмелов Ф. Я.** Косвенные налоги (Свод трудов местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности по 49 губерниям Европейской России). СПб., 1904. С. 172.
- ²¹ Там же. С. 168.
- ²² См.: **Фридман М. И.** Винная монополия. Т. II. Винная монополия в России. Пг., 1916. С. 120.
- ²³ См.: **Витте С. Ю.** Избранные воспоминания, 1849 – 1911 гг. М., 1991. С. 256 – 257.
- ²⁴ **Швансбах П. X.** Указ. соч. С. 51.
- ²⁵ См.: Министерство финансов. 1904 – 1913. СПб., 1914. С. 117.
- ²⁶ См.: Краткий очерк 50-летия акцизной системы... С. 121.
- ²⁷ **Витте С. Ю.** Лекции о государственном хозяйстве (1901 – 1902) // Витте С. Ю. Конспект лекции о народном и государственном хозяйстве. М., 1997. С. 431.
- ²⁸ Министерство финансов. 1904 – 1913. СПб., 1914. С. 118.
- ²⁹ Памятная книжка Пензенской губернии на 1911 – 1912 год. Пенза, 1911. С. 34.
- ³⁰ **Фридман М. И.** Винная монополия. Т. 2. Пг., 1916. С. 300.
- ³¹ См.: Министерство финансов. 1904 – 1913. СПб., 1914. С. 6.
- ³² Ежегодник Министерства финансов. Пг., 1917. С. 21; **Дементьев Г.** Государственные доходы и расходы России. Пг., 1917. С. 6.
- ³³ Краткий очерк 50-летия акцизной системы... СПб., 1913. С. 138, 155.
- ³⁴ См.: Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губернии, 1909 – 1913 гг. под общим руководством В. Г. Громана. Часть III. Бюджетное исследование крестьянского хозяйства. Выпуск 1-й. Бюджеты отдельных хозяйств. Пенза, 1923; Краткие бюджетные сведения по хutorским и обширным крестьянским хозяйствам Симбирской губернии (Исследование 1913 года). Симбирск, 1913.
- ³⁵ См.: **Завельский В. Ф.** Крестьянские бюджеты. Казань, 1899. Вып. I. С. 8 – 9.
- ³⁶ Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1914 год. Симбирск, 1916. С. 181.
- ³⁷ **Швансбах П. X.** Наше податное дело. СПб., 1903. С. 54.
- ³⁸ Архив Российского этнографического музея (АРЭМ г. Санкт-Петербург), ф. 7, оп. 1, д. 1353, л. 54.
- ³⁹ См.: **Воронов Д. Н.** Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 г. Пенза, 1913. С. 2.
- ⁴⁰ АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1321, л. 26.
- ⁴¹ См.: **Воронов Д. Н.** Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 г. Пенза, 1913. С. 461.
- ⁴² См.: **Фридман М. И.** Указ. соч. С. 176.
- ⁴³ НАРТ, ф. 1, оп. 4, д. 3438, л. 2.
- ⁴⁴ Там же, д. 2321, 3872, 3874, 6102, 6117.
- ⁴⁵ См.: Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. I. С. 463 – 464.
- ⁴⁶ Цит. по: **Фридман М. И.** Винная монополия. Пг., 1916. Т. 2. С. 161.
- ⁴⁷ Цит. по: **Ананьич Б. В.** С. Ю. Витте и его время / Б. В. Ананьич, Р. И. Ганелин. СПб., 1999. С. 371 – 372.

- ⁴⁸ См.: **Клаус Р.** Война и народное хозяйство России (1914 – 1917 гг.). М.; Л., 1926. С. 32.
- ⁴⁹ См.: **Меньков Ф.** Налоги и налоговая политика Советской власти // На новые пути: Итоги НЭПа, 1921 – 1922. М., 1923. Вып. 1. С. 132.
- ⁵⁰ РГАЭ, ф. 7733, оп. 4, д. 833, л. 13об.
- ⁵¹ Там же, оп. 5, д. 956, л. 117.
- ⁵² См.: **Воронев Д.Н.** О самогоне. М., 1928. С. 6.
- ⁵³ РГАЭ, ф. 1562, оп. 9, д. 631, л. 45 – 46.
- ⁵⁴ ГАСО, ф. Р-7, оп. 1, д. 1169, л. 14.
- ⁵⁵ ГАУО, ф. Р-127, оп. 1, д. 34, л. 99.
- ⁵⁶ См.: **Привалова Т.В.** Быт российской деревни (Медико-санитарное состояние деревни). 60-е годы XIX – 20-е годы XX в. М., 2000. С. 63.
- ⁵⁷ См.: **И. К.** Наш быт // Под знаменем ленинизма. [Пенза] 1925. № 6 (39). С. 12.
- ⁵⁸ См.: **Воронев Д.Н.** Алкоголь в современном быту. М.; Л., 1930. С. 61.
- ⁵⁹ РГАЭ, ф. 7733, оп. 5, д. 956, л. 157.
- ⁶⁰ **Росницкий Н.** Полгода в деревне. Пенза, 1925. С. 228.
- ⁶¹ **Росницкий Н.** Лицо деревни. М.; Л., 1928. С. 123.
- ⁶² См.: Алкоголь в современной деревне. М., 1929.
- ⁶³ См.: **Воронев Д.Н.** О самогоне. М., 1928. С. 8 – 9, 13.
- ⁶⁴ Тяжесть обложения в СССР. М., 1929. С. 48.
- ⁶⁵ РГАЭ, ф. 7733, оп. 5, д. 672, л. 57.
- ⁶⁶ Статистический ежегодник за 1926 – 27 год. М., 1929. С. 30 – 31.

М. К. Шагрилло,

кандидат исторических наук,

Институт российской истории РАН (г. Москва)

СОСЛОВНЫЙ СТРОЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Социальная история российского предпринимательства принадлежит к числу проблем, традиционно вызывавших самые острые дискуссии среди специалистов-историков. Poleмика начинается уже при определении объекта изучения, когда выделяются по меньшей мере три подхода: два диаметрально противоположных и один как бы примирительный – «синтетический». Советские ученые на основании марксистской методологии утверждали, что российская буржуазия – это зрелый класс капиталистического общества, сложившийся и экономически, и политически; что она является противником, «антагонистом» пролетариата, которому и уступила в конечном счете в ходе политической борьбы. Противоположная точка зрения сводится к тому, что буржуазии в России не существовало («класс, которого не было», по определению американского исследователя Р. Пайпса), а действовали лишь бюрократы или администраторы производства, зависевшие от государства и действовавшие исключительно как проводники его воли. И, наконец, третья – «синтетическая» – концепция разделяется как российскими, так и западными исследователями. Согласно ей российская буржуазия состояла как из группы предпринимателей, «насажденной» сверху и тесно связанной с центральной властью, так и «автономного» слоя, возникшего независимо от государства и представленного отдельными регионами и отраслями экономики. В современных исследованиях встречаются все эти точки зрения.

Полярность суждений историков-специалистов, безусловно, определяется не столько идеологической ангажированностью исследователей, сколько сложностью и противоречивостью самой российской истории. Так, складывание отечественного предпринимательства конца XIX в. протекало в непростых условиях: прогресс в развитии отечественной промышленности и торговли был столь же очевиден, как и незавершенность социальных процессов. Вплоть до 1917 г. в империи сохранялась сословная система. Кроме того, государственная политика ущемляла интересы значительных национальных

групп российских граждан, лишая их многих юридических прав, что сковывало в том числе и свободу предпринимательской деятельности. Сочетание динамичных изменений в экономике и существование отживших социальных норм являлись весьма специфической комбинацией, которая, быть может, и не создавала дополнительных неудобств для современников. Однако по прошествии времени исследователи социальной истории имперской России каждый раз возвращаются к вопросу: что же из двух начал — традиции или новации — составляло стержень развития страны? В зависимости от решения этой дилеммы одни исследователи говорят о наличии в России «монополистической буржуазии», о том, что на рубеже веков отечественные капиталисты трансформировались из «класса в себе» в «класс для себя». Другие, используя применительно к предпринимательским слоям понятия «каста», «класс-сословие», делают акцент на сословной замкнутости купечества, замедленности процесса размывания сословных рамок. Спорных проблем истории российского предпринимательства достаточно много. В данной работе затронем лишь одну из них: влияние сословной системы на организацию торгово-промышленной деятельности.

Во внутренней политике имперской России прослеживались две противоречивые тенденции: желание сохранить традиционные социальные формы, включая сословный строй, и стремление пополнить казну и увеличить экономический потенциал страны, используя возможности набиравшего силу предпринимательства. Преобразования Петра Великого и Екатерины II, основанные на европейских образцах, были нацелены на формирование такой структуры общества, в которой каждому из сословий отводились определенные социальные и экономические функции. Уделом низших сословий являлась хозяйственная деятельность: крестьяне должны были возделывать землю и реализовывать сельскохозяйственную продукцию, горожане — заниматься торговлей и промыслами. Вместе с тем сложившаяся в конце XVIII в. и окончательно оформившаяся в первой трети XIX в. сословная система не была замкнутой. Правительство избегало создания непреодолимых препятствий для предпринимательской деятельности, постепенно допуская к ней представителей различных слоев населения.

Однако возможность свободного приобщения к предпринимательству в дореформенный период в полном объеме предоставлялась только горожанам и представителям дворянского сословия. Для крестьянства, в первую очередь крепостного, она была ограничена необходимостью получения разрешения помещика, уплаты дополнительных сборов сельскому обществу и пр.¹ Несмотря на это, крестьянам удавалось порывать со своими сельскими обществами, вступать в гильдии и основывать торгово-промышленные предприятия с миллионными оборотами. Работы историков неоднократно подтверждали этот факт, указывая на то, что в целом в среде российского купечества, занимавшегося как торговлей, так и промышленным делом, удельный вес выходцев из крестьянского сословия был высок и имел тенденцию к устойчивому росту. В дореформенный период наблюдался процесс интенсивного пополнения гильдий за счет «торгующих крестьян», при том что численность «старого» гильдейского купечества в это время сокращалась². Как убедительно доказал М.И. Тулан-Барановский, ядро крупной промышленной буржуазии сложилось именно из представителей крестьянства, в основном в период первой трети XIX в., который он называл «золотым веком в истории фабрикантского класса»³. Самой ущемленной в правовом отношении частью предпринимателей оказались лица иудейского вероисповедания, которым запрещалось заниматься хозяйственной деятельностью вне черты оседлости. Окончательное уравнение этой довольно многочисленной категории населения с остальными группами предпринимателей произошло в ходе Великих реформ второй половины XIX в., которые послужили импульсом для развития экономики и стимулировали развитие отечественного предпринимательства.

Сословная система, формально сохранявшаяся до 1917 г., в пореформенный период больше не служила тормозом для развития торговли и промышленности. Доступ к занятию предпринимательской деятельностью стал доступным всем без исключения

категориям населения. Незадолго до отмены крепостного права произошло важное событие, ставшее первым шагом по пути консолидации российских предпринимателей в социальную группу, представители которой наделались равными правами. 16 марта 1859 г. был принят закон «О предоставлении купцам 1-й гильдии и евреям – иностранным подданным права жительства и торговли вне постоянного жительства евреев»⁴. В 1863 и 1865 гг. были приняты законодательные акты⁵, в результате которых «торгово-промышленное» сословие утратило последние черты замкнутости. Лишь единственным критерий – занятие торгово-промышленной деятельностью – служил институциональным фактором и определял принадлежность к купеческому сословию. Новое «Положение о пошлинах за право торговли и промыслов» 1863 г. декларировало полную свободу занятий предпринимательской деятельностью. Если раньше предприниматели из крепостных крестьян, которым не удавалось добиться выкупа у помещика, занимались торгово-промышленной деятельностью по особым крестьянским свидетельствам и не имели личных прав купцов, то теперь ситуация изменилась. Отмена «крестьянских свидетельств» окончательно ликвидировала остатки сословных ограничений, характерных для эпохи крепостного права. Сословная принадлежность стала зависеть исключительно от масштабов предпринимательства: все владельцы крупных предприятий, уплатившие соответствующий налог, автоматически становились купцами.

Сложившаяся в пореформенной России система организации купеческого сословия отличалась аморфностью и отсутствием жестких ограничительных рамок. Купечество было полностью открытым сословием, принадлежность к которому ежегодно оформлялась в Казенной палате или уездном казначействе при уплате налога. При этом не требовалось согласия купеческого общества на прием новых членов. Либерализация торгово-промышленного законодательства во второй половине XIX в. привела к тому, что звание купца перестало означать принадлежность к слою предпринимателей. С одной стороны, состав первой гильдии стал в значительной степени пополняться иудеями, которые не были связаны с торгово-промышленной деятельностью. Путем уплаты соответствующих налогов и вступления в купеческое сословие они получали возможность избежать действия дискриминационных норм, ограничивавших свободу передвижения по территории империи. С другой стороны – значительная часть действующих предпринимателей воспользовалась правом считаться «временными купцами» при сохранении прежнего звания, не порывая с сословными обязательствами, к которым они принадлежали по рождению.

Одним из первых на это явление обратил внимание М.Л. Гавлин, который изучал вопросы формирования московской буржуазии в пореформенный период. По его данным, во второй половине XIX в. прослеживалось неуклонное падение удельного веса купечества в составе крупных предпринимателей Москвы. Если в 1860-х гг. оно составляло свыше $\frac{3}{4}$ плательщиков промыслового налога – владельцев «гильдейски» заведенных, то к концу 1890-х гг. этот показатель снизился до 47,5 %⁶. Аналогичный процесс наблюдался и на востоке страны. В Забайкалье, где в дореформенный период основным отрядом крупной буржуазии было купечество (76,6 %), после 1861 г. его удельный вес сокращается до 42,9 %⁷. В Западной Сибири доля гильдейского купечества, которая была весьма значительной в первое пореформенное десятилетие (68,8 % всех крупных предпринимателей региона), к середине 1890-х гг. снизилась до 26,0 %⁸.

Оборотной стороной фактической «открытости» сословия было то, что русские купцы, по существу, оказались лишены полноценного сословного представительства. В отличие от западно-европейских они не имели никаких атрибутов замкнутой корпорации: принадлежность к сословию была не только не наследственной, но и даже не пожизненной. В купеческом сообществе не имелось ни освященного традицией уставного документа, ни института поручительства при приеме в члены гильдии, ни обязательного испытательного срока, ни корпоративных обрядовых церемоний. Формально купеческие сословные общества появились после принятия «Жалованной грамоты»

1785 г., в которой была предпринята попытка примирить сословные и общегородские (всесословные) принципы управления русского города. С одной стороны, окончательно подтверждался чисто купеческий характер существовавших с 1721 г. гильдий, которые стали сословной корпорацией. С другой — были организованы новые городские общественные учреждения — «собрания Градского общества», «общая дума» (собрание городских представителей) и «шестиблагая дума», объединявшая основные городские сословия и возглавлявшаяся городским головой. Однако предложенная схема комбинации сословных и всесословных принципов оказалась на практике неработоспособной и впоследствии претерпела серьезные изменения. Во многом это было предопределено тем, что государство, как и в допетровский период, возлагало на имущие слои города обязанность не только обеспечивать финансовые нужды страны (путем уплаты налога), но и нести городскую службу. В итоге купечество, олицетворявшее наиболее материально обеспеченную часть общества, замещало как представительные, так и хозяйственные и различного рода общественные должности.

Аморфная организация городских сословий не способствовала складыванию полноценных сословных институтов. Так, например, Гильдия московского купечества «по составу была сословно купеческим учреждением, по кругу ведомства она выходила за пределы сословно-купеческих дел и представляла собою вообще всю совокупность посадского населения Москвы». Более того, организация общественного устройства города на основе имущественной заинтересованности в городских делах, привела к тому, что купечество, в ущерб складыванию собственного сословного представительства, фактически монополизировало функции общегородского управления. Задуманные как всесословные, органы городского самоуправления на деле таковыми не стали: от работы в них уклонялись дворяне и лица с высшим образованием, что негативно сказывалось на качестве общественной деятельности⁹. В результате формально всесословные «Собрания градского общества» в силу действия цензовых ограничений (наличие капитала не менее 5 тыс. рублей) рекрутировались лишь из купцов 1-й и 2-й гильдий¹⁰. Как показала информация, поступавшая с мест в начале 1860-х гг. в Министерство внутренних дел, шестиблагые думы также не являлись общесословными органами. Вместо шести человек, избираемых от шести сословий, гласные были представлены в ней только купцами и мещанами, часто и одними купцами. Городской голова, возглавлявший городское самоуправление, как уже упоминалось выше, избирался исключительно из среды первогильдейцев. В результате, по словам авторов издания, опубликованного петербургским купечеством, «купеческое сословие не имело... своего особого самостоятельного органа управления, а дела купеческого сословия сливались с общими делами города, управлялись городскими купеческими старостами и находились в ведении Общей Санкт-Петербургской Городской Думы»¹¹.

Самостоятельная система сословного городского управления, которая без каких-либо изменений просуществовала до падения империи, окончательно сложилась в России в начале 1860-х гг.. Первым пробным камнем в создании этой системы стала реорганизация органов городской власти Петербурга, где в 40-е гг. XIX в. начались работы по реформе городского самоуправления и подготовке нового проекта городского положения¹². Итогом разработок стало утверждение 13 февраля 1846 г. нового Положения об общественном управлении Петербурга¹³, которое сыграло особую роль в формировании действительного сословного представительства, выделенного из городского управления и обособленного от него. Выработанные Положением об общественном управлении Петербурга принципы организации городских сословий были использованы не только в северной столице, но и послужили эталоном для устройства в 1862 и 1863 гг. городских купеческих, мещанских и ремесленных обществ Москвы и Одессы. Правительство предусматривало распространить опыт устройства трех городов на всю империю, однако осуществлено это не было. Таким образом, в начале 60-х гг. XIX в. было завершено складывание обособленной от органов городского представительства

системы сословного самоуправления, которая без каких-либо изменений просуществовала до падения Российской империи. Организация его не отличалась сложностью и коротко может быть представлена в следующем виде.

Купеческое самоуправление во всей России, за исключением Царства Польского и прибалтийских губерний, было основано на одинаковых законодательных началах. Купечество обеих гильдий образовывало в каждом городе Купеческое общество, которое, однако, не имело над своими членами никакой дисциплинарной власти, принадлежность к купечеству обуславливалась исключительно ежегодным платежом промыслового налога¹⁴. Общество участвовало в выборе членов податных присутствий, имело по действовавшему законодательству право ходатайствовать об учреждении комитетов торговли и мануфактур и входить через городских голов или биржевые комитеты в Министерство финансов с представлениями, если замечено будет, что «торговля производится несообразно уставам и намерениям правительства и что права купечества ослаблены недоразумением, попусшением или неблагонамеренностью исполнителей».

Так называемое полное купеческое самоуправление, подразумевавшее наличие старшины общества, его исполнительного органа в лице управы и института выборных, существовало только в трех городах – Москве, Петербурге и Одессе. Выборные избирались на три года собранием всего Общества, которое, в силу его многочисленности, делилось на участки с числом избирателей не более 600. Собрание выборных каждые три года избирало купеческого старшину и членов купеческой управы, состоящую из председателя (в лице старшины), двух представителей местного купечества и двух заседателей от временно причисленных купцов (как российских подданных, так и иностранцев). Купеческие управы заведовали находившимся в собственности сословия хозяйством (недвижимое имущество, благотворительные и учебные заведения), занимались исполнением приговоров собраний выборных, раскладкой и взиманием сословных и промысловых пошлин и сборов, учетом численности принадлежавших к сословию лиц. До 1905 г. были в подчинении Министерству внутренних дел, затем – в ведении министерства торговли и промышленности.

В остальных российских городах, согласно закону, действовало упрощенное купеческое самоуправление – для заведования сословными делами Общества ежегодно избирали купеческих старост и их товарищей (до 1879 г. каждая гильдия избирала особого старосту). На сословных старост возлагались ряд преимущественно канцелярских обязанностей: составления поименных ведомостей о членах сословия, содержание алфавитных списков для внесения купеческих семей в городскую обывательскую книгу; раскладка и сбор казенных податей, общественных и городских повинностей, выдача удостоверений для получения паспортов и пр.¹⁵

Однако, как показало проведенное Министерством внутренних дел в конце XIX в. специальное обследование, купеческое сословное представительство не смогло, выработав жизнестойкие организационные формы, укорениться в России. Подавляющее большинство обществ не имело даже упрощенного представительства в лице выбираемых старост, отдельные сословные купеческие управления существовали лишь в 144 городах империи (3 полных и 141 упрощенное), но и те являлись, по сути, бюрократической фикцией, т.к. не занимались никакой деятельностью и не имели собственных капиталов или недвижимости. Исключение составляли лишь сословные общества Москвы и Петербурга, отличавшиеся размерами принадлежавших им материальных ценностей, размахом ведения дел сословного хозяйства и широкой благотворительностью¹⁶.

Органы купеческого самоуправления, которые стали действовать в некоторых городах России, как самостоятельные институты сословного представительства только в пореформенный период, так и не стали центрами формирования корпоративного предпринимательского сознания. В результате общественная деятельность многих представителей купечества реализовывалась в органах городского самоуправления. Купечество, которое представляли идущие слои города, преобладало как среди пласных, так и

городских голов большинства крупных губернских и уездных центров России¹⁷. В то же время деятельность почти всех сословных органов была сведена к выполнению узкого круга исключительно канцелярских обязанностей.

Российское общество вплоть до 1917 г. оставалось сословным, однако жесткая структурированность была характерна прежде всего для двух основных социальных групп, составлявших каркас иерархической системы, — дворянства и крестьянства. Городские сословия как бы находились на периферии интересов самодержавия, которое при регламентации их устройства исходило исключительно из фискальных соображений. Кулечество, открытое для притока новых членов, абсорбировало самые активные социальные элементы. Отсутствие традиционной для феодальных сословий корпоративной замкнутости способствовало тому, что в ходе индустриализации кулеческие институты не только не являлись особым препятствием для складывания торгово-промышленного предпринимательства, но и первыми подверглись воздействию социальной эрозии, превратившись в социальный анахронизм.

Примечания

- ¹ См.: **Ряндановский П. Г.** Городское население дореформенной России // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1953. С. 312.
- ² См.: **Дружинин Н. М.** Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. М., 1946. С. 26, 76 и др.; **Ряндановский П. Г.** Городское гражданство дореформенной России. М., 1951. С. 376 — 378; **Rieber A.** Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill. 1982. С. 51.
- ³ **Тутан-Барановский М. И.** Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1907. С. 79 — 82, 199, 202.
- ⁴ ПСЗ-2. Т. 34. № 34248.
- ⁵ ПСЗ-II. Т. XXXVII. № 39118; Т. XL. № 41779.
- ⁶ См.: **Тавлин М. Л.** Социальный состав крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. // Проблемы отечественной истории. М. 1973. С. 168 — 188.
- ⁷ См.: **Солопий Л. А.** Крупная буржуазия Забайкальской Области в XIX веке. Автореферат на соиск. учен. степ. к. и. н. Томск. 1978. С. 7.
- ⁸ См.: **Бойко В. П.** Крупная буржуазия Западной Сибири во второй половине XIX в. (1861 — середина 1890-х). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск. 1985.
- ⁹ См.: **Писарькова Л. Ф.** Московская городская дума. 1863 — 1917. М. 1998. С. 10 — 11.
- ¹⁰ См.: **Кизельветтер А. А.** Городовое положение Екатерины II. М., 1909. С. 343 — 350.
- ¹¹ См.: **Нардова В. А.** Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика. Л., 1984. С. 34 — 48.
- ¹² См.: Пятидесятилетие Санкт-Петербургской Кулеческой управы. 1847 — 1897. СПб., 1900. С. 3.
- ¹³ См.: Подробнее см.: **Дивалкин И.** Устройство и управление городов в России, Т. 1, СПб., 1875. С. 376 — 399.
- ¹⁴ См.: ПСЗ-2. Т. XXI. Олд. 1. 1847. № 19721.
- ¹⁵ См.: **Коркунов Н. М.** Русское государственное право. Т. I. СПб., 1893. С. 232.
- ¹⁶ См.: Свод законов. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1876. Ст. 665.
- ¹⁷ Подробнее см.: **Щадилю М. К.** Эволюция социального облика российского предпринимательства // История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2000. С. 208 — 228.

Т. Я. Валетов,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва)

МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАБОЧИХ НА КРУПНОЙ ФАБРИКЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

(НА ПРИМЕРЕ ТОВАРИЩЕСТВА МАНУФАКТУР Н. Н. КОНШИНА)

Один из вопросов, совершенно недостаточно разработанных в историографии по рабочему вопросу в дореволюционной России, — это наличие некоторой социальной инфраструктуры на заводах и фабриках. Фабрика в ряде случаев брала на себя обеспечение рабочих жильем, медицинской помощью, товарами первой необходимости. Какие-то

из мер принимались фабрикантами в виде благотворительной помощи или в качестве реализации идеи патерналистского попечения над рабочими, что было больше распространено у фабрикантов-старообрядцев; другими мерами, как, например, обеспечением больниц для рабочих, предприниматели были обязаны законодательно. В некоторых случаях декларируемая забота о рабочих на практике была поставлена совершенно неудовлетворительно, иногда даже вела к прямому убытку рабочих и к пользе фабрикантов, но ведь были и такие примеры, когда фабриканты на свои деньги строили для рабочих образцовые больницы, школы и неплюхие казармы, причем иногда это воспринималось фабрикантами как нормальная статья производственных расходов – обеспечение жизни работающим с целью привязать рабочих к фабрике, дать им почувствовать, что администрация ценит их труд, избежать социальных конфликтов и в конечном итоге побудить рабочих к большей производительности работы.

Социальные и экономические условия индустриализации, когда нормы трудовых отношений еще совершенно не выстроены, рабочие социально не организованы и их интересы никем не представлены и вообще еще не оформлены, а труд вообще мало ценится и на место почти каждого недовольного своими условиями работы найдется сколько угодно безработных, конечно, не способствовали нормальному развитию социальной инфраструктуры поддержки рабочих предпринимателями. Но выставлять эти отношения в совершенно черном цвете тоже неправильно, тем более что некоторые фабриканты тратили довольно много денег на социальные программы и на строительство для своих рабочих именно в таких условиях, когда они могли бы, кажется, этого и не делать.

К сожалению, подходящей статистики по рассматриваемому вопросу почти нет, как почти нет пока и исследований, рассматривающих эти проблемы на материалах определенных фабрик и заводов. Однако делопроизводственные материалы предприятия, если они сохранились достаточно хорошо, позволяют составить выпуклую картину функционирования подобной социальной инфраструктуры, по крайней мере, в таком виде, как это виделось администрации. В данной статье речь пойдет преимущественно о фабриках товарищества мануфактур Н.Н. Коншина в Серпухове – крупном текстильном комбинате, на котором в начале XX в. трудилось более 11 тысяч рабочих.

При коншинских фабриках существовала достаточно развитая инфраструктура, направленная на поддержание быта рабочих. Фабрика должна была тем или иным способом обеспечить рабочим и членам их семей жилье и медицинское обслуживание, кроме этого, при фабриках работали три школы, при ситценабивной фабрике – ясли для грудных детей. Товарищество арендовало бани, предоставляя своим рабочим и членам их семей еженедельно право их бесплатного посещения. В чайной товарищества по доступным ценам организовывались лекции на популярные темы, а по выходным показывалось кино. Предметом внимания данной статьи является оказание врачебной помощи на фабриках Коншина.

Обеспечение рабочих врачебной помощью в дореволюционной России было законодательно возложено на предпринимателей в 1866 г., когда еще не было и идеи о трудовом законодательстве. Высочайшее повеление от 26 августа о том, что на фабриках должны быть построены больницы из расчета одной кровати на сто человек рабочих, было вызвано, как выразился современник, «совершенно случайным обстоятельством»¹ – эпидемией холеры, и хотя оно было предписано в виде временной меры, на большей части Российской империи оно так и осталось действующим вплоть до 1917 г.

Закон, однако, был во многом несовершенен. Так, в нем ничего не говорилось ни об амбулаториях, ни об аптеках, ни о приемных покоях для оказания первой медицинской помощи. Позднее этот закон вступил в противоречие с городскими постановлениями ряда городов, в которых вводился обязательный «больничный сбор» со всех наемных работников, предоставлявший им право бесплатного лечения в городских больницах. Этот своеобразный налог, переносящий расходы на лечение рабочих с фабрикантов на

самых рабочих, взимался, в частности, в Петербурге (с 1889 г.), Москве (1890), Варшаве (1894), Иваново-Вознесенске (1860), Харькове (1869) — от 50 коп. в год в Харькове до 1 руб. 25 коп. в год в Москве². Подобная двойственность вызывала недоумения, и рабочие, фактически имея право на получение медицинской помощи и на фабрике, и в городских больницах, иногда не могли получить ее ниоткуда, так как фабриканты и городские больницы указывали друг на друга³. Наконец, эта двойственность была разрешена в циркуляре министра финансов по соглашению с министром внутренних дел от 24 июля 1895 г., в котором окончательно говорилось, что в черте соответствующих городов фабриканты не обязаны строить больницы, а обязаны только предоставлять первую помощь и амбулаторное лечение⁴.

Повелением 1866 г. не устанавливалось мер контроля за степенью соблюдения этого закона, и практика, особенно в первые десятилетия, до организации фабричной инспекции очень часто расходилась с требованиями. Например, закон обязывал фабрикантов предоставлять медицинскую помощь бесплатно, но на ряде фабрик, по крайней мере до принятия вновь подтверждающих это «Правил» 1886 г., были установлены разного рода вычеты за оказание врачебной помощи, иногда даже превышавшие действительную стоимость лечения, а на других фабриках устанавливался даже обязательный сбор с заработка всех рабочих, который вроде бы должен был покрывать затраты фабрикантов на лечение рабочих⁵.

Как отмечал Е.М. Дементьев, в серпуховском уезде в 1884 г. при 22 фабриках должны были существовать больницы, а на самом деле их было 14 при 16 фабриках, «причем половина из них только pro forma, и в некоторых не было никогда больных»⁶.

Однако важно, что в отношении врачебной помощи существовало большое различие между крупными и средними или тем более мелкими фабриками. Средние, с числом рабочих в несколько сотен, не имели таких оборотов, на которые они были бы готовы строить больницы, и их больничные покои заводились часто совершенно для отчетности в непригодных помещениях, имеющих другое главное назначение. Мелкие фабрики, имеющие менее пятидесяти рабочих, еще реже заботились о врачебном обеспечении своих работников. На этот счет имеются качественные данные целого ряда санитарных обследований. Эта статистика наглядно показывает, как сильно отличались мелкие и крупные предприятия в порядке обеспечения медицинского обслуживания — 85 — 95 % мелких предприятий и 80 — 90 % рабочих на них не получали его совсем, в то время как среди крупнейших предприятий, с числом рабочих более тысячи, таких было не более 6 %.

Перейдем теперь к проблеме медицинского обеспечения рабочих на фабриках Н.Н. Коншина. Ценность такой работы заключается в том, что проведение микроанализа на делопроизводственных архивных материалах конкретного предприятия позволяет существенно дополнить сухие данные статистики, потому что показывает, что стояло в действительности за указаниями вроде «имеется больница при фабрике».

В 1940-х гг. С.И. Аристов, ссылаясь на обследование Е.М. Дементьева, в таких нелестных выражениях описывал больницы на фабриках Н.Н. Коншина: «Аптека с крайне скудным запасом медикаментов содержит еще грязней, а перевязочные материалы — грязное тряпье и затхлая корпия — никуда не годные. Всем делом заправляет фельдшер из военных с очень смутными познаниями. Сторож больницы помещается на одной из коек маленькой палаты, здесь же делаются перевязки приходящим больным. Определение болезни делает фельдшером и представляет чепуху из медицинских названий»⁷. Стремление старого большевика максимально очернить в очерке о родном Серпухове крупнейшего фабриканта уезда объяснимо. Между тем в этой легко проверяемой цитате смешаны сообщения Дементьева сразу о двух предприятиях — о товариществе Николая Николаевича Коншина и о прядильной фабрике его брата Ивана Николаевича Коншина. Последняя была не очень крупной и довольно небрежно ведущимся делом (тот же Дементьев указывал, что в 1871 г. здесь работали 1 950 че-

ловека, в то время как в 1884 г. — только 525), и после раздела наследства в 1859 г. эти предприятия уже никак не были связаны в деловом смысле. Сведения, переданные Аристовым, в основном относились именно к фабрике И.Н. Коншина⁸. О больнице же товарищества Н.Н. Коншина Дементьев, напротив, писал: «Больница на 51 кровать занимает прекрасное здание, выстроенное в 1877 г.⁹ ...Достаточный запас белья, перевязочных средств, медикаментов, хирургических инструментов и пр. свидетельствует, что администрация фабрики не скупится на это дело». Но далее: «Не достаёт только одного — надлежащего мед. персонала. Вольнопрактикующий врач посещает больницу только 2 раза в неделю, и отсутствие врача проявляется во всем. Врач наезжает когда придется в неопределенные дни и часы и больных сам никогда не принимает». Поэтому дело ведется во многом фельдшером, и он ставит диагноз не больничным пациентам, а при амбулаторных посещениях, так что даже здесь Аристову пришлось исказить цитату! — используя «чужую из медицинских терминов»¹⁰.

Дементьев отметил, что врачебная помощь была поставлена совсем плохо во всем уезде и что имелось только четыре фабричных больницы, из которых он считал возможным сказать хорошие слова лишь про образцово устроенную больницу при бумаготкацкой и ситценабивной фабрике Третьяковых и про больницу Н.Н. Коншина.

С внефабричными медицинскими учреждениями дело обстояло тоже плохо — есть свидетельство, что до холерной эпидемии 1892 г. во всем Серпуховском уезде было лишь две больницы одна в городе и одна недалеко от Лопасни. И в начале XX в. положение улучшилось не сильно — в городской больнице только в 1906 г. были открыты хирургическое (на 16 кроватей) и инфекционное (на 8) отделения; родильное отделение появилось еще через несколько лет. Лечение не было бесплатным — в земской больнице взималась плата по 30 коп. в сутки¹¹.

Конечно, хорошие здание и оснащение больницы сами по себе мало значили. Возможно, что нанять врача для серпуховских больниц было сложнее, чем обеспечить всю материальную часть трудности с наймом врача, и, скорее, дело было не в деньгах. Но в 1884 г. коншинская больница не была еще хорошей, и Дементьев отмечал недоверие рабочих к ней¹². Однако впоследствии — мы не можем точно сказать, когда, но точно до середины 1890-х гг., — проблема «нехватки» врача была решена. Следуя стандартному приему негласного распространения негативного описания какой-либо из сторон деятельности капиталистов, относящегося к 1870 — 1880-м гг., на весь дореволюционный период, Аристов в своей работе больше никаких цитат о коншинской больнице не привел, что и понятно — фабричная больница значительно улучшилась.

В 1907 г. она состояла уже из девяти отделений — хирургического (на 20 кроватей), двух терапевтических (28 и 25), заразное (15), родильное и скарлатинозное (по 12), дифтеритное, сифилитическое и хроническое (по 6). Был налажен амбулаторный прием рабочих и их семей при трех фабриках. Динамика развития больниц показана в табл. 1.

Из приведенных данных следует, что в течение всего периода наблюдается тенденция к увеличению удельных расходов по отношению к одному рабочему, но при этом после резкого роста в 1900 — 1901 гг. остаются стабильными общие расходы на одного госпитального больного (рисунок). Несколько увеличиваются штаты больницы, однако одновременно есть тенденция к уменьшению дней, проведенных в больнице, что, пожалуй, не стоит связывать с возможным общим улучшением здоровья рабочих.

Больница успешно развивалась. В отчете за 1904 г. заведующий больничными учреждениями писал: «Надо думать, что все больные на ф-ках Т-ва, нуждающиеся в кожном лечении, находят его в действительности. Да иначе и быть не может, так как при 100 штатных койках ежедневно среднезанятых было только 65,19... По отношению к фабрике 1602 человека, лежавших в больнице, разделялись на 675 рабочих, 811 их родственников и детей и 51 сторонних. Эти 675 рабочих, ко всему числу их в 11 652 чел, составляют 5,8%»¹⁴.

Таблица 1
Статистические данные по деятельности больниц
товарищества мануфактур Н.Н. Коншина. 1879 – 1915 гг.

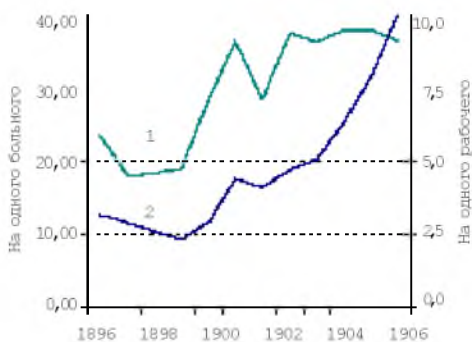
Год	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1879				2 038	240				
1880				1 831	301	12,8			
1881				1 964	373	23,3			
1882				2 455	350	18,8			
1883		3 935		2 740	219	12,9			
1893	4 862	около 1 200	около 0,25						
				7 465	643	34,1	168	1	1,03
1894	4 744			6 785	555	24	136	1	1,26
1895	4 846			7 629	828	35,1	147	1	1,44
1896	5 794	18 388	3,17	7 855	788	32,9	176	1	1,21
1897	7 269	20 842	2,87	10 777	1 168	45	245	2	1,24
1898	8 417	21 543	2,56	11 855	1 175	45,5	268	2	1,19
1899	10 858	25 225	2,32	15 429	1 335	50,5	347	2	0,92
1900	11 237	32 964	2,93	17 355	1 159	47,5	348	3	1,07
1901	10 182	44 575	4,38	19 345	1 230	50,2	273	3	1,28
1902	11 091	45 294	4,08	25 027	1 597	64,4	388	3	1,35
1903	11 217	52 448	4,68	26 716	1 404	65,7	431	3	1,34
1904	11 402	57 621	5,05	29 500	1 596	65,9	543	4	1,40
1905	11 632	72 761	6,26	32 606	1 928	76	674	4	1,55
1906	11 357	89 007	7,85	38 388	2 356	88,9	808	5	1,67
1907	11 477	114 390	9,97	42 929	3 152		939	6	
1908		118 687							
1909		94 308		41 902	2 920		1 007		
1910		94 000							
1911		110 000							
1912		117 000		42 867	3 008		1 219		
1913		124 500							
1914		117 500							
1915		143 000							

1 – Число рабочих в среднем в год; 2 – годовая стоимость содержания; 3 – годовая стоимость содержания на одного рабочего; 4 – число амбулаторных больных; 5 – число госпитальных больных; 6 – среднее ежедневное число госпитальных больных; 7 – число рожениц; 8 – число врачей; 9 – мед. персонала на 1000 рабочих¹³

В больничное дело вкладывались с каждым годом все большие деньги, и в целом условия содержания больных улучшались. Отчет за 1906 г. отмечает «значительное и прогрессирующее из года в год возрастание расхода по статье „лица“... что объясняется, с одной стороны, значительным повышением цен на продукты и увеличением числа больных, а с другой – более широким пользованием теперь молоком, яйцами, котлетами, чем раньше и чем это наблюдается в Московских городских больницах»¹⁵. Действительно, сравнение ряда показателей по коншинской фабричной больнице с общественными городскими больницами Москвы показывает, что, хотя коншинская больница была меньше по размерам, и она была хуже обеспечена штатами, на каждого больного здесь тратилось больше и денег, и продуктов (табл. 2).

Обеспечение больных продуктами велось за счет предприятия, и продукты брались из харчевой лавки товарищества, записываясь в расходную часть бухгалтерии лавки (табл. 3).

Мы находим, что динамика потребления различных продуктов, показывающая общий абсолютный рост расходов, в относительном размере различна – пожалуй, можно

1 – на одного больного; 2 – на одного рабочего

Рис. Динамика годовой стоимости содержания больничных учреждений при фабриках

Н.Н. Коншина (руб.) в расчете на одного рабочего и на одного стационарного больного. 1896 – 1907 гг.

ство круп и картофеля, совершенно не расходуя на молоко; в артели женщин – 0,11 фунтов мяса и 2,45 фунтов ржаного хлеба, также без молока¹⁸. Обследований относительно характера питания непосредственно коншинских рабочих почти не имеется; есть только сведения об артели набойщиков и резчиков ситценабивной фабрики в начале 1880-х гг., что фактически не так уж и ценно. Тем не менее в их потреблении мы находим сравнимые цифры – 739,22 грамма (1,81 фунта) ржаного хлеба, 62,45 г говядины, свинины, баранины и солонины (0,15 фунтов), при этом совсем нет белого хлеба, молока и яиц¹⁹.

говорить о некотором возрастании потребления молока и уменьшении потребления хлеба и мяса. Однако, даже если мы отмечаем, что с 1906 по 1909 г. потребление мяса на человека в день в больнице сократилось с 1,09 до 0,64 фунта, не нужно забывать, что и то, и другое значительно превосходит нормы питания, которыми руководствовались в своем бюджете здоровые рабочие и члены их семей. Так, в Москве на ситценабивной фабрике А. Гюбнера рабочие, которые питались в артелях (наиболее качественный тип питания среди всех несемейных), на человека в день почти в тот же период (1907 – 1910 гг.) в среднем потребляли: в артели неплохо оплачиваемых мужчин-машинистов – 0,67 фунтов мяса, 2,6 фунтов ржаного хлеба и некоторое количество

Таблица 2
Сравнение некоторых параметров больницы товарищества мануфактур Н.Н. Коншина с московскими общественными городскими больницами. 1906 г.¹⁶

Больницы	Т-ва Коншина	Старо- Екатери- нинская	Соколь- ничья	Бас- манная	Яузская	I Город- ская
Число коек	130	755	520	409	572	537
Число проведенных дней	36 417	346 359	182 444	144 781	199 035	259 181
Стоимость проведенного дня	29,80	20,82	21,76	19,31	21,04	19,92
Стоимость 1 госпит. больного	716,29	415,16	558,45	454,50	456,87	
Молоко, ведер на 100 чел./дней	7,4	5,1	5,7	3,6	4,6	2,4
Яйца, штук на 100 чел./дней	91,0*	67,7	–	45,7	65,4	–
В среднем на одного врача госпит. больнх	3 343,62	1 868,62	440,35	1 790,47	3057,14	?
В среднем на одного служителя госпит. больнх	696,6	563	292,69	357,25	341	640,25

* В источнике допущена ошибка в расчете или описке, в результате здесь указано 81,0. Однако это обнаруживается из приведенного в той же таблице абсолютного числа (33154) потребленных больницей за весь 1906 г. яиц.

Таблица 3
Динамика потребления больницей товарищества Н. Н. Коншина
продуктов из фабричной харчевой лавки. 1903 – 1910 гг.¹⁷

Год	Дни	Говядина, фунтов на чел./день	Молоко, мерных бутылок на чел./день	Хлеб белый, фунтов на чел./день	Расход на продоволь- ствие боль- ным, руб.
1903	24 014	0,82	1,09	1,89	
1904	24 092	0,93	1,40	1,98	
1905	27 757	0,81	1,48	1,80	
1906	32 454	1,09	1,65	1,79	14 937,81
1907	41 800	0,78	1,59	1,54	16 352,88
1908	50 614	0,65	1,49	1,30	18 052,95
1909	47 079	0,64	1,65	1,09	13 618,37
1910					ок. 13 800

Улучшение медицинского обследования приводило к тому, что рабочие все в большей степени готовы были обращаться в больницу. Это достаточно аргументированно доказывалось в общем очерке: «Возрастание доверия к медицинскому персоналу бесспорно характеризуется тем, что при слабых изменениях числа женщин (старше 15 лет), проживающих на фабриках, – число обращающихся в родильный приют рожениц растет очень значительно, что видно из табл. 4.

Таблица 4
Параметры работы родильного отделения больницы
товарищества Н. Н. Коншина. 1903 – 1907 гг.

Год	Число женщин (ст. 15 лет), проживающих в спальнях	Число рожениц в родильном приюте	% рожениц в родильном приюте
1903	4865	431	8,86
1904	4816	543	11,27
1905	4844	674	13,91
1906	4840	808	16,69
1907	4657	939	20,16

Нет оснований полагать, что рождаемость возрастает²⁰.

Но вместе с ростом готовых обращаться к фабричным врачам с каждым годом становилось заметнее, что фабричная больница с все с большим трудом справляется с наплывом рабочих. Заведующий больничными учреждениями постоянно писал докладные записки, в которых просил увеличить помещения, отданные под амбулаторные приемные, операционную, заразное отделение и т.д., но строительство новых больничных корпусов отставало от запросов. Нужно отметить, впрочем, что оно велось активнее, чем строительство жилых помещений.

Хуже всего обстояло дело с родильным отделением. В отчете заведующего больничными учреждениями за 1904 г. написано: «Поступивших в нее женщин, работающих на фабрике, было только 368, что к числу всех фабричных работниц в 4681 составляет 7,8%. Между тем на фабриках всей Московской губернии, имевших родильные отделения, эта величина составляет 12,3%, поднимается на многих фабриках до 19%, а на некоторых даже выше 20%. Таким образом, несмотря на прогрессирующую деятельность родильни Т-ва, она все еще далека от своего нормального предела²¹. Как видно из табл. 4, в 1907 г. этот процент и в коншинской больнице превысил 20% (кстати, принятый в той таблице способ расчета процента – исходя из числа женщин, прожива-

ких в казармах, а не только работниц фабрики – представляется более корректным), но это же привело к же перегрузке родильного отделения. В отчете за 1907 г. про родильную написано уже так: «Крайняя теснота помещения не только вредно отражается на здоровье женщин, но и может привести к столкновениям с полицией и рабочими в случае невозможности положить в приют фабричную работницу»²². И в общем очерке по фабрикам: «Переполнение родильного отделения за последние года постоянно: при 12 штатных койках среднезанятых 13 при колебаниях от 4 до 25»²³. Признавалась недостаточной и деятельность амбулатории²⁴.

Рассмотрим теперь правила, которыми определялось содержание больных рабочих на фабриках Коншина с июня 1905 г. (приняты 2 июня, введены в действие с 10 июня)²⁵. Заболевшие рабочие бесплатно лечились в больницах и в течение 3 месяцев болезни получали пособие в размере половинного заработка (в качестве заработка принимали средний суточный заработок рабочего за предыдущие 3 месяца). По истечении 3 месяцев болезни рабочим переставало выплачиваться пособие, хотя они продолжали лечение в больнице. В порядке исключения пособие по болезни получали и те рабочие, которые лечились дома, но для этого нужно было разрешение врача, и такие больные должны были периодически являться на обследование.

Роженцы получали пособие по болезни наравне с другими больными только за то время, пока находились в больнице – непосредственно при родах и некоторое – по усмотрению врачей – время после родов. Кроме того, они могли, «если пожелают», брать четырехнедельный отпуск, который оплачивался по особой фиксированной ставке 1,5 руб. в неделю. Для большинства работниц эта ставка была меньшей, чем половина заработка, но были и те, кто получали менее 12 руб. в месяц, и для них такая ставка была более предпочтительной. Большого отпуска не предоставлялось, но с Пасхи 1904 г. было введено правило отпускать женщин-кормилиц домой для кормления с 4 часов дня до 5 часов.

Указанные условия с современных позиций нельзя считать нормальными. Однако и это было большим шагом вперед, потому что проблема отпуска для беременных в это время фактически вообще никак не решалась ни на государственном, ни на частном уровнях. Можно привести целый ряд публицистических высказываний, подобных следующему: «До самых последних дней беременности ж. продолжает трудиться в убийственной атмосфере фабрики. Случаи освобождения работницы до и после родов с сохранением содержания до сих пор единичны (С. Морозов в Орехове, бр. Леонтьевы в С.-Петербурге). В 1907 г. во время забастовочного движения на Выборгской стороне петербургские рабочие выдвинули компромиссное требование: отпускать женщин с сохранением половинной платы за 2 недели до и на 4 после родов. Но и это требование осталось неудовлетворенным»²⁶. Коншинская фабрика была одним из этих «единичных случаев»: на приведенной в пример Никольской мануфактуре С.Т. Морозова беременным работницам, правда давали более длительный отпуск – на 2 недели до родов и на 6 недель после, но за это платили лишь по 5 руб. в месяц²⁷.

По отдельной статье должны были проходить рабочие, пострадавшие в результате несчастных случаев на производстве, потому что отношение к ним предпринимателей было урегулировано законом от 2 июня 1903 г.²⁸ В постановлении Правления о порядке выплаты пособий по болезни так и говорилось, что постановление не относится к травматическим больным, поскольку для тех действует закон. Однако в действительности положение травматических больных у Коншиных было таким же – если они лечились в больнице, то, согласно ст. 6 закона, они получали такое же пособие – в размере половинного заработка. Разница лишь в том, во-первых, на них не распространялось требование о трехмесячном лечении, а выплата производилась «по день восстановления трудоспособности», и, во-вторых, возможно, что на них не распространялось требование об обязательном пребывании в больнице. Здесь мы пока не рассматриваем вопрос о пенсии, назначавшейся в случае постоянной потери трудоспособности.

Несчастных случаев было, если сравнивать с высоким уровнем травматизма в дореволюционной промышленности вообще²⁹, относительно немного. В журнале заседания больничного совета от 6 марта 1907 г. приводятся следующие данные: за 2 года было 868 несчастных случаев, «т.е. меньше, чем по $1\frac{1}{2}$ на день; из них в 59,9 % травмы были столь легки, что потерпевшие не бросали работы, в 34,3 % наблюдалась временная утрата трудоспособности, оплаченная в среднем по 6 руб. 40 коп., и только в 5,8 % повреждение было более серьезное»³⁰. Это, однако, все равно дает 25 серьезных несчастных случаев в год.

Все – и травматические с временной утратой трудоспособности – заболевшие рабочие, пропуская работу, все же теряли половину заработка и старались свести к минимуму пребывание в больнице. В ноябре 1907 г. на заседании больничного совета был поднят вопрос о недостаточности определенного законом 1903 г. пособия травматическим больным. Заведующий больничными учреждениями Н.М. Крашенинников отметил, что «больные отказываются лечиться достаточно продолжительное время из-за экономических побуждений», вследствие чего «потеря трудоспособности выражается в более крупных размерах». Он предложил платить таким пострадавшим полную сумму заработка вместо половинной, поскольку таких случаев немного. Однако председатель совета, заведующий административно-хозяйственной частью товарищества Е.Е. Тизенлаузен сразу высказался против, мотивируя это тем, что такое «вскоре станет рядовым случаем». В качестве решения в журнал было внесено именно это мнение: «Председатель полагает, что травматических больных закон от 2 июня 1903 г. берет под свою защиту, и нам нет надобности исправлять закон». Позднее вопрос, очевидно, рассматривался и в Правлении, т.к. в журнале есть приписка, сделанная председателем Правления А.Н. Коншиным в феврале 1908 г.: «Нет ли других средств уменьшения потери трудоспособности? Правление считает возможным лишь выполнение требований закона 2 июня 1903 г.»³¹

Все же стоит сказать, что в плане компенсаций обычным больным и роженицам больничное дело на фабриках Коншина пошло значительно впереди закона. Вопрос по пособиям больным не был урегулирован вплоть до 1912 г., да и формулы законов 23 июня 1912 г.³² по ряду параметров отставали от практики определенной заботы о заболевших рабочих, принятой не только на коншинских, но и на ряде других фабрик. Согласно «Положению об обеспечении рабочих на случай болезни», врачебная помощь по-прежнему оставалась возложенной на предпринимателя (ст. 9), к этому добавлялась обязанность оказания рабочим первой медицинской помощи, амбулаторного лечения, родовспоможения и бесплатной выдачи медикаментов (ст. 44). Выплата же пособий заболевшим рабочим ставилась в зависимость от состава семьи – если рабочий обеспечивал иждивенцев, то пособие выплачивалось в размере от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ заработка, если нет – то от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ заработка (ст. 54). Пособие больным должно было выплачиваться с четвертого дня болезни, но не более 26 недель, а по случаю травмы в результате несчастного случая на производстве – со дня травмы и не более 13 недель (ст. 55). По случаю родов работницы (участницы больничных касс, платившие до того взносы не менее чем 3 месяца) получали право на отпуск в 2 недели до родов и в 4 – после, с оплатой от половины до полного заработка; о женах рабочих в законе речь не шла совсем (ст. 56). Как видим, правила выплаты пособий отличаются от принятых у Коншина как в лучшую для рабочих, так и в худшую сторону, оставаясь в среднем теми же; однако по этому положению предприниматель нес лишь две трети расходов, а треть ложилась на рабочих, уплачивающих на это 1 – 3 % своего заработка (ст. 65, 67). Поэтому можно говорить о том, что на ряде крупных предприятий, где уже за 5 – 7 лет до законов 1912 г. установились свои порядки медицинского обеспечения, деятельность по оказанию врачебной помощи рабочим обогнала даже последние законодательные распоряжения правительства Российской империи в этой области.

Примечания

- ¹ Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. 2-е изд. СПб., 1904. С. 240.
- ² См.: Деметьев Е. М. Врачебная помощь фабричным рабочим. СПб., 1899. С. 11, 12, 14, 17.
- ³ См.: Литвинов-Фалинский В. П. Указ. соч. С. 242.
- ⁴ См.: Деметьев Е. М. Врачебная помощь фабричным рабочим. С. 26.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Деметьев Е. М. Санитарное исследование фабрик и заводов Серпуховского уезда. (Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Том III. Вып. XV). Часть I. М., 1888. С. 46.
- ⁷ Аристов С. Город Серпухов. М., 1947. С. 51.
- ⁸ См.: Деметьев Е. М. Санитарное исследование фабрик и заводов Серпуховского уезда... С. 129.
- ⁹ Видимо, в 1877 г. у Коншина и было построено впервые специальное здание под больницу. По крайней мере, в инвентарном списке больничного имущества XX в. кровати и некоторая прочая обстановка числятся именно с 1877 г. Самое же старое в этом списке – «старый фельдшерский набор инструментов» 1869 года. ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 3, л. 3 об.
- ¹⁰ Деметьев Е. М. Санитарное исследование фабрик и заводов Серпуховского уезда... С. 150 – 151, 153.
- ¹¹ См.: Гарин Г. Ф., Савоскул С. С., Шипов В. В. Серпухов. М., 1989. С. 107, 120.
- ¹² См.: Деметьев Е. М. Санитарное исследование фабрик и заводов Серпуховского уезда... С. 152.
- ¹³ ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 3, л. 1 – 2; 1880 – 1883: Деметьев Е. М. Санитарное исследование фабрик и заводов Серпуховского уезда... С. 45, 152; 1893 – 1906: ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 3, л. 113; 1907: ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 358, л. 47; 1907 – 1910: ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 471; 1911 – 1915 – по сметам расходов: ЦИАМ, ф. 673, оп. 8, д. 37 (курсивом – только планируемые траты); 1912: ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 744, л. 1об. – 2.
- ¹⁴ ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 176, л. 15в – 15в об.
- ¹⁵ Там же, д. 471, л. 47 об.
- ¹⁶ Там же, л. 50, 93об – 94.
- ¹⁷ Рассчитано на основе: ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 471, л. 49, 98, 120; последний столбец – ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 176, л. 32 и ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 471, л. 55, 98 об., 121, 151 об.
- ¹⁸ Вступительная статья П. А. Вишляева в издании: Козьмичев-Ланин И. М. Артельное харчевание фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1915. С. 16.
- ¹⁹ См.: Эрисман Ф. Ф. Пищевое довольствие рабочих на фабриках Московской губернии. М., 1893. С. 20 – 21.
- ²⁰ ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 358, л. 47.
- ²¹ Там же, д. 176, л. 15в об – 15г.
- ²² Там же, д. 471, л. 9 – 10.
- ²³ Там же, д. 358, л. 47.
- ²⁴ Там же, д. 176, л. 15г об.
- ²⁵ Здесь и далее (насчет роженец и травматических больниц): ЦИАМ, ф. 673, оп. 8, д. 22, л. 64об – 65; также ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 358, л. 47об.
- ²⁶ Кириллова Н. А. Женщина-работница в крупной промышленности // Труды I Всерос. женского съезда при русском женском обществе в Санкт-Петербурге, 10 – 16 декабря 1908 г. СПб., 1909. С. 298.
- ²⁷ См.: Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797 – 1917. М., 2004. С. 363.
- ²⁸ «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности». КСЗ-III. Т. XXIII. Олд. I. СПб., 1905. № 23060.
- ²⁹ Особенно высоким был травматизм в тяжелой промышленности. Так, на Московском металлургическом заводе Гужона, прозванном «костоломным», в середине 1890-х гг. в среднем в год приходилось по несчастному случаю на каждого двух рабочих. См.: Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883 – 2001 гг. М., 2005. С. 23 – 24.
- ³⁰ ЦИАМ, ф. 673, оп. 1, д. 473, л. 108.
- ³¹ Там же, д. 472, л. 101 об – 102 об.
- ³² «Об учреждении Присутствия по делам страхования рабочих», «Об учреждении Совета по делам страхования рабочих», «Об обеспечении рабочих на случай болезни» и «О страховании рабочих от несчастных случаев». Собр. узак., № 1227 – 1230.

Т. Ф. Измestьева,

кандидат исторических наук,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Саранск)

БАЗЫ ДАННЫХ «БАЛАНСЫ АКЦИОНЕРНЫХ КОМПАНИЙ».

ПРОБЛЕМЫ, ПОДХОДЫ К ИХ РЕШЕНИЮ

Постановка проблемы

Успехи изучения индустриального наследия России в немалой степени зависят от источников, на которых оно базируется.

Комплекс источников, охватывающий балансы акционерных предприятий и основанную на них балансовую статистику, имеет особое значение для исследования социально-экономической истории России эпохи индустриализации. Объясняется это прежде всего тем, что в России не было текущей статистики капитальных вложений, в связи с чем балансы предприятий являются практически основным источником достаточно регулярных сведений о капиталах и доходах промышленных предприятий.

Балансы промышленных предприятий не только являются источником пополнения довольно скудной в российской статистике информации о капиталах и доходах предприятий, но, безусловно, представляют и самостоятельную ценность в изучении деятельности предприятий и их сравнительном анализе, а в сочетании с экономико-производственными показателями становятся хорошей источниковой базой для исследования различных сторон социально-экономической истории России.

Изучение многих проблем социально-экономической истории России периода капитализма без обращения к балансам предприятий оказывается неполным. Однако эти источники используются историками редко. В чем причина этого явления?

К сожалению, среди историков существует убеждение, что баланс — это документ, весьма запутанно и тенденциозно составленный, который практически не поддается расшифровке. В общем такая точка зрения не лишена оснований. Но само это убеждение в такой резкой форме возникло, как мне представляется, в немалой степени от того, что балансы — это специфический источник, отличающийся от остальных источников по экономической статистике. Работа с ним предполагает наличие некоторых специальных знаний, таких как бухгалтерский учет и финансовый анализ, а также использование специальных методов исследования. На указанные сложности накладывается и то, что балансы — это массовый и очень объемный источник, обработка которого требует много времени и усилий даже при наличии современных компьютеров.

В связи со сказанным цель данной работы заключается в том, чтобы пересмотреть отношение к указанному источнику, оценить его недостатки, выявить достоинства, а также показать перспективы его применения для анализа проблем социально-экономической истории России. Данная работа носит методический характер. Для разработки методики унификации, а также исправления искажений и ошибок данных источника я сосредоточилась на балансах предприятий, опубликованных в «Ежегоднике министерства финансов»¹, ограничившись совокупностью балансов акционерных обществ, действовавших в сахарной промышленности.

Немного теории

Для правильного восприятия и грамотного использования данных балансовой статистики требуются определенные знания о специфике финансовой отчетности предприятия и о методике ведения бухгалтерских документов, на основе которых составлены балансы акционерных компаний. В связи с этим мы начнем с краткого обзора специфики рассматриваемого источника, попутно вводя необходимые понятия и термины.

Обычно финансовая отчетность предприятия включает бухгалтерский баланс и отчет о прибылях и убытках.

Бухгалтерский баланс предоставляет информацию о ресурсах предприятия и их источниках на конкретный момент времени и является отчетом о состоянии.

Отчет о прибылях и убытках отражает финансовые результаты деятельности предприятия за период времени (год) и является отчетом об изменениях.

Рассмотрим более подробно содержание бухгалтерского баланса, поскольку подготовленные к публикации версии именно этих балансов вошли в рассматриваемый нами источник.

Баланс промышленного предприятия является отражением бухгалтерского учета финансовой деятельности этого предприятия и делится на активную и пассивную части. Активные счета предназначены для учета имеющихся на предприятиях средств, а пассивные – для учета источников этих средств (табл. 1).

Таблица 1
Схематичное изображение баланса

Актив	Пассив
Основные средства	Основной капитал
Товары и материалы	Запасный капитал
Наличность и ценные бумаги	Амортизационный капитал
Дебиторы	Облигационный капитал
Прибыль или Убыток ²	Кредиторы

Экономические ресурсы предприятия (активы), как это принято в бухгалтерском учете, отражаются в левой части баланса. Они включают здания, машины и другое имущество; землю, на которой предприятия и принадлежащая ему собственность расположена; запасы товаров и материалов; финансовые средства, которые предприятие имеет. Активы фиксируются в балансе по оплаченной за их приобретение цене.

По характеру использования имущество предприятия подразделяют на основные и оборотные средства. Под основными средствами имеются в виду здания и сооружения, машины и другое оборудование долгосрочного использования (более года). К оборотным относятся средства, которые используются в течение года.

В пассиве отражены источники средств, которые задействованы в производстве. По источникам образования имущество предприятия подразделяют на собственное (собственный капитал) и заемное (заемный капитал).

В бухгалтерском учете, существование которого насчитывает много столетий, в процессе приспособления к нуждам общества были выработаны определенные правила ведения учета. Эти правила базируются на нескольких основных концепциях, главные из которых я перечислю:

1. Концепция денежного измерения. Для регистрации информации используется универсальная общепринятая мера измерения ресурсов предприятия и их источников – денежная, что позволяет производить над данными разные действия (складывать, вычитать и т.п.). При этом обеспечивается сопоставимость абсолютных и относительных расчетных показателей как в рамках одного предприятия, так и для разных предприятий. Эта концепция инвариантна относительно возможных последующих преобразований данных, в частности, их агрегирования.

2. Концепция учета по стоимости. В бухгалтерском учете активы (средства, которые находятся в распоряжении предприятия) регистрируются по цене их приобретения, то есть по стоимости, и остаются неизменными (кроме износа). Это, с одной стороны, наиболее практичная, т. е., что наиболее осуществимая система, а, с другой стороны, максимально объективная, поскольку она не допускает произвольных оценок текущей стоимости активов действующего предприятия.

3. Концепция действующего предприятия. Альтернативой действующему предприятию является предприятие «в администрации», т.е. предприятие, которое, возможно, будет ликвидировано. Оценки ресурсов для действующего предприятия и для предприятия, находящегося «в администрации» делаются по-разному: в первом случае – в

соответствии с концепцией учета по стоимости (по балансовой стоимости), а во втором случае – по ликвидационной стоимости (по рыночной стоимости).

4 Концепция двойственного учета. В бухгалтерском учете регистрируются активы (ресурсы предприятия) и пассивы (требования различных лиц в отношении этих активов). Требования подразделяются на два вида – требования владельцев предприятия (акционерный капитал) и требования кредиторов. Все активы предприятия могут быть востребованы либо владельцами, либо кредиторами, и общая сумма их претензий должна совпадать с суммой активов. Поэтому каждая учетная процедура отражается как в активе, так и в пассиве. Это и есть известная в бухгалтерии система двойной записи.

Некоторые выводы: отметим особенности или свойства источника, которые оказываются весьма полезными при его обработке и анализе. Во-первых, правила составления балансов обеспечивают определенную сопоставимость данных. Во-вторых, равенство правой и левой части баланса позволяет уже на стадии ввода информации легко уловить некоторые ошибки или опечатки данных источника, иногда даже сразу исправить их. В-третьих, следует различать предприятия действующие и предприятия «в администрации», поскольку ресурсы в них оцениваются по-разному и, следовательно, несопоставимы.

Анализ источника. Изменение схемы публикации балансов

В России не было установленной законом формы баланса, и практически полностью отсутствовали инструкции по их составлению для акционерных предприятий. Естественно, что используемые для публикации балансы различались по степени детальности, по форме их представления. На стадии подготовки к публикации они унифицировались и подгонялись под единую форму.

Схему публикации балансов составители трансформировали во времени, пытаясь ее усовершенствовать. В табл. 2 представлена информация об изменениях, произошедших между первым и последним взятыми в рассмотрение выпусками «Жебуодника министерства финансов», а в примечании к этой таблице перечислены промежуточные изменения.

На основе анализа показанных выше изменений и с учетом особенностей источника, которые обсуждаются ниже, была выработана единая, унифицированная для всех выпусков, схема баланса (табл. 3). Предложенный перечень статей включает все позиции, которые появлялись в ходе публикации балансов предприятий. Помимо указанных позиций в модифицированный баланс введены новые позиции, которые делают баланс более прозрачным. Отметим, что в составленном перечне первые пять позиций являются вспомогательными и вынесены за пределы собственно балансов.

Достоинством рассматриваемого источника является то, что он дает достаточно регулярные сведения за ряд лет. В то же время поступавшие для публикации отчеты предприятий были составлены на самые разнообразные даты. Кроме того, в выпусках иногда отсутствовали не присланные вовремя за отчетный год балансы, иногда присутствовали «приподнявшиеся» балансы за предыдущие годы. В пакете Excel проблема упорядочивания совокупности балансов и ее группировки по дате, следовательно, проблема унификации выпусков решается элементарно.

Некоторые выводы: 1) модификация балансов обеспечивает их структурную сопоставимость и позволяет использовать пакет Excel для работы с источником (исправление ошибок, восстановление данных, расчет различных показателей); 2) предложенная унификация балансов дает возможность в рамках пакета Excel унифицировать и выпуски, каждый из которых будет содержать балансы за определенный год; 3) с выпуска 1911 г. исчезает статья *Операционный год*. Этот показатель легко поддается проверке в динамике, и значения его можно восстановить для последующих балансов, где он отсутствует (с выпуска 1911 г. до выпуска 1915 г.).

Проблемы достоверности и сопоставимости статей балансов

Баланс предприятия создается для того, чтобы отразить реальную картину его финансового положения. Такой баланс, построенный на данных бухгалтерского учета, вполне выполняет эти функции³ и предназначается для внутреннего использования. Балансы,

Таблица 2

Изменение в схеме публикации балансов

Выпуск 1902 г.			Выпуск 1915 г.		
	<u>Операционный год</u>		Наименование компании		
	Наименование предприятий		<u>Год издания</u>		
	<u>Дата баланса</u>		<u>Номер Вестника Фин.</u>		
	<u>Счет прибылей</u>		<u>Дата баланса</u>		
	<u>Счет убытков</u>		Актив	<i>Имущество</i>	
Актив		<i>Имущество</i>		Товары и материалы	
		Товары и материалы		<u>Наличность и ценные бумаги</u>	
		<u>Дебиторы</u>		<u>Дебиторы</u>	
		<i>Прочие статьи</i>		<i>Прочие статьи</i>	
		Убыток		Убыток	
Пассив	<u>Капиталы</u>	<u>Основной</u>	Баланс		
		<u>Запасный</u>	Пассив	<u>Капиталы</u>	<u>Основной</u>
		Амортизационный			<u>Запасный</u>
		<u>Прочие</u>			Амортизационный
	<i>Кредиторы</i>				<u>Облигационный</u>
	<u>Прочие статьи</u>				<u>Прочие</u>
Прибыль	Общая			<i>Кредиторы</i>	
Дивиденд	Сумма			<u>Прочие статьи</u>	
		<u>В процентах</u>		Балансовая прибыль	
Итого баланса			Прибыль к распределению		
			<u>Дивиденд</u>		
			<u>Отчисления в капиталы компаний</u>		

В выпуске 1907 – 1908 гг. исчезает статья Итого баланса, но баланс дополняется статьей Чистая прибыль. С 1910 г. балансы уже не содержат в явном виде включений из «Отчета прибылей и убытков», т.е. статей Счет прибылей и Счет убытков. Кроме того, с 1910 г. отсутствуют позиции *Чистая прибыль* и *Дивиденд, выраженный в процентах*, но появляются следующие статьи: **Год издания** баланса и **Номер ВФ**, в котором этот баланс был опубликован; отдельной статьей в капиталах отражаются **Облигации**; более подробно представлена статья *Прибыль к распределению*, где выделены **Отчисления в капиталы компаний**. вновь появляется статья **Баланс**, которая идентична имевшейся ранее статье *Итого баланса*, но местоположение ее в балансе изменяется. С выпуска 1911 г. уже отсутствует статья *Операционный год*, более подробно раскрывается актив баланса – отдельной статьей выделены **Наличность и ценные бумаги**, а после статей пассива появилась **Балансовая прибыль**. Далее, до выпуска 1915 г., в котором представлены балансы, относящиеся в основном к 1914 г., схема публикации балансов не изменялась.

имеющие характер отчетных и уходящие за пределы предприятия, отличаются от тех, что готовятся для внутреннего анализа.

Дело в том, что составители балансов нередко заинтересованы и, главное, способны реально исказить или, по крайней мере, затуманить реальную картину состояния предприятия, подать информацию в выгодном для своего предприятия свете. Искажения баланса обычно предпринимаются, когда составители по тем или иным причинам хотят преувеличить или преуменьшить результаты хозяйственной деятельности за отчетный период, завысить сумму собственного капитала, скрыть те или иные особенности в структуре имущества и его источников, приукрасить имущественное положение предприятия.

Рассмотрим возможные способы искажения балансов. В современном балансоведении принято различать два типа искажения информации:

1. **Вуалирование** – искажения, которые не затрагивают важнейших показателей деятельности предприятия (размера финансового результата или капитала), но влияют на степень ясности лежащей в основе этих характеристик информации.

Таблица 3

Перечень позиций модифицированного баланса

№	Название позиции	№	Название позиции
1	Год издания	17.	Убыток
2	Номер Вестника	18.	<u>Убыток прежних лет</u>
3	Счет прибылей	19.	Пассив. Капиталы. Основной
4	Счет убытков	20.	Капиталы. Заласный
5	Операционный год	21.	Капиталы. Облигационный
6	Наименование компании	22.	Прочие капиталы
7	Дата баланса	23.	Кредиторы
8	Актив. Имущество	24.	<u>Кредиторы. Векселя</u>
9	Погашение	25.	Прочие статьи
10.	Балансовая стоимость имущества	26	Баланс (Итоги баланса)
11.	Товары и материалы	27.	Балансовая прибыль
12.	Наличность и ценные бумаги	28.	Прибыль к распределению
13.	Дебиторы	29.	Дивиденд (общая сумма)
14.	<u>Дебиторы. Векселя</u>	30.	Дивиденд (в процентах)
15.	Прочие статьи	31.	Отчисления в капиталы компании
16.	<u>Статьи, подлежащие погашению</u>	32.	<u>Прочие отчисления</u>

Новые статьи, не встречавшиеся в коде публикации балансов, подчеркнуты.

2. **Фальсификация** – искажения, нарушающие реальность данных отчетности, которые, как правило, ведут к получению неверных ключевых финансовых результатов предприятия.

Типичными приемами вуалирования баланса являются следующие:

Объединение разнородных сумм в одной балансовой статье. Примером такого рода может служить объединение в статье «Дебиторы» задолженностей разной природы, в том числе задолженностей «низкого качества», т.е. маловероятных для взыскания. Такое объединение дает неверное представление о структуре **актива** компании.

Взаимопогашение статей актива и пассива. Часто вместо статей «Дебиторы» и «Кредиторы» можно видеть в балансе только разность, приведенную по одной из этих статей после неправомерного (некорректного) взаимозачета. Результатом этой операции, как правило, является сокращение суммы обязательств и, следовательно, увеличение доли собственного капитала в составе совокупных пассивов, а также искажение реального соотношения имущества предприятия и его долгов.

Среди приемов фальсификации выделим следующие:

Невключение в баланс некоторых статей. В результате невнесения, например, такой статьи как «Расходы будущих периодов» величина прибыли уменьшается, а доля труднореализуемых активов в составе оборотных средств сокращается. Иногда возникает ситуация, обратная рассмотренной, т.е. в баланс не попадают расходы, которые имеют отношение к данному периоду, но оплата которых отложена на будущее. В результате такой операции завышается прибыль, занижается кредиторская задолженность.

Включение в баланс сумм, подлежащих списанию. Например, внесение в баланс стоимости некачественной готовой продукции, которая не подлежит реализации, или величины долга, оплата которого нереальна, неправомерно завышает средства предприятия и фактивно увеличивает прибыль.

Произвольная оценка статей баланса. На практике существует возможность преувеличить оценку актива и преуменьшить оценку пассива с тем, чтобы завысить величину собственного капитала и «создать» излишнюю прибыль. Или можно, наоборот, занижить прибыль, искусственно преуменьшив оценку актива и преувеличив оценку пассива. На практике основные статьи пассива в значительно меньшей степени поддаются искажению⁴, чем статьи актива, поэтому манипулируют, главным образом, последни-

ми. Иногда компании заинтересованы в том, чтобы, зависив итоги актива, показать высокую прибыль, которая позволяет оправдать дивиденды или обосновать ходатайство о разрешении выпуска новых акций, паев и облигаций⁵. Впрочем, компании с постоянным ограниченным составом акционеров обычно склонны использовать осторожную, заниженную оценку актива⁶.

Разные способы сокрытия прибылей и убытков созданием скрытых резервов. Одним из способов создания скрытых резервов является завышение амортизации основных капиталов. Этот прием приводит к увеличению себестоимости продукции, снижению фактической прибыли, а также к занижению текущей (без амортизации) стоимости основных капиталов⁷. Существуют также прямые способы сокрытия прибылей текущего года: «отчисления в резервные фонды», «на дела благотворительности», «тантъем», «спisyвание долгов и убытков прежних лет». Эти способы искажают оценки рентабельности.

В целом по совокупности балансов наиболее серьезные последствия как для достоверности, так и для сопоставимости данных рассматриваемого источника имеет манипулирование статьей **Амортизационный капитал**. Остановимся несколько подробнее на этом моменте. Сознательное манипулирование указанной статьей баланса было распространено в начале XX в., причем оценка амортизации зависела от мотивации компании. Амортизационные отчисления нередко преувеличивали, чтобы укрыть прибыли от обложения. Впрочем, акционерные общества, которые заботились о выдаче дивидендов, не были заинтересованы в таком сокрытии. Они использовали другие приемы для достижения своих целей. Склонность к искусственному понижению амортизационных отчислений была массовой в трудные для промышленности годы, поскольку акционерные общества стремились, несмотря на реальные убытки, выдавать своим акционерам дивиденды и «не уронить биржевого курса акций»⁸.

Амортизационные отчисления являются важной составляющей баланса предприятия. Они предназначены для компенсации износа капитала, его восстановления и накопления. Существуют два способа отражения этой информации в балансе.

Первый способ – в пассиве баланса появлялась статья **Амортизационный капитал**, в которой накапливались амортизационные отчисления, а в активе предприятий **Имущество** было показано без амортизации, что завышало стоимость имущества, которое реально изнашивалось и обесценивалось. *Второй способ* – износ ежегодно списывался с **Имущества** без отражения начисленных амортизационных капиталов в пассиве. Такой разницей в учете приводил к нарушению сопоставимости двух статей баланса.

Некоторые выводы: 1. Наиболее опасны для искажения балансов методы фальсификации, на выяснение которых и следует обратить особое внимание при анализе источника. Напомним, что на стадии подготовки к публикации балансы унифицировались, сводились к единой форме и, следовательно, неизбежно искажались за счет того, что лишались имеющейся в отдельных балансах детализации. Правда, часть более подробной информации сохранялась в сводках в виде сносок и примечаний, которые вполне можно использовать для восстановления деталей балансов, что мы и учитывали при модификации структуры баланса.

2. Как показал анализ источника, часть предприятий не проводила по балансам амортизационных капиталов, а другая часть (причем, большая, если смотреть на всю совокупность опубликованных балансов) учитывала амортизационный капитал и давала номинальную оценку имущества. Вслед за П.В.Олем⁹ к статье **Имущество** исходной структуры баланса добавим две другие статьи: **Погашение** (амортизационный капитал из пассива, без амортизационных отчислений за отчетный операционный период) и **Балансовая стоимость имущества** (первоначальная стоимость имущества с вычетом капитала погашения за предыдущие годы). Эта операция дает возможность получить более достоверные оценки размеров имущества (с учетом износа), а также позволяет корректно сравнивать имущество предприятий, то есть решает проблему сопоставимости для разных сис-

тем учета. Эти преобразования по понятным причинам используются только по отношению к действующим предприятиям.

Заключение

Настоящая работа началась с оценки состояния источника и выявления его недостатков. К недостаткам источника следует отнести наличие ошибок и опечаток в данных, а также искажение информации, причиной которого являются как осознанные действия составителей балансов, так и подготовка балансов к публикации, ведущая к атрегированию данных и освобождению от деталей.

Была сделана попытка разобраться в особенностях источника, выявить мотивацию составителей к искажению информации в нем и возможные способы фальсификации данных источника, оценить степень воздействия этих способов на качество данных.

Подведем итоги анализа источника и суммируем те возможности, которые позволяют исправить его и улучшить.

Учет некоторых правил составления бухгалтерской отчетности, а также наличие взаимосвязей между элементами учетной системы позволяют находить и исправлять ошибки источника, унифицировать данные разных балансов.

Целенаправленная модификация балансов, которая строится с учетом специфики источника, позволяет увеличить информативные возможности данных и повысить их качество (достоверность и сопоставимость).

В результате источник приобретает не только новый модифицированный вид, но и новое качество – аргументированно исправлены некоторые погрешности и ошибки данных, некоторые данные восстановлены, в частности, «возраст» предприятий. Модифицированный (в заметной мере исправленный) источник позволяет проводить финансовый анализ, используя богатые возможности пакета Excel.

Перспективы дальнейшего совершенствования источника

Можно ли утверждать, что балансы избавлены от ошибок и фальсификации? Безусловно, нет! Однако отметим, что возможности исправления и улучшения источника ещё не исчерпаны.

Дело в том, что существуют отраслевые закономерности, которые проявляются в динамике¹. Назову некоторые из них – соотношение основного и оборотного капитала, доля в основном капитале товаров и материалов, отношение амортизации к имуществу, размер капитала, приходящегося на рубль продукции, соотношение между своими и чужими капиталами специфичны для разных отраслей. Этим можно воспользоваться для дальнейшего улучшения источника, а именно для решения проблем адаптации балансов акционерных промышленных предприятий конца XIX – начала XX в. к современным требованиям составления балансов с целью использования современных методов финансового анализа.

Приложение

Примеры исправления ошибок источника

Как упоминалось, особенность источника – равенство левой и правой части баланса – позволяет обнаруживать ошибки и опечатки данных. С этой целью в Excel введены три контрольных столбца (рис. 1, 2, 3, 4)¹¹. В первом из этих столбцов вычисляется разность между суммой статей **Актива** и величиной **Баланса**, во втором – разность между суммой статей **Пассива** и величиной **Баланса**, в третьем – разность между суммой статей **Актива** и суммой статей **Пассива**. Отличие рассчитанных в этих столбцах значений от нуля свидетельствуют о наличии ошибок.

На рис. 1 легко увидеть ошибку в балансе Товарищества Щедровского завода. Равенство левой и правой части баланса здесь соблюдается (последний столбец), но как **Актив**, так и **Пассив** превосходят величину **Баланса** на 400 тыс. руб. Отсюда можно сделать вывод о том, что ошибка (скорее всего, это опечатка) кроется в величине **Баланса**. Исправим ее (см. рис. 2).

Рисунок 1

Торгово-промышленные акционерные компании в 1912 г. Источник: Ежегодник МФ. Выпуск 1914 г.

Наименование компании	Дата баланса	Актив		Пассив			Control_3
		Баланс	Капиталы	Control_1	Control_2	Control_3	
		Имущество	Основной	Актив - Баланс	Пассив - Баланс	Актив - Пассив	
Тов. Щедровского з-да	01.04.1911	433 791	1 713 701	400 000	-400 000	-400 000	0
Общ. Эльжбетовск. з-да	19.07.1910	1 814 413	3 121 340	600 000	0	0	0

Рисунок 2

Торгово-промышленные акционерные компании в 1912 г. Источник: Ежегодник МФ. Выпуск 1914 г.

Наименование компании	Дата баланса	Актив		Пассив			Control_3
		Баланс	Капиталы	Control_1	Control_2	Control_3	
		Имущество	Основной	Актив - Баланс	Пассив - Баланс	Актив - Пассив	
Тов. Щедровского з-да	01.04.1911	433 791	1 313 701	400 000	0	0	0
Общ. Эльжбетовск. з-да	19.07.1910	1 814 413	3 121 340	600 000	0	0	0

На рис. 3, как показывают контрольные столбцы, есть ошибка в статьях **Пассива** баланса Товарищества Лознянско-Литинского завода, составленного на 01.05.1912 г. Для обнаружения ошибки и определения ее размеров использованы балансы этого товарищества на другие даты. Поскольку **Основной капитал** является устойчивой характеристикой, редко изменяется, и в случае изменения ведет к заметным последствиям для других статей баланса, то реальным является предположение о том, что в рассматриваемом балансе мы видим опечатку. На рис. 4 она исправлена.

Рисунок 3

Балансы Товарищества Лознянско-Литинского завода за ряд лет

Наименование компании	Дата баланса	Актив		Пассив			Control_3
		Баланс	Капиталы	Control_1	Control_2	Control_3	
		Имущество	Основной	Запасный	Актив - Баланс	Пассив - Баланс	Актив - Пассив
Тов. Лознянско-Литин з-да	01.05.1912	392 229	800 000	49 930	0	500 000	-500 000
Тов. Лознянско-Литин з-да	01.05.1911	381 157	300 000	48 787	0	0	0
Тов. Лознянско-Литин з-да	01.05.1910	376 441	300 000	48 370	0	0	0

Рисунок 4

Балансы Товарищества Лознянско-Литинского завода за ряд лет

Наименование компании	Дата баланса	Актив		Пассив			Control_3
		Баланс	Капиталы	Control_1	Control_2	Control_3	
		Имущество	Основной	Запасный	Актив - Баланс	Пассив - Баланс	Актив - Пассив
Тов. Лознянско-Литин з-да	01.05.1912	392 229	300 000	49 930	0	0	0
Тов. Лознянско-Литин з-да	01.05.1911	381 157	300 000	48 787	0	0	0
Тов. Лознянско-Литин з-да	01.05.1910	376 441	300 000	48 370	0	0	0

Примечания

- ¹ Ежегодник министерства финансов. Выпуск 1902 года – Выпуск 1915 года. Спб., 1903 – Пг., 1915.
- ² Конечный финансовый результат деятельности предприятия представляется в виде балансовой прибыли или убытка.
- ³ Разумеется, это зависит от качества постановки бухгалтерского учета и отчетности на предприятии.
- ⁴ Поскольку капиталы акционерных предприятий облагались в России, они должны были учитываться достаточно точно и скорее преувеличивались, чем преуменьшались, так как согласно правилам промыслового обложения компании были заинтересованы объявлять более низкую, чем реальная, норму прибыльности.
- ⁵ **Росаховский А. К.** Балансы акционерных предприятий. Спб., 1910. С. 12.
- ⁶ Там же.
- ⁷ **Гиндия И. Ф.** Балансы акционерных предприятий как исторический источник. // Малоисследованные источники по истории СССР XIX – XX вв. (Источниковедческий анализ). М., 1964. С. 102.
- ⁸ **Струмилин С. П.** Проблема промышленного капитала в СССР. М.; Л., 1925. С. 27.
- ⁹ **Оль П. В.** Статистика акционерных обществ и паевых товариществ, обязанных публичной отчетностью, за 1911/12 год. Пг., 1915.
- ¹⁰ Я убеждена в наличии таких закономерностей и получала неоднократные подтверждения этому в работах как предшественников, так и о современном финансовом анализе предприятий.
- ¹¹ За недостатком места в рисунках скрываются часть столбцов и строк, наличие которых необязательно для обнаружения и исправления ошибки.

О. В. Ковтунова,

*Черноморский филиал Московского Государственного Университета
им. М.В. Ломоносова (г. Севастополь)*

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ
В ГОДЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(по архивным материалам Даниловской мануфактуры)**

Несмотря на то, что в последние годы появилось значительное количество работ по истории российского предпринимательства, в этой области социально-экономической истории существует еще много интересных и мало разработанных тем. Нередко это обусловлено ограниченным архивным материалом, используемым исследователями.

В Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) имеется интересный фонд одного из крупных московских текстильных предприятий – Даниловской мануфактуры, включающий в себя 2 206 единиц хранения и охватывающий документы с 1877 по 1918 г. Выбор этого предприятия в нашем исследовании не случаен. Даниловская мануфактура, основанная в 1867 г. купцом В.Е. Мещериным как ткацкая фабрика и спустя десять лет преобразованная в Товарищество Даниловской мануфактуры, стала одной из наиболее крупных текстильных фирм дореволюционной России. Рядом с ткацкой фабрикой были выстроены ситценабивная и бумагопрядильная фабрики, таким образом производство включало в себя полный цикл – от переработки хлопка до выпуска готовой ткани. Выпускавшаяся первоклассная продукция фабрики (простые и «фасонные» ситцы, набивная бумазая, фланель, сатин, бязь, батист) получала награды на всероссийских художественно-промышленных выставках.

Среди многочисленных архивных материалов предприятия особое внимание, в силу своей исключительности и обособленности, привлек такой вид источника, как фабричные объявления, являвшиеся одной из основных форм коммуникации рабочих и администрации¹. Через объявления рабочие получали информацию о жизни и работе фабрики, правилах внутреннего распорядка, новых узаконениях, об изменении расценок и дополнительных выплатах. Инициатива публикации объявления исходила от правления фабрики, желавшего объявить о каких-либо нововведениях или уточнить правила работы или официально определить на последние события.

Всего в фонде Даниловской мануфактуры было обнаружено 102 объявления, датированных 1887 – 1917 гг. Четкая хронологическая последовательность найденных документов позволяет предположить, что перед нами – полный перечень всех объявлений, изданных на предприятии в течение указанных 30 лет.

Уже при первоначальном анализе источника был отмечен интересный факт: две трети всех объявлений Даниловской мануфактуры относятся ко времени I мировой войны – 68 шт. за июль 1914 – 1917 гг., тогда как на остальные годы (1887 – 1914) приходится лишь 34 объявления. Конечно, мы ожидали неоднородного распределения количества документов по годам, но результат превзошел все ожидания. Столь хронологически непропорциональное соотношение объявлений позволило ввести их условное разделение на две группы: «двовоенные» и «военные».

Дальнейший анализ документов представил еще более интересные факты. Было отмечено, что выделенные две группы различались и по содержанию: если «двовоенные» объявления затрагивали в основном вопросы начала/окончания работ, правил техники безопасности и работы с различными машинами, то в «военных» объявлениях на первый план выходят вопросы поддержания ухудшающегося в годы войны материального положения рабочих и урегулирования конфликтных ситуаций.

Очевидно, что война внесла существенные коррективы в жизнедеятельность фабрики и в систему взаимоотношений фабричной администрации с рабочими. Также объявления фиксируют значительное повышение активности работников, неоднократно приводившее к кризисным ситуациям. При этом рабочие использовали как пассивные способы борьбы (невыход на работу, либо выход в недостаточном количестве), так и активные – от подачи ходатайств и требований до устройства митингов и забастовок.

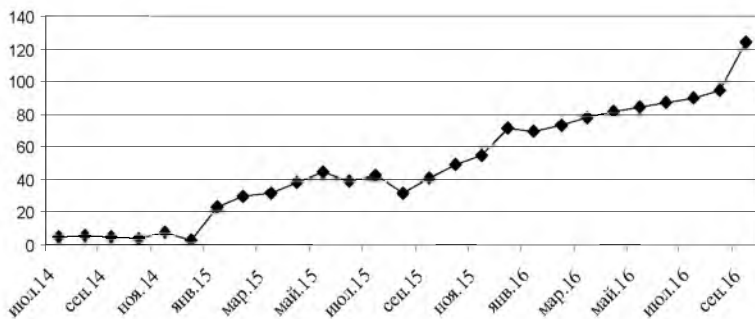
Трудности военного времени вынуждали правление Даниловской мануфактуры приспособляться к новым реалиям жизни. Тут закономерно поставить вопрос о том, как именно это происходило, какую мотивацию труда использовало при этом правление фабрики, какова была эффективность предпринятых мер. Немаловажной задачей является также выявление тех факторов, которые воздействовали на социальную политику администрации.

Есть основания предполагать, что основное воздействие на социальную политику правления Даниловской мануфактуры оказывала все возрастающая дороговизна жизни и связанная с этим же борьба рабочих за улучшение своего положения.

Естественно, что вследствие войны в России началась инфляция, которая привела к ухудшению материального положения всего населения, в том числе и рабочих. Рис. 1 отражает прирост значений индекса цен за каждый месяц в 1914 – 1916 гг., рассчитанных М.П. Кохном от среднего уровня цен 1913 г., принятого за 100. Как видим, инфляция в России с июля 1914 г. по сентябрь 1916 г. росла невиданными для страны темпами, поднявшись за два года более чем на 130 % от уровня 1913 г.²

Как отмечал С.Г. Струмилин, «рост дороговизны жизни не может не отразиться на денежном выражении оплаты труда, поскольку реальный уровень ее тяготеет к определенному стандарту средств существования»³. Поэтому в ситуации постоянного роста цен, правлению мануфактуры необходимо было увеличивать оплату труда рабочим для поддержания их материального положения, что и выразилось в «надбавках на военное время», выплата которых началась с лета 1915 г., и в повышении основной заработной платы.

Кроме того, на осуществление дополнительных выплат определенную роль сыграла и активизация борьбы рабочих за улучшение своего уровня жизни. Сведения о первом ходатайстве рабочих, поступившем в правление товарищества, относятся к февралю 1915 г. И хотя текста самого обращения рабочих среди архивных материалов не оказалось, ответ правления позволяет нам проследить перечень выдвигаемых требований. Очевидно, что главными вопросами, волновавшими рабочих, были материального характера: «о прибавке жалования, сдельной и поденной плат», квартирных плат, размеры вычетов за баню и т.п. В

Вс. 1

Динамика значений индекса цен за каждый месяц в 1914 – 1916 гг.

ответ правление объявило, что «в настоящее время никаких изменений сделать не может», хотя «уже озабочилось» этим вопросом и предполагает введение измененных положений после пасхального перерыва⁴. Последующее за этим поведение рабочих «когда они то бросают работу, то ее на время вновь начинают», было расценено администрацией как «дерзостное, дурное и угрожающее имущественным интересам фабрики» и повлекло за собой ее закрытие⁵. В данной ситуации правление задействовало довольно распространённый метод воздействия на рабочих – локаут. Через несколько дней после отпуска фабрики и расчёта всех ее работников публиковалось объявление о новом приеме на работу. Воязь лишиться средств к существованию вынуждала рабочих возвращаться на предприятия. Тем не менее все акции рабочих Даниловской мануфактуры, проведенные ими в феврале – начале марта 1915 г., принесли определенный результат: после пасхального перерыва были проведены изменения в финансовом обеспечении работников.

Так как в начале XX в. в России не существовало единой и обязательной для всех промышленных предприятий системы, определяющей размеры и способы вознаграждения труда фабричных рабочих, каждый предприниматель сам определял приемы стимулирования. Конечно, основной и наиболее значительной формой среди них была выплата заработной платы, но существовали и другие. На Даниловской мануфактуре практиковалась выплата наград в начале нового финансового года тем работникам, которые продолжали трудиться на фабрике после пасхального перерыва. Так, несмотря на то, что «рабочий год с Пасхи 1914 по Пасху 1915 был ненормален по ходу работ», правление товарищества «в заботах об улучшении быта рабочих и принимая во внимание вздорожание жизни, по случаю военного времени все-таки решило выдать награду», о чем и было объявлено в конце июня 1915 г.⁶

Кроме того, предпринимались и экстренные меры, ранее не использовавшиеся на предприятии. 8 июня 1915 г., «считаясь с вздорожанием предметов первой необходимости», правление товарищества нашло необходимым «в виде пособия, на все время войны, приплачивать всем рабочим за каждый рабочий день»⁷. В августе было объявлено об увеличении пособия, которое составило теперь, по сравнению с июнем, в два раза большую сумму⁸.

Представляет интерес схема построения объявления, использовавшаяся каждый раз при увеличении военных пособий: сначала фиксировалась новая надбавка, «независимо от приплаты, объявленной с... числа» (дата последнего увеличения), а затем производилось суммирование всех предыдущих надбавок, начиная с самой первой. Таким образом правление предприятия постоянно акцентировало внимание на все увеличивающейся сумме «общей прибавки»⁹. Однако, не ясно – посылали ли эти прибавки за ростом дороговизны, сохранялась ли реальная заработная плата рабочих?

Несмотря на произведенные надбавки летом 1915 г., в сентябре возникла следующая кризисная ситуация, предвлекшая закрытие фабрики. На этот раз до нас дошел текст требования рабочих, предъявленный правлению Даниловской мануфактуры 25 сентября 1915 г. Это довольно обширный перечень требований, состоящий из 17 пунктов и затрагивающий различные вопросы деятельности и быта фабричных рабочих (от вопросов больничного лечения и отсутствия продуктов первой необходимости в харчевой лавке до устройства в мастерских и клозетах вентиляторов, вешалок и умывалок с полотенцем, введения в спальных хозяйского освещения и даже вежливого обращения мастеров с рабочими и женщинами). Но, конечно, первые и основные положения этого документа касались улучшения материального положения рабочих: повышения заработной платы, платы за квартиру (тем, кто жил на вольных квартирах) и т.д. Также поднимался вопрос об уравнивании жалования женщинам, заменяющим труд мужчин, жалования рабочих мужчин и прибавок по случаю дороговизны¹⁰. В конце документа в ультимативной форме было потребовано получение ответа руководства на следующий день – 26.09 в 10 часов утра¹¹. Правление ответило в тот же день – 25 числа: «Обсудив требования рабочих ткацкой фабрики Правление Товарищества доводит до сведения рабочих, что, по обстоятельству данного времени, удовлетворить их оно лишено возможности»¹². Столь лаконичный ответ вызвал забастовку рабочих, а через три дня фабрика была закрыта владельцами¹³. Лишь 12 и 13 октября последовал очередной наем работников¹⁴, причем еще до этого, 10 числа, было объявлено о третьей «военной» надбавке¹⁵.

В дальнейшем поощрение продолжало оставаться основной формой мотивации труда на Даниловской мануфактуре. В декабре 1915 г. было проведено уже четвертое повышение надбавок¹⁶, а накануне пасхального перерыва 1916 г. администрация заявила, что, хотя рабочие лишились права на получение наград из-за остановки фабрики в октябре 1915 г., «в виде исключения и принимая во внимание продолжающуюся дороговизну жизни», было решено «наградные деньги рабочим выдать при условии, если рабочие после пасхального перерыва мирно приступят к работам и будут работать нормально»¹⁷ до заключения отчета, т.е. 28 июня». Это решение было вызвано появлением сведений о «некоторых группах рабочих, предполагающих нарушить нормальный ход работ на фабриках». Поэтому в очередной раз подчеркивалось, что правление строго следит за интересами рабочих и само, «без всякого понуждения, когда к тому было достаточно оснований», делало повышения заработной платы и военных пособий, а на «всякое же насильственное требование отвечало и будет отвечать отказом»¹⁸.

В этом случае (равно как и в прошлогоднем) такой вид мотивации труда, как наказание, бездействовал ввиду опасности развития очередной конфликтной ситуации между руководством предприятия и его работниками.

20 мая 1916 г. последовала пятая надбавка, и были отменены вычеты с рабочих за пользование фабричной баней на все время войны¹⁹. Через месяц – еще одно увеличение военного пособия²⁰. Но тем не менее в сентябре 1916 г. опять возникла угроза срыва работы фабрики, т.к. правление вновь объявило о своем отказе рассматривать требования, предъявляемые путем забастовок, и тут же, «приглашая рабочих к благоразумию», добавило, что «оно в настоящее время озабочено вопросом об улучшении их материального положения»²¹. Буквально через неделю было произведено очередное, седьмое, повышение пособия на дороговизну²². А с конца ноября 1916 г. началось и увеличение основного жалования в размере 10 % надбавки на каждый рубль заработной платы²³.

В 1917 г. ситуация на фабрике заметно ухудшилась, что было вызвано общегосударственным кризисом. Из-за «отсутствия подвоза топлива»²⁴ в середине февраля 1917 г. было объявлено о закрытии фабрики и окончании операционного года. Вынужденный пасхальный перерыв продолжался практически два месяца, фабрика была открыта лишь 11 апреля, когда возникла необходимость «срочного исполнения заказов для армии <...> и для частного потребления». Причем на предприятии был введен сверхурочный девятый час работы, который оплачивался в двойном размере²⁵.

В течение 1917 г. уровень заработной платы рабочих Даниловской мануфактуры продолжал повышаться, параллельно росли и квартирные выплаты, и военные прибавки, и другие виды «побавочных вознаграждений» (приплаты за харчи, деньги на дороговизну и т.д.)²⁶. Также существовала практика одновременных выплат каждому работнику («поштучная приплата») ²⁷. Тем не менее появление «частых и разноречивых заявлений рабочих» летом 1917 г. привело к попытке ряда фабрикантов текстильных предприятий Москвы (Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры, Товарищества Э. Циндель, Товарищества А. Любнер и Товарищества Даниловской мануфактуры) «вести у себя однородную как оплату труда, так и оплату условий жизни в казармах», «продажу продуктов по твердым ценам, увеличение временного военного пособия»²⁸. Источник показывает, что районное Общество фабрикантов прядильно-ткацкого и ситценабивного производства г. Москвы (включившее в себя также Товарищество Рябовской мануфактуры) в октябре, а затем в декабре 1917 г. провело очередные повышения как основного жалования, так и дополнительных вознаграждений²⁹. Нам неизвестно, были ли реально осуществлены положения, выработанные Обществом текстильных фабрикантов, т.к. во-первых, в архивном деле эти документы были помечены как «неосуществленные»³⁰, а во-вторых, в объявлении от декабря 1917 г. отмечается, что «Общество категорически настаивает на немедленном освобождении всех арестованных представителей промышленности без чего ведение каких бы то ни было дальнейших переговоров является невозможным»³¹. Это замечание позволяет нам судить о той критической ситуации, в которой оказалось предприятие и его руководство в конце 1917 г. Тем не менее правление Даниловской мануфактуры пыталось стабилизировать ситуацию традиционным и хорошо проверенным методом поощрения – увеличением выплат работникам.

Важная роль поощрения (прежде всего в материально-денежной форме) в системе мотивации труда рабочих неоднократно подчеркивалась исследователями и в очередной раз подтвердилась на данных Даниловской мануфактуры. Мы увидели, что на протяжении военных лет шло постоянное увеличение как количества выплат, так и их числовых коэффициентов.

Для большей наглядности ниже приведена таблица, демонстрирующая увеличение «военных» прибавок рабочим на протяжении 1915 – 1916 гг.

Таблица 1

Месяц, год	Мужчины (руб. в день)	Женщины (руб. в день)	Подростки (руб. в день)
Июнь 1915 г.	0,08	0,05	0,06
Август 1915 г.	0,16	0,10	0,12
Октябрь 1915 г.	0,24	0,18	0,20
Декабрь 1915 г.	0,34	0,28	0,30
Май 1916 г.	0,46	0,40	0,42
Июнь 1916 г.	0,60	0,50	0,55
Октябрь 1916 г.	0,70	0,60	0,65

Тем не менее сведения о периодически возникающих волнениях на фабрике, а также о «неоднократных и все увеличивающихся случаях похищения товара рабочими»³² вызвали закономерный вопрос об эффективности производимых выплат и их соотношения с ростом дороговизны в России.

Специально для этого мы вновь обратились к индексам цен по Кохну и сравнили их с темпами роста заработка рабочих, учитывая все надбавки и повышения. Так как расчеты Кохна охватывают индексы дороговизны с июля 1914 по сентябрь 1916 г., то нами, соответственно, использовались данные о пособиях, введенных в этот период времени. Для расчета темпов увеличения выплат рабочим в качестве базового показа-

теля был взят размер усредненного предвоенного жалования московских рабочих-текстильщиков³³. Затем были построены графики (рис. 2), отражающие рост дороговизны и рост надбавок, выплаченных рабочим Даниловской мануфактуры в годы войны.

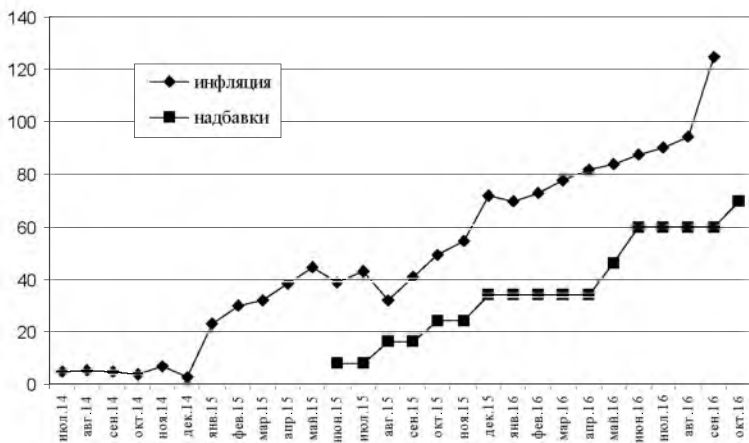

Рис. 2.
Динамика роста дороговизны и надбавок,
выплаченных рабочим Даниловской мануфактуры

График показывает, что, несмотря на указанные ранее повышения заработной платы и введение дополнительных надбавок, показатели инфляции имели большее значение. На протяжении 1914 – 1916 гг. заработки рабочих так и не достигли реального уровня цен в стране, хотя номинально шло постоянное увеличение доходов. Таким образом предпринимаемые руководством фабрики попытки поддержать материальное положение рабочих во время I мировой войны были сведены на нет постоянно возрастающей инфляцией.

К сожалению, мы не располагаем точными данными по росту дороговизны в России в 1917 г., но, очевидно, события 1917 г. привели к дальнейшему росту инфляции и к еще большему ухудшению положения рабочих Даниловской мануфактуры.

В заключение следует отметить, что Первая мировая война и связанная с ней инфляция потребовали особого внимания предпринимателей и корректировки применявшейся системы мотивации труда: основной упор был сделан на поддержание более-менее приемлемого уровня жизни работников. Немалую роль сыграли и сами рабочие предприятия: их борьба за улучшение собственного материального положения «подстегивала» правление, ускоряла процесс увеличения заработков. Но предпринимаемые меры так и не принесли должных результатов. Возникновение и развитие кризисных ситуаций на фабрике в годы войны доказывают нам недостаточную эффективность политики, проводимой правлением Даниловской мануфактуры.

Данная работа – лишь первая попытка ответить на вопросы о характере изменений социальной политики и трудовых отношений на российских предприятиях в годы войны, используя при этом довольно необычный и интересный источник. Рассмотрение объявлений как формы коммуникации фабричной администрации с рабочими позволяет проследить существенные аспекты процесса формирования новой модели социальной политики предпринимателей, учитывающей фактор растущей дороговизны жизни в условиях затянувшейся войны.

Примечания

- ¹ На объявления как особый тип делопроизводственной документации было обращено внимание и в статье А.Ю. Володина «Объявление как форма коммуникации фабричной администрации с рабочими (по материалам объявлений фабрик Товарищества Мануфактур Н.Н. Коншина в октябре 1905 гг.)» // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородинки. Вып. 8. М., 2002.
- ² См.: **Кочин М.П.** Русские индексы цен. М., 1926. С. 12 – 14.
- ³ **Спрумлилин С.Т.** Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 110.
- ⁴ ЦИАМ, ф. 331, оп. 1, д. 1540, л. 29.
- ⁵ Там же, л. 30, 31.
- ⁶ Там же, л. 38.
- ⁷ Там же, д. 1452, л. 9.
- ⁸ Там же, л. 10.
- ⁹ Там же, л. 9.
- ¹⁰ На тот момент времени военная надбавка составляла 16 коп. для мужчин, 12 – подросткам и 10 – женщинам ежедневно. ЦИАМ, ф. 331, оп. 1, д. 1452, л. 10.
- ¹¹ ЦИАМ, ф. 331, оп. 1, д. 1540, л. 43.
- ¹² Там же, л. 39.
- ¹³ Там же, л. 41, 42.
- ¹⁴ Там же, л. 44.
- ¹⁵ Там же, д. 1452, л. 12.
- ¹⁶ Там же, л. 14.
- ¹⁷ Подчеркнуто составителями документа.
- ¹⁸ Там же, л. 15.
- ¹⁹ Там же, л. 17.
- ²⁰ Там же, л. 18.
- ²¹ Там же, д. 1540, л. 46.
- ²² Там же, л. 1452, л. 20.
- ²³ Там же, л. 23.
- ²⁴ Там же, л. 26 – 30.
- ²⁵ Там же, л. 1540, л. 48, 49.
- ²⁶ Там же, л. 1452, л. 31.
- ²⁷ Там же, л. 32, 39.
- ²⁸ Там же, л. 36, 37.
- ²⁹ Там же, л. 39, 41 – 45.
- ³⁰ Происхождение рукописных пометок неизвестно.
- ³¹ ЦИАМ, ф. 331, оп. 1, д. 1452, л. 43, 44, 45.
- ³² Там же, л. 13.
- ³³ В среднем взрослые мужчины-рабочие московских текстильных предприятий получали около 1 руб. в день, или соответственно, 20 – 25 руб. в месяц. См., напр.: **Валеев Т.Я.** К вопросу о роли заработной платы в мотивации труда рабочих-текстильщиков в Московской губернии начала XX в.: [http // www.hist.msu.ru/labour/member.htm](http://www.hist.msu.ru/labour/member.htm)

В. В. Керов,

доктор исторических наук,

Российский университет дружбы народов (г.Москва)

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ, ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

В современном мире хозяйственная деятельность в еще большей степени, чем в прошлом человечества, представляет собой важнейший фактор не только социально-экономического развития, но и политической жизни общества. Огромное влияние в этом аспекте оказывают как результаты бизнеса, так и его методы, обусловливаемые в значительной степени соответствующей системой деловой культуры.

Бизнес-культура как система норм, ценностей и установок, реализующихся в повседневной хозяйственной жизни, обеспечивает, организует и регулирует экономическую практику общества. Вопрос о возможности создания современного общества, благополучного в социально-политическом отношении в условиях предпринимательства,

приносящего плоды лишь узкой деловой «верхушке», имеет, очевидно, риторический характер. Предпринимательская культура в России вполне адекватна общесоциальной ситуации. Общественное мнение почти единодушно признает ее «нецивилизованный» характер и в качестве выхода из положения предлагает принять за образец деловую культуру западного сообщества.

Действительно, после десятилетий, когда предпринимателями можно было условно считать лишь «красных директоров» и их снабженцев, а все достижения дореволюционной деловой культуры были утеряны, это кажется единственной альтернативой нынешней бизнес-культуре отечественных предпринимателей — олигархической наверху и криминализированной — во всех слоях. Но в современной России декларируемые образцы западной этики бизнеса с трудом приживаются. Они вообще отвергаются большей частью отечественных предпринимателей или подвергаются специфической трансформации.

Западная этика предпринимательства прошла длительное развитие, корни которой находятся в периоде позднего средневековья и раннего нового времени. Это продукт иного, чем в России, цивилизационного развития, и речь может идти лишь об адаптации его элементов к российским социокультурным традициям. Попытки механического перенесения важнейших компонентов зарубежной деловой культуры в российское общество, в иную цивилизационную среду, несмотря на «достижения» глобализации, практически несостоятельны. Прямое внедрение заимствованных образцов бизнес-этики даже законодательным путем не приводит (и не может привести) к положительным результатам, что неоднократно демонстрировала (и демонстрирует ныне) российская история.

В этой связи обращение специалистов в области истории и теории предпринимательства и в не меньшей степени публицистов к российскому прошлому объясняется не только академическим интересом, но и надеждой познакомить современных российских «капиталистов» с выдающимися примерами их давних предшественников. Цель представления в литературе подобных примеров часто определяется стремлением способствовать тем самым формированию «корректной» деловой культуры, близкой от западной.

Чаще всего поиск «корней» аутентичной российской бизнес-культуры реализуется в представлении неких образцовых представителей делового мира старой России, тем более что в большинстве случаев игнорируются духовные факторы эволюции культуры предпринимательства. Формирование фактически внеисторических образцов лишает подобные усилия какой бы то ни было эффективности, приводя подчас к обратной реакции, в результате которой отвергается сама возможность освоения нормальной деловой этики. В лучшем случае исторический образ превращается в мертвую абстракцию былинного героя или чудесным образом дарованную икону. Последняя может служить объектом всеобщего поклонения, но никогда (по крайней мере в рамках российской цивилизации) — предметом массового подражания. Критика «отсталой» деловой культуры предпринимателей XIX — начала XX в. с приведением примеров «купецкой ловкостью» и других признаков традиционализма не более результативна и в не меньшей степени неадекватна исторической действительности.

В то же время необходимость исторического исследования отечественной деловой культуры не вызывает сомнений. Осуществление подобного исследования связано с серьезными трудностями, прежде всего связанных со спецификой отражения исторического материала в источниках. Даже в современную эпоху очень сложно выявлять статику и динамику деловых отношений и их особенностей¹. Авторы программы социологического мониторинга деловой среды подчеркивают, что «наши представления о развитии деловой культуры», основаны на «обманчивых бытовых наблюдениях», сообщениях, тяготеющих к крайностям СМИ, «журналистских домыслах», стремлении придать «частным случаям статуса типичной ситуации» и т.п. Выход социологи видят в развернутом научно-практическом мониторинге.² Последний, очевидно, невозможен в историческом исследовании.

В результате истории не могут дать аргументированных дефиниций бизнес-культуры прошлого, сталкиваясь с типичными свидетельствами современников, наподобие дан-

ного П. Вистенгофом в начале 1840-хх гг.: «Сорядочный купец вас не обочтет, не обмеряет и не обманет ценою; беспорядочный же — только развесите уши, так обкарнает и продаст такой сентиментальный товар, что вы и дома не скажетеся»³. Анализ дел коммерческих и уголовных судов также не вносит ясность, так как дает лишь череду отрицательных казусов. Многочисленные мемуары содержат категоричные взаимоисключающие оценки или (чаще) перечень «хороших» и «плохих» примеров⁴ и отражают лишь ролевой уровень деловой культуры⁵. Аналогично составлены распространенные «бытовые» описания деловой жизни, изобилующие примерами анекдотического характера⁶.

Некоторые возможности (в особенности в отношении ценностно-нормативного уровня деловой культуры⁷) предоставляют метод ретроспективного анкетирования⁸. Но и он, оставаясь методом «анализа образцов» и сохраняя потому по микроисторический своей сути характер, может быть корректно использован лишь по отношению к отдельным представителям предпринимательского сообщества XIX — начала XX в. и дает результаты, которые непросто экстраполировать на достаточно высокий уровень типичности.

Более эффективным представляется использование методик, разработанных современными зарубежными⁹ и отечественными социологами, в частности в рамках исследования под эгидой Национального фонда РДК при ТПП РФ. Здесь содержатся элементы, принципиально реализуемые в историческом плане: выявление и классификация основных предпринимательских типов с точки зрения характера их деловой культуры; определение болевых точек в области деловых отношений, учет региональных особенностей. Определяются и конкретные «блоки зависимых переменных» деловой культуры, в том числе способов взаимодействия с органами власти, основные проблемы в деловых отношениях, типовые реакции на нарушение обязательств, формирование сетей неформальной поддержки и предпринимательских сообществ, практика сбора деловой информации и многое другое.¹⁰ Однако и при реализации исследования истории нашей бизнес-культуры найденные в источниках данные по этим блокам не дают возможность полноценным образом решить «проблему экстраполяции».

В этой историографической и методологической ситуации наиболее результативным представляется иной подход, использующий явление целостности социокультурной системы общества, соответствующую сопряженность деловой культуры и культуры социума. Этот подход основан на элементах социологических концепций, прежде всего Т. Парсонса.

Уже Э. Дюркгейм считал необходимым учитывать в экономической деятельности «неконтрактный элемент контракта». М. Вебер писал, что действия людей (в том числе в хозяйственной сфере) может быть мотивировано или детерминировано: 1) целерационально — «оценкой и учетом как „условий“, так и средств для достижения рациональных целей»; 2) ценностнорационально — «благодаря осознанному убеждению в абсолютной (самой по себе) ценности данной линии поведения, совершенно независимо от результатов» и форм «ценности»: эстетической, этической и пр.; 3) аффективно — «эмоционально, благодаря аффектам и состоянию эмоций»; 4) традиционно — «благодаря устоявшейся практике»¹¹. Соответственно современная социология считает, что экономическое поведение — «это система социальных действий, которые, во-первых, связаны с использованием различных по функциям и по назначению экономических ценностей (ресурсов) и, во-вторых, ориентированы на получение пользы (выгоды, вознаграждения, прибыли) от их обращения»¹², но мотивы¹³ хозяйственной деятельности имеют не только и не столько рациональный экономический характер.

Во многом развивавший идеи Вебера В. Парето настаивал, что социальное действие, в том числе экономическое, «представляет собой сложнейший комплекс традиционных, инстинктивно-подсознательных, стереотипных и прочих элементов, в структуре которого рациональное занимает не всегда ведущее место». Анализ социального действия «нельзя свести к рациональной реконструкции различных схем логики-экспериментального вывода». Интересы, предпочтения и методы экономического выбора «лежат за пределами формальной... рациональности»¹⁴.

Развивая эти идеи, Т. Парсонс сформулировал концепцию «социального действия»¹⁵. Он считал историю, экономику, социологию и прочие науки о поведении человека (социальном действии). Парсонс еще в конце 1930-х гг. отмечал, что мотивация предпринимательской деятельности в рамках теории «корыстной заинтересованности» (на основе рационального стремления к наибольшей выгоде) отчасти неверна¹⁶, а отчасти скрывает сложный комплекс нравственных, социальных, культурных и иных факторов, часто неосознаваемых. Парсонс сделал вывод, что распространение пресловутого стяжательства, характерного для капиталистического общества, «вообще мало связано с прямым действием элемента эгоистического интереса мотивации типичного индивида. Оно связано с особой институциональной структурой, которая сложилась в странах Запада»¹⁷, — т.е. с сформировавшейся длительное время системой ценностей, представлений и установок.

«Экономическая рациональная мотивация» — «это вообще не категория мотивации как таковой, а скорее точка, в которой для ориентации в определенном типе ситуациях сходятся» взаимодействие нормативных институциональных моделей: нравственных норм, прав, «полномочий» — и личных стремлений, включающих желание повышения социального статуса, достижения удовлетворения амбиций, получения удовольствия, а также «эмоциональных привязанностей» и пр.¹⁸

Й. Шумпетер, Н.Д. Кондратьев и другие, вплоть до современных сторонников «новой экономической социологии» и ПСА-экономики, окончательно утвердили вывод о неверности абсолютизации принципа максимизации в анализе хозяйственных процессов¹⁹. Современные социологи отводят ключевую роль в формировании поведенческих мотивов играют так называемые ценности²⁰. В отличие от рациональных целей (по терминологии М. Вебера) ценностная детерминация обуславливает ситуацию, когда актор «ориентирует все свое действие на одну конкретную ценность, например, спасение души, которая абсолютна в том смысле, что все другие потенциальные ценности получают значение только как средства и условия, могущие помочь или мешать при достижении этой главной ценности»²¹. Ценностная ориентация «является комплексом строго определенных принципов, ведущих свое происхождение из взаимодействующих элементов, разрозненных с теоретической точки зрения... которые в своем синтезе составляют магистральное направление проявлений данной культуры, ее центральную тему, которые детерминируют собой различные человеческие поступки и которые дают ответы на то, что принято называть общечеловеческими проблемам»²².

Стабильные ценности формируют структуру институтов²³, основанных на общепринятой в данном обществе нравственности и/или «утопических» целях. Это и является «стабильным способом организации человеческой деятельности и мотивационных факторов»²⁴. Одним из основных элементов институциональной системы является система нравственных чувств (система восприятия нравственных норм).

Взаимодействие целей, ценностей, чувств и прочее имеет сложный характер. В действительности не только между рациональными целями, но и между ценностями и даже их сферами возникают ситуации конфликта. В реальной мотивации деятельности ценностные, в частности, компоненты оказывают влияние в комплексных процессах взаимодействия с другими элементами системы действия, а не реализуются непосредственно. Так, трансцендентная цель спасения души, как показывают источники, в определенные эпохи в ряде случаев воспринималась вполне рационально, а конфликт детерминаций снимался (или облегчалось его разрешение) аффективными мотивами — страхом перед огненной геенной, высоко эмоциональным эсхатологическим чувством. Ценности при этом могли ощущаться на чувственном, эмоциональном уровне, а аффективный мотив, по мнению Т. Парсонса, мог быть «интерпретирован в конечном счете так, чтобы включать ценностные элементы»²⁵.

Таким образом, изучая социальное, в данном случае хозяйственное действие, с социологической точки зрения необходимо провести анализ «институционального ас-

пекта социального действия», то есть выявить «действующие в социальных системах нормативные экспектации, коренящиеся в культуре и определяющие, что именно надлежит делать при тех или иных обстоятельствах людьми в различных статусах». Эти экспектации интегрируются с мотивами деятелей. Именно таким образом осуществляется сочленение «социальных систем с глубинными слоями личностных структур ее членов и с культурной системой, которая легитимизирует и другими способами ориентирует действия членов социальной системы»²⁶.

То есть в исследовании деловой культуры следует не только выявлять формы делового поведения, но прежде всего изучать генезис и эволюцию ценностей и институтов социума во взаимодействии с другими факторами обеспечивавшие мотивацию определенных форм хозяйственной практики, соответствующие установки и формирование деловой культуры конкретно-исторического сообщества. Наличие тех или иных ценностей и институтов, лежащих вначале цепочки, ведущей к определенным формам социального действия, дает возможность с полным основанием оценивать их как типичные, имевшие ограниченное распространение, или уникальные, решая тем самым упоминающуюся выше «проблему экстраполяции». Не менее важно, что характеристики (прежде всего структура – состав компонентов и способ их взаимной организации) выявленных ценностно-институциональных комплексов позволяют сформировать более точное и глубокое представление о деловой культуре, ее сущности и трансформациях. С применением указанного подхода и выявлению адекватных дефиниций конкретно-исторических деловых культур во многих случаях снимаются формальные историографические противоречия, прежде всего в проблеме «плохого» – «хорошего» делового поведения.

Примером может служить анализ некоторых элементов деловой культуры старообрядцев, обладавших целостной культурой предпринимательства, позволявшей развивать эффективное хозяйствование. В литературе существуют разногласия в отношении честности староверов в деловых отношениях.

Российские и иностранные исследователи во все периоды изучения старообрядчества придерживались мнения, что именно старообрядцы «пользовались репутацией самых честных дельцов в России»²⁷. Авторы новейших конкретно-исторических исследований также приходят к выводу, что в своей предпринимательской деятельности старообрядцы выделялись честностью²⁸.

Действительно, современники, не только доброжелатели, но и враги старой веры, сходились во мнении о том, что старообрядческое предпринимательство характеризовалось повышенной честностью. Даже в эпоху усиления аицизма и расширения зон секуляризации сознания (в конце XIX – начале XX в.) очевидцы «в западном крае» сообщали, что к предпринимателям-старообрядцам относились «с большим уважением как к деловым людям», они пользовались «большим доверием». Старообрядец, писал автор того времени, «не продаст гнилой товар за свежий по дорогой цене», но «раз назначив цену на товар, неохотно ее сбавляет...»²⁹ На востоке страны свидетели описывали торговлю «семейских» – староверов Забайкалья как исключительно честную: «Иные лукавые продавцы насыпают в мешок на дно и сверху хорошей муки, а середину наполняют плохой, также поступают с маслом, сбывают тухлые яйца, разведенное молоко и прочее; но семейский эти проделки считает за страшный грех!»³⁰

Об этом же свидетельствуют примеры из практики крупных предпринимателей-старообрядцев. Так, в первой трети XIX в. основатель династии Морозовых Савва Васильев первоначальный капитал составил при помощи высокой деловой нравственности. Современники и исследователи писали о том, что одним «из факторов его успеха была его репутация исключительной честности»³¹, накоплению «служила опять таки честность Саввы, которому окрестные крестьяне сносили деньги на хранение, тем самым, давая средства для оборотов»³². Позже само вхождение его сына Т.С. Морозова в правление общества Курской железной дороги обеспечило выдачу обществу Москов-

ским купеческим банком миллионного кредита «без обеспечения» как «прямо личный кредит правлению»³³.

В то же время другие авторы писали о деформациях деловой этики староверов, прежде всего проявлявшейся в допущении компромиссов с религиозной совестью в деловой сфере³⁴. По данным источников, в XVIII – первой половине XIX в. старообрядцы могли не платить фабричные налоги, подати «за билеты содержимых ими работников» фабрик, подделывать документы («отпускные», рекрутские квитанции, акты и пр.), печати судов, других государственных органов и т.д. Известны староверы, осужденные за «участие в делании фальшивой монеты» и «подделке и сбыте фальшивых кредитных билетов». Есть информация агентов полиции, внедренных в старообрядческую среду, о случаях подделывания староверами серебряных рублей³⁵.

По свидетельствам современников, старообрядцами высоко ценились «правдивость со своими и ловкая хитрость с нераскольниками, особенно с чиновниками»³⁶, а также со священством синодальной церкви. Священник одного из приходов Архангельской губернии, населенного староверами, писал начальству, что старообрядцы «считают не только позволительным, но и похвальным для себя обманывать никонианский причт, как в отношении служебных обязанностей, так и экономического быта». В рапорте указывалось на случаи, когда староверы «не додают денег, или вовсе ничего не дают» синодальным священникам³⁷. В небольшом числе случаев это касалось и предпринимательских аспектов деятельности старообрядческих общин. Так, например, в 1849 г. московский генерал-губернатор А.А. Закревский «обратил свой написку» на старообрядцев и купечество и запретил устраивать в Москве бумагопрядильни, шерстопрядильни и некоторые другие виды фабрик. Это, как писал Н.А. Найденов, «не соответствовало общему порядку дел и с самого издания закон нарушался многократно частью через комитет министров, частью обходом его через разрешение на устройство фабрик под другими названиями»³⁸. Вообще староверы приобрели «большое искусство в нарушении и обходе законов»³⁹ и активно участвовали в коррупционистской деятельности⁴⁰.

Отмеченное противоречие снимается при анализе на ценностно-институциональном уровне⁴¹. В современной зарубежной и отечественной литературе, посвященной не только истории экономики, но и теории предпринимательства, идея о системообразующем воздействии на предпринимательство религиозной этики и религии в ее конкретных формах является аксиоматичной. В первой половине XIX в. завершилось формирование староверческой духовной концепции дела как христианского подвига, ставшей ядром конфессионально-этической основы хозяйствования старообрядцев. В соответствии с этой концепцией дело, в т.ч. предпринимательское, представляло собой при определенных условиях «святое дело» и даже «школу святости»⁴². Значение дела в конфессиональной (в том числе сотериологической) системе староверия было так велико, что для деловых нужд допустимо было пойти на сознательное совершение грехов. Это относилось в частности к занятию делом в воскресенье, праздники и к другим случаям. Старообрядческие наставления почти открыто признавали такую возможность, назначая епитимью за подобный грех «по нужде» – в 100 колонов, и даже «без нужды» – в 300, что не представляло собой серьезного наказания⁴³.

Такое служение Господу в деле, тем более связанное с опасностью обладания собственностью, обязательно должно было ограничиваться строгим соблюдением христианских нравственных норм. Конфессиональные документы староверов специально обращали внимание на важность предпринимательства «по совести». Противное могло привести старообрядческого хозяина на путь сребролюбия и «лихоимства». «Горе лихоимцу яко богатство отбежит от него и огонь примет», – предупреждали старообрядческие сборники, – только «труды честных дел Божом никогда не могут быть забыты»⁴⁴.

Источники содержат конкретные нормы деловой практики ревнителей древнего благочестия. 23-е правило федосеевского собора 1751 г. подчеркивало: «Меры и весы, чтобы во христианах одни были, в которую купит, в ту же бы и продать и чтобы были

правдивые». Нарушение этого установления оценивалось как очень серьезное прегрешение: «Аще ж кто сему будет непослушен, такового и отец духовный не может разрешить (отпустить грех – В.К.)». «Сто статей московских поморского согласия» также предписывали строго наказывать «лихоимствующих» среди единоверцев⁴⁵.

Религиозная этика ни в одну историческую эпоху и ни в одном конкретно-историческом обществе не определяла поведенческую практику полностью и без исключений, являясь лишь ее доминантой. Но эта доминанта вызывала к жизни существенные и устойчивые тенденции в социальном праксисе. В данном случае «щание» староверов в деле, наложенное на эсхатологическое чувство и элементы повседневно методизма, не могло сочетаться с массовыми нарушениями религиозной этики. Последние в конфессионально-этической оценке могли быть приравнены к кощунству, о чем и свидетельствует строгость церковного наказания за «справленные» весы и пр.

Некоторые правила староверов предписывали честность в отношении не только единоверцев, но и «внешних». Так, выговские руководители с самого начала требовали от своих торговых агентов, «дабы и честное обхождение со внешними имели», руководствуясь, видимо, как христианскими нормами, так и соображениями безопасности выговской полулегальной торговли. Но позже сами выговцы отмечали, что «не вемы, каковым случаем.. толика полезная наставления во уничтожение приши». Есть сведения о нарушении этических норм в отношении представителей паствы официальной церкви и в дальнейшем. Современники из недоброжелателей старой веры отмечали, что некоторые из старообрядцев «за грех не считают пред Никонианами и немцами лгать, и их, яко еретиков, обманывают»⁴⁶.

Уровень распространения таких действий в отношении партнеров по сделкам невозможно определить, но в деловой практике они были единичными в отличие от взаимоотношений с государством. Кроме конфессиональных факторов здесь важно учитывать и отмечавшиеся исследователями особенности межсловных отношений, вызвавших к жизни двойной стандарт деловой этики⁴⁷.

Факторы, породившие эти нормы, имели конфессиональную основу, связанную со старой верой, хотя и не сводились к ней – конечно, взаимодействовали и общехристианская нравственность, осуждавшая обман и «лихоимство», и деловая нужда. Важно, что эволюция хозяйственной этики староверов сняла конфликт установок деловых людей из старообрядцев, со спокойной совестью занимавшихся предпринимательством, потерявшим статус «нечистого» дела. Но решающая составляющая, обеспечившая отмеченные отличия старообрядческого предпринимательства от аналогов своего времени, имела «старообрядческое» происхождение. И имевшиеся существенные изъятия из применения правил в деловой практике только подтверждали это.

Такие изъятия делались прежде всего для государства и господствующей церкви. Массированная коррупция в отношении органов власти и чиновников имела своей функцией обеспечение существования общины и материальной основы старой веры – предпринимательства. Готовность к «добровольным» воздаяниям чиновникам, нелегальным старообрядцами, по данным МВД, «за притеснение и лихоимство», получили свое идейно-конфессиональное обоснование, еще более полно раскрывающее цели старообрядческого предпринимательства. Внутренняя коррупция строго осуждалась, запрещалось делать что-либо для своих – «христиан» – «за дары» и т.д. Подношения нестарообрядцам без повода также были запрещены в старой вере («Внешним подарков.. без нужды не носить»), другое дело – для спасения и сохранения старообрядческих общин⁴⁸.

Старообрядцы, в частности федосеевцы, не различали налоги и взятки, объединяя их в понятие «дань». Они объясняли, что «дань» можно давать и «нечестивым», но именно за сохранение веры: «за что даем дань – не за службу, не за веру их, но за обладание и за имущую им власть по попущению святого Бога. Дабы никто не имел на нас гнева, во еже до конца обидети: аще требует враг злата – дадите, аще ризу –

дадите, аще почести — дадите, аще веру хоцет отъяти — мужайтесь всячески. Мы в последнее время живем и потому всяку дань даем всякому просящему, дабы не предал враг на муку, или бы не заточил в незнакомое место... Сам Владыко бежа от Ирода во Египет и в Кормей правила повелевакт давати злата и тем избежати муки; неповинна творит давшаго, а речет: лучше изволи потубити злато, нежели душу. ...не точию злато потубили, но милость Божию получили...»⁴⁹.

Поморцы приводили эти же цитаты из Евангелия от Матфея и толкования к ним из Благовестника и других сборников — «по Христовой заповеди даем гонителю злато и почесть, чтобы не обрел болши того притчю к мучительству»⁵⁰.

В других соглашениях воспроизводились те же тезисы. «Дань» властям предписывалась документом поповцев, изъятом полицией в Ярославской губернии: «деньгами откупающихся не винословить. Аще враг требует злата — дадите, аще почести — дадите», но подкуп оправдывался только тогда, «когда скоро, — комментировал чиновник МВД, — «дело касается личности или веры их». «Деньгами же откупающихся не винословити», — повторяли филипповцы. «Сто статей московских поморского соглашения» вторили: дань «сугубо содержания ради нужна древнего благочестия». Часовенные принимали на соборах «суждения», чтобы «Власть земную не оскорблять, но... дары им приносить, дабы тихо и безмолвно житие проживем»⁵¹.

Таким образом, точка зрения об отступлении от норм деловой культуры в отношении государства на ценностном уровне оказывается несостоятельной. Староверы в этих случаях вполне точно соблюдали институциональные установки. Более определенно можно оценить и сам характер старообрядческой деловой культуры, для которой государство и отдельные социальные группы не входили в число объектов применения строгих норм, олицетворяя мир антихриста и его предтеч. Это пример еще раз доказывает эффективность использованного подхода к изучению деловой культуры, сущность которой в иных случаях ускользает от исследователя.

Примечания

¹ Даже в серьезных исследованиях, в том числе зарубежных, постоянно встречаются мифогенные заявления о том, что российской деловой практике свойственны черты, сформировавшиеся (под воздействием климата, преобладания крестьянства, «беззащитного перед различными формами обольщения и т.д.») в течение многих веков: «чрезмерный коллективизм, апатия, подозрительность, пессимизм, малое жупничество, работа урывками» и пр. Часто список характеристики методов ведения дела российскими («русскими») предпринимателями вызывает лишь улыбку. См., напр.: **Льюис Р. Д.** Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 1999. С. 316 — 317, 321 — 322 и след.

² См.: Российская деловая культура: история, традиции, практика. М., 1998. С. 73.

³ **Висленгоф П.** Очерки московской жизни. М., 1842. С. 43.

⁴ Характерными представляются объемные воспоминания Н. Варенцова. См.: **Варенцов Н.А.** Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999.

⁵ Совокупность профессиональных требований, знания, умения и навыки, необходимые для ведения дела.

⁶ См., например: **Мельников А.П.** Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки (Столетие Нижегородской ярмарки 1817 — 1917). Н.-Новгород, 1917.

⁷ Совокупность идеальных норм и правил бизнес-поведения в представлениях конкретно-исторического сообщества предпринимателей.

⁸ См.: пример удачного применения метода в рамках анализа московской благотворительности XVIII — начала XX в.: **Ульянова Г.Н.** Благотворительность московских предпринимателей: 1860 — 1914 гг. М., 1999.

⁹ См., например: **Ягер Д.** Деловой этикет: как выжить и преуспеть в мире бизнеса. М., 1994. Приложение 1. Методы исследования и сбора; Business Ethics Teaching Society (<http://www.usi.edu>); DePaul University Institute for Business and Professional Ethics (<http://www.depaul.edu/ethics>); European Institute for Business Ethics (<http://nifenrce.nl/research/eibe.html>) и др.

¹⁰ См.: Российская деловая культура: история, традиции, практика. С. 73 — 79.

¹¹ Изд. по: **Парсонс Т.** О структуре социального действия. М., 2000. С. 157 — 158.

¹² **Верховин В.И., Зубков В.И.** Экономическая социология. М., 2002. С. 185.

¹³ Комплекс значений, который представляется самому актору или наблюдателю причинной основой его установок или действия (Парсонс Т. О структуре социального действия. С. 157).

- ¹⁴ **Верховин В.И., Зубков В.И.** Указ. соч. С. 27 – 28.
- ¹⁵ См.: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Отв. ред. Т. Парсонс. М., 1972.
- ¹⁶ Парсонс справедливо считал, что экономическая теория, связанная с указанным тезисом, была основана на кажущихся очевидными фактах и во всех своих модификациях не являлась результатом наблюдения и анализа, выполненных на эмпирическом уровне.
- ¹⁷ **Парсонс Т.** О структуре социального действия. С. 349.
- ¹⁸ Там же. С. 329 – 353.
- ¹⁹ См.: **Верховин В.И., Зубков В.И.** Указ. соч. С. 39, 45, 81 – 87 и др.
- ²⁰ В социологической терминологии – представления в той части, в которой они осознаются человеком, «общепринятые представления о желательном типе социальной системы, прежде всего об обществе в представлении его собственных членов» (Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972С. 368, 374).
- ²¹ **Парсонс Т.** О структуре социального действия. С. 158 – 159.
- ²² **Дурье С.В.** Психологическая антропология. М., Екатеринбург, 2003. С. 174, 177.
- ²³ Институты – нормативные модели, социально установленные нормы или образцы поведения (**Радклифф-Браун А.Р.** Метод в социальной антропологии. М., 2001. С. 275).
- ²⁴ **Парсонс Т.** О структуре социального действия. С. 338.
- ²⁵ Там же. С. 194, 252.
- ²⁶ **Парсонс Т.** Общий обзор. С. 365 – 368, 374.
- ²⁷ **Мельников П.И.** Очерки поповщины // Он же. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1898. Т. 13. С. 368; **Пайтс Р.** Россия при старом режиме. М., 1993. С. 312.
- ²⁸ См., например: **Варсукуев В.Л.** Петр III и предпринимательство в России // Сибирь в XVI – XX веках. Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 81.
- ²⁹ Цит. по: **Кириенко В.В.** Влияние старообрядчества на формирование менталитета восточных белорусов // Старообрядчество как историко-культурный феномен. Гомель, 2003. С. 111.
- ³⁰ **Замула И.Ю.** Из истории семейских Верхнеудинска в XIX – начале XX в. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ, 2001. С. 178.
- ³¹ **Кривошеин К.А.** Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 4.
- ³² **Шимарев Д.И.** Краткий очерк промышленности в районе Нижегородской и Шуйско-Ивановской железной дороги. СПб., 1892. С. 29.
- ³³ ОР НБ, ф. 322, оп. 41, д. 13, л. 20.
- ³⁴ См.: **Вражнина С.А., Наумова Т.Р.** Православный менталитет русского делового человека // Буржуазия и рабочие во второй половине XIX – начале XX века. Иваново, 1994. С. 27 и др.
- ³⁵ Дневные дозорные записи о московских раскольниках. Сообщено А.А. Титовым. М., 1885. С. 46, 48, 52, 61, 80, 92, 119 и др.; **Синяшин И.И.** Отчет «о расколе в Ярославской губернии» // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. Кельсиев. Лондон, 1862. Вып. 4. С. 177; **Попов К.** Раскол и его путеводители. М., 1901. С. 120.
- ³⁶ **Мельников П.И.** Указ. соч. Т. 13. С. 368.
- ³⁷ См.: **Власов А.Н.** Неизвестные материалы по истории старообрядчества на Севере // Старообрядчество: история и современность, местные традиции... С. 61.
- ³⁸ **Найденев Н.А.** Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903. Т. 1. С. 95.
- ³⁹ **Русляк О.** Старообрядческое Преображенское кладбище (как накопились капиталы в Москве) // Борьба классов. 1934. № 7 – 8. С. 75.
- ⁴⁰ Подробнее см.: **Керов В.В.** «Время купли наступает...»: Медиативные функции коррупции в отношении старообрядчества и власти в России XVIII – первой половины XIX в. // Вестник РГДН. Сер. История России. 2004. № 3. С. 7 – 17.
- ⁴¹ Подробнее см.: **Керов В.В.** «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. М., 2004.
- ⁴² См.: **Микаил (Семенов), еп.** Избранные статьи. СПб., 1998. С. 19 – 21, 22 – 24, 78 – 80, 89 и др.
- ⁴³ Правила собора федосеевцев 1 октября 1751 года. [Правило] Осмое. // Материалы для истории беспоповщинских согласий в Москве, федосеевцев Преображенского кладбища и Поморской моинского собрания / Сост. Н. [И.]. Попов. М., 1870. С. 41.
- ⁴⁴ ОР РГБ, ф. 734, л. 116, л. 198; **Вряцнев М.В.** Культура русского купечества (воспитание и образование). Брянск, 1999. С. 89.
- ⁴⁵ См.: **Иоаннов А., проп.** Полное историческое извещение о древних стригольниках и новых раскольниках... СПб., 1855. Ч. II. С. 44 – 45; Сто статей московских поморского согласия // Материалы для истории беспоповщинских согласий в Москве... С. 210.
- ⁴⁶ РНБ. Собр. Вяземского. Q 2, л. 32 – 32 об.; **Иоаннов А.** Полное историческое известие... С. 67. См. также: **Попов К.** Раскол и его путеводители. С. 235.
- ⁴⁷ Речь идет о «враждебной ненависти» к «благородным», обмен которых, по свидетельствам, некоторые купцы (без указания на конфессиональную принадлежность) считали поводом для открытой похвальбы. См.: **Куприянов А.И.** Представления о труде и богатстве русского купечества дореформенной эпохи // Менталитет и культура предпринимателей России XVII – XIX вв. М., 1996. С. 94 – 97).

- ⁴⁸ **Славин И.И.** Отчет «О расколе в Ярославской губернии». С. 137; Таменские статьи // Духовная литература староверов Востока России XVIII – XIX вв. Новосибирск, 1999. С. 460.
- ⁴⁹ Не что вроде апологии федосеевской против филипповцев, обвиняющих федосеевцев в страсти к торговле и деньгам.. // Сборник правительственных сведений о раскольниках. С. 232 – 233.
- ⁵⁰ Послания Варсонофия Иванова // Духовная литература... С. 404.
- ⁵¹ **Славин И.И.** Указ. соч. С. 161 – 162; Сто статей московских поморского согласия. С. 206; Соборное уложение Иржского собора 29 мая 1723 г. // Духовная литература... С. 333.

П. А. Кюнг,

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЕ ФИРМЫ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. «СИМЕНС» В РОССИИ (1914 – 1917 гг.)

Функционирование экономики в условиях мобилизации народного хозяйства – одна из малоизученных тем в российской и советской историографии. Особенно это относится к конкретным предприятиям и фирмам. К сожалению, изучению их деятельности как отдельных экономических организмов также до сих пор не уделяется достаточного внимания. На наш взгляд, через раскрытие деятельности фирмы возможно понимание процессов, происходящих как на микроуровневой экономике, так на макроуровне. В настоящее же время для широких обобщений не хватает конкретных исследований.

В начале XX в. электротехническая промышленность, несомненно, являлась одной из самых наукоемких и динамично развивавшихся. Предприятия, работавшие в этой отрасли, шли на острие научно-технического прогресса.

Одной из основных характеристик электротехнической промышленности в России в то время была ведущая роль германского капитала. Как известно, крупнейшие фирмы отрасли являлись дочерними предприятиями германских обществ. Прежде всего здесь следует отметить Вернера Сименса, который еще в середине XIX в. начал активно работать в России, выполняя вначале заказы на оборудование из Германии, а потом построил заводы непосредственно в империи. Предприятия «Сименс»¹ – «Сименс-Гальске», «Сименс-Шуккерт» – занимали ключевое положение в своей отрасли и пользовались заслуженным уважением.

Этапным годом, полностью изменившим функционирование фирмы, стал 1914-й. В ходе войны она подверглась глубокой перестройке, изменив как внутренне устройство и управление, так и характер производства. До сих пор этот период истории фирмы остается малоисследованным, поскольку история деятельности отдельного предприятия, пусть и в чрезвычайных условиях, редко привлекает внимание исследователя. Хотя с полной уверенностью можно заявить, что изучение данной проблемы может дать ключ к более глубокому пониманию масштабных процессов в экономике, в том числе развивающейся в чрезвычайных условиях.

Несмотря на то, что в период Первой мировой войны частный бизнес во многом был мобилизован и регулировался государством, деятельность отдельных предприятий и обществ, сохранивших в немалой степени внутреннюю самостоятельность определяла содержание и значение мобилизации.

Период 1914 – 1918 гг. является в истории фирмы «Сименс» наименее изученным, документы, находящиеся в ЦИАМ и РГВИА, практически не поднимались исследователями. Ведь в РГВИА находятся фонды таких учреждений, как Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК), Канцелярия военного министерства, Главное военно-техническое управление (ГВТУ), Особое совещание по обороне государства, Главное артиллерийское управление (ГАУ), Главный штаб, Главное управление Генерального штаб-

ба, являвшихся заказчиками «Сименс» и контролировавших его деятельность. В ЦИАМ находятся фонды московских отделений «Сименс-Гальске» и «Сименс-Шуккерт».

Поэтому автор считает, что документы, во многом впервые вводимые в научный оборот в этой статье, имеют огромное значение не только для более полного раскрытия истории «Сименс» в России, но и для изучения проблем мобилизации промышленности в Первую мировую войну.

Начавшаяся война привела к большим изменениям в русской промышленности. Важным фактором экономической жизни страны в годы войны явилось от государственные экономики, вызванное вмешательством правительства в целях регулирования военного производства, а также мерами, принятыми против предприятий, принадлежавших подданным воюющих с Россией государств. Существование целого ряда органов, призванных вмешиваться в дела промышленности, оказывало немалое воздействие на изменение в ней соотношения сил.

Прежде всего перемены коснулись предприятий с участием немецкого капитала. В нашем случае это представители электротехнической индустрии. В литературе существует две точки зрения. Некоторые историки считают, что недостаток сырья, рабочей силы, прекращение экономической, технической связи с Германией вызвали резкое сокращение электротехнического производства, особенно выпуска машин и оборудования². Другие авторы утверждают, что годы войны явились периодом наивысшего расцвета электротехнической промышленности России и это связано с выполнением военных заказов³.

В годы войны увеличивается производство электротехнических изделий, необходимых для армии и флота, и сокращается производство «средств производства» – динамо-машин, электродвигателей, трансформаторов большой мощности (в немалой степени это было связано с тем, что они производились в основном в Германии). В целом же электротехническое производство в первые два года войны значительно возросло.

На заседании секции слабых токов электротехнического отдела ЦВПК в 1915 г. отмечалось, что благодаря изменениям технических условий производительность заводов возросла на 50 %. Возник ряд производств, ранее в России не существовавших. Для примера приводилось «Сименс-Гальске», начавшее производство генераторных установок Рентгена⁴.

В среднем же производство возросло на 42 %, продукция радиотелефонных заводов – на 126 %, кабельных заводов – на 60 %⁵. Однако это не означает, что этот рост происходил за счет исключительно профильной продукции заводов. Сразу после начала войны российская армия столкнулась с огромной «нехваткой» снарядов, на восполнение их недостатка была брошена вся промышленность, способная их производить. Сами промышленники инициативно поддерживали эти мероприятия, т.к. заказы на изготовление снарядов были чрезвычайно выгодны. На электромашиностроительных заводах увеличение произошло за счет футасных гранат, медных поясков для взрывателей и т.д. Производство же электромашин сократилось в 1,5 раза.

Крупнейший радиотелефонный и телеграфный завод «Сименс-Гальске» 95 % всей продукции направлял военному, морскому и железнодорожному ведомствам.

В начале войны многих квалифицированных рабочих «забрали» в армию. В электротехнической отрасли ситуация осложнилась тем, что немалая часть инженеров была по национальности немцами, которые были интернированы.

Предприятия путем повышения заработной платы сумели удержать на производстве служащих из нейтральных стран. Администрация предприятий добивалась отсрочки от мобилизации для квалифицированных рабочих. К октябрю 1916 г. получили отсрочку от призыва по 31 предприятию электротехнической отрасли 23,5 % всех их рабочих. Часто предприятия пытались удерживать рабочих даже ценою нарушения законодательства. Так, в ходе проверки были выявлены нарушения на заводе «Сименс-Шуккерт»⁶.

Важной проблемой было обеспечение отрасли сырьем и полуфабрикатами. До войны в Россию импортировались цветные металлы, так называемое динамное железо,

металлическая нить и т.п. из Германии и других стран. На заседании секции слабых токов говорилось, что электротехническая промышленность нуждается прежде всего в эбоните, угле, шелке, железе и двигателях⁷. Однако прекращение поставок сказалось не сразу и не в одинаковой степени на всех видах производств. Так, еще в 1913 г. радиотелефонные и телеграфные заводы были обеспечены сырьем на 1,5 года. Для электроламповой промышленности производство стекла было организовано в России, вольфрамовую нить стали ввозить из Швеции, угольную — из Франции. В первые годы войны разрыв связей с Германией не сказался и на обеспечении сырьем кабельных заводов.

Однако в 1917 г. стали возникать трудности с получением даже стальной проволоки. В докладе по ГВТУ от 10 июля 1917 г. указывалось о невозможности купить (даже за границей) проволоку, к тому же русские заводы не имели станков для ее протяжки⁸.

В годы войны государство усилило закупки меди и других материалов за границей. В целом ввоз меди в 1915 г. составил 25 046 т против 23 082 т в 1914 г.⁹ Но уже в 1916 г. начинаются затруднения с обеспечением сырьем как результат сокращения внутреннего производства металлов, несвоевременности поступления их из-за границы, разрыва на транспорте.

Особое совещание по обороне начало усиливать регулирование потребления металла, что привело к полной централизации закупки и распределения. В декабре 1916 г. Главным уполномоченным по снабжению металлами было утверждено распределение меди русского производства.

Таким образом, подъем в электротехнической промышленности продолжался до 1916 г., а потом начался спад.

В то же время война способствовала резкому увеличению заказов и повышению прибылей электротехнических заводов. Правда, значительная, если не большая, часть этих прибылей шла не от производства электротехнической продукции, а являлась результатом перехода на выпуск военных материалов (артиллерийских взрывателей и т.п.).

Так, электротехнический завод акционерного общества «Сименс-Шуккерт» обязан был поставить по 10 контрактам 1912 — 1913 гг. 98 прожекторов с повозками. Ни один из этих заказов к 12 марта 1916 г. не был выполнен. Как свидетельствовала наблюдательная комиссия, завод переключился с производства основной продукции на производство снарядов¹⁰.

Однако при этом происходило непрерывное наращивание производства на заводах «Сименс». Так, обороты «Сименс-Гальске» составляли в 1913 г. 4,48 млн руб., в 1914 г. — 5,78, в 1915 г. — около 6 млн руб., а в 1916 г. должны были достигнуть не менее 13 млн руб. Эти данные приводит В.С. Дякин, а в документах Особого совещания присутствуют данные, что оборот Общества в 1915 г. составил 21,25 млн руб., в 1916 г. — 40 млн руб.¹¹ Число рабочих на заводе «Сименс-Гальске» в связи с этим выросло с 650 перед войной до 2 300 в начале 1916 г., а парк станков — с 407 до 825 штук. К 1917 г. общество собиралось довести число рабочих до 3 300 человек, а количество станков — до 1 400. Кроме того, в 1915 — 1916 гг. «Сименс-Гальске» построило новый завод в Нижегородской губернии, планировалось пустить его в ход в мае 1916 г. Был создан целый ряд новых производств: взрывателей, военных телефонов, судовых сигнализаций, измерительных электрических приборов, приборов по радиотелеграфии¹². Для обеспечения возросшего производства общество увеличило в 1916 г. свой капитал с 5,6 до 7 млн руб.

Портфель заказов «Сименс-Шуккерт» составлял в 1915 г. 66 млн руб., из них на 50 млн руб. казенных заказов (в том числе на 31 млн руб. от артиллерийского ведомства). Стоимость изолированных проводов, поставленных обществом казне, увеличилась с 0,75 млн руб. в 1913 г. до 8,5 млн руб. в 1915 г. Число рабочих на трех заводах «Сименс-Шуккерт» в Петербурге в 1916 г. составляло 6 948 человек. На заводах производились центральные электростанции, моторы большой мощности, электродви-

гатели, трансформаторы, прожекторы полевые, судовые и крепостные, электрооборудование для судов, судовые сигнализации. Одновременно было освоено производство рулевых аппаратов для подводных лодок, специальных электромоторов, специальных тормозных и соединительных электромагнитных муфт для башенных установок, гранат и взрывателей¹³. На заводе военных и морских приборов в 1915 г. наладили производство двигателей внутреннего сгорания¹⁴.

По причине острой «нехватки» электротехнической продукции в стране и инфляционной обстановки все фирмы резко подняли цены на свои изделия. Так, например, Всеобщая компания электричества (ВКЭ) к сентябрю 1917 г. довела надбавку к своим довоенным ценам до 575 %. Вопрос о ценах обсуждался на совместных конференциях ВКЭ, «Сименс-Шукерт» и «Динамо», вырабатывавших единую политику в отношении заказчиков. Все это вело к значительному увеличению доходов электротехнических предприятий. Согласно официальному балансу «Сименс-Гальске», прибыль общества за 1916 г. составила 3 365 000 руб. (при капитале в 7 млн. руб.), даже после отчисления выросших по случаю войны налогов чистая прибыль достигла 35% на капитал.

В начале 1915 г. «Сименс» активно начинает заниматься производством взрывателей трехдюймовых снарядов. Фирма получает заказ от ГАУ на 20,9 млн. руб. В ноябре этого же года «Сименс» выступает с предложением увеличить этот заказ еще на 3 млн. штук¹⁵. Заказ был принят ГАУ из-за низкой цены. Однако при обсуждении в управлении было высказано мнение, что фирма неисправно выполняет ранее заключенные контракты¹⁶, и предложение было отклонено. В этом же году «Сименс» не разрешили построить новый завод в Таганроге, во-первых, из-за недостатка станков, во-вторых, возникло опасение, что с помощью этой постройки фирма пытается спутать сроки выполнения заказов¹⁷. Также на решение повлияло то, что снаряды начнут производиться не скоро¹⁸.

Судя по всему, эти подозрения, были не совсем беспочвенными, потому что в начале 1916 г. наблюдательная комиссия при «Сименс» пишет в ГАУ о необходимости приостановления выдачи аванса и взыскания неустойки с фирмы по причине неисполнения заказов. Однако упомянутая записка хода не получила¹⁹. Очевидно, причиной этого было то, что военное ведомство боялось резким вмешательством вообще разрушить всякую организованную деятельность на заводах фирмы. Тем более что на заводах других фирм дела обстояли не лучше, проблемы у всех были одни и те же.

В 1915 г. морское министерство осуществило проверку хода выполнения заказов на снаряды для кораблей. В числе прочих инспекции подвергся и завод «Сименс-Шукерт». В информационном документе, сообщавшем об итогах проверки, сохранившемся в фонде Особого совещания было отмечено, что ход поставок не вызывает беспокойства, т.к. неисправности по заказам не имеют угрожающего характера и объясняются срочными заказами из того же ведомства. Также упоминается, что морское ведомство дало 3 заказа на оборудование для башенных установок²⁰. В настоящее время дать полноценный комментарий такой лояльности Морского министерства достаточно сложно. Возможно, одной из наиболее вероятных причин такого отношения стал тот факт, что его заказы были значительно меньше, чем у ГАУ.

В 1916 г. для «Сименс» настали нелегкие времена, это было связано с кампанией по ликвидации «немецкого засилья». Межведомственным совещанием по этому вопросу было предложено закрыть Общества «Сименс» запрещением пользования во время войны их заводами и с ликвидацией Обществ после войны. Фирму спасло письмо на имя военного министра от бывшего начальника Петербургского военного округа генерала Ван дер Флита, ссылавшегося на то, что заводы Общества выполняют крупные заказы на оборону, поэтому было решено ограничиться назначением правительственно-го инспектора. Это мероприятие было одобрено Советом министров²¹.

Еще в конце 1915 г. Главнокомандующий армиями Северного фронта послал доклад военному министру генералу А.А. Поливанову о деятельности в России предприятий с

немецким капиталом. Они обвинялись в том, что снабжают Германию деньгами и шпионскими сведениями. В начале 1916 г. это письмо было переслано в Министерство торговли и промышленности. 3 февраля 1916 г. министерство дало ответ: «Деятельность названных предприятий уже подвергалась обследованию междуведомственным совещанием при Министерстве промышленности и торговли, и было решено касательно „Сименс-Гальске“, „Сименс-Шуккерт“, „Всеобщей компании электричества“ и „Соединенных кабельных заводов“ ограничиться правительственным надзором. «Общество 1886 года» было поставлено 1 июля 1915 г. под правительственный надзор, а затем было установлено Особое правление. Дальнейшее обследование обществ выявило, что заводы этих обществ заняты исключительно выполнением военных заказов или частных заказов, связанных с обороной. Был развит целый ряд новых производств. Администрация идет навстречу всем пожеланиям военного и морского ведомств. Не было обнаружено случаев перевода денег за границу, которые не были бы объяснены закупкой товаров и оборудования, причем уплаты производились при контроле министерства промышленности и торговли... Общества не только не выплачивали дивидендов германским подданным, но некоторые, как например, „ВКЭ“ задержали выплаты долгов в Германию, благодаря чему в России осталось более 5 млн руб.»²².

В итоге на обсуждении вопроса о секвестре на Особом совещании представители министерств торговли и промышленности, иностранных дел, финансов, представители Петроградского военного округа и генерал-лейтенант Свенторжецкий²³ высказались за правительственный надзор.

Военное и морское ведомства, представители заводского совещания²⁴ заявили, что секвестр может привести к расстройству дел обществ, к их мнению присоединилось ГВТУ, которое предложило установить дополнительный надзор на заводах обществ через своих представителей.

Представители министерства внутренних дел и юстиции, интендантского и артиллерийского ведомств высказались за секвестр или установление особого правления на основании закона от 1 июля 1915 г., из-за подозрений в шпионаже. Тогда же представители канцелярии Военного министерства настаивали на ликвидации Обществ «Сименс» после войны.

В конечном счете было принято решение оставить существующий надзор, дополнив его представителями от военного, морского ведомств и ГВТУ, поскольку «единственно, что можно поставить в вину обществу это запаздывание со сроками изготовления заказов»²⁵.

В 1915 г. Общество принимает решение о постройке нового завода в Нижнем Новгороде. Первоначально предполагалось, что на нем будут производиться телефонные аппараты для армии²⁶. Однако позднее, когда в ходе неудачной компании 1915 г. возникает опасность Петрограду, правительством принимается решение об эвакуации промышленности из столицы. И поэтому, разрешение на постройку завода дается при условии, полного перенесения производства в Нижний Новгород с Петроградских заводов фирмы.²⁷ Это сопровождалось выдачей заказа на 38 т телефонных аппаратов и 3 600 телеграфных, со сроком исполнения до 1 июля 1917 г., на сумму 5 029 200 руб. Завод должен был быть пущен 1 октября 1916 г. Правда, «Сименс», ссылаясь на заказы от других ведомств, заявил, что столь короткие сроки нарушат планомерное производство²⁸.

В течение войны «Сименс» поддерживала активные связи с зарубежными партнерами, закупая необходимое сырье и оборудование. Все закупки осуществлялись с согласования соответствующих комитетов в Англии и Америке. Постоянными партнерами «Сименс» за рубежом были: «Фредерик Смит и К^о», «Фредерик Вернард», «Шотар и Христенсон», «Риттер и Ганкен», «Вм Силингтон и К^о», «Гехт Левис и К^о». Постоянные связи поддерживались с компанией «Siemens Brothers & Company Ltd», английского филиала «Сименс», у которой русский «Сименс» покупал оборудование и сырье²⁹.

23 февраля 1917 г. Особое правление компании обратилось в Министерство торговли и промышленности, заявив, что Общество испытывает серьезные денежные затруднения, вызывающие опасения за ход производства. Ранее «Сименс» получила заказы от ведомств на сумму 56 млн руб. из них в качестве авансов было выдано 19 млн руб. На 22 февраля 1917 г. непогашенных поставками авансов оставалось 15 млн из которых 3 млн руб., приходилось на долю ГВТУ, 11,7 млн ГАУ, 0,3 млн морскому ведомству³⁰. Общая задолженность Общества на 1 февраля банкам и частным лицам составила 14,5 млн руб. Всего же на заводах «Сименс» находилось заказов на сумму 80 млн. руб., из них 95 % составляли срочные оборонные заказы.

Особое правление просит выдать ссуду на 6 млн руб. В ходе переговоров ГАУ 28 апреля 1917 г. признало возможным увеличить выданные авансы с 34 % от суммы договора до 50 %³¹. Эта мера позволила «Сименс» получить около 7 млн руб.

Характерно, что, несмотря на финансовые затруднения, Общество продолжало оказывать помощь своим уволенным сотрудникам. Так, начальник Центрального военно-регистрационного бюро сообщал в контрразведку в конце 1916 г., что германские сотрудники фирмы, высланные во внутренние губернии, получают пособия в размере 1/3 от жалования³².

В 1917 г., несмотря на революционные потрясения, у «Сименс» были неплохие показатели. В докладе по ГВТУ от 24 июля 1917 г. указывается, что из всех заводов, изготавливавших прожекторное оборудование, с марта по июль не поднялись цены и не упала производительность только у ВКЭ и «Сименс-Шуккерт». У остальных же, как например, фирмы «Алексеев, Вишняков и Шамшин», производительность упала на 40 %³³.

После февральской революции система государственного регулирования экономикой начинает распадаться. Регулирующие органы теряют свое значение. Одновременно начинается распад экономики. Нарушаются хозяйственные связи между регионами, все труднее становится получать сырье и оборудование из-за границы. В результате выступлений рабочих нарушается нормальное функционирование предприятий. Работодатели вынуждены повышать зарплаты, сокращать рабочий день. Постоянные митинги и забастовки дестабилизировали производство.

Однако для «Сименс» это было в целом благоприятное время: фирме удалось удерживать производство на дореволюционном уровне, а вопрос о полной реорганизации фирмы был отложен.

Полным крахом для фирмы явилась Октябрьская революция. Все имущество, активы и производство было национализировано по декрету 28 июня 1918 г.

Русский «Сименс» в целом выдержал испытание войной. Умелая и гибкая политика руководства позволила не только сохранить фирму, но и увеличить производство, наладить выпуск оборудования до этого в России не производившегося. В сложных условиях военного времени и борьбы с немецкими предприятиями в России, фирма выжила, сумев приспособить свои производственные мощности, при этом, в отличие от многих других, она не прекратила, а даже увеличила выпуск профильной продукции, которая практически стопроцентно шла на фронт.

В данной статье автор сделал попытку продемонстрировать деятельность отдельно взятой фирмы в условиях мобилизации народного хозяйства. Архивные документы показывают нам работу государственных органов и предпринимателей по обеспечению действующей армии. Однако, для того, чтобы стало возможным построить достаточно полную картину взаимоотношения власти и бизнеса в чрезвычайных военных условиях, выявить закономерности и исключения необходимо провести еще не одно такое исследование. Для построения общей теории необходимо получить возможность сравнивать деятельность предприятий с различной формой управления и степенью участия отечественного и иностранного капитала.

Примечания

- ¹ Употребляемое в статье название «Сименс» относится одновременно к обществам «Сименс-Тальске» и «Сименс-Шуккерт».
- ² См.: **Давыдова Л.Г.** Использование электрической энергии в промышленности России. М., 1961. С. 161.
- ³ См.: Русская электротехническая промышленность к началу 1921 г. М., С. 8; **Иванов П.И.** Советская электротехническая промышленность. М., 1933. С. 22.
- ⁴ РГВИА, ф. 13251, оп. 24, д. 2.
- ⁵ См.: **Балашева А.В.** К вопросу о влиянии первой мировой войны на развитие электротехнической промышленности России // Труды Московского экономико-статистического института. Вып. 4. М., 1972. С. 167.
- ⁶ РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 537, л. 1.
- ⁷ Там же, ф. 13251, оп. 24, д. 2.
- ⁸ Там же, ф. 802, оп. 3, д. 1633, л. 276.
- ⁹ **Балашева А.В.** К вопросу о влиянии первой мировой войны на развитие электротехнической промышленности России. С. 167
- ¹⁰ РГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 41, л. 299 – 300.
- ¹¹ РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 537, л. 23.
- ¹² Там же, л. 23 – 32.
- ¹³ Там же, д. 204, л. 27.
- ¹⁴ Там же, оп. 4, д. 71, л. 12.
- ¹⁵ К сожалению, по документам не удалось выяснить, на сколько штук был первый заказ.
- ¹⁶ Несвоевременное выполнение заказов было в принципе характерным явлением для частной промышленности, выполнявшей военные заказы. Объяснялось это вполне объективными причинами – недополучением сырья, мобилизацией квалифицированных рабочих на фронт и т.д.
- ¹⁷ РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 53, л. 1 – 10.
- ¹⁸ См.: Журнал заседаний Особого совещания № 64. 1916. 29 апр.
- ¹⁹ РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 53, л. 21.
- ²⁰ Там же, оп. 4, д. 131.
- ²¹ Там же, оп. 16, д. 204, л. 1 – 3.
- ²² Там же, л. 19.
- ²³ Председатель Особого правления по делам компаний, относящихся к «Сименс» с 1916 г., сотрудник военного министерства генерал Л.В. Свенторжецкий
- ²⁴ Заводские районные совещания являлись местными органами Особого совещания по обороне
- ²⁵ РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 204, л. 20 – 21.
- ²⁶ См.: Журнал заседаний Особого совещания № 17, 1915. 21 окт.
- ²⁷ См.: Журнал заседаний Особого совещания № 38, 1916. 9 янв.
- ²⁸ РГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 71, лл. 18 – 19.
- ²⁹ Там же, ф. 802, оп. 1, д. 206; ф. 13251, оп. 3, д. 14.
- ³⁰ Данные цифры показывают изменение структуры заказов. До войны основным заказчиком было морское ведомство.
- ³¹ РГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 537.
- ³² Там же, д. 97, л. 117.
- ³³ Там же, ф. 504, оп. 25, д. 59, л. 5 – 8.

К. В. Ким,

кандидат исторических наук,

Научно-исследовательский институт

проблем экономической истории России XX века (г. Волгоград)

СТАНОВЛЕНИЕ СЛУЖБЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «КРЕДИТ-БЮРО» И ЕГО ОПЕРАТИВНО-АГЕНТУРНЫЕ МЕТОДЫ РАБОТЫ В ЭКОНОМИКЕ РОССИЙСКОГО НЭПА

Переход от «военного коммунизма» к НЭПу с формированием смешанной рыночной экономики в с различными формами собственности: государственной, кооперативной, частно-капиталистической, индивидуальной во многом определило и поставило важную проблему обеспечения финансово-экономической безопасности в предпринимательской деятельности субъектов рыночной экономики как на внутреннем, так и на рынках мира.

Обеспечение финансово-экономической безопасности предпринимательства в период НЭПа выполняло независимое частное товарищество – «Первое Российское товарищество по выдаче справок о кредитоспособности «Кредит-Бюро».

Учредителями товарищества «Кредит-Бюро» стали М. Гольдштейн, С. Белевицкий. Они внесли свой капитал в размере 50 тыс. золотых рублей в основные оборотные средства товарищества. Другие его участники – А. Длугач, Т. Кляскин и Б. Молдавский в качестве учредительного капитала объявили свой опыт, знание и труд, оцененный в размере 17 тыс. рублей золотом¹. В фондах архива имеются «Положения об условиях деятельности и договоре об учреждении Первого Российского товарищества по выдаче справок о кредитоспособности «Кредит-Бюро», проект устава акционерного общества по выдаче справок о кредитоспособности, а также документ о заключении договора от 15 марта 1923 года. В нем отмечалось: «Мы, нижеподписавшиеся Соломон Львович Белевицкий, Моисей Давыдович Гольштайн, Аркадий Яковлевич Длугач, Герман Владимирович Клячкин и Борис Григорьевич Молдавский, проживающие в городе Москве, заключили настоящий договор об учреждении товарищества в нижеследующем: 1) Для выдачи справок о кредитоспособности и производства бухгалтерской экспертизы нами учреждается полное товарищество под наименованием: «Первое Российское товарищество по выдаче справок о кредитоспособности, именуемое сокращенно: «Кредит-Бюро»².

Итак, с подписанием договора учредителями «Кредит-Бюро» в России в начале 20-х годов было организовано частными лицами первое независимое информационно-справочное коммерческое учреждение, которое и заложило основу становления и развития информационного бизнеса в условиях рыночных отношений в годы НЭПа. Этот опыт должен достойно быть использован для развития информационного бизнеса в современной России, который только зарождается.

В утверждении Устава «Кредит-Бюро» были отмечены цели и задачи товарищества в их деятельности. В задачу учрежденной организации входила выдача справок и информации о кредитоспособности фирм, частных предприятий, государственных, кооперативных организаций по запросам клиентов «Кредит-Бюро», а также предоставления конфиденциальных сведений о потенциальных партнерах по предпринимательской, коммерческой деятельности в бизнесе внутри страны или за границей.

Обеспечение разносторонней и реальной справочной информацией по запросам клиентов предполагало напряженную работу в поисках точных сведений по всей России и за рубежом о потенциальном партнере по предстоящей предпринимательской деятельности.

Во-первых, необходимо было иметь каналы связи с государственными органами власти, а также местными правоохранительными, судебными и исполнительными органами,

и было весьма сложно получить соответствующую информацию для своих клиентов, минуя частное и независимое товарищество «Кредит-Бюро».

Во-вторых, следовало через иностранных коллег в различных частях мира налаживать кооперационные каналы связи для получения справочной информации по запросам российских и зарубежных клиентов товарищества, что тоже было весьма сложно при монополии государственного сектора экономики над источниками и службами информации периода НЭПа в Советской России.

Все это несколько ограничивало и затрудняло широкую информационно-справочную деятельность «Кредит-Бюро», так как фирма имела частную форму собственности, что приводило нередко к отказу в получении необходимых сведений в государственных органах различного уровня, а также и в других секторах управленческо-хозяйственных организаций Советской России.

В процессе своей деятельности, в силу объективных социально-экономических и политических причин, учредители «Кредит-Бюро» пришли к единому мнению о продаже своего дела Народному Комиссариату внутренней торговли СССР за 150 тысяч рублей золотом³.

На основании приказа НКВТ от 30 мая 1924 года за № 43 «Первое Российское товарищество по выдаче справок о кредитоспособности «Кредит-Бюро» одним из структурных подразделений НКВТ СССР и получило название в последующем как «Объединение государственных контор о кредитоспособности «Кредит-Бюро», и прошло процедуру акционирования в конце того же года.

Согласно постановлению акционеров «Кредит-Бюро» основной капитал общества в 300 тысяч рублей был разделен на 600 акций, по 500 рублей каждая. Основными держателями акций «Кредит-Бюро» стали следующие учреждения и финансово-кредитные организации: Народный Комиссариат внутренней торговли – 220 акций, Торгово-промышленный банк СССР – 181 акция, Московский городской банк – 100 акций, Совет съезда биржевой торговли – 38 акций и другие⁴.

Для более эффективной и оперативной информационно-справочной работы по сбору и обеспечению необходимой информации о кредитоспособности в различных секторах экономики на всей территории СССР и за границей «Кредит-Бюро» организовало широкую и разветвленную сеть контор, отделений, агентств и филиалов. Так, если на 1923 год было только три конторы – Московская, Северо-Западная и Украинская – и три филиала, то на 1925 год уже насчитывалось более 21 – Московская, Нижегородская, Самарская, Северо-Кавказская, Закавказская, Азербайджанская, Новосибирская, Дальневосточная, Белорусская, Украинская, Средне-Азиатская, Киевская конторы, Одесское отделение, Астраханское, Сталинградское, Днепропетровское, Самаркандское агентства и др.

Центральной конторой по управлению всей системой «Кредит-Бюро» стало Акционерное общество по выдаче справок о кредитоспособности, функционировавшее на базе Московской конторы. Акционерное общество управлялось общим собранием акционеров. Организационно-управленческая структура состояла из избранного акционерами правления в составе 3-х человек, совета общества из 5 – 7 человек и ревизионной комиссии из 3-х человек.

Высшим органом управления акционерного общества «Кредит-Бюро» было общее собрание учредителей-акционеров, и собиралось оно один раз в год. На собрании заслушивали отчет Правления, утверждали смету расходов на следующий год и решали спорные вопросы акционеров⁵.

Как свидетельствуют архивные материалы, служба экономической разведки «Кредит-Бюро» была наделена особыми полномочиями высших государственных и хозяйственных органов ВСНХ и СТО согласно изданным специальным циркулярам для всех хозяйственных органов о содействии работе агентов в получении объективных финансово-экономических сведений о данном предприятии.

Так, Первое Российское Товарищество по выдаче справок о кредитоспособности «Кредит-Бюро» направило в 1923 году на все хозяйственные предприятия: государственные, кооперативные и частные – циркуляр следующего содержания: «Объединение Государственных справочных Контор о кредитоспособности «Кредит-Бюро», командируя Вам своего сотрудника для поручений... просит не отказывать в любезности заполнять представленные им анкеты для самоотзыва, а также делиться сведениями касающимися Вашего предприятия или связанных с его деятельностью, имея в виду, что чем правильнее и полнее будут сведения у «Кредит-Бюро», тем менее Вы и Ваша контрагентны будут рисковать вовлечением в невыгодные или убыточные обороты»⁶.

«Кредит-Бюро» через свои представительства во всех городах СССР и за границей, направляло специальные анкеты предприятиям различных форм собственности, в которых должна была быть отражена вся финансово-экономическая деятельность⁷.

При поступлении на службу в «Кредит-Бюро» кандидат на должность решершера должен был дать подписку которая по сути состояла из 6 пунктов:

1) Обязуюсь с момента моего утверждения в должности решершера не заниматься никакими другими делами, в особенности торговыми, ни за свой страх, ни по поручениям третьего лица;

2) Свои обязанности по «Кредит-Бюро» обязуюсь выполнять честно и аккуратно, руководствуясь инструкцией о работе решершера, также всеми распоряжениями администрации в области осведомления «Кредит-Бюро»;

3) Находясь на службе, а равно и по ее оставлении обязуюсь как распоряжения, так и добытые мною материалы, а также сведения, известные мне по работе «Кредит-Бюро», характеризующие лицо, фирму или учреждение с коммерческой, моральной или деловой стороны, держать в тайне и никому без разрешения «Кредит-Бюро» их не сообщать или не разглашать;

4) Знаю, что все собранные мною сведения составляют преимущественно коммерческую тайну, я обязуюсь сведения представлять по чистой совести без утайки. За всякие извращения истины или сокрытие фактов, как положительных, так и отрицательных, несу в полном сознании ответственность перед гражданским или уголовным судом;

5) Обязуюсь также незамедлительно сообщать «Кредит-Бюро» все слухи, какие в процессе моей деятельности дойдут до меня о тех или иных лицах, фирмах или учреждениях, так или иначе причастных к торговой или промышленной деятельности;

6) Обязуюсь при исполнении моих обязанностей подчиняться всем существующим законам и правилам, а также распоряжениям должностных лиц»⁸. Правлением «Кредит-Бюро» были изданы инструкции для обследования каждого сектора экономики. Каждый решершер получал специализацию, которая диктовалась особенностями форм собственности, ведения бухгалтерского учета, отчетности и налогообложения, методами использования экономических ресурсов⁹.

В силу этих причин и инструкции решершерам отличались друг от друга степенью сложности, разнообразием и количеством вопросов.

В зависимости от срока выполнения решершером задания и подготовки справки о кредитоспособности зависело и денежное вознаграждение специалиста¹⁰.

Сдача справок в контору «Кредит-Бюро» строго регламентировалась по срокам, времени. Принимались они только в письменном виде с подписью решершера, соблюдалась конспирация при посещении своего отдела. Так, «решершер сведения о частных фирмах представлял в течении 2-х дней, о государственных и кооперативных – не позднее 3-х дней»¹¹. В выдаваемых сведениях обязательно указывались все источники информации¹².

В методике по сбору информации для решершеров «Кредит-Бюро» подписывалось: «Справки наводятся согласно, без шума и суеты и с большим тактом»¹³.

Далее отмечалось: «Решершер должен помнить, что в своей работе он совершенно беспристрастен и в своей оценке должен быть строго объективным. Ни в какие сделки

(в форме услуг или за материальное вознаграждение) он по существу своей работы не имеет права входить. В случае обнаружения и дискредитирования «Кредит-Бюро» виновный будет привлечен к судебной ответственности»¹⁴.

Деятельность экономической разведки «Кредит-Бюро» весьма активно велась и в зарубежных странах. На всех континентах мира были налажены связи с аналогичными справочными службами по обеспечению достоверной информацией о предпринимателях желающих или уже осуществляющих экспортно-импортные операции с Советской Россией или участвующих в концессионном предпринимательстве в России.

В современном рыночном хозяйстве России происходит постепенное становление и развитие рынка услуг экономической безопасности, на котором активно функционируют различные службы предпринимательской безопасности. Они решают задачи по обеспечению финансово-экономической безопасности хозяйствующих субъектов в процессе предпринимательской деятельности как внутри страны, так и за рубежом.

Достоверная и оперативная финансово-экономическая информация в рыночной экономике для обеспечения финансово-экономической безопасности есть основа для дальнейшего успешного становления и развития российского предпринимательства XXI века.

Становление и развитие посреднических информационно-справочных институтов экономической безопасности как одного из важных звеньев предпринимательской инфраструктуры рыночной экономики России стало задачей дня.

Опыт деятельности общества «Кредит-Бюро» в период НЭПа является ярким примером и методологической базой для информационно-справочной структуры рыночной экономики России для обеспечения безопасности российского предпринимательства в условиях глобализации мирохозяйственных связей в XXI веке.

Примечания

¹ Российский государственный архив экономики. (РГАЗ), ф. 7624, оп. 1, д. 1, л. 2, 3, 17, 18.

² Там же, л. 2.

³ Там же, л. 23.

⁴ Там же, д. 486, л. 1, 38 – 45.

⁵ Там же, д. 90, л. 144.

⁶ Там же, д. 9, л. 1.

⁷ ГАНД, ф. 379, оп. 1, д. 10, л. 245.

⁸ РГАЗ, ф. 7624, оп. 1, д. 9, л. 5.

⁹ Там же, л. 6, 60б.

¹⁰ Там же, л. 2.

¹¹ Там же, л. 2.

¹² Там же, л. 7.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 70б.

Д. Я. Майдачевский,

кандидат экономических наук,

Байкальский государственный университет экономики и права (г. Иркутск)

ИСТОРИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ: РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ В 1920-Е ГОДЫ

Рождение истории предпринимательства (бизнеса) как самостоятельного подхода к экономической истории («истории снизу») связано с деятельностью Ученой комиссии по исследованию истории труда в России, действовавшей в 1921 – 1925 гг. при Петроградском совете профессиональных союзов. Именно этой научной институции принадлежит приоритет в постановке задачи изучения истории предприятия как хозяйственной организации и выработки программы подобного изучения. Известным историком-экономистом И.М. Кулишером были сформулированы вопросы, которые составляли, в совокупности, программу историко-экономического изучения отдельного предприятия.

В процессе обследования фабрично-заводского архива предполагалось установить: юридическую форму предприятия или его владельца; условия возникновения предприятия; роль русского и иностранного капитала в создании фабрики; льготы, установленные для предприятия правительством (государственные заказы, субсидии, монополии, льготы и т.д.); причины ликвидации предприятия; виды обрабатываемого сырья, его количество, цены, источники получения; виды изготавливаемой продукции и динамика цен на нее; условия сбыта продукции предприятия (рынки, посредники, конкуренция и т.д.); характер технологических процессов, виды используемых машин и двигательных установок; технические изобретения на предприятии; использование труда кустарей-надомников¹.

Следующая страница проекта изучения истории предпринимательства в России была открыта известным выступлением Н.А. Рожкова «К методологии истории промышленных предприятий» в Обществе историков-марксистов 9 апреля 1926 г. и должна рассматриваться с учетом уже накопленного к тому времени науки как позитивно, так и негативного опыта. В частности, высказывание Рожкова о том, что «много найдется охотников изучать историю рабочего движения на фабриках, но немного охотников найдется изучать сухой и трудный материал, касающийся фабрик, как предприятия, с экономической точки зрения»², в равной мере могло быть адресовано и оппонентам в завязавшей после доклада дискуссии, и историкам, сотрудничавшим с Ученой комиссией по исследованию истории труда и ее журналом, акцент в деятельности которых действительно сместился в сторону изучения профессионального и революционного движения на предприятиях Петрограда.

Н.А. Рожков сформулировал в своем докладе те вопросы, ответы на которые позволяют получить прежде всего бухгалтерская отчетность и документы делопроизводства, обобщая опыт работы с архивом Прохоровской Трехторной текстильной мануфактуры, которая осуществлялась под его руководством в Институте истории РАНИОН³. Динамика объемов производства, торгового оборота, заработной платы, прибыли, производительности труда, изменений в структуре капитала, смена форм организации производства, управления предприятием – вот далеко не полный перечень таких вопросов и одновременно программные вопросы историко-экономического изучения отдельного предприятия. История предпринимательства (бизнеса) в такой ее интерпретации (как и в случае с программой И.М. Кулишера) представляет собой фактически часть экономической истории, которая в качестве источников привлекает делопроизводственную документацию предприятия и рассматривает последнее в качестве основного объекта исследования.

Наличие программы и коллективный характер работы создавали прочный методологический фундамент и придавали масштабность исследовательскому проекту, кото-

рый, впрочем, был ограничен изучением истории лишь соотечественных предприятий. Исключением стало появление на страницах издававшегося Ученой комиссией по исследованию истории труда в России журнала статей Е.Ф. Дюбек о тобольской полотняной и П.Г. Любомирова об иркутской суконной фабриках⁴, написанных, однако, на основе материалов центральных архивов. Появление в печати работ, выполненных за рамками упомянутых научных институций, встречалось нередко упреками в отсутствии у их авторов не только «плана и замысла по изучению местной промышленности», но и попыток разработок архивов отдельных фабрик⁵.

И все же, в рамках реализации рассматриваемого проекта изучения истории промышленных предприятий, мы встречаемся с феноменом переноса знания из центра на периферию. Программы изучения истории отдельных предприятий, выработанные петербургскими и московскими учеными, содержащиеся в них методологические и методические подходы, и даже присущие им коллективные формы организации исследовательской работы, были использованы провинциальными научными центрами. Интересен в этом отношении пример деятельности исторической секции Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРО).

Сегодня трудно, если вообще возможно, установить, что же послужило толчком к формированию программы историко-экономического обследования промышленных предприятий Иркутской губернии. Таковым вполне могла стать публикация стенограммы доклада Н.А. Рожкова. Как, впрочем, и выступление С.В. Вахрушина на Первом Сибирском краевом научно-исследовательском съезде (Новосибирск, 1926), в котором, под очевидным влиянием работ Рожкова, среди первоочередных задач сибирской исторической науки было названо монографическое изучение «отдельных заводов на всем протяжении их существования»⁶. Или даже «вызов», брошенный провинциальным ученым П.Г. Любомировым – именно так можно расценить факт обращения к прошлому иркутской промышленности далекого от сибирской проблематики историка.

Именно 1926 год внес серьезные изменения как в организацию, так и в направленность исторических исследований в Иркутске. Историческая секция ВСОРО сначала несколько скорректировала направление своей деятельности, положив в ее основу «изучение экономики края»⁷, а уже весной следующего 1927 г. предприняла конкретные шаги в этом направлении, наметив «ряд поездок в близлежащие промышленные пункты для изучения истории промышленности района»⁸.

В июне того же года Совету ВСОРО была представлена рассчитанная на три года программа «историко-экономического изучения Прибайкалья». В рамках последней, используя «не только архивный, но и вообще имеющийся материал», предполагалось силами членов секции провести работу по обследованию промышленных предприятий бывшей Иркутской губернии⁹. Был выработан примерный план подобных обследований, намечавший изучение: географических и экономических причин, обусловивших создание предприятия; юридического его положения; капиталов, вложенных в предприятие; «протекции»; рабочих и их юридического положения; условий труда; влияния предприятия на быт окружающего населения; участия рабочих предприятия в революционном движении; песен, легенд, сказаний и воспоминаний старожилов, связанных с предприятием; литературы о предприятии¹⁰.

На первом этапе, летом 1927 г., были осуществлены экспедиции в Хайту и Вельск для сбора материалов о фарфоровой фабрике и кожевенном производстве; в Усолье и Александровский завод – о солеварении, спичечной фабрике и винокуренном заводе; в Тельму – о суконной фабрике и стекловом производстве¹¹.

Результаты поездок не заставили себя долго ждать. Уже в икле Президиум ВСОРО, на основании сообщения М.К. Одинцовой (вернувшейся с Тельминской суконной фабрики) о фактах расхищения фабричного архива, ходатайствует перед Окружным архивным бюро «изъять названный архив из ведения фабрики и, вообще, все архивы при различных фабрично-заводских предприятиях округа взять под свое покровитель-

ство, предполагая что и в других местах возможны случаи расхищения»¹². Материалы обнаруженного в одной из кладовых фабрики архива промышленных заведений, принадлежавших предпринимателям Велоголовым и Останиным, охватывавшего период с 1862 по 1900 гг. и состоявшего из конторских книг, писем, документов, легли в основу не только доклада М.К. Одинцовой «Тельминский промышленный комбинат во второй половине XIX века» на заседании исторической секции, но и научной статьи¹³. Свой вклад в разработку темы внесли и другие члены секции, результаты поездок которых, после обработки собранных материалов, выливались, главным образом, в отчетные доклады на заседаниях секции.

Несколько особняком, на фоне «полевых» исследований, стоит работа В.С. Манасеина, начатая, очевидно, в том же 1927 году. Хотя объектом его историко-экономического изучения также стала Тельминская суконная фабрика, автор ограничил «свою задачу обработкой почти исключительно только имевшихся на месте источников»¹⁴. Уже на первых страницах своей статьи автор указывает, что помимо ряда опубликованных работ, содержащих сведения о начальном этапе существования фабрики, использовал в основном материалы «Исторической и статистической записки о Тельминской фабрике от основания оной и об управлении оною г.г. директоров», хранящихся в Иркутской окружной центральной библиотеке¹⁵.

Рецензенты, в целом благожелательно отзывавшиеся о работе, отметили указанную выше специфику подхода автора к разработке темы. Я. Улицкий, например, начал рецензию, опубликованную в журнале «Пути индустриализации» (1929. № 19. С. 89 – 90), с указания на заслуживающее внимания и поддержки «начинание группы иркутских работников, предпринявших историческое изучение Тельминской фабрики»¹⁶, подчеркнув разнообразие используемых историками источников. П.К. Казаринов, «обыграв» неоднократно использованное автором понятие «внутренняя история фабрики», рекомендовал не только «привлечь в круг источников исследования.. вещественные остатки былых времен производства» и этнографический материал, данные «живой старины», которая «живо рассказывает минувшую производственную историю и внушает локальное чувство к изучаемому», но и выйти за рамки предприятия, привлечь «в поле своей работы ряд источников и производственного, и демографического, и общественно-экономического порядка»¹⁷.

Последнее замечание весьма важно для понимания тех метаморфоз, которые претерпела первоначальная программа изучения истории промышленных предприятий Прибайкалья, неизбежной корректировки заимствованных у столичных коллег теоретико-методологических подходов. Предприятия начинают рассматриваться уже как часть региональной социально-экономической системы, да и сами научные «практики» по их изучению испытывают влияние местного окружения, в котором применяются этнографическая и фольклорная составляющие исследований.

Профессор Иркутского государственного университета и фактический руководитель работ – Н.Н. Козьмин, опубликовал на страницах издававшихся ВСОРГО «Известий» небольшую работу «История сибирской промышленности и ее изучение», имеющую важное методологическое значение. На основе сравнительного анализа исторических условий развития промышленности в европейской части России и Сибири он пришел к выводу, что под влиянием «местной географической и экономической обстановки» в последней сложилась весьма специфическая форма хозяйственной организации предприятия – «сибирский комбинат торгово-промышленного типа»¹⁸.

Не случайно поэтому программа исследований большое внимание уделяла «исторической портретной галерее промышленных деятелей Восточной Сибири»¹⁹, купцам-предпринимателям Бутину, Останину, Велоголовому, Перевалову, и, в конечном итоге, переросла в программу изучения «истории промышленных предприятий и торговли». В течение 1927 – 1932 гг. исследовательское внимание предположительно сосредоточить на Черемховской каменноугольной промышленности, Тельминском суконном, клееном

и винокуренном производстве, прошлом промышленности Слюдянки, Лиственичного и Тальцов. В 1937 – 1942 гг. – Водайбинской золотопромышленности, лесной отрасли, истории сплава и истории скотопогонных путей. Примечательно, что каждый из трех названных этапов реализации основной темы, сопровождался дополнительными историко-экономическими «сюжетами»: первый – исследованием истории кустарных промыслов, второй – истории притрактового, земледельческого крестьянства, третий – истории таежно-промыслового крестьянства. Более того, программу венчает идея изучения истории городов (как центров промышленного развития) и иных хозяйственных комплексов – районов и волостей²⁰.

Для экспедиций лета 1928 года была уточнена и детализирована программа исторического обследования фабрично-заводских предприятий Иркутского округа. Она включала составление библиографического указателя литературы об обследуемом предприятии; анализ причин, обусловивших устройство фабрики; изучение рынков сырья и сбыта готовой продукции; характеристику юридического положения предприятия; составление биографии их владельцев; анализ форм отчетности; характеристику оборудования в различные периоды существования предприятия; количества и качества выпускаемой продукции, капитала фабрики; сбор сведений о количестве рабочих, их юридическом положении (посессионные, крепостные, вольные, ссыльно-каторжные), условиях труда, продолжительности рабочего дня, номинальной и реальной заработной плате, санитарных и жилищных условиях, охране труда, устройстве школы; установление и связи предприятия с сельскохозяйственным производством; оценку влияния фабрики на быт окружающего его населения, развитие кустарных производств, туземное население; характеристику революционного и рабочего движения на фабрике; описание современного состояния предприятия²¹.

Благодаря финансированию Сибирским отделом народного образования были организованы поездки в Тельму и Тальцы для продолжения работ по истории суконной фабрики и стекольного завода; на Бархатовскую бумажную фабрику и копи – для сбора материалов по их истории; для изучения истории заселения московского тракта с точки зрения развития торговли²². Часть средств была израсходована на «фотографическое иллюстрирование истории местной промышленности»²³. За счет средств Общества изучения Сибири был продолжен сбор материалов по истории Усольской соляной промышленности и начаты работы в Черемховском районе по истории каменноугольной промышленности²⁴.

По итогам поездок вновь читались доклады на заседаниях секции, готовились научные и научно-популярные публикации и т.д. Однако, уже в начале 1929 г. «краеугольной задачей исторической секции» было объявлено изучение истории революционного движения на предприятиях путем привлечения к написанию истории промышленных заведений рабочей молодежи. Как известно, в 1929 г. многие подходы, выработанные Н.А. Рожковым для изучения экономической истории отдельного предприятия, были транслированы на массовый краеведческий уровень Центральным бюро краеведения (ЦБК). Промышленная секция ЦБК объявила конкурс на лучшее монографическое описание предприятия, предложив примерную схему исследования, которая акцентировала внимание на изучении предприятия именно как хозяйственной организации. Вслед за выяснением времени и причин возникновения фабрики, исследователям надлежало охарактеризовать производственные и торговые ее связи на протяжении всего периода существования с другими предприятиями, с банковской системой России и других стран, описать развитие технических приемов и производственных процессов, дать количественную и качественную характеристику рабочей силы и т.д.²⁵ Изданная массовым тиражом и выдержавшая два издания, брошюра стала методическим руководством для провинциальных краеведческих организаций, предпринимавших попытки написания истории местной промышленности.

Однако именно предпринятая ЦБК попытка «организовать в масштабах всей страны изучение истории фабрик и заводов»²⁶ способствовала фактическому свертыванию исследовательской программы изучения истории предпринимательства. Раздававшаяся на местах (как, например, в том же Иркутске) критика «краеведческого способа организации» научных исследований, «дилетантской страсти краеведов к научной многогранности», появления в больших количествах вместо специалистов в определенных областях знания «специалистов от науки вообще» не была услышана. Зеленый свет был зажег на пути начинания пролетарского писателя М. Горького по написанию «Истории фабрик и заводов» силами непрофессионалов, «краеведов-низовиков», как было принято именовать эту категорию энтузиастов в литературе тех лет — рабочих, журналистов и т.д. «Большая», «центральная» наука занялась идеологическим (методологическим) обеспечением этого проекта. Но широкомасштабная же исследовательская программа изучения истории отечественного предпринимательства профессиональными историками так и осталась нереализованной.

Примечания

- ¹ См.: Архив истории труда в России. Пг., 1921. № 1. С. 150.
- ² См.: **Рожков Н.А.** К методологии истории промышленных предприятий (стенограмма доклада на заседании 9 апреля 1926 г.) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 224.
- ³ См.: **Рожков Н.А.** Прохоровская мануфактура за первые 40 лет ее существования // Историк-марксист. 1927. № 6. С. 76 – 110.
- ⁴ См.: **Дюбок Е.** Тобольская полотняная фабрика в начале 19-го столетия // Труд в России. 1924. Кн. 2. С. 38 – 44; **Лобширов П.** Первые 10 лет существования Иркутской казенной суконной фабрики (1793 – 1802) // Труд в России. 1925. № 1. С. 54 – 70.
- ⁵ Историк-марксист. 1928. № 10. С. 248.
- ⁶ См.: **Вахрушин С.В.** Задачи исторического изучения Сибири // Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд. Новосибирск, 1926. Т. V. С. 63.
- ⁷ Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. Р-565, оп. 1, д. 68, л. 6.
- ⁸ Там же, оп. 3, д. 31, л. 42 об.
- ⁹ Там же, оп. 1, д. 84, л. 2 об.
- ¹⁰ Там же, л. 3.
- ¹¹ Там же, оп. 3, д. 31, л. 42 об.
- ¹² Там же, оп. 1, д. 84, л. 12.
- ¹³ См.: **Одинцова М.К.** Из истории промышленного капитализма в Сибири. Тельминский промышленный комбинат во второй половине XIX века // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1928. Т. LIII. С. 85 – 93.
- ¹⁴ **Манасеев В.С.** Тельминская фабрика. Материалы для истории развития фабрично-заводской промышленности в Сибири в XVIII-м и первой половине XIX-го столетий // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1928. Т. LIV. С. 35.
- ¹⁵ Там же. С. 6.
- ¹⁶ Цит. по машинописной копии, хранящейся в фонде ВСОРГО (ГАИО, ф. Р-565, оп. 1, д. 107, л. 1.
- ¹⁷ Сибирские огни. 1929. Кн. 3. С. 198 – 199. Следует упомянуть автора еще одной рецензии (опубликованной в журнале «Северная Азия». 1929. № 2. С. 138 – 139); В.Е.Дербину, члена исторической секции ВСОРГО, в 1927 г. покинувшую Иркутск, работавшую в РАНИОН и архивах Москвы и выпустившую в 1932 г. книгу «Первая сибирская мануфактура (Тельминская фабрика). К 200-летию со дня основания. 1731 – 1931» (М.-Л., 1932.), во многом подводящую итог коллективных усилий ученых.
- ¹⁸ Известия ВСОРГО. Иркутск, 1928. Т. LIII. С. 82.
- ¹⁹ Там же. С. 83.
- ²⁰ См.: ГАИО, ф. Р-565, оп. 3, д. 31, л. 6.
- ²¹ Там же, оп. 2, д. 76, л. 8.
- ²² Там же, л. 13 и 13 об.
- ²³ Там же, л. 15 об.
- ²⁴ Там же, л. 39.
- ²⁵ См.: Монографическое изучение фабрик и заводов. М.: Изд-е ЦЕК, 1929. 23 с.
- ²⁶ См.: **Филмонов С.Б.** Краеведение и документальные памятники (1917 – 1929 гг.). М., 1969. С. 78.

Е. В. Демчик,

доктор исторических наук,
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И ВЛАСТЬ «НА ПИКЕ» НЭПА. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Соотношение экономических преобразований большевистской власти и процесса модернизации по-прежнему вызывает немало научных споров. Несмотря на нередкую полярность высказываемых мнений, постепенно утверждается понимание преемственности модернизационных процессов XIX и XX вв. и в то же время серьезные отличия модернизации по-большевистски. О специфике последней, включая проблемы социалистической индустриализации, написано немало. Меньшее внимание уделяется анализу потенциальных источников российской модернизации советского типа, одним из которых являлся частный капитал периода нэпа.

Конкретно-историческое изучение взаимоотношений частного капитала и власти в условиях частичной либерализации экономики 1920-х гг. позволит глубже понять специфику и существенно дополнить характеристику модернизационных процессов советского периода отечественной истории. Кроме того, анализ исторического опыта развития этих отношений – как эффективного взаимодействия, так и неудавшихся попыток налаживания диалога – может способствовать решению одной из ключевых проблем современной России: объединению усилий государственной власти и частного бизнеса в целях успешного развития экономики и стабилизации политической ситуации в обществе.

В советской историографии проблема взаимоотношений предпринимателей и власти ставилась и решалась весьма неоднозначно. В силу идеологической ангажированности большинства исторических исследований частный капитал не рассматривался как величина, достойная диалога с властью, как самостоятельный участник каких бы то ни было деловых переговоров. Будущее частного капитала в условиях социалистического строительства было предопределено, поэтому главными темами исследований становился анализ способов и методов его скорейшего вытеснения из экономики и последующей ликвидации¹.

В 1990-е годы в условиях смены модели общественного развития, возрождения предпринимательства, провозглашения незыблемости принципов рыночной экономики истории закономерно обратились к ранее закрытым для свободного обсуждения проблемам истории частного предпринимательства различных исторических эпох, в том числе периода нэпа². Однако проблема взаимоотношений частного капитала и государственной власти 1920-х гг. по-прежнему в качестве самостоятельной темы не рассматривалась, а отношение государства к частным предпринимателям оценивалось лишь как сугубо диктаторское и одностороннее. Между тем анализ законодательной базы 20-х гг., ряда опубликованных и архивных документов свидетельствует о существовании в середине 1920-х гг. – «на пике» нэпа – небезуспешных попыток государственных структур наладить сотрудничество с представителями частного капитала.

С переходом к новой экономической политике осознание властью необходимости возрождения частного предпринимательства, законодательное закрепление государственных гарантий частной собственности вызвали бурный рост предпринимательской активности населения, заложили основы делового партнерства власти и бизнеса. В то же время идеологические и политические ориентиры большевистского режима изначально задали ограниченные рамки коммерческой деятельности, а чередовавшиеся «отступления» и «наступления на частника» создавали атмосферу нестабильности, что провоцировало предпринимателей на хищнические способы накоплений, склоняло к нелегальным формам деятельности.

К концу 1923 г. коммерсанты сосредоточили в своих руках более 80 % частной розничной торговли, заняли мощные позиции в мелкой промышленности, заготовках

хлеба и масла, пушнины и кож. Угроза возникновения, по выражению экономистов тех лет, замкнутого круга капиталистического воспроизводства на фоне «ножниц» цен и осеннего 1923 г. кризиса сбыта продукции государственной промышленности склонило власть к осуществлению очередной «атаки на частника». Однако ряд ученых-экономистов, занимавшихся при народных комиссариатах изучением предпринимательства, на основе анализа последствий начавшейся в 1924 г. государственной кампании по вытеснению частного капитала из экономики пришли к выводу о необходимости изменения подобного курса. Обстановка малой терпимости, создавшаяся вокруг работы частного капитала в 1924 г., вынудила его пребывать в состоянии полной неустойчивости, незнания фактических границ своих легальных возможностей, неизвестности сколько-нибудь твердых перспектив дальнейшего существования. Это порождало деградационные процессы в коммерческой деятельности. Между тем активное использование частного капитала в дальнейшем, как говорилось в конце 1924 г. на совместном заседании секции экономической политики и финансового совета по делам промышленности и торговли наркомата финансов, могло стать действенным фактором снижения напряженности оборотного капитала крупной промышленности с вытекающим отсюда ослаблением требований последней к банковскому капиталу и более широкими возможностями собственного развертывания производства, увязки между собой и общего оживления тех производственных элементов народного хозяйства, развитие которых требует наличия торгового капитала, способного взять на себя функции организатора сбыта продуктов их производства и даже финансирования этого производства³. При этом ожидать от частного капитала необходимого народно-хозяйственного эффекта можно было только в условиях определенных гарантий и правовых норм его дальнейшего существования.

Властные структуры признали, что необходимо, если не полностью преодолеть противоречие между политической монополией большевистской партии и лишенным политических прав и свобод интенсивно развивавшимся частным сектором экономики, то хотя бы смягчить его. Со стороны государственного аппарата были предприняты попытки совместных с коммерсантами обсуждений перспектив дальнейшего взаимодействия. Одним из первых мероприятий такого рода стал диспут в Московском Политехническом институте 12 ноября 1925 г., куда были приглашены работники ВСНХ и частные предприниматели. В своих выступлениях члены правления Московского общества взаимного кредита Д.Н. Чегодаев и А.М. Синелобов связали перспективы развития частной промышленности и торговли с уравниванием частных и кооперативных торговцев в получении товаров, предоставлением долгосрочных кредитов частной промышленности, урегулированием снабжения последней сырьем. Главным и непеременимым условием дальнейшего оздоровления коммерческой деятельности, как они считали, являлось «расширение правового положения частного капитала»⁴.

По заданию правительства Совет съездов представителей биржевой торговли через секции частной промышленности и торговли при региональных товарных биржах пытался определить и сделать достоянием органов власти то, что сами предприниматели видели негативное по отношению к ним власть предрежащих и как представляли себе улучшение взаимовыгодного сотрудничества с государством. Содержание ответов на вопросы специально разработанной с этой целью анкеты свидетельствовало, что перспективы оздоровления и дальнейшего развития коммерческой деятельности в контексте государственных интересов и приоритетов частные предприниматели видели в расширении частной оптовой торговли; недопустимости государственной регламентации цен в частном секторе; увеличении кредитования частных предприятий как через сеть обществ взаимного кредита, так и через местные отделения Госбанка и акционерные банки; снижении учетной ставки до уровня 10 – 12 % годовых при выдаче предпринимателям денежных кредитов; широком привлечении коммерсантов к работе учетно-судных комитетов кредитных учреждений⁵. Если суммировать эти предложения, то они главным образом сводились к замене

дискриминационной экономической политики государственных структур по отношению к частному капиталу на политику взаимодействия и равного партнерства в интересах оздоровления экономики и развития рыночных отношений.

Анкетирование среди представителей «более или менее крупного частного капитала» по вопросу о перспективах сотрудничества коммерсантов с государством попыталась провести и «Торгово-промышленная газета». Прессинг государства был настолько силовым, что, отвечая на безобидные вопросы анкеты, коммерсанты предпочли не называть своих фамилий. Но, даже не назвав себя, они высказывались в адрес власти весьма осторожно. Отдавая отчет в неизбежности политической диктатуры большевиков, предприниматели предлагали хотя бы «отвинтить некоторые гайки», чтобы имевшийся в стране «бездельствовавший частный капитал, представлявший на теле денежной системы страны грандиозный нарыв» наконец-то нашел себе полезное применение⁶.

На расширенном совещании, организованном Иркутским губисполкомом совместно с местным биржевым комитетом, 350 присутствовавшим там предпринимателям было предложено «высказаться совершенно свободно и откровенно о всех своих нуждах без страха и боязни за то, что это вызовет какие-либо кары против них»⁷. Общий доверительный тон совещания, выглядевшее довольно искренним стремление местных хозяйственных руководителей «создать здоровые условия для работы частного капитала» побудили представителей коммерческих кругов быть более откровенными, чем при различных опросах и анкетированиях, в формулировке своих претензий к власти.

В первую очередь эти претензии касались политически ангажированного налогового обложения, которое в ряде случаев приобретало анекдотические размеры: «покойные» к тому времени фирмы, несмотря на свои мизерные обороты, облагались подоходным налогом по не существовавшим 82 и даже 98 разрядам⁸. Местные налоги и сборы также являлись несопоставимыми по своим размерам для частных предпринимателей и представителей кооперации, не говоря уже об арендной и квартирной платах.

Вторая проблема, поднятая коммерсантами, касалась товарного снабжения частного сектора. По словам одного из выступавших, в этом вопросе истинное отношение государства к частному торговцу ощущалось наиболее отчетливо. «Приходишь за покупкой товара, видишь – лежит товар, но когда хочешь его взять, то отвечают, что это Вас не касается, это не для Вас, а для кооперации», – сетовал владелец магазина⁹.

Тревожило предпринимателей и будущее их детей, которые, как и их родители, были лишены политических и социальных прав, в том числе, что воспринималось наиболее болезненно, права получать образование.

Предложения представителей «новой» буржуазии, совпавшие с мнениями экономистов советских наркоматов, были учтены при выработке в дальнейшем государственной политики в отношении частного капитала. В резолюции III съезда Советов по докладу народного комиссара финансов указывалось, что в отношении частной торговли налоги должны применяться так, чтобы не приводить к сокращению товарооборота¹⁰. XIV конференцией РКП (б) было признано, что «кооперативная и государственная торговля не может полностью обслужить возрастающего товарооборота в стране, в силу чего в области торговли остается значительное место для участия частного капитала»¹¹. В беседе с представителями печати в апреле 1925 г. председатель Совнаркома А.И. Рыков особо подчеркнул, что частная торговля на протяжении ряда лет должна будет занимать значительное место в товарообороте, поэтому недопустимо чинить препятствия ее развитию¹². Точку зрения партийного руководства на перспективы использования частного капитала выразил Н.И. Бухарин, призывавший относиться к предпринимателям «без звона металлического оружия» и «без ориентации на какую-то третью революцию»¹³. Он видел смысл использования частного капитала в приросте «материальных ценностей, который получается, с одной стороны, от ускорения роста наших собственных предприятий в связи с оживлением общего товарооборота, а с другой – от налоговых поступлений»¹⁴.

Перспективы дальнейшего сотрудничества предпринимателей и власти связывались с необходимостью изменений налоговой, кредитной и арендной политики. В постановлении совещания при управлении торговой политики Наркомвнурга СССР по вопросу о кредитовании частного капитала, проходившего 19 марта 1925 г., указывалось, что частноторговому капиталу должен оказываться товарный и денежный кредит, сроки и размеры которого не должны резко расходиться с условиями кредитования госторговли и кооперации¹⁵. Намечалось также уменьшить налоговый пресс на частное предпринимательство, облегчить получение товаров частной розничной торговлей.

В связи с директивами XIV партийной конференции РКП(б) и III Всесоюзного съезда Советов было отменено принудительное размещение государственных займов, предоставлены некоторые льготы по взиманию с частных предпринимателей арендной платы за помещения, понижены размеры обложения частных предпринимателей со стороны губфинотделов. В основе последнего лежал пересмотр норм доходности частнокапиталистических предприятий. По некоторым видам товаров они были снижены во втором полугодии 1924/25 г. по сравнению с первым полугодием почти в два раза¹⁶. Это должно было дать существенное понижение процента изъятия из суммы доходов частных торговых и промышленных предприятий.

Однако централизованное снижение норм доходности оказалось недостаточным. Проведя кропотливую работу по изучению действительной доходности частных предприятий путем обследования заслуживавших доверие торговых книг и условий деятельности отдельных типичных частных предприятий, Иркутский биржевой комитет, например, пришел к выводу, что местный губфинотдел превысил нормы доходности практически по всем видам предпринимательской деятельности в среднем на 78,6 %¹⁷. В некоторых же случаях прибыльность была завышена по сравнению с выявленной биржевым комитетом в 3 раза.

Искусственное завышение процентов прибыльности предприятий, имевшее распространение и в других губерниях, вело к необоснованному увеличению налоговых изъятий. Наркомат финансов вынужден был обратиться к местным финотделам с критикой стремлений местных фининспекторов «побольше обложить», невзирая на то, что этот «большой оклад, произведенный на глаз, — говорилос в письме Наркомфина, — в конце концов, делался небольшим ввиду образовавшейся безнадежной к поступлению недоимки»¹⁸.

При подобных обстоятельствах для предпринимателей оставался проверенный способ борьбы за выживание: сокрытие действительных оборотов своих предприятий. Этому налоговые комиссии пытались противопоставить более тщательный и разносторонний сбор информации о деятельности частных предприятий, обращаясь за сведениями в государственные оптовые организации, транспортные конторы, на биржи и даже к соседям.

В целом же налоговый пресс в отношении частных предпринимателей продолжал оставаться весьма ощутимым. Являясь довольно малочисленной социальной группой в общем составе населения, предприниматели обеспечивали немногим меньше половины всех налоговых поступлений в бюджет¹⁹. В особенно сложном положении продолжали оставаться частные торговые товарищества, обложение которых подоходным налогом было на 10 % выше, чем государственных и кооперативных предприятий²⁰, и частные промышленные предприятия, облагаемые налогами на равных основаниях с торговыми заведениями, в то время как оборачиваемость капиталов в них была несравнимо медленнее, чем в торговых, а расходы на обеспечение производственного цикла — выше.

Произошли изменения и в кредитовании предпринимательского сектора: задолженность коммерческих организаций банкам СССР увеличилась во втором полугодии 1924/25 г. по сравнению с первым полугодием в 2,7 раза. В 2,6 раза возросла и сумма кредитов, предоставленных государственными банками общественному взаимному кредиту, объединявшим частный капитал и финансировавшим частный бизнес. Однако доля

частной клиентуры по отношению к общей сумме учетно-ссудных операций государственных и акционерных банков не превышала 3,2 % даже в самый благоприятный для частного капитала период – второе полугодие 1924/25 г.²¹ Условия денежного кредита для частных предпринимателей оставались более жесткими, чем для кооперативных и государственных организаций. Предельный срок кредита ограничивался 3 месяцами, а годовой процент составлял, как правило, 16 – 18% в отличие от 8 – 10 % у кооперации и государственных предприятий²².

Помимо увеличения денежного кредитования предусматривалась либерализация и товарного кредитования частного сектора: уменьшение надбавок на отпускные цены и размеров задатков наличными, увеличение времени товарного кредитования²³. На практике же мало что изменилось: синдикаты, тресты и тосторги по-прежнему предпочитали давать товары в кредит кооперации, а не частной торговле. Последняя продолжала получать продукцию преимущественно за наличные: кооперативная розница при приобретении товара у государственных оптовых организаций платила наличными в среднем 39 %, а частные розничники – 67 %²⁴. Сохранялись проблемы и в товарном снабжении частной розницы в целом. В практике госторгов продолжали наблюдаться случаи отказа частным оптово-розничным торговцам и промышленникам в отпуске им товаров. Несмотря на запрещение принудительного ассортимента, часто практиковалась так называемая нагрузка пользовавшейся повышенным спросом продукции неходовыми товарами. Так, Сибторг при отпуске сунга ставил в обязательство покупать бумагию; к скобяным товарам в придачу давал сухие фрукты и неходовые гвозди; к чаю в виде «нагрузки» прилагались дорогие сорта папирос; сухие фрукты давались в качестве приложения к курительной бумаге²⁵. Все это не способствовало развитию товарооборота.

Несмотря на лишь частичные изменения в налоговой и кредитной государственной политике, сам факт публично демонстрируемого стремления государства наладить деловое партнерство с коммерсантами, общая атмосфера благоприятствования в отношении частного предпринимательства сказались на упрочении его положения в экономике в целом. В первую очередь это отразилось на развитии частного сектора в торговле. По Союзу ССР его численность возросла во втором полугодии 1924/25 г. по сравнению с первым полугодием на 12,9 % при сохранении на том же уровне удельного веса по отношению к общему числу всех торговых предприятий. В 1925/26 г. тенденция увеличения численности частной торговой сети получила продолжение: ее рост составил 20 % по сравнению с предыдущим годом²⁶. При некотором снижении удельного веса частного торгово-посреднического оборота в общем товарообороте страны в 1925/26 г. произошел значительный – на 26,5 % – абсолютный рост оборотов частной торговли по сравнению с предыдущим годом²⁷. Часть предпринимателей открыто выражало свою готовность к деловому сотрудничеству с государством. Выступая на собрании торговцев Иркутска в мае 1925 г., один из уважаемых в городе предпринимателей Лазебников от имени «здоровых сил частного капитала» заявлял: «Находясь в Советской России, мы понимаем, что все мы должны стремиться к тому, чтобы работать совместно с властью»²⁸.

Активно способствовали развитию взаимодействия власти и бизнеса различные объединения предпринимателей – комитеты рыночных торговцев, общества взаимного кредита, секции частной промышленности и торговли при товарных биржах. Эти организации часто играли роль промежуточных инстанций между государственными структурами и коммерсантами, пытаясь решать конкретные вопросы в интересах последних: о выделении кредитов и облегчении условий их получения, о снижении арендной платы, о нормализации практики сбора налогов, снижении их размеров и т.п. Организации проводили обследования частной промышленности и торговли с целью изучения их реального состояния, структуры и динамики, вели большую работу по выявлению нелегальных форм коммерческой деятельности, стремились сформировать привлекательное общественное реноме предпринимательства.

Создание относительно благоприятных условий для развития частного капитала во второй половине 1924/25 г. – 1925/26 г., таким образом, отразилось прежде всего на абсолютном росте численности и оборотов частной торговли, легализации предпринимательской деятельности и ее оздоровлении. Однако проблемы, связанные с непризнанием на правительственном и местном уровнях необходимости длительного партнерства с частным капиталом, продолжали тормозить развитие частной промышленности. Участие частного капитала в выпуске промышленной продукции оставалось незначительным: по Союзу ССР численность частнокапиталистических предприятий в 1925/26 г. составила 17,2 % общей численности промышленных предприятий, валовая продукция – около 10 – 12 % стоимости всей промышленной продукции Союза, число наемных рабочих – около 5 % состава рабочих государственной промышленности. Ценовая же частная промышленность занимала 16,7 % от числа всех ценовых промышленных предприятий, 2,3 % всей численности рабочих и давала 4,2 % всей выпускаемой в стране продукции³⁰. Правда, в сфере мелкого и кустарно-ремесленного производства товаров широкого потребления по целому ряду отраслей частные предприниматели занимали лидирующее положение по отношению к обобщественному сектору: на их долю приходилось более 68 % выпуска всей кожевенно-меховой продукции, 57,4 % пищевой (мука, крупа, растительные масла, хлебопечение), швыше 41 % деревообработки, 25,6 % металлообработки³¹.

Предел развитию частнокапиталистической промышленности фабрично-заводского типа ставился ограниченными размерами основного фонда. Строительство новых заводов было затруднено из-за отсутствия достаточных для этой цели средств у частных предпринимателей. Как писала газета «Экономическая жизнь», во многих случаях частной инициативе нечем было ввязаться за дело: одни потеряли все, другие – многое, третьи боялись потерять остальное³¹. Перемещения же частного капитала из торговли в промышленность можно было ожидать лишь при условии, что работа в промышленности делается более выгодной, чем торговля, в то время как существовало обратное положение, по крайней мере, в обложении промысловым налогом. В этих условиях наркомат финансов предлагался другой путь вовлечения частного капитала в промышленность: дальнейшая денационализация промышленности³², но этот проект не только не был принят, но и не рассматривался.

Косвенной причиной слабого развития частного капитала в промышленности являлась открываемая несовершенством законодательства возможность поместить имеющиеся капиталы в кустарную промышленность, кооперацию, заготовки сырья. Начавший действовать со второй половины 1924/25 г. закон о предоставлении льгот кустарям и ремесленникам с распылчатым толкованием того, каков их состав и каковы параметры принадлежности к этой категории, вызывал отток частного капитала в мелкие предприятия с тем, чтобы использовать эти льготы. Таким образом, получился обратный стремлениям законодателей эффект.

Незначительный рост частной промышленности, наметившийся в 1925/26 г., позже сменился периодом сокращения ее численности и оборотов. В то же время большинство экономистов и хозяйственников, отстаивавших возможность дальнейшего плодотворного сотрудничества с частным капиталом, признавали, что наиболее желательным является такое сотрудничество именно в промышленной сфере. Оно позволило бы решить проблему насыщения рынка промышленными товарами, а также проблему эффективной переработки продукции сельского хозяйства, облегчило бы учет и контроль над работой частного капитала. При этом наиболее желательным типом частнохозяйственного промышленного предприятия наркоматом финансов признавались частные предприятия среднего или даже крупного размера как устраняющие развитие скрытых форм помещения частного капитала и легче поддающиеся надзору со стороны органов государственного налогового обложения и охраны труда. Было признано целесообразным расширение участия частного капитала в переработке продукции государственной промышленности (выработка металлоизделий, бумажных изделий, трикотажное производство, обувная, швей-

ная промышленность), добыче и обработке минералов и дерева, переработке находившейся в избытке на внутреннем рынке продукции сельского хозяйства, кожевенном и мыловаренном производствах, а также в строительстве³³. В историко-экономических публикациях конца 1920-х гг. в связи с дальнейшим использованием частного капитала назывались отрасли добывающей промышленности: добыча угля, нефти, мела, глины, золота и т.д.³⁴

Для перемещения частного капитала из торговой сферы в промышленное производство необходимо было изменить систему промышленного налогообложения частного капитала и дать гарантии в длительности его использования в народном хозяйстве. Надо заметить, что ряд хозяйственников признавали необходимость подобных перемен. Так, один из работников ВСНХ 1920-х гг. А.М. Гинзбург предлагал разработать декрет о порядке открытия и регистрации частных промышленных предприятий³⁵, поскольку действующее законодательство ограничивало право частных лиц содержать промышленные предприятия, насчитывающие более 20 наемных рабочих. Согласно статьям 54 и 55 Гражданского кодекса РСФСР, частные предприятия, в которых число наемных рабочих превышало 20 человек, могли быть предметом частной собственности не иначе, как на основании концессии, испрашиваемой у правительства. Таким образом, у предпринимателя терялся всякий стимул к разворачиванию своего легального производства, увеличению числа рабочих и т.п. Даже Ю. Ларин, которого сложно было заподозрить в симпатиях к частному капиталу, с иронией писал: «...смешно было бы Совнаркому СССР договариваться с каким-либо Сидоровым в Туле об открытии этим Сидоровым самоварной фабрики на 25 или 50 человек»³⁶. Отчасти поэтому в СССР так и не было образовано ни одной внутренней концессии, и в то же время существовали сотни частных предприятий, имевшие более 20 рабочих. Их положение оставалось неопределенным и неустойчивым. Многие совнархозы вовсе не регистрировали такие частные предприятия, другие делали это условно. В то же время ликвидация этих заводов означала бы увольнение тысяч рабочих и была экономически невыгодна.

Попытки предпринять конкретные меры в направлении активизации частного капитала в производстве и упрочения его правового положения были сделаны лишь в области жилищного строительства. Вопрос о привлечении частных предприятий и лиц в качестве подрядчиков к выполнению государственных строительных работ неоднократно обсуждался в СНК и СТО в течение 1926 г. Результатом дискуссии, однако, стало лишь указание на то, что в случаях конкуренции государственных строительных контор и частных подрядчиков не следует давать привилегии государственным строительным конторам, а когда это окажется более выгодным и надежным, надлежит не воспрещать прибегать к услугам частных подрядчиков, если таковые основаны на реальных гарантиях их выгодности (устойчивость имущественного положения подрядчика, наличие предшествующего опыта строительной деятельности, благоприятная репутация и т.д.). Признавалась и необходимость изменения условий кредитования и налогового обложения частных предпринимателей, пожелавших участвовать в государственном строительстве³⁷. Однако и этот проект остался на бумаге.

Преодолев многие присущие периоду первоначального накопления капитала болезни, частный бизнес к середине 20-х гг. начал играть не только позитивную, но и созидательную роль в экономике. «Новые» предприниматели продемонстрировали всему обществу свои умения налаживать хозяйственные связи, развивать торговлю, насыщать рынок необходимыми для населения товарами. Часть коммерсантов осознала тождественность их интересов государственным интересам создания «здоровой» экономики. В немалой степени оздоровлению предпринимательской деятельности способствовала попытка государства наладить деловой диалог с представителями частного капитала. Опыт состоялся в середине 1920-х гг. взаимодействия власти и бизнеса при всей специфике положения последнего в условиях советской России свидетель-

ствуует, что основу успешного сотрудничества составляют осознанное взаимное стремление сторон к налаживанию делового партнерства, готовность не на словах, а на деле следовать совместно выработанным общим правилам хозяйственной деятельности.

Условиями продолжения делового партнерства должны были стать оптимальные с точки зрения экономической эффективности демонаполизация и разгосударствление собственности, правовые гарантии предпринимательской деятельности, действенная система кредитно-налогового регулирования. Непреодолимым препятствием для продолжения взаимодействия явилось инициированное властью сверthrowание коммерческих начал в экономике, наступившее вслед за завершением восстановительных процессов. Вместо продолжительного использования частного капитала в качестве активного участника и действенного источника дальнейшей модернизации власть предпочла провести в целях финансирования индустриализации разовую кампанию изъятия сосредоточенных в частных предприятиях средств, убив тем самым, образно говоря, курицу, несущую золотые яйца. Запрет предпринимательской деятельности задал иные, чем в других странах, параметры дальнейшей модернизации и в конечном счете обусловил ее чрезвычайно высокую социальную цену.

Примечание

- ¹ См.: **Трифонов И.Я.** Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975; **Архипов В.А., Морозов Л.Ф.** Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е – начало 30-х годов. М., 1978.
- ² См.: **Кликин А.П.** Частное торговое предпринимательство на Урале в 1920-е годы. Екатеринбург, 1995; **Лытов Л.Н.** Частная промышленность в годы непа. Саратов, 1994; **Демчик Е.В.** Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы: от возрождения ликвидации. Барнаул, 1998.
- ³ Российский государственный архив экономики (далее – РГЭ), ф. 7733, оп. 1, д. 195, л. 129 об. – 130.
- ⁴ Торгово-промышленная газета. 1925. 13 нояб.
- ⁵ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО), ф. Р-253, оп. 1, д. 69, л. 151 – 153; Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО), ф. Р-806, оп. 1, д. 81, л. 7 – 10, 22 – 24 об.
- ⁶ См.: Торгово-промышленная газета. 1926. 25 февр.
- ⁷ ГИО, ф. Р-511, оп. 1, д. 4, л. 22.
- ⁸ Там же, л. 31.
- ⁹ Там же, л. 32.
- ¹⁰ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. Т. 1. М., 1967. С. 483.
- ¹¹ См.: XIV конференция РКП(б): стенографический отчет. М.; Л., 1925. С. 289.
- ¹² См.: Торгово-промышленная газета. 1925. 14 апр.
- ¹³ **Бухарин Н.И.** Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1989. С. 165 – 166.
- ¹⁴ Там же. С. 188.
- ¹⁵ РГЭ, ф. 7733, оп. 3, д. 1204, л. 130б.
- ¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 374, оп. 1, д. 440, л. 186.
- ¹⁷ ГИО, ф. Р-806, оп. 1, д. 111, л. 227 – 228.
- ¹⁸ Государственный архив Красноярского края (далее – ГАРК), ф. Р-1133, оп. 1, д. 18, л. 39.
- ¹⁹ См.: **Теньель П.П.** Прямые налоги: очерк теории и практики. Л., 1927. С. 106.
- ²⁰ РГЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 6987, л. 245.
- ²¹ См.: **Сокольский А.** Банковское кредитование частной торговли // Частная торговля Союза ССР: сб. статей. М., 1927. С. 98, 99; РГЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 6987, л. 247; оп. 4, д. 675, л. 61.
- ²² РГЭ, ф. 7733, оп. 7, д. 36, л. 6; ГАНО, ф. Р-253, оп. 1, д. 63, л. 335об.
- ²³ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 6, л. 255 – 255об.
- ²⁴ См.: Торгово-промышленная газета. 1926. 16 апр.; **Сокольский А.** Товарное кредитование частника / Частная торговля Союза ССР. С. 120 – 121.
- ²⁵ ГАНО, ф. Р-1073, оп. 1а, д. 46, л. 56 об.
- ²⁶ См.: СССР. Год работы правительства: материалы к отчету за 1925/26 бюдж. г. М., 1927. С. 321, 323 – 324; **Клушанцев И.П.** Частная торговая сеть // Частная торговля Союза ССР. С. 3.
- ²⁷ См.: **Клушанцев И.П.** Указ. соч. С. 19.
- ²⁸ ГИО, ф. Р-511, оп. 1, д. 4, л. 23.
- ²⁹ См.: Фабрично-заводская промышленность Союза ССР и его экономических районов. Вып. 1. М., 1928. С. 29; **Осрумлиев С.Г.** На плановом фронте. М., 1980. С. 355; ГАРФ, ф. 374, оп. 14, д. 199, л. 10 об.; РГЭ, ф. 7733, оп. 3, д. 1199, л. 47а.
- ³⁰ **Горшков Ю.** К вопросу о частном капитале в промышленности // Социалистическое хозяйство. 1926. Кн. IV. С. 197; РГЭ, ф. 7733, оп. 6, д. 764, л. 35.

³¹ См.: Экономическая жизнь. 1925. 12 июля.

³² ВГАЭ, ф. 7733, оп. 6, д. 764, л. 13.

³³ ГАРФ, ф. 374, оп. 14, д. 199, л. 19; ВГАЭ, ф. 7733, оп. 3, д. 1199, л. 48об., 49об.

³⁴ См.: **Копалкин В.М.** Частная промышленность в СССР. М.; Л., 1927. С. 42; **Кулерман О.** Социально-экономические формы промышленности СССР. М.; Л., 1929. С. 78; и др.

³⁵ См.: **Гинзбург А.М.** О частном капитале в народном хозяйстве // Частный капитал в народном хозяйстве СССР: Материалы комиссии ВСНХ СССР / Под ред. А.М. Гинзбурга. М.; Л., 1927. С. 33.

³⁶ **Ларин Ю.** Капиталистическая промышленность, ее рабочие и наша установка // Большевик. 1927. № 11/12. С. 83.

³⁷ ГАРФ, ф. 374, оп. 1, д. 242, л. 143 – 144, 153, 242.

Ю. Ф. Кожурин,

доктор философских наук,

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск)

К ВОПРОСУ О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ЧИНОВНИКА (НА МАТЕРИАЛАХ МОРДОВИИ)

Отношение исследователей к предпринимательству в советском обществе диаметрально противоположно. Одни считают, что о предпринимательстве в советском обществе не может идти и речи. Так, Г. Гинс не допускал мысли о возможности предпринимательства в СССР. Он характеризует социализм как «хозяйство без предпринимателя», в котором «нет конкуренции, нет хозяйственного риска, нет свободы предпринимательства, и хозяйство становится бездушным»¹. В сущности, в основе данной посылки тезис о том, что у советского руководства не было четкого понимания сути экономики², поэтому экономика как феномен отсутствовала в советском обществе. В этой связи В.С. Смирнов констатирует, что «одним из самых удивительных фактов в истории СССР являлось отсутствие в советском обществе «сколько-нибудь разработанной экономической основы»³.

Смысл интерпретаций, противоположных инвариантов отношения к предпринимательству отражает позиция В.В. Радаева. Он исходит из того, что в советской экономике предпринимательство имело место быть, но отличалось своей спецификой. Автор выделяет следующие субъекты предпринимательской деятельности: А) «экспериментаторы» – хозяйственные руководители, осуществляющие более или менее решительные нововведения с санкции властных органов; Б) «вынужденные» предприниматели, руководящие работниками, вынужденные в условиях необеспеченности директивных планов материальными и людскими ресурсами изворачиваться, обходить формальные инструкции, вести многочисленные торги; В) «теневики», деятельность которых также была связана с государственными ресурсами, но находилась под покровом тайны; Г) «частники» – мелкие изготовители и торговцы, занимающиеся полуплечальной, полузаконной «индивидуальной трудовой деятельностью»⁴.

Представляется, что инварианты, отрицающие наличие предпринимательства в СССР, грешат отсутствием должного внимания к пониманию онтологии данного явления социокультурной жизни социума, зародившегося еще в синкретический период истории человечества. Редукция данных инвариантов основана на наивном анахронизме интерпретации сущности экономических отношений сводимой к формуле «производственные отношения, обуславливаются производительными силами»⁵. Следует учитывать, что человек как социальный носитель способа производства ценностей, системы организации социальных отношений по поводу их потребления есть первичная субстанция всей совокупности общественных отношений. Его свойства являются источником, а

способности причиной возникновения культуры социальных отношений, вообще, производственных, в частности. Он, человек-субъект экономических отношений определяет содержание, сущность и формы проявления общественного договора по поводу получения дохода и извлечения прибыли людьми, образующими социум. Общественный договор между людьми по поводу места и роли человека в системе отношений, связанных с реализацией их стремлений извлечь прибыль, гарантируется властью. Поэтому не производительные силы, а люди, избирающие политическую систему, фактически являются социальными детерминантами функционирования социокультурных систем, вообще, культуры экономических отношений, в частности. От выбора политической системы зависит и решение вопросов характера государства и собственности⁶. Что же касается производительных сил, т. е. средств и технологий производства культурных ценностей, то они как средство реализации воли субъекта экономических отношений (собственника источников извлечения прибыли) принимаются во внимание им при выработке регламента производственных отношений. Содержательно-сущностная сторона формы проявления общественного договора между работником и работодателем зависит от уровня культуры мышления работодателя и состояния общественного сознания работника⁷. Социальное сознание работника, его духовность являются основанием мотивации его трудовой деятельности и терпимости или неудовлетворенного отношения к цене своих способностей. Условия и форма договора между работником и работодателем зависят от фактического общественного статуса работника и работодателя, как правило, фиксируемого в юридических актах.

Сущность предпринимательства как социокультурного явления заключается в утилитаризме⁸ — культуре выживания человека, исторически возникшей в результате того, что его жизнедеятельность оказалась в состоянии тотальной зависимости от потребления ценностей, приобретших стоимостное содержание и ценовое выражение. Именно зависимость от экономических отношений, регламентирующих порядок доступа к ценностям (материально-вещественной и духовной формы выражения), составляющим предмет интереса человека, определила проявление стремления извлечь выгоду в разнообразных формах способности человека совершать действия, направленные на получение дохода и извлечение прибыли⁹.

Исторически определенными типами получения дохода и извлечения прибыли являются *социализация*¹⁰ и *гуманизация*¹¹. В Европе смена способов предпринимательской деятельности происходила на протяжении столетий, начиная с XIII — XIV столетий. В России этот процесс фактически начался на пороге XXI века¹². Свообразие его протекания на региональном уровне становится предметом изучения¹³.

Источниками получения дохода и извлечения прибыли, то есть предметом предпринимательской деятельности являются земля, недра, движимое и недвижимое имущество, способности человека. Собственность на источники извлечения прибыли определяет возможности и горизонты свободы предпринимательской деятельности. Поэтому «вопросы собственности, развитие и изменение ее форм всегда играли ключевую роль в истории человеческой цивилизации»¹⁴ и, естественно, предпринимательства. Политика отчуждения советского человека от права собственности на источники извлечения прибыли, от свободы предпринимательской деятельности и зарождавшейся утилитарной этики, компенсировалась пропагандой советского патриотизма¹⁵. Сочетая убеждение и принуждение, нагнетая атмосферу тотального страха, власть осуществляла политику «выкорчевывания» утилитарной культуры из социального сознания советского человека. Культивировалась политика доминирования общественного интереса над частным. Личностное приносилось в жертву коллективному. Принцип «Думай прежде о Родине, а затем о себе» отражал квинтэссенцию политики отчуждения советского человека от его утилитарных интересов, от его права на свободу предпринимательской деятельности.

Ворьба с утилитарными настроениями носила классово-политический характер¹⁶. В этом ключе на наш взгляд следует рассматривать и политические кампании по выявле-

нию вредителей и «врагов народа» в СССР, являвшиеся средствами мобилизации социальной активности масс¹⁷. Однако, несмотря на жестокое преследование, утилитарные настроения не перестали быть доминантой социального сознания советского человека. В Мордовии, как и во всей стране, они усиливались в связи с падением уровня доходов и материального благосостояния населения. В известной степени этому способствовала экономически необоснованная политика национально-территориального принципа создания административных регионов, в результате чего Мордовия оказалась перенаселенным административным регионом. Размер перенаселенности в 1930 г. определялся в 400 000 человек. Свыше 84 000 годовых работников, не находя применения своим трудовым способностям в сельском хозяйстве, уходили на заработки или занимались кустарными промыслами и более 52000 годовых работников являлись совершенно излишней рабочей силой. Среди татарского населения излишек рабочей силы на 1933 г. составлял 93 700 человек¹⁸.

Отсутствие экономической целесообразности политического решения об образовании Мордовской государственности привело к тому, что новое административно-политическое образование стало регионом с устойчиво низким доходом населения. Действительно, в 1929 – 1930 гг. среднегодовой доход на душу населения в Мордовии составлял 8 руб., в то время как по Средне-Волжскому краю – 13, 95 руб., по РСФСР – 20,11 руб.¹⁹ В Мордовии надолго утверждалась реанимированная традиция искусственного занижения цены труда работника. В условиях, когда доход от легитимной продажи своих способностей оказывается ниже суммы стоимости минимального прожиточного уровня и нет реальной возможности в данном регионе изыскать дополнительные источники извлечения прибыли, население неизбежно отправляется в отход на заработки.

Превращение государства в фактического монополиста-собственника источников извлечения прибыли, ставка на социализацию, сопряженную с системой внеэкономического инициирования трудовой деятельности, способствовали воспроизводству массовой, по сути, тотальной криминализации социума. Не помогали и драконовские меры борьбы с расхищением социалистической собственности²⁰. Растраты и хищения приобретали эпидемический характер²¹. Так циркуляр Полномочного Представителя ОГПУ по СВК № 11 «о борьбе с хищениями мяса-скота» от 20 января 1933 г. констатировал: «Наряду с массовым хищением хлеба за последнее время появились систематические хищения и разбазаривание мясопродуктов на скотоперехонных пунктах, бойнях и мясокомбинатах»²². В августе 1933 г. преподаватель русского языка Рузаевского ж./д. Рабфака Ф.Е. Лобанов с возмущением констатировал: «Кругом нищета и голод... Колхозы и совхозы – вторая барщина, а крестьяне подневольные в них... Рабочие голодают. Строим, строим, а ходим босые...»²³.

В.Р. Гантману, бывшему в начале 1930-х гг. первым секретарем Мордовского ОК ВКП(б), не удалось переломить ситуацию. Утилитарные настроения доминировали во всех слоях общества. Но если рабочие и крестьяне воровали «колоски», то власть держащие наживались на использовании служебного положения. Коррупция охватывала все сферы государственной власти, приобретая «эпидемический характер». Партийно-государственные чиновники всех уровней власти оказались во власти утилитарных настроений. Ответственные работники, организовавшиеся в корпоративные группы, легко путали государственный карман с личным²⁴. Утилитарная доминанта в структуре социального интереса коммуниста-руководителя становилась общесоюзным явлением. «Коммунист иногда считает законы государства и тому подобные вещи делом семейным, – констатировал Сталин в середине 1930-х гг. – Именно поэтому иному коммунисту не стоит иногда большого труда перешагнуть наподобие свиньи... в огород государства и хапануть там или показать свою щедрость за счет государства»²⁵.

В 1930-е гг., в связи с преобразованиями в аграрном секторе, управленческие кадры Мордовии извлекали выгоду на повсеместной практике необоснованной (за соответствующее вознаграждение) передачи колхозной земли единоличникам, «чем грубо на-

рушались основные интересы колхозов»²³. 19 сентября 1934 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) констатировало факты массового разбазаривания колхозных земель в Мордовии. Деятельность первого секретаря Мордовского ОК ВКП (б) В. Р. Гантмана характеризовалась как «неправильное делечество»²⁶. В социальном сознании образ партийного руководителя регионального и общесоюзного уровней начинал прочно ассоциироваться с хищениями и растратами, коррупцией и протекционизмом²⁵.

10 января 1936 г. V-й Пленум Куйбышевского крайкома ВКП (б) констатировал большую засоренность Мордовской областной парторганизации аферистическими группами²⁷. Главный врач Б. Березниковской больницы Янохин, присвоивший 6245 рублей, на вопрос о том, почему в больнице клопы и вши, цинично отвечал: «Деревня к грязи привычна»²⁸.

Мысль Л.В. Милова, о том, что «россияне — социум, имеющий минимальный прибавочный продукт»²⁹ сохраняла свою актуальность и для населения Советской Мордовии. Изъятие не только прибавочного, но и необходимого продукта приводило к тому, что основная масса населения всегда недоедала³⁰. Воровство и мелкие хищения становились средством получения дохода нищенствующего сельского населения Мордовии. Чтобы пресечь этот нелегитимный способ предпринимательской деятельности населения, решавшего проблему своего выживания, местное руководство придумывало изощренные средства «защиты социалистической собственности». Так, 4 декабря 1938 г. НКВД Мордовии доносило о том, что председатель колхоза им. Кирова Мальшевского сельсовета Торбеевского района С.А. Каргаев и кладовщик Ф.Т. Думкин в целях предотвращения хищения семенного материала сортировку семян организовали в церкви. При входе в помещение церкви рабочие взвешивались на весах, после чего их закрывали на замок, а по окончании работ перед уходом на обеденный перерыв всех работающих вновь взвешивали на весах и только после этого выпускали из церкви³¹.

Реализация утилитарных интересов зависела от реального положения советского человека в системе организации жизнедеятельности социума. Но источником пополнения доходов, одним на всех, являлась государственная и колхозно-кооперативная собственность. Рабочие и служащие, колхозники и управленцы аграрным сектором находились в состоянии противоречивого единства. Единство состояло в понимании того, что эти две формы социалистической собственности являются источником дополнительного получения дохода и извлечения прибыли. Противоречие между сторонами возникали в связи с неравными возможностями нелегитимного предпринимательства. Органы государственной безопасности фиксировали это состояние дел в сфере нелегитимного предпринимательства. В архиве УФСБ РМ сохранилось типичное высказывание по этому поводу. Бригадир плотницкой бригады СМУ-17 Семен Пивкин возмущался: «Возьмешь щепку — осудят, а будешь возить машинами — ничего не будет»³².

Всеобщность свойств человека проявляет себя в том, что независимо от региональной и социокультурной особенности он в своей социальной эволюции проходит через все типичные социальные (культурно-исторические) периоды и этапы своего развития. И никакая идеология особи не способна опровергнуть наличие типичного в специфике социокультурного. Все региональные социумы, в то или иное астрономическое время переживают одни и те же типичные по содержанию, разнообразные по форме проявления социокультурные явления, каковым, в том числе, является и утилитаризм. В 1948 г. секретарь Мордовского ОК КПСС С.А. Кочергин сетовал по поводу того, что рабоче-крестьянское происхождение руководителей партийных и советских органов республики не спасает их от стяжательства, накопительства, хозяйственного обростания. Председатель СМ МАССР Н.Я. Тингаев призывал: «Необходимо немедленно закрыть возможности проходимцам использовать предприятия в целях собственной наживы»³³. «Стыдно и обидно за нашу Россию, и накапливается дурное чувство против вершителей наших судеб, но еще больше — против русского общества, бестолкового, непоследовательного и безвольного! Гадюк!»³⁴.

Основным средством извлечения прибыли для управленческого персонала Мордovie 1960 – 1980-х гг. стали приписки и возникшая практика двойной бухгалтерии. Работники горкомов и райкомов КПСС, допускаящие приписки, вводились от ответственности. Расцветал протекционизм и фаворизм. Только в 1976 г. выявленный ущерб государству был определен судами в сумме 259 тыс. рублей³⁵.

Руководители-предприниматели начинали выходить из-под контроля партийных организаций. Коррупция и протекционизм делали их практически вне зоны досягаемости ни общественности, ни правоохранительных органов. В 1985 году семинар-совещание председателей партийных комиссий Мордовского ОК КПСС констатировал: «Редкие случаи, чтобы парторганизация дала принципиальную оценку руководителю по фактам недисциплинированности и нарушений, связанных с выполнением договорных обязательств, качеством продукции... Факты хищений государственных средств порой прикрываем фразой «нарушение финансовой дисциплины». «Партийные взыскания, решения Советов нередко использовались в качестве средства увода руководителей от ответственности»³⁶.

В марте 1987 г. первый секретарь Мордовского ОК КПСС А.И. Березин констатировал: «Особенно обостренно нашим народом встречается все, что связано с нравственным обликом членов партии, и, прежде всего руководителей». И далее: «Кое-где стали непомерно проявляться вопросы личного обогащения, личного благополучия за счет государства»³⁷. Только за 1985 – 1987 гг. бюро и секретариат Мордовского ОК КПСС принял 11 постановлений по припискам. В 1986 г. вскрыто приписок на сумму 4 млн. рублей³⁸.

ЦК КПСС принимает ряд постановлений, в которых предлагается «рассматривать факты приписок как антигосударственные действия, как преступления перед партией и народом. Лиц, виновных в их совершении, снимать с занимаемых должностей и привлекать к строгой партийной ответственности, вплоть до исключения из партии и предания суду». 29 апреля 1987 года Политбюро ЦК КПСС принимает постановление «О дополнительных мерах, направленных на решительное пресечение фактов очковитательства и приписок». Предложено СМ СССР ускорить принятие решения по повышению материальной ответственности должностных лиц за приписки и причиненный ими ущерб и обязательном возмещении государству незаконно выплаченной зарплаты и премий³⁹. Как и в 1930-е годы над советскими предпринимателями-руководителями партийных, советских, хозяйственных, общественно-политических органов начали стучаться тучи народного негодования. Однако, Генеральным секретарем ЦК КПСС был уже не государственный Сталин, а растерявшийся под натиском обострявшихся социально-экономических проблем М.С. Горбачев. Советские и партийные чиновники предприниматели-коррупционеры и очковитатели, ставшие фактическими собственниками национального достояния страны, реально были готовы к смене парадигмы общественных отношений. Против перемен не возражали и массы народа, интуитивно ощутившие порочность советской социокультурной системы. Интересы массы с неосознаваемой жадной достойной жизни и интересы предпринимателей из числа советских руководителей совпали. Но если предприниматели от власти знали и что они выгадывают, и что теряют, то масса безрассудно бросилась в бурные волны передела собственности, не осознавая своей роли как средства реализации интересов субъектов социокультурной системы и орудия последующего распада СССР как единого социокультурного пространства. Недаром еще в 1906 г. граф И.И. Толстой допускал распад России, причиной которого вполне может послужить «взяточничество» и «произвол»⁴⁰.

Примечания

¹ **Тяж Г.К.** Предприниматель. М., 1992. С. 117.

² См.: **Брудкус Б.** Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1922. № 1. С. 50, 51.

³ **Смирнов В.С.** Экономические причины краха социализма в СССР // Отечественная история. 2002. № 1. С. 91.

- ⁴ Радаев В.В. Экономическая социология: Курс лекций. М., 2000. С. 315 – 316.
- ⁵ См.: Сорokin С.Ф. О соотношении государства и экономики в период становления рыночной экономики /Экономика Мордовии: история и современность. Саранск, 1997. С. 18.
- ⁶ См.: Винogradov В.А. К итогам международной научной конференции «Собственность в XX столетии» //Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 5. М.С. Каган, характеризуя социальную роль собственности, отмечает, что суть дела именно в том, что собственность является не самоцелью, не простым средством обогащения, а условием включения многомиллионной крестьянской массы в гражданское общество, поскольку природа его общекультурна и целостно-культурна, а не является узко экономической (См.: Каган М.С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 6. С. 58). Анализ социального содержания собственности посвящена статья А. М. Орехова (См.: Орехов А.М. Собственность как предмет изучения социальных наук // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 5. С. 100 – 114). В.Т. Пуляев исходит из того, что не экономика с ее производительными силами и производственными отношениями детерминирует поведение человека. Напротив, конкретный человек, наделенный сознанием, отражает, познает и изменяет мир, устанавливает взаимоотношения с миром вещей и миром идей. Фактом остается то, что главная детерминанта общественного развития – не экономика и не политика, не религия и не технология. За всем стоит человеческая личность, степень развития которой – главное в человеке. (См.: Пуляев В.Т. Целостный человек и детерминанты его общественного развития // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 6. С. 154).
- ⁷ По этому поводу уместно напомнить мысль А. Н. Сахарова о том, что «именно первичность мысли, ее приоритет над экономическими, социальными и другими общественными категориями стали основой хода человеческой истории» (См.: Сахаров А.Н. История человечества едина. Относительно. Предисловие. /История человечества. Т. I. Доисторические времена и начала цивилизации. UNESCO, 2003. С. XI).
- ⁸ Утилитаризм (лат. utilitas – польза, выгода).
- ⁹ См.: Яркова Е.Н. Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. Новосибирск, 2001.
- ¹⁰ Большой Российский Энциклопедический словарь. М., 2003. С. 1239.
- ¹¹ Социализация – исторически обусловленный способ социальной мобилизации личности не идентифицированного человеческого ресурса в интересах выживания социальных общностей в экстремальных условиях (например, тотальная зависимость человека от сил природы, социальных институтов и субъектов социальной детерминации). Он эффективен тогда, когда социум составляют люди, не испытывающие нужды в своей личностной самоидентификации (синкретический социокультурный тип личности), поскольку, в силу предметно-логического типа своего мышления, они не способны воспринимать абстракции в качестве реальных социокультурных ценностей, инстинктивно стремятся к воле, но не понимают свободы. Социализация – способ социальной мобилизации человека в условиях, когда производство культурных ценностей осуществляется преимущественно на основе затрат физической энергии человека, и не требует от него развития его творческих, интеллектуальных способностей. Социализация – это способ внеэкономического иншицирования социального действия человека, живущего в мире, где востребованными являются лишь его физические способности. Социализация всегда, во все исторические времена, являлась культурным способом отчуждения человека, сначала от его биологических инстинктов и зоологической воли, а затем от его общественных прав и свобод.
- Социализация – типичный, универсальный, общечеловеческий социокультурный способ ограничения зоологической воли, биологических инстинктов и социальной свободы общественно дискриминируемого социального индивида, способ принуждения личности к выполнению возлагаемых на нее социальных обязательств на альтруистической основе. Социализация – это исторически обусловленный социокультурный метод мобилизации социальной активности социального индивида с помощью внеэкономических социокультурных средств, соответствующих типам культуры социальных отношений синкретического периода и мессианско-идеократического этапа цивилизационного периода истории человечества. Источником культивации и рекультивации социализации является редукция социального сознания человека (естественная, соответствующая синкретическому культурно-историческому периоду, и культивируемая, вследствие целенаправленной политики отчуждения части населения от его прав на получение образования, подмены знания верой, не требующей критического анализа, или политики противопоставления веры знанию, догматического знания вере). В синкретический период это исключительно насилие над чужаком-врагом, в мессианско-идеократический период – насилие, сопряженное с идейной экспансией личностей-субъектов культуры социальных отношений. Ибо «непокорный непокорен не человеку, но Богу, Колорый и дал нам Духа Своего Святого» (1 Фес. 4:8). Редукция культивируемого (рекультивируемого) социального сознания и политический радикализм – способ и средство подавления личностной индивидуальности человека. Поэтому социализация практически всегда ориентирована на подавление личностной самоидентификации человека, на его отчуждение от возможности приобщения к фундаментальным естественнонаучным и гуманитарным знаниям, позволяющим человеку понять смысл исторически обусловленных социокультурных методов и средств организации жизнедеятельности социума. Социализация – это политика отчуждения человека от возможности иметь свое социальное сознание.
- Источником политической живучести социализации являются люди с псевдо синкретической культу-

- рой мышления. «Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в плазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога» (Кол 3:22). Такое мышление способно продуцировать лишь примитивное социальное сознание, основанное на вере в чудо (мессию).
- ¹³ *Думанизация*, то есть ставка социума на человека, осознающего свою социальную самость, научившегося активно пользоваться потенциалом своих интеллектуальных способностей, воплощенных в модели прагматических схем инвариантов решения проблемы своего, а вместе с тем и социума, выживания.
- ¹⁴ **Виноградов В. А.** Указ. соч.
- ¹⁵ См.: **Неретина Е. А.** Управление социальными процессами. Саранск, 1999.
- ¹⁶ Обращение Президента Российской Федерации к участникам и гостям международной научной конференции «Собственность в XX столетии» // Новая и новейшая история. — №2. 2001. С. 3.
- ¹⁷ Советская пропагандистская машина внушала рабочим и крестьянам миф об особом характере советского государства, которое, собственно и есть их действительное Отечество. Советские рабочие и крестьяне должны были уяснить, что советское государство — это их настоящая Родина, что в прошлом у них кне было и не могло быть Отечества» (См.: **Сталин И. В.** Соч. Т. 13. С. 39). Поэтому советские рабочие и крестьяне, освобождающиеся от «частнособственнической психологии» (См.: **Сталин И. В.** Соч. Т. 13. С. 39).
- ¹⁸ Власть настойчиво проводила политику ассоциации классовых социальных интересов рабочих и крестьян с общественной социалистической собственностью, посягательства на которую квалифицировалась как враждебная деятельность. В постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» отмечалось, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа, ввиду чего решительная борьба с расхищателями общественного имущества является первейшей обязанностью органов советской власти» (См.: Правда. № 218, 8 авг. 1932 г.)
- ¹⁹ Архивные источники свидетельствуют о том, что чистка властной элиты 1937 — 1938 гг. была направлена, в том числе и против разрастания утилитарной доминанты социального сознания властной элиты СССР в центре и регионах. Причем организаторы чистки формулировали ее достаточно определенно. Так, в закрытом письме Мордовского ОК ВКП (б) от 25 сентября 1937 г. подчеркивалась, что «борьба с врагами народа» ориентируется «на поднятие ярости трудящихся масс.» (ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 2, д. 316, л. 1).
- Именно направляемая «ярость трудящихся масс» должна была, по замыслу организаторов чистки, способствовать достижению единства власти и общества в борьбе с расплозавшимися утилитарными настроениями. Чистка, проведенная сразу же после проявления населением недовольства социально-экономической политикой центральной и региональной власти, организовано началось в связи с кризисом 1936 г., управляемо проводилась, организовано закончилась. Управляемая ненависть к элите, потянувшей в коррупцию, стала очередным средством мобилизации социального ресурса, необходимого для достижения грандиозных планов создания индустриальной мощи СССР. Кстати, это обстоятельство не скрывали и организаторы чистки, настаивавшие региональных руководителей, пришедших на смену репрессированным. Так, первый секретарь Мордовского ОК ВКП(б) Кузнецов на VI областной партийной конференции в июне 1938 г. обращал внимание делегатов на то, что прошедший год — это год «роста и оживления советской власти; год оживления морального и политического единства всех народов СССР.» (ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 2, д. 490, л. 19).
- С. В. Топюкин, характеризуя события Большого террора, отмечает: «Перед нами не параноидальный «срыв» диктатора, а хорошо продуманный чисто российский метод построения нового общества» (См.: Топюкин С. В. Рецензия / М. Янсен, Н. Петров. Верный палач Сталина народный комиссар Николай Ежов. 1895 — 1940 // Отечественная история. — 2003. — № 1. — С. 181).
- ²⁰ См.: ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 1, д. 18, л. 2; д. 634, л. 9; ф. 326, оп. 1, д. 342, л. 1.
- ²¹ Там же, ф. 328, оп. 1, д. 281, л. 22.
- ²² См. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» (Правда. № 218, 8 авг. 1932 г.)
- ²³ См.: ЦДНИ РМ, ф. 328, оп. 1, д. 474, л. 2.
- ²⁴ См.: Архив УФСБ по РМ, ф. 4, оп. № 11-1, л. 36-69, л. 19.
- ²⁵ См.: ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 1, д. 663, л. 113.
- ²⁶ Там же, л. 25; оп. 2, д. 40, л. 17, 18, 19; ф. 328, оп. 1, д. 474, л. 2 и др.
- ²⁷ Там же, оп. 2, д. 11, л. 54.
- ²⁸ Там же, оп. 1, д. 675.
- ²⁹ Там же, оп. 2, д. 289, л. 184.
- ³⁰ Органы государственной безопасности фиксировали типичные высказывания в среде служащих и студентов по поводу убийства С. М. Кирова: «Кирова убили за то, что он ворюга». «Убили всемирного лодьяра». «Кирова убили, это хорошо, но надо было убить Молотова и Сталина, тогда и власти конец» (См.: ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 1, д. 859, лл. 19, 20, 21). Среди студентов Zubovo-Полянского педагогического техникума циркулировало мнение: «Кирова убили, а дармоедов остались тыщачи». В Мордовской высшей сельскохозяйственной школе фиксировалась аналогичная реакция: «Мало Ки-

рова убить, нужно всех их там перебить» (См.: ЦНИ ИМ, ф. 269, оп. 1, д. 860, л. 160). В 1935 г. негодование по поводу нелегитимной предпринимательской деятельности властной элиты региона стало ассоциироваться с именем Сталина. Среди студентов Мордовского рабфака культивировались суждения: «Сталин плохо руководит партией, народ сидит голодный»; «Сталин управлять страной не может, если бы его убили, народ стал молиться за то, что убили»; «Во второй пятилетке у Сталина останется партбилет, у Ленина портрет, а у калхасника скелет» (См.: ЦНИ ИМ, ф. 269, оп. 1, д. 860, л. 23).

³¹ См.: ЦНИ ИМ, ф. 269, оп. 2, д. 3, л. 2.

³² Там же, д. 359, л. 19.

³³ См.: Отечественная история. — 1996. — № 6. — С. 202.

³⁴ В справке НКВД МАССР подготовленной 14 марта 1938 г. Секретарю Мордовского ОК ВКП (б) отмечалось: бытовые условия рабочих свиновозово «Фрасноармеев» Торбеевского района поставлены отвратительно, зарплата не выплачивается, люди живут в грязных нетопленных помещениях, в результате в общежитии среди рабочих появилась эпидемия сыпного тифа (Текущий архив УФСБ по ИМ. д. № 19-32, л. 18). 29 августа 1938 г. НКВД Мордовии доносило о том, что в свиновозово «Фрасный свиновод» Чамзинского района рабочих, участвовавших в посевной кампании очень часто кормят плуло-червивым мясом (См. Там же, л. 56).

³⁵ Текущий архив УФСБ по ИМ. д. № 19-32, л. 73.

³⁶ Текущий архив УФСБ по ИМ. д. № 20-3, архивный № 6330, л. 299.

³⁷ Четвертая сессия Верховного Совета Мордовской АССР — 12 июня 1948.: Стенографический отчет. Саранск, 1948. С. 63, 78.

³⁸ Толстой И.И. Дневник. 1906 — 1916. (Публикация Л. И. Толстой). Спб., 1997. С. 232.

³⁹ ЦНИ ИМ, ф. 269, оп. 34, л. 151.

⁴⁰ Там же, оп. 47, д. 5, л. 27, 28.

⁴¹ Там же, оп. 5, д. 5, л. 3.

⁴² Там же, д. 6, л. 5, 6.

⁴³ Там же, л. 4.

⁴⁴ Толстой И.И. Указ. соч. С. 660.

И. В. Поткина,

доктор исторических наук,

Институт российской истории РАН (г. Москва)

ФИРМА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

(АКТУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ)

В последние 15 — 20 лет отечественная историческая наука переживает серьезные изменения, связанные с освоением новых теорий и концепций, с расширением методологии исследований, с введением в научный оборот огромного комплекса ранее не привлекавшихся источников. Названные процессы стимулировали появление и новых для отечественной историографии направлений, к числу которых с полным основанием можно причислить историю предпринимательства. Хотелось бы отметить, что оно принадлежит к одному из самых активно развивающихся направлений в современной науке России.

Бурное становление данной дисциплины на рубеже XX — XXI вв. не могло не выдвинуть перед исследователями целый ряд проблем и первоочередных задач, которые требовали широкого обсуждения. В середине 1990-х гг. был проведен ряд конференций по отдельным крупным проблемам отечественного предпринимательства в разные периоды его истории, на которых специалисты предприняли попытку определить перспективы развития нового направления экономического знания. Однако в России указанные положительные тенденции не получили своего логического завершения, как это произошло в Западной Европе и США, где к концу XX в. завершился процесс институционализации научной и учебной дисциплины «business history». Практически все высокоразвитые страны помимо специализированных научно-исследовательских центров имеют свои национальные ассоциации и журналы по истории бизнеса¹.

К сожалению, у нас во многом все остается по-прежнему, и в большинстве случаев российский обществоведы, взявшиеся за изучение истории отечественного предприни-

мательства, в настоящее время продолжают работать не только изолированно друг от друга, но и, как правило, без учета многолетнего опыта и новейших достижений западной «business history». На этот недостаток обратил внимание исторического сообщества России выдающийся ученый В.И. Бовыкин в 1996 г. в своей программной статье «Актуальные проблемы экономической истории», в которой он не без огорчения говорил о «героических усилиях энтузиастов», работавших в ряде столичных и периферийных академических учреждениях, а также в некоторых вузах. При этом он подчеркивал, что «их разрозненных усилий совершенно недостаточно, чтобы вывести историко-экономические исследования в нашей стране на уровень, достигнутый мировой наукой»². В.И. Бовыкин указал еще на одно принципиально важное отличие в организации научных разработок у нас и за рубежом. Там широкий размах «обеспечивается функционированием целой системы государственных и общественных институтов, занимающихся проведением научных исследований, публикацией их результатов, организацией научных конференций и воспроизводством кадров историков-экономистов». В.И. Бовыкин говорил также о безоплатательной необходимости создания в России исследовательского и координационного центра, действующего на постоянной основе, в задачи которого входили бы расширение контактов с отечественными и зарубежными научными учреждениями и вузами, формирование временных творческих групп для выполнения целевых программ и проектов³.

Частично научное завещание В.И. Бовыкина выполнено. В настоящий момент роль координирующего органа выполняет Центр экономической истории при историческом факультете МГУ, который регулярно проводит семинары по широкому спектру проблем, приглашая в качестве докладчиков как зарубежных специалистов, представителей крупных университетов Европы и Америки, так и российских историков и экономистов из ведущих научных учреждений страны и вузов. Совместно с ИРИ РАН Центр с 1999 г. издает ежегодник «Экономическая история», на страницах которого публикуются результаты новейших исследований отечественных и иностранных историков, а также выносятся на широкое обсуждение малоизученные и дискуссионные вопросы. Знаменателен тот факт, что указанный сборник имеет постоянную рубрику «история предпринимательства», в рамках которой получил апробацию не один десяток конкретных научных тем, связанных с введением в оборот новых архивных материалов⁴.

Несмотря на положительные сдвиги последних лет, вряд ли есть основания утверждать, что российские историки предпринимательства смогли преодолеть оторванность от общемирового научного процесса. Достаточно посмотреть на долю россиян в общей массе участников и руководителей секций последних международных экономических конгрессов, а также на количество отечественных ученых среди членов в Европейской ассоциации истории бизнеса⁵. К неутешительным выводам приводит и просмотр информационных бюллетеней Ассоциации: в раздел «рецензии» крайне редко попадают современные российские издания по экономической истории, включая историю предпринимательства. Обычно книги представляют соотечественники.

Указанные бюллетени содержат еще одну рубрику, имеющую особое значение — «дискуссии», в которой печатаются публичные выступления, лекции, статьи видных зарубежных специалистов. Тем самым, не дожидаясь созыва ежегодных конференций, западные историки не только получают возможность обсудить ключевые проблемы истории бизнеса, но и постоянно находиться в курсе последних веяний науки. Из-за малочисленности россиян в Ассоциации, занимающейся рассылкой своих изданий исключительно членам, основная масса отечественных исследователей, особенно те, кто работает в регионах, остается в стороне от важнейших событий. Словом, интеграция российской исторической науки в общемировой процесс все еще продолжает быть уделом будущего.

Сказанное выше дает краткую характеристику внешним условиям развития на современном этапе нового направления экономического знания — истории отечественного предпринимательства. Хотелось бы обратить внимание также на черты, являющиеся

проявлении внутренних процессов становления указанной дисциплины. В данном случае речь идет о проблематике исследований и источниковой базе. На протяжении XX в. определились магистральные темы в изучении истории бизнеса. К ним относятся история фирмы, династии, отрасли или региона. Если с этой точки зрения посмотреть на отечественную историографию рубежа XX – XXI вв., то можно сделать ряд выводов, которые дадут качественную характеристику развитию истории предпринимательства в нашей стране.

Следует отметить, что в советской исторической науке вопреки неблагоприятным идеологическим условиям была создана солидная база для последующего изучения истории бизнеса в России⁶. Несмотря на существовавшие тогда догматические установки, в рамках экономической истории происходило накопление фактического материала. Отечественные ученые изучали процесс классовобразования буржуазии, ее политическую активность, а также различные отрасли производства и истории кредитно-банковской системы. Начиная со второй половины XX в. работы исследователей, посвященные развитию отдельных секторов народного хозяйства, стали постепенно «оживать», все чаще на страницах монографий и статей появлялись имена фабрикантов и заводчиков дореволюционной России. Все это позволяло составить общее представление относительно хозяйственной активности тех или иных лиц или деятельности определенных фирм. В этом смысле классическими работами являются труды В.И. Бовыкина, И.Ф. Гиндина, В.Я. Лаверьичева, А.М. Соловьевой и многих других⁷. Если подытожить пройденное, то активнее всего в советскую эпоху разрабатывалась история отраслей и регионов. Современные российские историки продолжают успешно работать в этом направлении, значительно расширяя перечень анализируемых проблем⁸.

Что касается такого жанра исследования, как история фирмы, то и он был представлен не одним десятком монографий. Как известно, постановление ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. послужило началом большой работы по созданию истории отечественных фабрик и заводов. Инициатор серии А.М. Горький возглавил издательство, которое за шесть лет своей деятельности сумело выпустить около 30 книг. Одновременно проводилась огромная архивоведческая и источниковедческая работа, собранные сотрудниками материалы отложились в фонде 7952 в ГА РФ. Сам фонд делится на две части: 1) делопроизводство издательства; 2) делопроизводственная документация фабрик и заводов. Последняя представлена как копиями, так и подлинниками⁹.

Самыми значительными и лучшими по исполнению оказались хорошо фундированные труды по истории Путиловского и Ижорского заводов, которые неоднократно переиздавались в советское время¹⁰. Общей особенностью этих книг стало пристальное внимание к деятельности революционных и партийных организаций рабочих на предприятиях, к социальному положению пролетариев. Однако авторы не ушли ни от рассмотрения экономических и производственных вопросов, ни от анализа инженерно-технических и финансовых проблем. Более того, пусть даже и в иронично-критическом тоне, но все-таки они рассказывали о владельцах и руководящем персонале заводов. В силу сказанного данные работы до сих пор не потеряли своей научной ценности, несмотря на ярко выраженный классовый подход.

В дальнейшем советские историки продолжали работать в этом жанре, создавая истории предприятий. Но авторы последующих книг все меньше и меньше страниц отводили дореволюционному периоду фабрики и завода, отдавая предпочтение рассказу о достижениях советского времени¹¹. А если и уделяли внимание, то ориентировались главным образом на изучение социально-экономического положения пролетариата, классовой борьбы и самосознания рабочих. Экономические итоги деятельности фирмы, использование технических усовершенствований рассматривались мимоходом или в связи с революционной борьбой, и в конечном итоге они перестали быть самостоятельными проблемами¹². Все это привело, на мой взгляд, к вырождению жанра. Даже по сравнению с первыми изданиями произошло тематическое сужение.

В 1980 г. вышло в свет еще одно исследование, на этот раз посвященное целиком дореволюционной истории Нобелевской корпорации в России. И.А. Дьяконова, изучая материалы центральной аппарата управления нефтяного концерна сквозь призму проблемы монополизации отрасли, рассказала о схватке владельцев компании со своими соперниками в борьбе за мировой рынок. Таким образом, в жанре история фирмы были частично восстановлены некоторые забытые исследователями темы, в частности положение на рынке и маркетинговая стратегия. Однако и в этой книге, особенно по сравнению с дореволюционными юбилейными изданиями Товарищества Братьев Нобель, многие проблемы, относящиеся к характеристике особенностей хозяйственной деятельности предпринимателей, организационной структуре предприятия, социальной политике хозяев, И.А. Дьяконова обошла молчанием¹³. Во многом это объясняется теми специфическими условиями, в которых вынуждены были работать советские историки экономики.

Как мне представляется, большое число книг, посвященных отдельным фабрикам и заводам и изданных в советское время, с точки зрения современного историка бизнеса страдают чрезмерной односторонностью, вызванной классовым подходом, и одновременно малой информативностью.

В последние годы XX столетия история фирмы как предмет специального изучения начала постепенно возрождаться. Причем происходило это в рамках двух независимых друг от друга направлений. Одно из них принадлежит потомкам знаменитых российских купеческих династий, для которых, наконец, настало время восстановления исторической справедливости. Работая над книгами, они тем самым отдавали должное своим некогда знаменитым предкам. В отличие от профессиональных историков потомки избрали иной подход, вызвав к жизни особый жанр документально-исторического повествования. Данные популярные издания опирались на семейные предания, частично на архивные документы и опубликованные до революции так называемые представительские материалы. При этом авторы книг особое место уделяли рассказу о представителях рода, возродив в России устную историю. Лучшим произведением в названном направлении, на мой взгляд, является книга, посвященная мануфактурным фабрикантам Красильщиковым¹⁴.

Что касается профессиональных исследователей, то в последние годы они сосредоточили свои усилия на изучении главным образом истории предпринимательских династий. При этом проблемы, являющиеся сферой особого научного интереса в истории бизнеса, обязательно анализировались в той или иной степени авторами. Вышла в свет целая серия монографий, опирающихся на широкий круг источников, включая новые архивные материалы¹⁵. А вот история фирмы как самостоятельная тема фундаментального исследования пока еще не заняла должного места в проблематике современных исследований. Примеров комплексного ее изучения с использованием эволюционного и междисциплинарных подходов в отечественной историографии, к сожалению, практически нет. Справедливости ради следует сказать, что в некоторых обобщающих работах отдельные российские торговые дома или коммерческие компании второй половины XIX – начала XX в. уже стали сферой повышенного внимания историков¹⁶.

Между тем крупная фирма как объект изучения представляет огромный научный интерес. По мнению современных западных специалистов, она является важнейшим социальным институтом, который «формирует общество и одновременно формируется обществом». К тому же именно фирма – это то место, где происходят инновационные и технологические изменения¹⁷. В 1990-е гг. на основе большого числа эмпирических исследований в зарубежной исторической науке было сформулировано очень важное положение теоретико-методологического свойства, которое придает особую значимость комплексному изучению истории конкретных фирм и отраслей промышленности. Как оказалось, конкурентные преимущества национальных экономик рождаются на низовом и среднем уровнях структуры народного хозяйства. Следовательно, экономическое ли-

дерство зависит в большей степени от стратегии и общего устройства фирмы, организации отрасли производства, от поддерживавших их институтов, усилий НИОКР, чем от таких макроэкономических показателей, как валютные курсы, трудовые и капитальные издержки, цены и пр.¹⁸ Тем самым повышается и общенаучный статус истории предпринимательства, являющейся на современном этапе развития науки важнейшим направлением экономического знания.

Для того чтобы отечественные разработки отвечали мировому уровню, комплексное исследование истории отдельной фирмы должно соответствовать, на мой взгляд, целому ряду параметров. Во-первых, помимо традиционных методов – историко-генетического, историко-типологического и сравнительного – необходимо использовать системный и антропологические подходы. При первом фирма как своеобразная микросистема рассматривается в ее взаимодействии с аналогичными социально-экономическими институтами народного хозяйства. Одновременно она, будучи основной формой проявления деловой активности, изучается в своем постоянном развитии. При втором подходе необходим всесторонний анализ роли личности предпринимателя не только в организации производства и использовании новейших достижений науки и техники, в определении модели управления и трудовых отношений, в выработке маркетинговой стратегии и социальной политики, но и в жизни общества в целом. Во-вторых, при изучении фирмы исследовательская программа должна стать достаточно широкой, позволяющей преодолеть узкие рамки микроанализа и выйти на более высокий уровень обобщения. Сказанное выше определяет основные сюжетные линии темы, которые освещают все стороны деятельности компании, корпорации или индивидуального частного предприятия. Что касается методики комплексного изучения единичного предприятия, то она была не только выдвинута, но и апробирована в работе Г.Р. Наумовой, которая в настоящее время целенаправленно развивает данную проблему, находя в ней все новые и новые грани и что, немаловажно, последователей¹⁹.

И, наконец, исследование, посвященное истории фирмы, должно опираться на солидную источниковую базу, отличительной чертой которой является сочетание разноплановых документов, возникших на различных уровнях экономической системы. В современной отечественной историографии предпринята попытка не только определить крупные группы материалов, но и оценить их информационную ценность и значимость для освещения тех или иных аспектов функционирования единичного предприятия. Как пишет Г.Н. Наумова, «реконструкция полноты функционирования человека как хозяйствующего субъекта предполагает необходимость мобилизации если не всех сохранившихся источников, то всех их видов и разновидностей, стянутых к познанию изучаемого исторического явления, каковым.. является русская фабрика. Более того, и сами предметы материальной культуры, и памятники производства и быта включаются в этот источниковедческий ареал, как опосредованно отражающие духовное состояние эпохи, внутренний смысл ее материальной культуры»²⁰.

В связи с этим неизбежно возникают два вопроса: 1) насколько хорошо сохранились документы акционерных обществ и торговых фирм Российской империи в государственных архивах страны; 2) можно ли широко развернуть комплексные исследования по истории дореволюционных фирм.

Подобного рода источниковедческую работу почти 30 лет тому назад осуществил А.Г. Голиков при содействии и всемерной поддержке Института истории СССР АН СССР, Главного архивного управления при Совете министров СССР и исторического факультета МГУ в конце 1970-х гг. Результаты сплошного обследования находившихся на государственном хранении документальных материалов были обобщены и увидели свет в 1979 г.²¹ Правда, подготовленный А.Г. Голиковым перечень получил тогда гриф «для служебного пользования», и поэтому далеко не все крупные библиотеки России стали обладателями столь ценного для историка бизнеса издания. В настоящее время перечень, к сожалению, является библиографической редкостью.

Если посмотреть на общие данные о количестве фондов российских акционерно-паевых и торгово-промышленных предприятий, находившихся в государственных архивах СССР, то их число составляло 1 375. Из них в настоящее время 374, или 27,2 % находятся за пределами России. По количеству фондов и единиц хранения самую представительную коллекцию имеет архив Азербайджана. Это главным образом нефтепромышленные товарищества, и лидером по количеству документов является Товарищество нефтяного производства братьев Нобель. При этом самостоятельный фонд данной фирмы, который поступил на хранение в РГИА, по числу документов значительно уступает тому, что осталось в Азербайджане. В России находятся три архива – РГИА, ЦГИА СПб, ЦИАМ, которые обладают самыми крупными и многочисленными собраниями документов акционерных обществ и паевых товариществ, игравших ключевую роль в экономике Российской империи. В них соответственно отложилось следующее количество самостоятельных фондов коммерческих фирм – 94, 240 и 232, т.е. 56,5 % от общего числа того, что находится на государственном хранении в России. При этом собрания, насчитывающие в своем составе свыше 1 000 единиц хранения, образовали 59 фондов, а от 100 до 1000 единиц хранения – 226, в относительных числах – соответственно 10,6 и 40,6 %²².

Теперь необходимо посмотреть на проблему состояния источниковой базы для изучения истории российских фирм с другой стороны, а именно с позиций сохранности документов. И в этом случае воспользуемся сведениями, полученными А.Г.Толкивым при сопоставлении данных справочника «Акционерно-паевые предприятия России» и упоминавшегося перечня архивных фондов. Сравнивалось общее число фирм, размещенных о себе информацию в дореволюционном издании, и количество сохранившихся самостоятельных фондов акционерных обществ и паевых товариществ (по отраслям производства на территории бывшего СССР). На первый взгляд ситуация вполне удовлетворительная. В целом 50,9 % фирм от списочного состава справочника являются фондообразователями. При этом лидируют следующие отрасли: резиновые фабрики (100 %), нефтепромышленные предприятия (92,9 %), табачные фабрики (86,9 %), предприятия по обработке животных продуктов (69,7 %), текстильные мануфактуры (67,3 %). Что касается передовых и наиболее энергично развивавшихся перед революцией 1917 г. отраслей (электротехника, металлообработка, машиностроение), то и в этом случае более 60 % компаний имеют самостоятельные фонды. Хуже всего обстоят дела с торговыми фирмами, у которых степень сохранности установилась на довольно низком уровне – 12 %²³.

При этом следует иметь в виду, что далеко не все предприятия размещали о себе сведения в справочно-статистических изданиях дореволюционной России. И в реальности количество дошедших до нашего времени самостоятельных фондов акционерных обществ и паевых товариществ во многих случаях оказывается существенно больше. В ведущих отраслях и динамично развивавшихся секторах экономики Российской империи (текстильная промышленность, металлообработка и машиностроение, электротехника), как показывают подсчеты, превышение колеблется в диапазоне от 1,2 до 1,6 раза. Все это внушает исследовательский оптимизм.

В проблеме сохранности источников есть и другая сторона, которая характеризует качество документа с точки зрения его содержания. Чтобы хоть как-то осветить данную проблему, следует обратиться к путеводителям по архивам. Для примера возьмем ЦИАМ, являющийся вторым по значимости историческим бизнес-архивом в России. Исследователь, занимающийся историей предпринимательства, в первую очередь обратится к учредительской, делопроизводственной и бухгалтерской документации фирмы. Даже поверхностный анализ справочника, который, как показывает опыт практической работы в данном архиве, неадекватно отражает спектр имеющихся в наличии источников, приводит к вполне удовлетворительным результатам. В разделе «фонды промышленных объединений и предприятий» помещены краткие описания состава документов

57 акционерно-паевых обществ московского региона, из них в 33 фирмах сохранились самые значимые для исследователя источники: протоколы общих собраний пайщиков, заседания правлений, годовые отчеты и материалы к ним. При этом фонды наиболее крупных предприятий чаще всего оказываются и наиболее репрезентативными. Как правило, они имеют почти полный состав источников бухгалтерского содержания, сметную и научно-техническую документацию⁴.

Конечно, это поверхностная характеристика, а более точную информацию можно получить только при анализе описей. К тому же источники архивного происхождения — это только часть, пусть и наиболее значительная, общей документальной базы исследования. В настоящее время необходимо развернуть работу по вовлечению в научный оборот материалов, сохранившихся в личных архивах потомков российских предпринимателей, которые либо заполняют образовавшиеся лакуны, либо расширяют границы знания.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что современные российские историки бизнеса имеют в своем распоряжении солидную документальную базу, достаточную для того, чтобы развернуть серию ширококомбинированных исследовательских проектов по истории отечественных фирм дореволюционного периода. Данное направление может и должно стать магистральным в современной науке. История крупной фирмы — эта именно та тема, которая раздвигает рамки микроанализа и позволяет подняться до уровня исторических обобщений. Более того, она выводит ученого на целый пласт проблем, находящихся вне пределов традиционного социально-экономического анализа, и позволяет подойти к решению важнейших вопросов общественной и экономической жизни страны.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: **Поткина И.В.** На Олимпе делового успеха. Никольская мануфактура Морозовых, 1797 — 1917. М., 2004. С. 7 — 21; **Она же.** Европейская ассоциация истории бизнеса — первые итоги // Проблема 2003. Экономическая история и бизнес-архивы: институционализация знания и новая архивная парадигма. М., 2004.
- ² **Бовыкин В.И.** Актуальные проблемы экономической истории // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 26 — 27.
- ³ Там же. С. 27.
- ⁴ См.: Экономическая история. Ежегодник 1999 — 2004. М., 1999 — 2004.
- ⁵ **Бовыкин В.И.** Миланский конгресс экономической истории и наша историко-экономическая наука // Экономическая история. Обзорение. М., 1996. Вып. 1; **Материалы круглого стола «Экономическая история сегодня (по итогам XI Международного конгресса экономической истории)»** // Там же; **Круглый стол по итогам XII Международного конгресса по экономической истории** // Экономическая история. Обзорение. М., 1999. Вып. 3; **Бородкин Л.И.** XIII Международный конгресс экономической истории // Экономическая история. Обзорение. М., 2002. Вып. 8; **Она же.** Тенденции развития исследований по экономической истории: взгляд через призму XIII Международного конгресса // Проблема 2003. Экономическая история и бизнес-архивы: институционализация знания и новая архивная парадигма; **European Business History Association. Register of Members.** 1996 — 2004.
- ⁶ См.: **Наумова Т.Р.** Русская фабрика. (Проблемы источниковедения). М., 1998. С. 3 — 22.
- ⁷ См., например: **Бовыкин В.И.** Формирование финансового капитала в России. М., 1984; **Гиндин И.Ф.** Русские коммерческие банки М., 1948; **Лавренко В.Я.** Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861 — 1900. М., 1974; **Соловьева А.М.** Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990; **Шепелев Л.Е.** Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981; **Она же.** Царизм и буржуазия в 1904 — 1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. (Список авторов и работ значительно шире, но ограниченные объемы статьи не позволяют сделать его полным).
- ⁸ См.: **Арсентьев Н.М., Дубодел А.М.** Промышленная Россия первой половины XIX в. Замосковский горный округ в планах и чертежах. М., 2004; **Иванова Н.А.** Промышленный центр России 1907 — 1914 гг. Статистико-экономическое исследование. М., 1995.
- ⁹ Подробнее о фонде см.: **Наумова Т.Р.** Документация предприятий и традиции их собирания // Проблема 2003. Экономическая история и бизнес-архивы.
- ¹⁰ См.: **Мительман М.И., Глебов Б.Д., Ульянинский А.Г.** История Путиловского завода. 1801 — 1917. М., 1961; **Ижорский завод.** Ч. 1, 2. Л., 1974 — 1976. В часть 1 вошло исследование **Завьялова С.**, опубликованное издательством «История фабрик и заводов» в 1934 г. под названием «История Ижорского завода».

- ¹¹ См., например: **Ванишев Н.А.** По векам истории. Очерк истории Городищенской ордена Трудового Красного Знамени оделочной фабрики. 1883 – 1983. Ярославль, 1983; **Панфилова А.М.** История завода «Красный богатырь». (1887 – 1925). М., 1958; **Прохоров В.С.**, **Соловьев П.Ф.** и др. Кондитерской фабрике «Красный Октябрь» 100 лет. 1867 – 1967. М., 1967.
- ¹² Подробнее об этом см.: **Наумова Г.Р.** Русская фабрика. С. 9 – 10.
- ¹³ См.: **Дьяконова И.А.** Нобелевская корпорация в России. М., 1980.
- ¹⁴ См.: **Красильщиков А.П.**, **Сафронов В.Д.** Фабриканты Красильщиковы. М., 2000. См. также: **Смирнова К.В.**, **Чиняева Г.В.**, **Смирнов В.О.**, **Гоголашвили И.И.** Водочный король Петр Арсеньевич Смирнов и его потомки. М., 1999.
- ¹⁵ См., например: **Арсентьев Н.М.**, **Дубодел А.М.** Отечеству служить обязаны. Трудовая мотивация и образ российского предпринимателя: история и современность. СПб., 2000; **Арсентьев Н.М.**, **Макушев А.А.** Хрустальные короли России. Промышленное хозяйство и предпринимательская деятельность Мальцовых в XVIII – XIX веках. М., 2002; **Неклюдов Е.Т.** Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004; **Морозова Т.П.**, **Полкина И.В.** Савва Морозов. М., 1998; **Петров Ю.А.** Династия Рябушинских. М., 1997.
- ¹⁶ См.: **Ананьич Б.В.** Банкирские дома в России 1860 – 1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991; **Петров Ю.А.** Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательства и политика. М., 2002.
- ¹⁷ См.: *Business History, Theory and Practice. Proceedings of the Conference on Business History and Theory, July 1999, Glasgow.* Glasgow, 2000. P. 8, 60.
- ¹⁸ *Ibid.* P.58.
- ¹⁹ См.: **Наумова Г.Р.** Русская фабрика; **Она же.** Документация предприятий и традиции их собрания. См. также: **Савинова Е.Н.** Сельские усадьбы московских предпринимателей (конец XIX – начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- ²⁰ **Наумова Г.Р.** Русская фабрика. С. 101 – 181, 255; См. также: **Поткина И.В.** На Олимпе делового успеха. С. 21 – 39.
- ²¹ Перечень российских акционерных торгово-промышленных компаний, архивные фонды которых находятся в государственных архивах СССР. М., 1979; **Голиков А.Г.** К вопросу о составе, содержании и сохранности документов акционерных компаний // Источниковедение отечественной истории. М., 1980.
- ²² Подсчитано по: **Голиков А.Г.** К вопросу о составе, содержании и сохранности документов акционерных компаний. С. 153 – 155.
- ²³ Там же. С. 156. Расчеты автора.
- ²⁴ Государственный исторический архив Московской области. Путеводитель. М., 1961. С. 126 – 160.

Т. А. Слугина,

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск)

МОДЕЛИ И ЦИКЛЫ РАЗВИТИЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

Хозяйственное устройство страны не остается неизменным и претерпевает трансформацию, обусловленную как изменением внутренней среды, так и взаимодействием с мировым рынком и другими национальными экономиками. Изучение промышленного развития, представленного в таком контексте, предполагает особое внимание к выявлению его содержательной стороны. Разработка данной темы имеет большое значение прежде всего для оценки стратегий общественно-экономического развития России в прошлом и в целях обоснования продуманного и эффективного ее варианта на современном этапе.

Представление о прогрессивности промышленного развития как монотонно увеличивающемся объеме производимых благ в обществе никогда не было абсолютно доминирующим. Оно всегда дополнялось положениями об объективном действии свойства цикличности, посредством которого обозначались возвратные процессы, чередование разных фаз и ступеней развития (в частности, прогрессивной и регрессивной) в мировом хозяйстве и в национальных экономиках.

Хозяйственное развитие России при всей его сложности, спонтанности хаотичности и беспорядочности в конечном счете подчинено определенной логике событий.

Это обстоятельство дает основание строить различные гипотезы развития исторического процесса, смены его общественно-экономических форм и предлагать принципы периодизации.

В истории металлургической промышленности России, на наш взгляд, можно выделить следующие модели промышленного развития: крепостную, капиталистическую, социалистическую, постсоветскую. Развитие металлургической промышленности России (на макро- и микроуровнях) можно проследить сквозь призму традиционного подхода, где плавную роль играет зависимость промышленности от социально-экономических отношений. Но изучение истории общественного развития России в традиционном ключе с помощью выделяемых моделей недостаточно. Развитие промышленности происходит не линейно с постоянным наращиванием производства и монотонным его ростом, а через спады и подъемы производства. Таким образом, историю развития металлургической промышленности можно анализировать с позиций теории цикличности, в основу которой положена идея о повторяемости волновых колебаний, происходящих через спады и подъемы.

Применительно к России анализ в данных параллельных направлениях имеет особое значение, так как, совместив эти подходы, можно дать действительно целостное, системное описание российского хозяйства, раскрыть закономерности общественно-экономической эволюции страны.

Под моделью промышленного развития мы понимаем определенный комплекс взаимосвязанных социально-экономических и политических отношений. Под волнообразными процессами один из основоположников теории длинных волн в экономике русский экономист Н.Д. Кондратьев подразумевает те процессы изменений, которые в каждый данный момент имеют свое направление и, следовательно, постоянно меняют его, при которых явление, находясь в данный момент в данном состоянии и затем, меняя его, рано или поздно может вновь вернуться к исходному состоянию¹.

При этом наличие в экономической жизни элементов, подверженных необратимым тенденциям (будь то общий рост производства товаров, или возвышение потребностей, или рост населения), объясняет, почему народно-хозяйственный процесс в целом необратим, неповторим и дает картину непрерывной эволюции. В то же время обнаружение элементов народного хозяйства, подверженных волновым, повторимым изменениям (товарные цены или обменные курсы валют), дает возможность, как считал Н.Д. Кондратьев, понять колебания и возвраты, которые присущи народному хозяйству в процессе его эволюции. Заслугой Кондратьева было то, что он одним из первых экономистов представил развитие экономики не в виде непрерывного и монотонного роста (т. е. прямой линией), а как сложную синусоиду (спираль), проходящую через «толчки» и «зигзаги».

Изучение экономических процессов как колебательных, связанных с непрерывными отклонениями выводит нас на понимание того, что в хозяйственной деятельности страны наблюдаются не только хаотические, случайные, но и определенным образом упорядоченные и детерминированные действием конкретных факторов колебания. Этим уже закладывалась теоретическая база для возможного объяснения возникновения волн в экономической жизни, имея в виду чередование подъемов и спадов, ускорений и замедлений в движении производства.

Волнообразность (цикличность) как объективное свойство экономического развития в России стала особенно ярко проявляться с переходом страны к рыночному типу организации производства и обмена. Это приводит к необходимости анализа и осмысления нелинейной и дискретной природы преобразовательных процессов в нашей стране. Обнаружение такого свойства применительно к экономической системе рыночного типа является доводом в подтверждение ее самоорганизующейся природы. Такое ее качество связано с тем, что в основе действия циклов лежат не только случайные и субъективные факторы, но и объективные, имеющие к тому же экономическую основу в рыночном типе хозяйствования.

Особенно необходимо отметить исследование волнообразного развития металлургической промышленности России. Оно позволяет отказаться от линейного представления в развитии промышленности России, сводящегося к непрерывному и монотонному росту производства. Промышленное развитие более многогранно. Оно не укладывается в рамки однолинейного и непрерывного движения по пути модернизации производства. При анализе металлургической промышленности нашей страны не обойтись без учета действия циклических факторов. Внимание к данной теории в настоящее время в России все возрастает, что связано с проводимыми в стране рыночными преобразованиями в сфере промышленности.

Нами было проведено исследование по выявлению циклической динамики в развитии отечественной металлургической промышленности (на микро- и макро- уровнях). В соответствии с методом статистической обработки данных Н.Д. Кондратьева по выявлению циклических колебаний, следуя его теории, мы провели исследование на примере металлургической промышленности России и Выксунского металлургического завода. При расчетах мы использовали количественные данные по выплавке чугуна, стали, проката, производству труб, т. е. основным показателям развития металлургической промышленности. Расчеты по методу Кондратьева выполнены с помощью программного комплекса «ЭМ-1»², а анализ данных произведен на основе применения новейших информационных технологий с использованием современной компьютерной техники. Проведенные расчеты с 1900 по 2004 г. позволяют зафиксировать наличие циклических колебаний на данном промежутке. Если исключить случайные колебания и влияние средних промышленных циклов с продолжительностью в среднем в девять лет, для чего воспользоваться сплаженными значениями показателя (по методу девятилетней скользящей средней, который применял Н.Д. Кондратьев), то динамика по производству основных видов продукции металлургической отрасли предстает в виде чередования подъемов и спадов.

При характеристике развития металлургической промышленности России (СССР) обнаруживаются две подъемные фазы, когда отклонение от тренда превышает нулевую отметку (рис. 1). Необходимо заметить и то, что такие фазы последовательно сменяются общими понижательными фазами, что дает основание трактовать данные колебания как неслучайные и имеющие циклическую природу. Однако необходимо заметить, что плановая экономика СССР наложила отпечаток на циклическую природу развития

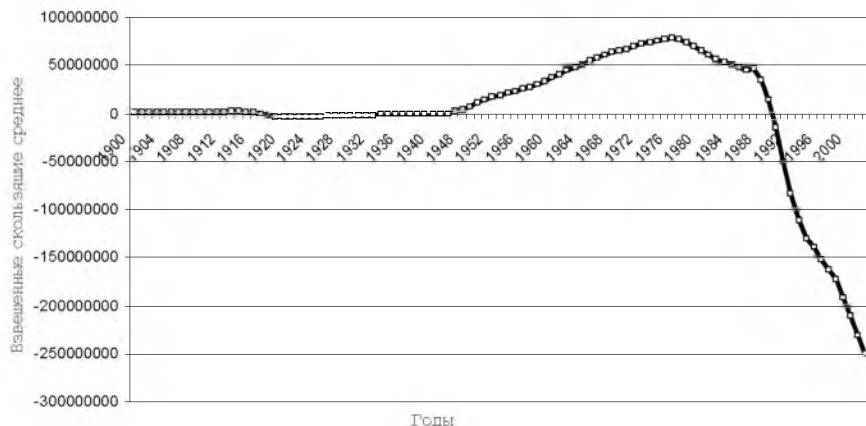

Рис. 1. Производство стали в России (1900 – 2002 гг.)

металлургической промышленности. Это проявилось в том, что до 50-х гг. XX в. реакция на циклические колебания не была масштабной и глубокой. Лишь с 50-х гг. амплитуда колебаний увеличивается. Необходимо отметить, что на микроуровне происходили аналогичные процессы (рис. 2). И так же как и на уровне страны в развитии отрасли на микроуровне до середины XX в. волновые колебания имели менее выраженный характер, а затем они проявлялись более четко, что выражается в увеличении амплитуды колебаний.

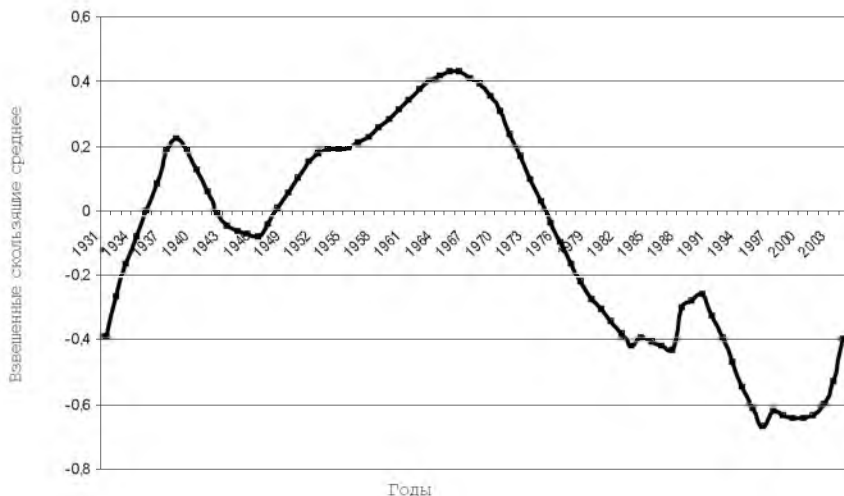

Рис. 2. Производство стали на Выксунском металлургическом заводе (1931 – 2003 гг.)

Таким образом, с усилением рыночности экономики СССР в ней нарастали циклические характеристики. Волнообразные процессы в советской экономике набирали силу по мере развития рыночных отношений и расширения участия России в международном разделении труда.

Примечания

¹ См.: Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 59.

² См.: Коротаевский А. Г. Практическое руководство по исследованию экономических процессов на базе «ЭКМ-1»: Учеб. пособие / А. Г. Коротаевский, И. А. Иванова. Саранск, 2004.